

ТИМОТИ КЕЛЛЕР

ПРОГУЛКИ С БОГОМ

ОТ
ГОРЯ
К
РАДОСТИ

преодолеть боль,
стать радостнее,
сильнее
и мудрее

REDEEMER

TIMOTHY KELLER

Walking with God
through
Pain and Suffering

DUTTON

ТИМОТИ КЕЛЛЕР

ПРОГУЛКИ
С БОГОМ

ОТ
ГОРЯ
К
РАДОСТИ

Москва
2019

УДК 27
ББК 86.37
К34

Timothy Keller
WALKING WITH GOD THROUGH PAIN AND SUFFERING

Перевод с английского *Александры Шибалиной*

Оформление переплета *Петра Петрова*

Келлер, Тимоти.

К34 Прогулки с Богом. От горя к радости / Тимоти Келлер ;
[пер. с англ. А. В. Шибалиной]. — Москва : Эксмо, 2019. —
512 с. — (Религиозный бестселлер).

ISBN 978-5-699-73668-3

«Прогулки с Богом» — руководство по счастливой жизни, источник вдохновения и поддержки для думающих и равнодушных, написанное одним из самых популярных современных христианских писателей. Центральная тема книги — страдание и способы пережить все тяготы и невзгоды, свалившиеся на человека, будь то потеря работы, развод, разорение, утрата близкого. Тимоти Келлер обращается и к современным исследованиям человеческой психики и природы, и к своему богатейшему жизненному опыту, и к великим темам Библии, чтобы рассказать о самых действенных принципах перехода от горя к радости в своей жизни. Эта книга о том, как управлять собой в трудных жизненных ситуациях, выбирая правильные ориентиры. Мы можем победить зло, преодолеть боль, стать радостнее, сильнее и мудрее и тогда, когда кажется, что все кончилось, что выхода нет, что полная безысходность.

УДК 27
ББК 86.37

© 2013 by Timothy Keller
© Шибалина А. В., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-699-73668-3

ВВЕДЕНИЕ. ГУЛ ПАНИКИ ПОВСЮДУ	11
Услышат страждущие и возвеселятся.....	15
Пещь огненная и планы на эту книгу	20
 ЧАСТЬ I. ЧТО ТАКОЕ ПЕЩЬ	25
 1. Культуры страдания	27
Подготовка к страданию	27
Извлекаем уроки из своих несчастий	34
Наши несчастья — наше преткновение.....	39
Жертвы собственных несчастий	44
Возмущение собственными несчастьями	48
Христианство в разных культурах	51
История из жизни: сказка со счастливым концом. Автор: Эмили.....	57
 2. Победа христианства.....	62
Философия: «Спасай собственную шкуру».....	63
Спасение через разум.....	66
Подчинение судьбе, отстранение от мира.....	69
Больше надежды	74
И больше места для горя.....	78
Победа христианства	81
Реформация страдания Лютером.....	85
Теология креста.....	88
Расцвет «имманентной схемы»	93
Природное зло и Лиссабонское землетрясение	96
Остаточное христианство и проблема зла.....	99
История из жизни: Конец еще не написан. Автор: Тесс	105

3. Вызов мирскому	109
Где были гуманисты?	110
Атеизм — благо?	113
Страдание и обращение к духовному	120
Падение мирского.....	125
За гранью самого себя	128
Другая история.....	132
Призыв к смирению	134
История из жизни: Красивые и глубокие шрамы. Автор: Кендра	137
4. Проблема зла.....	143
Контекст проблемы зла.....	143
Аргумент(ы) от зла против Бога.....	147
«Совершенствование души» и страдания.....	150
Бог, свобода и зло	152
Проблема любой теодицеи	160
Логический аргумент и Возражение «Я не видел — значит, нет»	164
Эвиденциальный аргумент и Эффект бабочки	169
Внутренний аргумент от зла	172
Эффект бумеранга.....	175
История из жизни: Надежда во Христе. Автор: Мэри	182
ЧАСТЬ II. ПОСРЕДИ ПЕЩИ.....	185
5. Вызов вере	187
Ответы для сердца.....	187
Обновление мира	191
Раны Бога.....	196
Свет во тьме	201
История жизни: Прощение. Автор: Джорджиана	204

6. Божие владычество	211
Страдание как правосудие и кара	212
Страдание как несправедливость и тайна	215
Страдание как враг Бога	220
Страдание, справедливость и мудрость	224
Владычество Бога	226
Планы Божьи и наши планы	230
История жизни: Зависимость от Бога.	
Авторы: Расс и Сью	234
7. Страдания Бога	238
Страдания Бога-Сына	242
Страдающий Владыка	245
Окончательное поражение зла	249
Не будет больше слез	255
История жизни: Кольцо. Автор: Энди	257
8. Причина страданий	261
О пользе страдания	262
Прославлять Бога	267
Бог Славы	269
Не сотвори себе кумира	272
Прославление Бога перед другими	279
Прославление Бога без свидетелей	284
Страдание и слава	288
История жизни: Канва страдания.	
Автор: Гиги	289
9. Учимся идти	295
А наша слава?	295
Продуктивные страдания	298
Как Бог использует страдание	302
Божий гимнастический зал	306
Подготовка разума к страданию	310
Подготовка сердца к страданию	314
История жизни: Сладость жизни с Богом.	
Авторы: Марк и Марта	320

10. Виды страдания	323
Разнообразие страдания.....	324
Иона, Давид и произвольные страдания	326
Павел, Иеремия и страдание предательства	329
Мария, Марфа и страдание утраты	331
Иов и страдание-тайна	332
Разница в характере.....	334
Разнообразие путей	340
История из жизни: Покорность — не поражение. Автор: Глория.....	346
 ЧАСТЬ III. С БОГОМ ЧЕРЕЗ ПЕЩЬ ОГНЕННУЮ	349
 11. Путь	351
С Богом в страдании	352
Трое в печи	357
Четверо в печи.....	361
Уроки печи.....	365
Как идти с Богом	367
История жизни: Золото. Автор: Мэри Джейн	369
 12. Плач.....	373
Исчезновение плача	373
Трости надломленной не переломит	376
Плач во тьме	382
Тьма Иисусова	387
Скорбь и радость	389
 13. Доверие	394
История Иосифа	395
Сокрытый Бог	400
Доверие сокрытому Богу.....	404
Все сходится	407
Иосиф в абсолюте.....	411
 14. Молитва	414
Уникальность Иова	414

Мой раб Иов	416
Превращение в «свободных приверженцев»	
Бога	419
Бог и зло	421
Речи Иова и его друзей	423
Господь приходит — и Иов жив.....	428
Господь не дает ответа — и дает.....	431
Господь — Бог, а ты — нет	434
Иов прав — а ты нет	438
И снова «Мой слуга Иов».....	444
Другой безвинно пострадавший	445
15. Мысль, благодарение, любовь	448
Мир превыше ума	449
Дисциплина мысли	453
Дисциплина благодарения	459
Дисциплина переупорядочения нашей любви... ..	461
Перераспределение славы	465
Ужасный прекрасный процесс	470
Тайна мира	472
16. Надежда	476
ЭПИЛОГ.....	485
БЛАГОДАРНОСТЬ	490
ОБ АВТОРЕ	491
УКАЗАТЕЛЬ БИБЛЕЙСКИХ ССЫЛОК	492
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	503
УКАЗАТЕЛЬ ТЕМ	508

МОЕЙ СЕСТРЕ ШЕРОН ДЖОНСОН, УПОРНОЙ И
РАДОСТНОЙ КАК НИКТО, НАУЧИВШЕЙ МЕНЯ
ТОМУ, КАК НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ, СПРАВЛЯТЬСЯ
СО СКОРБЬЮ И ВЕРИТЬ БОГУ

Введение

Гул паники повсюду

Думаю, воспринимать жизнь всерьез означает примерно следующее: чем бы человек ни занимался на нашей планете, это нужно делать, продаваясь через истинный ужас создания, слушая сопровождающий нас гул паники. В противном случае все — ложь¹.

Эрнест Беккер. Отрицание смерти

Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих. Господом будет хвалиться душа моя; услышат кроткие и возвеселятся. Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе².

Пс. 33:2–4

Страдание повсюду, оно неизбежно, и тяжесть его часто представляется невыносимой. За час, который вы, возможно, решите уделить этой книге, пятеро детей, а то и больше, станут жертвой насилия³. Решите уделить чтению весь день — за этот день смерть заберет более сотни детей. Но, естественно, это всего лишь одна из бесчисленных форм и видов страдания. Тысячи людей

¹ Ernest Becker, *The Denial of Death* (Free Press, 1973), pp. 283–284.

² Здесь и далее использован Синодальный перевод. — Прим. ред.

³ Согласно данным ВОЗ, приведенным в The Independent, <http://www.independent.co.uk/news/world/politics/un-report-uncovers-global-child-abuse-419700.html>.

погибают в автокатастрофах и умирают от рака каждый час. Сотни тысяч узнают, что их любимые внезапно ушли. Эти числа сравнимы с населением небольшого города — каждый день жители исчезают с лица земли, и в результате семьи и друзья остаются с ощущением пустоты.

Когда огромное количество смертей происходит по причине одного серьезного события — например, вследствие циклона Бхола в Бангладеш в 1970 году, цунами в Индийском океане в 2004 или землетрясения на Гаити в 2010 — каждое из них унесло 300 000 жизней, эти ситуации порождают всплеск заголовков по всему миру, и это разрушающее событие шокирует всех. Но статистика обманчива. Подобные исторические катастрофы на самом деле не влияют на уровень страдания. Десятки тысяч людей умирают ежедневно из-за непредвиденных трагедий. Сотни тысяч окружающих страдают от горя и пребывают в беспомощном состоянии. Большая часть этих смертей не ведет к появлению заголовков в СМИ, поскольку боль и мучение в нашем мире являются нормой.

Когда Шекспир писал следующие строки, он это осознавал:

Что ни утро,

Вновь — вдовий стон, вновь — крик сирот, вновь скорби
Бьют небо по лицу⁴.

Зло и страдание пронизывают жизнь, и когда мы слышим очередную статистику, мы практически на нее не реагируем. Но мы должны реагировать. Автор Эрнест Беккер говорит об опасности отрицания горя

⁴ У. Шекспир. Макбет. Акт IV, сцена 3, слова Макдуфа. Пер. с англ.: М. Лозинский.

в жизни и случайного характера страдания. Когда мы слышим о трагедии, в нас срабатывает глубоко скрытый психологический защитный механизм. Мы думаем, что подобное случается с другими — с нищими или с людьми, которые не заботятся о собственной безопасности. Или же мы убеждаем себя, что если только сможем посадить в правительство подходящих людей и направить нашу социальную систему в нужное русло, то подобного больше не случится.

ЗЛО И СТРАДАНИЕ ПРОНИЗЫВАЮТ ЖИЗНЬ, И КОГДА МЫ СЛЫШИМ ОБ ОЧЕРЕДНОЙ ТРАГЕДИИ, МЫ ПРАКТИЧЕСКИ НА НЕЕ НЕ РЕАГИРУЕМ.

Но Беккер верил, что такое мышление не позволяет «воспринимать жизнь всерьез» или признавать существование «истинного ужаса создания... гула паники, сопровождающего нас»⁵. Эта паника — страх смерти. Смерть абсолютно непредсказуема и неумолима.

Та же идея представлена в статье *The New York Times Magazine*, написанной во времена дела, получившего название «Снайпер с шоссе Белтвей». Он стрелял в людей в районе Вашингтона (округ Колумбия), и казалось, он делает это бессистемно, не обращая внимания на расу и возраст. Энн Патчетт писала:

Мы всегда пытаемся придать какой-то смысл убийству, чтобы оно не касалось нас самих: я не отвечаю описанию; я не живу в этом городе; я бы никак не оказался в этом месте, я бы не знал этого человека. Но что делать, если нет описания, нет места, нет человека? Где искать душевное спокойствие?

⁵ Becker, *Denial of Death*, pp. 283–284.

Дело в том, что отсрочка собственной смерти — это один из излюбленных нашим народом способов провести время. Будь то физические упражнения, проверка уровня холестерина или маммография, мы всегда ограждаем себя от смерти. Мы смотрим на стандарт и ищем, в чем мы ему не соответствуем. Но снайпер, производящий четкий выстрел, не в толпу, но через прицел — это ужасное напоминание о гибели. Однако, что бы мы ни делали для предотвращения смерти, она по большей части случайна.

И совершенно точно произойдет⁶.

Патчетт и Беккер показывают нам стандартные способы игнорирования гула паники. Эта книга — попытка сделать то, к чему они призывают: воспринимать жизнь всерьез. Я хочу помочь читателям жить хорошо — даже радостно — на фоне страшной реальности. Потеря близких, серьезные и смертельные болезни, предательство близких, финансовые неудачи и нравственные провалы — все это в конце концов настигнет вас, если проживете столько, сколько отведено обычному человеку. Не застрахован никто.

Таким образом, никакие попытки обезопасить себя, построить качественную жизнь, никакие попытки быть здоровым, богатым, чувствовать себя уютно среди друзей и в семейном кругу и быть успешным на работе не ограждают нас от того, что все обязательно сойдет на нет. Никакие деньги, никакая власть и планирование не могут предотвратить тяжелые утраты и болезни, финансовые катастрофы и

⁶ Ann Patchett, "Scared Senseless," *The New York Times Magazine*, October, 20, 2002.

массу других проблем. Человеческая жизнь хрупка, и смерть неминуема. Наша жизнь подвластна силам, которые мы не можем контролировать. Жизнь трагична.

Все мы знаем об этом на уровне интуиции, и те, кто сталкивается с проблемой страдания и боли, прекрасно понимают, что невозможно их преодолеть посредством исключительно собственных усилий. Нам всем необходима поддержка, иначе мы впадем в отчаяние. И в этой книге мы докажем, что эта поддержка непременно должна быть духовной.

Услышат страждущие и возвеселятся

В день нашей свадьбы мы с Кэти произносили клятвы верности в присутствии наших друзей и семей. К традиционным словам мы добавили строки из Писания (Пс. 33:2–4), которые процитированы на внутренней стороне наших обручальных колец.

Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих.

Господом будет хвалиться душа моя; услышат кроткие и возвеселятся.

Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе.

Произнесение клятв — головокружительный опыт, и возвышенный характер этих строк только придал значимости моменту. Мы вместе начинали жизнь христианского служения и не могли дождаться, когда сможем бесстрашно знакомить мир

с Богом, Которого знаем мы. Однако в ту минуту мы почти полностью проигнорировали слова в середине отрывка. Определение успеха служения, данное в этом тексте, звучит так: «Услышат кроткие и возвеселятся». Позже Кэти отчасти объяснила, почему эта фраза не дошла до нас тогда: «В том возрасте ни один из нас не испытывал большей боли, чем от вросшего ногтя». Мы были молоды, а спесь юности не представляет себе страдания и боли. Мы не понимали, как важно помочь людям принять скорбь и встретить ее лицом к лицу, и как важно это для нас самих.

Когда я стал пастырем, я пытался понять, почему столько людей сопротивляется Богу и отрицает Его существование. Вскоре я осознал, что, возможно, основной причиной являются скорбь и страдание. Как может добрый Бог, справедливый Бог, любящий Бог допускать мучения, грех, боль и страдания? Сомнения рационального характера растут одновременно с болью в сердце. Часто, когда я общался со страждущими, мне приходилось без всякой подготовки отвечать на яростные возражения, направленные против христианской веры и самого существования Бога. Несколько лет назад одна голливудская актриса давала интервью после несчастного случая — внезапной гибели своего любимого. До этого она долго жила, не думая о Боге и никак не соприкасаясь с Ним, но когда это случилось, она спросила: «Как мог любящий Бог такое допустить?» Ее безразличное отношение к Богу моментально превратилось в злость⁷. Именно подобный опыт привел огромное количество мыслителей к идее, которую писатель Стендаль (Мари-Анри

⁷ Reported by Philip Yancey, *Where Is God When It Hurts?* (Zondervan, 2002), p. 77.

Бейль) выразил так: «Бога извиняет лишь то, что Его нет»⁸.

Однако в то же самое время выясняется, что столько же людей находят Бога благодаря скорби и страданиям. Они осознают, что несчастья скорее приближают их к Богу, чем отдаляют от Него. Беспкойные времена пробуждают их от тревожного сна духовной самодостаточности и заставляют всерьез искать божественную силу. Страдание «водружает знамя истины в крепости мятежной души»⁹. Было бы преувеличением утверждать, что никто не может найти Бога не страдая, но преувеличением небольшим.

Множество людей находят Бога благодаря скорби и страданиям. Они осознают, что несчастья скорее приближают их к Богу, чем отдаляют от Него.

Когда боль и страдание настигают нас, мы наконец-то понимаем не только то, что жизнь не находится под нашим контролем, но и то, что мы никогда ею не управляли.

Со временем я также понял, что несчастья не просто приводят людей к вере в Бога. Они позволяют уже верующим испытать более глубокий опыт реального Бога, Его любви и благодати. Один из основных путей перехода от абстрактного знания о Боге к личной встрече с Ним живущим — через огненную пещь страдания. Знаменитая фраза К. С. Льюиса гласит: «Бог шепчет нам посреди наших удовольствий, вслух говорит с нашей совестью, но Он кричит в нашей боли»¹⁰. Верующие понимают истину многих

⁸ Robert Andrews, *The Concise Columbia Dictionary of Quotations* (Columbia University Press, 1989), p. 125.

⁹ К. С. Льюис. Боль. Пер. с англ.: А. Цветков.

¹⁰ Ibid.

доктрин умом, но эти истины редко доходят до их сердец — только через разочарование, неудачи и потери. Как мне однажды сказал человек, который вот-вот потеряет и карьеру, и семью: «В принципе я всегда знал, что Иисус — это все, что тебе нужно, чтобы выжить. Но на самом деле ты до конца не понимаешь, что Иисус — это все, что тебе нужно. Ты понимаешь это, только когда Иисус — это все, что у тебя есть».

Наконец, когда я стал больше понимать саму Библию, я осознал, что реальность страдания — одна из ее главных тем. Книга Бытия начинается с рассказа о том, как зло и смерть пришли в мир. Книга Исход повествует о сорокалетнем скитании Израиля, о времени серьезных испытаний и искушений. Значительная часть учительных книг Ветхого Завета посвящена проблеме страдания. В Псалтири есть молитвы для абсолютно любой жизненной ситуации, и просто поразительно, сколько в ней криков боли и прямых вопросов Богу касаясь кажущейся случайности и несправедливости страдания. В 43-м псалме автор смотрит на свою опустошенную страну и вопиет: «Восстань, что спишь, Господи! пробудись, не отринь навсегда. Для чего скрываешь лице Твое, забываешь скорбь нашу и угнетение наше?» (Пс. 44:24–25). Книги Иова и Екклесиаста почти полностью посвящены глубокому размышлению на тему несправедливого страдания и обескураживающей бессмысленности, в равной степени присущих жизни. Пророки Иеремия и Аввакум находят очень резкие слова для выражения человеческого протеста — мысли о том, что зло творит историю. Книги Нового Завета, такие как Послание к Евреям и Первое послание Петра, почти полностью говорят о необходимости помогать всем, сталкивающимся с

неослабевающим горем и несчастьями. И над всем этим возвышается центральная личность всего Писания — Иисус Христос, Человек-страдание. Таким образом, в Библии не меньше говорится о страдании, чем о других темах.

Мы с Кэти оказались лицом к лицу с собственной скорбью, что было неизбежно. В 2002 году у меня обнаружили рак щитовидной железы, и мне пришлось перенести операцию и пройти лечение. Примерно в то же время у Кэти обострилась болезнь Крона, и она претерпела многочисленные операции в течение нескольких лет — в один год ее прооперировали семь раз. В какой-то момент я обнаружил, что стою перед возможным отказом от пастырского служения из-за хронической болезни жены. Это было мучительно. Более тяжелых времен мы еще не переживали. И мы точно знаем, из Писания и по опыту, что нас ждут еще более тяжелые времена. Но в то же время нас ждет такая радость, которую сейчас мы не можем себе представить.

Оглядываясь на свою жизнь, мы с Кэти поняли следующее: именно в страдании кроется причина веры в Бога *или* безверия, деградации *или* развития, реальности *или* эфемерности Бога. И когда мы обратились к Библии, чтобы объяснить эту глубокую схему, мы осознали, что величайшая тема самой Библии — это Бог, Который привносит радость в жизнь человека не просто вопреки страданию, но *посредством* его. Точно так же Иисус спас нас не вопреки своим страданиям на кресте, но *благодаря* им. Поэтому существует особая, глубокая радость, трогающая нас до глубины души, появляющаяся, кажется, только через страдания.

Данная книга содержит то, что мы познали по истечении многих лет служения «страждущим». Симона

Вейль пишет: в страдании нам «кажется, что Бог не с нами». Она права. Но в 33-м псалме Давид возражает: хотя нам и кажется, что Бог не с нами, это не говорит о нашей правоте. Оглядываясь на те дни, когда он был в смертельной опасности, когда казалось, все пропало, Давид делает вывод: «Близко Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет» (Пс. 33:18).

По опыту собственной жизни мы это осознали, и поэтому я пишу данную книгу.

Пещь огненная и планы на эту книгу

Итак, эта книга — для страждущих? Да, но нам необходимо кое-что уточнить. Мы все страдаем или будем страдать. Но не все мы в настоящий момент испытываем сильную боль и скорбь. Те, кто их не чувствует, но замечает их в других, будут задаваться тьмой философских, социальных, психологических и этических вопросов по этому поводу. С другой стороны, те, кто находится в тисках боли и трудностей *сейчас*, не смогут воспринимать эту тему как философы. Не просто в одной книге дать ответы на вопросы тех, кто не страдает, и на борьбу тех, кто страдает. Хотя пораженный горем человек может выкрикивать философские вопросы: «Почему ты такое допускаешь, Боже?» — на самом деле он обеспокоен тем, чтобы выжить. Как пережить страдание? Как его перенести, не потеряв лучшее в себе? Разговаривать как отчужденный философ с человеком, который по-настоящему мучается, просто жестоко. В то же время опыт боли почти неизбежно приводит к «боль-

шим вопросам» о Боге и природе тех вещей, которые нельзя игнорировать.

Когда я читал книги о зле и страдании, мне стало ясно, что в большинстве из них данная тема рассматривается в основном только с одной точки зрения. Многие книги имели философский уклон, они взвешивали «проблему зла» и то, делает ли она существование Бога более или менее реальным или христианство — более или менее правдоподобным. Другие подходили к вопросу как богословы, собирая все библейские темы и учения о боли и страдании и изучая саму их суть. Наконец, во многих книгах присутствовал благочестивый настрой — набор размышлений в помощь по-настоящему страждущим. Еще я прочел ряд статей и книг, которые имели исторический и антропологический уклон и исследовали то, как разные культуры помогают своим народам справиться с проблемами и испытаниями. Чем больше я читал, тем яснее становилось, что эти разные способы видения вопроса дополняют друг друга и любая попытка придерживаться одной-единственной точки зрения оставляет слишком много вопросов нерешенными.

Итак, я разделил книгу на три части, в каждой из которых рассматривается данная проблема, но используются разные инструменты. Объединяет их центральный образ страдания как *пещи огненной*. Это ярчайшая библейская метафора. Конечно же, огонь — это широко известный образ пыток и боли. Об испытаниях и несчастьях в Библии говорится: «пойдешь ли через огонь» (Ис. 43:2); их также называют «огненным искушением» (1 Пет. 4:12). Но в ней проводится и параллель с огненной *пещью* (1 Пет. 1:6–7). Библейское понимание печи больше того, что мы называем «кузницей». Любой предмет,

создающий подобный уровень жара, конечно, очень опасный и мощный. Однако если использовать его правильно, то он не уничтожает. Если знать, как работать с предметами в печи, им можно придать форму, можно совершенствовать, очищать и даже делать красивее. Это замечательное отношение к страданию — и, если его принимать и переносить с верой, оно в итоге только сделает нас лучше, сильнее и придаст нам больше силы и радости. Получается, страдание может обратить зло против самого себя. Оно может уничтожить разрушительные силы зла и превратить тьму и смерть в свет и жизнь.

В первой части книги мы рассмотрим «печь» как феномен человеческого страдания извне; и то, как та или иная культура, религия и историческая эпоха пытались помочь людям принять страдание и пережить его. Мы также изучим классическую философскую «проблему зла» и возможные варианты решения. Поскольку первая часть книги исследует большое количество гуманитарных наук, характер повествования неизбежно будет более теоретическим. Для понимания картины в целом это абсолютно необходимо, но, признаться, может показаться слишком абстрактным для человека, которого постигло несчастье.

Во второй части книги мы отступаем от теоретических вопросов и начинаем систематизировать все то, что Библия говорит о характере страдания. В этом разделе начинается путь от философии к личности. В общем-то, можно сказать, что Библия учит нас ходить, шаг за шагом, как родитель учит ходить своего малыша. Библия призывает нас к тому, чтобы мы крепко стояли на ногах, когда нас окружают бедствия, и чтобы это получилось, мы должны понимать ее учение о страдании. Замечателен сбалансированный, всеобъемлющий и реали-

стичный характер этого учения. Поразительно, насколько оно обнадеживает. Оно помогает не думать, что мы можем уйти из печи (избежать ее), или быстро пробежать через нее (отрицать ее), или просто лечь, утратив надежду (прийти в отчаяние).

Наконец, третья часть книги представляет наиболее практический материал. Библия не считает путь через «пещь несчастий» вопросом техники. Страдание скорее делает нас лучше, чем уничтожает, поскольку Бог Сам проходит с нами через огонь. Но как нам действительно идти с Богом в такое время? Как нам обратить себя к Нему, чтобы страдание изменило нас к лучшему, а не к худшему? Каждая глава основана на одной центральной стратегии, направленной на соединение с Богом в печи боли и страдания. Их не стоит воспринимать как отдельные «шаги», которым нужно следовать по порядку, скорее, как различные грани или аспекты единого действия, направленного на познание Бога, говорящего: «Будешь ли переходить через воды... пойдешь ли через огонь... Я с тобою» (Ис. 43:2).

Если вы сейчас столкнулись с самыми тяжелыми несчастьями, возможно, вам стоит прочитать сначала вторую и третью часть книги. Там вы найдете поразительное количество способов пережить страдание, и все они очень разные — иногда кажется, будто противоречащие друг другу. Библия — гениальный источник для страждущих в том числе потому, что ее подход обширный и многогранный. Она признает огромное разнообразие форм, причин и верной реакции на страдание. Чтобы показать множество возможных человеческих реакций на страдание, в конце многих глав я поместил истории, рассказанные теми, кто столкнулся со страданием и прошел через него с Богом. Эти истории одновременно вдохновляют

и отражают реальность. Библия не дает обещания, что страдание получит объяснение или приведет к «счастливому концу». Но эти истории показывают, как верующие люди справляются с различными типами страдания и проходят через эту печь с помощью Божьей. Эти истории напоминают нам о необходимости осознать присутствие Бога в худшем состоянии.

Возможно, в самом ярком описании страдания в Библии, в третьей главе книги Даниила, трое верных брошены в печь, в которой должны умереть. Но рядом с ними появляется загадочная фигура. Пораженные наблюдатели различают не троих, но четверых в печи, и один из них подобен «сыну Божию». Итак, они проходят через печь страдания, и огонь не пожирает их. С точки зрения Нового Завета, христиане знают, что четвертым был Сын Божий — Тот, Которому по прошествии веков предстояло пройти через собственную, гораздо более глубокую печь скорби, когда он пошел на крестную смерть. Вследствие этого понятие Бога, «идущего с нами», осознается на совершенно ином уровне. Иисус Христос показывает нам, что Бог в действительности переживает боль огня так же, как и мы. Он истинно Бог, Который с нами, любящий и понимающий, и сострадающий нам.

Он бросился в нашу печь, чтобы, когда мы окажемся в огне, мы повернулись к Нему в уверенности, что огонь не поглотит нас, но сделает из нас прекрасных и возвышенных людей. «Я буду с тобою, скорбь благословив, и в тяжелой болезни тебя освятив»¹¹.

¹¹ "How Firm a Foundation," гимн Джона Риппона, 1787.

часть I

Что такое пещь

Культуры страдания

«В чем смысл?» — спросил меня отец, умирая.

Подготовка к страданию

Такое ощущение, будто страдание уничтожает столько вещей, придающих жизни смысл, и кажется, невозможно больше бороться. В последние недели жизни мой отец одновременно перенес огромное количество мучительных болезней, приведших к смерти. У него была застойная сердечная недостаточность и три вида рака. При этом его беспокоили желчный пузырь, эмфизема и острый ишиас. Как-то он спросил друга: «В чем смысл?» Он был очень болен, чтобы делать свою жизнь осмысленной — так ради чего жить? На похоронах его друг рассказал нам, что ненавязчиво напомнил отцу некоторые основные темы Библии. Если Бог сохраняет ему жизнь в этом мире, значит, ему все еще есть что сделать для окружающих. Иисус терпеливо переносил еще большие страдания ради нас, чтобы мы могли переносить меньшее страдание ради Него. В раю всем воздастся. Эта краткая речь, высказанная с глубоким и искренним выражением сострадания, вернула моего отца к христианским убеждениям, которые были его духовной частью столько лет. Она возродила его душу к принятию последних дней.

Мы долго будем говорить об этих христианских источниках, но сейчас необходимо понять только одно: нет ничего важнее, чем научиться жить осмысленно среди мучительных несчастий.

Культура помогает своим представителям, среди прочего, переносить зло и несчастия во всей их жестокости — и это одна из основных ее функций. Со-

ИИСУС ТЕРПЕЛИВО ПЕРЕНОСИЛ
ЕЩЕ БОЛЬШИЕ СТРАДАНИЯ РА-
ДИ НАС, ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ ПЕ-
РЕНОСИТЬ МЕНЬШЕЕ СТРАДА-
НИЕ РАДИ НЕГО.

циальный теоретик Макс Шелер пишет: «Существенной частью учения и установок великих религиозных мыслителей и философов всего мира является *смысл боли и страдания*». Шелер

утверждает, что каждое общество выбрало некий вариант этого учения, чтобы предоставить своим членам «указания... для правильного отношения к страданию, научить их страдать [или сместить страдание в иную плоскость]»¹². Социологи и антропологи анализируют и сравнивают то, как культуры подготавливают своих представителей к перенесению горя, боли и потерь. И после этого сравнения часто оказывается, что наш современник — мирская западная культура — в этом плане является одной из слабейших и безуспешных в истории.

Жизнь всех людей обусловлена «внутренним желанием видеть мир как осмысленный космос и иметь свое отношение к нему»¹³. И страдания это тоже касается. Антрополог Ричард Шведер пишет:

¹² Max Scheler, "The Meaning of Suffering". *On Feeling, Knowing, and Valuing: Selected Writings*, ed. H. J. Bershad (University of Chicago Press, 1992), p. 98.

¹³ Слова социолога-новатора Макса Вебера. Источник английского перевода: Christina Simko, «The Rhetorics of Suffering».

«Люди, очевидно, хотят извлекать уроки из своих несчастий»¹⁴. Социолог Питер Бергер пишет, что каждая культура «дает объяснение событиям, связанным с человеческим фактором, чтобы сделать осмысленным опыт страдания и зла»¹⁵. Заметьте: Бергер не утверждает, что людей учат тому, что страдание само по себе полезно или имеет смысл. (Попытки совершались в разные эпохи, но эксперты по праву называют эти подходы формами философского мазохизма.) Бергер скорее говорит о другом: людям важно видеть, что *опыт* страдания необязательно проходит безрезультатно; несмотря на причиненную боль, он способствует качественной и осмысленной жизни.

American Sociological Review 7 (6), p. 882. По изданию: Weber, *The Sociology of Religion*, trans. Ephraim Fischhoff (Beacon Press, 1963), pp. 138ff (chapter IX, "Theodicy, Salvation, and Rebirth").

¹⁴ Richard A. Shweder, Nancy C. Much, Manamohan Mahapatra и Lawrence Park. "The 'Big Three' of Morality (Autonomy, Community, Divinity) and the 'Big Three' Explanations of Suffering", *Why Do Men Barbecue? Recipes for Cultural Psychology*, ed. Richard A. Shweder (Harvard University Press, 2003), p. 74.

¹⁵ Peter Berger, Brigitte Berger и Hansfried Kellner, *The Homeless Mind: Modernization and Consciousness* (Vintage, 1974), p. 185. В этой работе и в книге *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* (Anchor, 1967) Бергер вторит Максу Веберу и использует слово «теодицея» для описания данного свойства любого общества или культуры — а именно то, что страданию придается смысл ради страждущих. Однако этот термин был придуман философом Готфридом Лейбницем и означал «оправдание действий Бога вслед за трагедией». «Теодицея» традиционно означает защиту реальности Бога в свете аргумента о том, что зло и страдания доказывают невозможность Его существования. — Peter van Inwagen, *The Problem of Evil: The Gifford Lectures Delivered in the University of St Andrews in 2003* (Oxford University Press, 2006), pp. 6–7. Думаю, лучше использовать это слово в оригинальном, более богословском значении, придаваемом ему Лейбницем, нежели так, как это делает Бергер.

Вследствие упомянутого глубокого «внутреннего желания», если культура не помогает своим народам переносить страдания, она рискует своей репутацией. Когда объяснение вовсе отсутствует — когда страдание воспринимается как бессмысленное, абсолютно бесполезное и неизбежное, — у его жертв может появиться глубокая неугасающая злоба и ядовитая ненависть, которую Фридрих Ницше, Макс Вебер и другие называли *ресентимент*¹⁶. Этот *ресентимент* может привести к серьезной социальной нестабильности. Таким образом, говоря социологическим языком, каждое общество должно предоставить «дискурс», благодаря которому его члены придают смысл страданию. Этот дискурс включает некоторое понимание причин боли, а также надлежащих реакций на нее. И этот дискурс позволяет обществу подготовить своих людей к борьбе, являющейся частью жизни в этом мире.

Однако не каждое общество одинаково успешно решает эту проблему. Наш современник, западное общество, не дает своим членам объяснения страдания и практически не учит их справляться с ним. Всего через несколько дней после стрельбы в школе Ньютауна, 25 декабря 2012 года, Морин Дауд назвала свою колонку в *New York Times* «Боже, почему?» и опубликовала ответ католического священника на это кровопролитие¹⁷.

Почти сразу появились сотни комментариев на советы колонки. Большинство было несогласно. Однако, что характерно, несогласно совершенно по-разному. Некоторые предлагали взамен идею кармы:

¹⁶ Simko, "Rhetorics," p. 884.

¹⁷ Maureen Dowd, "Why, God?" *The New York Times*, December 25, 2012.

страдание настоящего — это плата за грехи прошлой жизни. Другие говорили об иллюзорной природе материального мира — идеи буддизма. Остальные же разделяли традиционную христианскую точку зрения, что рай — это место воссоединения с любимыми людьми, он послужит утешением за страдание на земле. Некоторые напоминали о том, что страдание делает человека сильнее, неявным образом отражая мысли стойков и языческих мыслителей классической греко-римской эпохи. Другие добавляли, что поскольку этот мир — всё, что у нас есть, любое обращение к «духовному» утешению ослабляет надлежащую реакцию на страдание, а именно действие, уничтожающее факторы, явившиеся его причиной. Единственная верная реакция на страдание с этой позиции — сделать мир лучше.

Ответы на колонку свидетельствовали о том, что наша собственная культура почти не обеспечивает людей инструментами для преодоления трагедии. Для принятия этой мрачной ситуации комментаторам приходилось обращаться ко многим другим культурам и религиям — индуизму, буддизму, конфуцианству, классической греческой и христианской. Людям приходилось самим заботиться о себе.

В конечном итоге сегодня мы, по сравнению с нашими предками, находимся в более потрясенном и разрушенном состоянии вследствие страдания. В средневековой Европе примерно один из пяти младенцев умирал до своего первого дня рождения, и только половина всех детей доживала до десяти лет¹⁸. Среднестатистическая семья погребала половину своих

¹⁸ Ronald K. Rittgers, *The Reformation of Suffering: Pastoral Theology and Lay Piety in Late Medieval and Early Modern Germany* (Oxford University Press, 2012), p. 4.

детей, когда те еще были маленькими; и эти дети умирали дома, где за ними присматривали, где их любили. Жизнь наших предков была полна страданий. И в то же время у нас есть многочисленные дневники, журналы и исторические документы, показывающие, насколько лучше нас они справлялись с этими невзгодами и с этим горем. Один знаток истории древней Северной Европы отмечал, что люди, жившие пятьсот лет назад, гораздо легче относились к потерям, жестокости, страданиям и смерти, чем современные читатели¹⁹. Другой говорил, что мы ошеломлены беспощадностью наших предков в той же степени, в какой они были бы шокированы нашей «уступчивостью, суетностью и робостью»²⁰, если бы увидели нас.

В этом смысле мы не только хуже предыдущих поколений — мы слабее многих людей в других уголках мира сегодня. Доктор Пол Бранд, ведущий хирург-ортопед, занимающийся лечением больных проказой, провел первую часть своей медицинской карьеры в Индии, а последнюю — в Соединенных Штатах. Он писал: «В Соединенных Штатах я столкнулся с обществом, которое пытается избежать боли любой ценой. Пациенты жили с большим уровнем комфорта, чем те, кого я раньше лечил, но, похоже, они были гораздо менее способны справляться со страданием. И были гораздо более им травмированы»²¹. Почему?

Короткое объяснение: другие культуры предлагали своим представителям различные ответы на во-

¹⁹ Tom Shippey, *The Road to Middle-Earth* (Houghton Mifflin, 2003), p. 78.

²⁰ К. С. Льюис. Боль. Пер. с англ.: А. Цветков.

²¹ Dr. Paul Brand, Philip Yancey, *The Gift of Pain* (Zondervan, 1997), p. 12.

прос: «В чем смысл жизни человека?» Некоторые культуры говорят: в том, чтобы жить правильно и в конце концов избежать круга кармы и реинкарнации и освободиться — и находиться в бесконечном состоянии счастья. Другие говорят: в нирване — в осознании единения всех вещей и приобретении спокойствия. Третьи утверждают: жить праведно, благородно и честно. Есть и такие, которые учат, что главная жизненная цель — попасть в рай и быть с любимыми и с Богом вечно. Всё это объединяется ключевым моментом: в каждом мировидении страдание может, несмотря на мучительность, быть серьезным средством к действительно достижению цели жизни. Оно может сыграть ключевую роль в том, чтобы ты двигался к осуществлению самых важных задач. Можно сказать, что в центре каждой повести этих других культур — повести о том, в чем смысл жизни человека — страдание может быть важной главой или частью этой истории.

Но современная западная культура иная. С мирской точки зрения, кроме материального мира, нет ничего. Итак, смысл земного существования — это свобода выбрать ту жизнь, в которой ты счастлив. Однако с таким подходом к вопросу страдание не может играть значимой роли. В действительности оно прерывает историю жизни — оно не может быть значительной частью истории. При таком подходе к жизни страданий нужно избегать практически любой ценой или максимально ограничить их. То есть при встрече с неизбежным страданием миряне должны тайно привносить в свою систему взглядов

В КАЖДОМ МИРОВИДЕНИИ СТРАДАНИЕ МОЖЕТ СЫГРАТЬ КЛЮЧЕВУЮ РОЛЬ В ТОМ, ЧТОБЫ ТЫ ДВИГАЛСЯ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ САМЫХ ВАЖНЫХ ЗАДАЧ.

мысли из других учений — им приходится прибегать к идеям кармы, или буддизма, или греческого стоицизма, или христианства, хотя их собственные убеждения о природе вселенной не согласуются с этими источниками.

Это слабое место современной секуляризации — в сравнении с другими религиями и культурами. Эту тему мы и исследуем в первых главах.

Извлекаем уроки из своих несчастий

Ричард Шведер дает качественный обзор того, как современные культуры, не являющиеся западными, помогают людям «учиться на своих несчастьях». Традиционные культуры считают, что причины страдания носят высокодуховный, общинный и этический характер. Общества используют различные способы, чтобы помочь жертвам страдания и зла реагировать на них. Приведу четыре таких примера.

Существует некий моралистический подход, как называют его некоторые антропологи (не в уничижительном смысле). Некоторые культуры учат, что боль и страдание рождаются от неумения людей правильно жить. У этого подхода много вариантов. Во многих обществах считают, что если почитать нравственный порядок и Бога или богов, то в жизни все будет хорошо. Тяжелые обстоятельства — предупреждение, говорящее о том, что нужно покаяться и измениться. Доктрина кармы, возможно, является самой чистой формой этого моралистического подхода. Она утверждает, что каждая душа перевоплощается много раз. В каждую жизнь душа переносит

свои прошлые деяния и их скрытые результаты, включая страдание. Вероятно, ваше нынешнее страдание — это то, что осталось на десерт от прошлой жизни. Если вы сейчас живете достойно, безбоязненно и с любовью — тогда ваши будущие жизни будут лучше. Проще говоря, всем воздастся — за все нужно платить. Ваша душа освобождается и попадает в божественное вечное блаженство только тогда, когда вы искупили все свои грехи.

Также существует так называемый подход личной трансцендентности²². Буддизм учит, что страдание — результат не прошлых деяний, но неосуществленных желаний, а желания — следствие иллюзии, что мы отдельные личности. Как и древние греческие стоики, Будда учил: чтобы избавиться от страдания, необходимо погасить желание посредством изменения сознания. Мы должны сердцем отстраниться от преходящих материальных предметов и людей. Цель буддизма — «достичь душевного спокойствия, при котором всякое желание, личность и страдание исчезают»²³. Другие культуры достигают этой личной трансцендентности посредством такого уровня коллективизма, который современным западным людям практически невозможно понять. В подобных обществах нет понятия личности или благополучия вне развития и процветания семьи и народа. При данном подходе страдание уменьшается, поскольку оно не может причинить вред реальному «тебе». Ты продолжаешь жить в своих детях, в своем народе²⁴.

²² Berger, *The Sacred Canopy*, pp. 60–65.

²³ Scheler, “The Meaning of Suffering,” p. 98.

²⁴ Berger, *The Sacred Canopy*, p. 62. Бергер рассматривает «теодицею» — различные культурные стратегии борьбы со страданием — и во многом опирается на типологию Макса Вебера.

Некоторые общества рассматривают страдание с точки зрения судьбы и рока. Жизненные обстоятельства предопределяются звездами, или сверхъестественными силами, или решением богов, или, как в исламе, просто необъяснимой волей Аллаха. В этой системе взглядов мудрые и сильные люди примиряют свой дух с данной реальностью. Более древние языческие культуры Северной Европы верили, что в конце времен все боги и герои погибнут от рук великанов и чудовищ в трагической битве Рагнарёк. В таких обществах величайшей добродетелью считалось умение с честью принять безнадежный исход. Не существовало более неизменной славы, и, благодаря подобному поведению, человек вечно жил в песнях и легендах. Величайшие герои этих культур были сильными и прекрасными, но трагическими: над ними всегда довлел рок. Так же и в исламе: беспрекословное принятие загадочной воли Аллаха является одним из главных требований для достижения праведности. Во всех этих культурах бескомпромиссное и безропотное подчинение тяжкому божественному предопределению являлось высочайшей добродетелью — и, следовательно, способом сделать страдание максимально осмысленным²⁵.

Наконец, существуют культуры с «дуалистическим» мировоззрением. Эти религии и общества не воспринимают мир как находящийся под полным контролем судьбы или Бога, но, скорее, как поле битвы между силами тьмы и света. Несправедливость, грех и боль присутствуют в мире вследствие злых, сатанинских сил. Страждущие люди — невольные

²⁵ Berger, *The Sacred Canopy*, pp. 73–76. К этой категории Бергер относит кальвинизм и дает ей печальное название — религиозный мазохизм.

жертвы этой войны. Макс Вебер дает следующее описание: «Пусть страдание и неизбежно, оно является частью мирового процесса постоянного очищения света от грязи тьмы». Вебер также говорит, что данное представление «порождает очень серьезную эмоциональную динамику»²⁶. Страдальцы считают себя жертвами в этой битве со злом и обнадежены тем, что добро, как им говорят, в конце концов восторжествует. Более развитые формы дуализма, такие как древний персидский зороастризм, говорили о том, что в конце времен появится спаситель и произойдет полное обновление. Менее развитые формы дуализма, такие как некоторые марксистские теории, также говорят о будущем, в котором силы добра победят зло.

На первый взгляд эти четыре подхода кажутся конфликтующими. Культуры личной трансцендентности призывают страждущих к другому мышлению, моралистические культуры — к другой жизни, фаталистические — к достойному принятию своей судьбы, а дуалистические — к надежде на будущее. Однако у них много общего. Во-первых, каждая говорит своим представителям, что страдание не должно удивлять — это необходимая основа человеческого существования. Во-вторых, страждущим людям обещают: страдание может помочь им подняться и двигаться к высшей цели жизни, будь то духовный рост, или самообладание, или почетные достижения, или поддержка сил добра. И, в-третьих, им говорят, что ключом к развитию и достижениям в страдании является нечто, на что они должны решиться со всей ответственностью. Они должны сами прийти к правильным отношениям с духовной реальностью.

²⁶ Weber, *Sociology of Religion*, pp. 144–145.

Итак, общинная культура учит страдальцев говорить: «Я должен умереть, но мои дети и дети моих детей будут жить вечно»²⁷. Буддистские культуры побуждают своих людей говорить: «Я должен умереть, но смерть иллюзорна, я все равно буду такой же частью вселенной, как сейчас».

СТРАДАНИЕ — ЭТО ВЫЗОВ. Если его принять как надо, он может привнести ВЫСШЕЕ БЛАГО, МУДРОСТЬ, СЛАВУ И ДАЖЕ СЛАДОСТЬ В ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА УЖЕ СЕЙЧАС.

Страдальцы, придерживающиеся теории кармы, думают: «Я должен страдать и умереть, но если я сделаю это достойно и правильно, моя следующая жизнь будет лучше, а однажды я смогу

навсегда освободиться от страдания». Но во всех случаях страдание налагает ответственность и предоставляет возможности. Нельзя растрачивать опыт своих несчастий впустую. Все эти древние и разнообразные подходы, хотя и очень серьезно относятся к страданию, воспринимают его как путь к достижению высшего блага. Как говорит отец Розалинды, герцог, в пьесе Шекспира «Как вам это понравится»:

Да, сладостны последствия несчастья;
Как мерзостный и ядовитый змей,
Оно хранит неоценимый камень
Под черепом.

Акт 2, сцена 1, 12–17, пер. Петра Вейнберга

Эти традиционные культуры считают, что жизнь полна страданий, и они неизбежны. Их указания своим представителям в основном касаются *внутренней* работы. Они призывают к различным формам исповедания и очищения, духовного роста и укрепления, служения истине и создания правиль-

²⁷ Ibid., p. 62.

ных отношений с самим собой, с другими людьми и с божественным. Страдание — это вызов. Если его принять как надо, он может принести высшее благо, мудрость, славу и даже сладость в жизнь человека уже сейчас, и обеспечить его вечным утешением в будущем. Страждущим советуют надеяться на доброе будущее на земле, или на вечное духовное блаженство и единение с божественной силой, или на нирвану и вечный покой, или на благоволение Бога и единение с любимыми людьми в раю.

Ниже представлена схема вышеописанных подходов:

	Моралистический	Личная трансцендентность	Фаталистический	Дуалистический
Причина	Грех	Иллюзия	Судьба	Космическое противостояние
Реакция	Творение добра	Отчужденность	Терпение	Чистая верность
Результат	Вечное блаженство	Нирвана	Слава и честь	Торжество света

Наши несчастья — наше преткновение

После обзора этих более традиционных культур Шведер отмечает, что подход западной культуры к страданию совсем другой. Западная наука считает вселенную «натуралистической». В то время как другие культуры

считают, что мир состоит из материи и духа, западная мысль воспринимает его как состоящий только из материальных сил — каждая из которых лишена того, что можно назвать «целью». Это не результат греха, или какой-то космической битвы, или неких высших сил, предопределяющих нашу судьбу. Таким образом, западные общества считают страдание просто случайностью. «[С этой точки зрения] страдание реально, но оно находится вне сферы добра и зла»²⁸. Ричард Докинз дает удивительно ясное определение мирского видения зла и страданий в своей книге «Река из Эдема: дарвинистический взгляд на жизнь». Он пишет:

Общее количество страдания на год в природном мире не поддается логическому анализу... Во вселенной слепых физических сил и генетической репродукции одни люди страдают, другим везет — и этому нет никакого объяснения, и в этом нет никакой справедливости. Когда, по сути, нет замысла, нет цели, нет зла, нет добра, нет ничего, кроме безжалостного равнодушия, тогда наблюдаемая вселенная обладает именно теми качествами, которые мы от нее ожидаем²⁹.

Это абсолютное отклонение от любого другого культурного понимания страдания. В каждой культуре злу отводится конкретная роль — наказать, испытать или дать возможность. Но с точки зрения Докинза, люди переживают страдание так тяжело, потому что не могут принять присущую ему бесцель-

²⁸ Shweder, et al., *Why Do Men Barbecue?*, p. 125.

²⁹ Richard Dawkins, *River Out of Eden: A Darwinian View of Life* (Basic Books, 1996), pp. 132–133.

ность. Оно бессмысленно, без позитивной или негативной подоплеки — поскольку такие категории, как добро и зло, не имеют значения в той вселенной, в которой мы живем. «Мы, люди, постоянно ищем цель, — утверждает он. — Покажите нам почти любой предмет или процесс, и мы обязательно должны спросить: “Почему?” <...> Это, по сути, глобальное заблуждение... Прошное искушение возвращается в полной мере, когда нас постигает несчастье... “Почему же, почему рак (землетрясение, ураган) постиг моего ребенка?”» Но он утверждает, что эта агония — следствие того, что «мы не можем признать, что вещи могут быть не добрыми или злыми, жестокими или мягкими; но просто грубыми — безразличными к любому страданию, абсолютно бессмысленными... Как сказал один несчастный поэт А. Э. Хаусман: “Но ей, природе бессердечной, ей, бессмысленной, слепой, нет дела до того”. ДНК нет дела до того. ДНК просто есть. И мы танцуем под ее музыку»³⁰.

Вкратце, страдание вообще ничего не значит. Это просто раздражитель. Докинз настаивает: отрицание того, что жизнь «пуста, бессмысленна, тщетна» и является «пустыней бесцельности и бессодержательности» — правильно; а поиск цели и смысла в духовном, когда страдаешь — это «инфантилизм»³¹.

Однако Шведер возражает и говорит, что подобные увещания — это ошибка. Кроме того, их невозможно реализовать. «Желание постичь страдание умом, — пишет он, — является одним из благородных свойств нашего вида...»³². То есть, среди прочего, оно

³⁰ Ibid., p. 96.

³¹ Richard Dawkins, *The God Delusion* (Houghton Mifflin, 2006), p. 360.

³² Shweder, et al., *Why Do Men Barbecue?*, p. 74.

отделяет нас от животных: мы не просто скулим от страдания и ищем выход из него. Мы ищем некую точку боли, которую впоследствии можем превзойти, а не ощущаем себя беспомощными шестернями в машине жестокости. И это желание найти смысл в страдании не просто облагораживает нас, оно не изглаживается. Питер Бергер и целая команда исследователей человеческой культуры настаивают, что Докинз требует невозможного. Без смысла мы умираем.

Хотя Докинз в итоге говорит: «Истинно взрослый подход: смысл, и полнота, и чудеса в нашей жизни целиком зависят от нашего желания»³³. Другими словами, ты сам должен создать смысл. Ты выбираешь жизнь, которую считаешь наиболее ценной и которая стоит того, чтобы жить, и затем ты должен найти способы создать такую жизнь³⁴.

Но любой смысл, выдуманный самостоятельно, должен находиться в рамках этого мира и жизни. И именно в этом данный подход к реальности и его понимание страдания так сильно отличаются от других. Если принять абсолютно простое предположение, что вселенная исключительно материальна, тогда то, что делает жизнь осмысленной, должно быть неким материальным благом или состоянием этого мира — некое чувство утешения, безопасности и удовольствия. Но страдание никак не позволяет достичь подобных жизненных благ. Страдание либо уничтожает их, либо подвергает серьезной опасности. Как утверждает доктор Пол Бранд в последней

³³ Dawkins, *God Delusion*, p. 360.

³⁴ Это основная мысль телевизионной передачи Докинза *Sex, Death and the Meaning of Life*, вышедшей в октябре 2012 года. См. видео: <http://www.channel4.com/programmes/sex-death-and-the-meaning-of-life>.

главе своей книги «Дар боли», страдание чрезвычайно травмирует американцев именно потому, что смыслом жизни в Соединенных Штатах является поиск удовольствия и личной свободы.

Во всех остальных культурах высшая жизненная цель — не личное счастье и комфорт. Это может быть этическая добродетель, или нирвана, или честь, или служение истине. Главный смысл жизни: быть достойным человеком, или тем, на кого равняются дети и общество, или поддержка великой идеи или движения, или поиск рая или нирваны. Во всех этих культурных повествованиях страдание — совершенно необходимо для положительного конца. Любого «смысла жизни» можно достичь не только вопреки страданию, но *благодаря ему*. Итак, все эти подходы говорят, что страдание и зло обязательно должны торжествовать. Если принимать страдание с терпением, мудростью и храбростью, оно фактически может ускорить путь к желанной цели. Оно может оказаться важной главой в истории нашей жизни и ключевым этапом в достижении желаний. Но с мирской точки зрения, строго говоря, страдание не может быть позитивной главой в истории жизни — оно только мешает повествованию. Оно не может привести тебя к положительному итогу; оно может только препятствовать получить то, чего ты хочешь больше всего. В общем, с реальной точки зрения страдание всегда побеждает.

Шведер говорит об этом следующее. Когда дело касается страдания, «правлящей метафорой современного мирского [подхода] является случайная неудача. Страждущий — жертва, подверженная силам

Если принимать страдание с терпением, мудростью и храбростью, оно фактически может ускорить путь к желанной цели.

природы, которые поражают его, не имея намерения». То есть «страдание... это не часть изложения человеческой жизни... это некий “шум”, случайные помехи в жизненной драме страждущего... Страдание не имеет вразумительного отношения к сюжету, оно является только хаотическим препятствием для рассказчика»³⁵. В более древних культурах (и в нынешних не западных культурах) страдание считается неотъемлемой частью связной истории жизни, ключевым способом жить правильно и развиваться духовно. Но смыслом жизни в нашем западном обществе является личная свобода. Нет блага выше права и свободы решать самому, что *ты* считаешь добром. Культурные институты должны иметь нейтральную позицию и «ценить свободу» — не учить людей, ради чего жить, но только обеспечивать свободу каждого человека жить так, как он считает нужным, чтобы эта жизнь приносила удовлетворение и самореализацию. Но если смысл жизни — личная свобода и счастье, тогда страдание абсолютно «бесполезно». С этой точки зрения, единственное, что можно сделать со страданием — избегать его любой ценой. В противном случае, если оно неизбежно, необходимо управлять эмоциями боли, переносить лишения и сводить их к минимуму.

Жертвы собственных несчастий

Как следствие, *страждущий* не несет ответственности за реакцию на страдание. Шведер говорит: за метафорой случайности скрывается то, что «страдание необходимо

³⁵ Shweder, et al., *Why Do Men Barbecue?*, p. 125.

лечить посредством вмешательства лиц, обладающих некими профессиональными навыками, способными решить проблему»³⁶. Традиционные культуры считают, что в мрачное время ответственность главным образом лежит на самих *страждущих*. Необходимо провести ту или иную внутреннюю «душевную работу» — научиться терпению, мудрости и верности. Современная культура, однако, воспринимает страдание не как возможность или испытание — и явно не как наказание. Поскольку страждущие — это жертвы обезличенной вселенной, им советуют обращаться к специалистам в медицинской, психологической, социальной или гражданской сфере — к тем, чьей работой является облегчение боли путем устранения как можно большего количества стрессовых факторов.

КАК ГОВОРИТСЯ, ЕСЛИ ТВОЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ — МОЛОТКИ, КАЖДАЯ ПРОБЛЕМА — ГВОЗДЬ.

Но когда страдание стало областью экспертов, этот шаг привел к серьезному замешательству в нашем обществе, поскольку разные союзы профессионалов заметно расходятся во взглядах на помощь страждущим. Будучи одновременно профессиональным психотерапевтом и антропологом, Джеймс Дейвис хорошо это осознает. Он пишет: «Основная часть общества двадцатого века все меньше понимает причины своих эмоциональных страданий». Затем он перечисляет «биомедицинское направление психиатрии, генетику, современную экономику» и говорит: «Поскольку каждая традиция была основана на отдельных предположениях и стремится достичь собственных целей собственными методами, все они, как правило, пытаются свести человеческое страдание

³⁶ Ibid.

к одной главенствующей причине (например, биология, когнитивные искажения, неудовлетворенное своекорыстие)»³⁷. Как говорится, если твоя специализация — молотки, каждая проблема — гвоздь. Вследствие чего естественным образом появляется недоумение. Мирская модель предаёт страждущих в руки экспертов, но специализация и редукционизм экспертов в разных областях приводит людей в растерянность.

Выводы Дейвиса поддерживают анализ Шведера. Он объясняет, как мирская модель подталкивает психотерапевтов к «игнорированию контекста» страдания. Они не воспринимают страдание как неотъемлемую часть истории жизни человека, подобно другим культурам. Дейвис упоминает интервью доктора Роберта Спитцера, которое транслировалось *Би-би-си* в 2007 году. Спитцер — психиатр, возглавлявший группу специалистов, которые в 1980 году выпустили третье издание «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам» Американской психиатрической ассоциации. Это руководство стремилось добиться большего единообразия в психиатрических диагнозах. В интервью, проведенном *Би-би-си* спустя 25 лет, Спитцер признался: «Оглядываясь назад, я думаю, что мы ошибались, приписывая многие нормальные человеческие переживания — горе, печаль, беспокойство — к психическим расстройствам». Журналист спросил его: «То есть во многих случаях вы фактически медикизировали обычную человеческую грусть?» Спитцер ответил: «В какой-то степени, думаю, да... Неизвестно, насколько эта проблема серьезна <...>

³⁷ James Davies, *The Importance of Suffering: The Value and Meaning of Emotional Discontent* (Routledge, 2012), p. 29.

двадцать процентов, тридцать процентов, но процент весомый»³⁸.

Дейвис также отмечает, что руководство почти полностью сосредоточивалось на симптомах:

Понимание жизни пациента их не волновало — так же как и причины данных симптомов. Если пациенту было очень грустно, если он чувствовал беспокойство или был несчастлив, считалось, что он просто страдает от расстройства, которое нужно исцелить, а не реагирует на определенные жизненные обстоятельства, которые нужно изменить — так, как это свойственно нормальному человеку³⁹.

Ранее считалось, что боль от страданий свидетельствует о конфликте между внутренним и внешним миром человека. Это указывало на необходимость изменить поведение и мышление страждущего, или некое значимое обстоятельство в его окружении, или то и другое одновременно. Внимание обращалось не на болезненные и неприятные ощущения, а на те чувства, которые помогают разобраться в собственной жизни и что-то в ней изменить. Естественно, подобный анализ требует наличия этических и духовных норм, а также способности к оценочным суждениям. Специалисты мирских культурных институтов недостаточно подготовлены для содействия решению данного вопроса. Итак, в итоге внимание уделялось не жизни конкретного человека, но симптому эмоциональной боли и неудовлетворенности. Посредством различных научных методов

³⁸ Ibid., pp. 1–2.

³⁹ Ibid., p. 2.

специалисты должны были уменьшить боль. Жизненная ситуация их не интересовала.

Дейвис делает вывод:

Растущее влияние «Диагностического и статистического руководства» было одним из многих социальных факторов, подкреплявших вредоносное культурное убеждение, что большая часть нашего ежедневного страдания — это пагубное препятствие, которое необходимо быстро устранить. Это убеждение все больше вовлекает нас в ловушку мировоззрения, воспринимающего любое страдание как чисто негативную силу в нашей жизни⁴⁰.

Возмущение собственными несчастьями

С точки зрения простого человека, страдание вообще не является значительной частью жизни, а только мешает жить. Подобное восприятие предполагает только два варианта при возникновении боли и страдания. Первое: справляться с болью и облегчать ее. И так в течение двух последних поколений большая часть рынка профессиональных услуг для страдающих перешла от разговоров о бедствиях к обсуждению стресса. Теперь они не предоставляют людям способы терпеливо переносить враждебность, и вместо этого прибегают к словам мира бизнеса, психологии и медицины, чтобы те могли справляться со стрессами, напряжением или травмами и уменьшать их. Страждущим советуют избегать негативных мыслей, находить для себя уйму

⁴⁰ Ibid.

свободного времени, много заниматься спортом и иметь большое количество приятных отношений. Главное — контроль собственной реакции.

Второй способ справиться со страданием в подобной системе — это найти причину боли и устранить ее. Другие культуры воспринимают страдание как неизбежную часть жизни. Это действие невидимых сил, таких как иллюзорная природа жизни и конфликт добра и зла. Но наша современная культура не верит в невидимые духовные силы. У страдания всегда есть материальная причина, и поэтому в теории ее можно «исправить». Страдание часто является следствием несправедливых экономических и социальных условий, плохой государственной политики, разрушенной модели семьи или просто подлых темных группировок. Правильной реакцией на такой произвол является противостояние и шаги для изменения этих условий. (Кстати, это вполне оправдано. В Библии очень много говорится о свершении правосудия в пользу притесняемых.)

С точки зрения простого человека, страдание вообще не является значительной частью жизни, а только мешает жить.

Более древние культуры искали способы извлекать уроки из страданий и видели причины внутри человека, но западные народы часто попросту возмущены своим страданием — и пытаются изменить внешние обстоятельства, чтобы страдание никогда не повторилось. К. С. Льюис лаконичнее других определил разницу между традиционной и современной культурой: «В древности мудрец прежде всего думал о том, как сообразовать свою душу с реальностью, и плодами его раздумий были знание, самообуздание, добродетель... [прикладная наука] думает о том,

как подчинить реальность своим хотениям; плод их — техника...»⁴¹. Философ Чарльз Тейлор в книге «Секулярная эпоха», оказавшей воздействие на людей, вспоминает, как западное общество совершило так называемый «переход к антропоцентризму» — рост влияния мирской точки зрения. После этого перехода, как утверждает Тейлор, «чувство руководящего Божьего присутствия ослабевает. Появляется ощущение, что мы можем поддерживать [мировой] порядок своими силами». В результате «высшей целью» западного общества становится «предотвращение страдания»⁴².

Итак, в западной культуре страждущим не говорят, что их основная задача — это внутренняя настройка, обучение и рост. Шведер отмечает, что фактически моральная ответственность никогда не лежит на тех, кто страдает, и даже намек на нее считается «обвинением жертвы». Это одна из главных еретических мыслей нашего западного общества. Таким образом, реакция на страдание — это всегда работа специалистов: управление болью, психологическое или врачебное вмешательство, изменение закона или государственной политики.

В журнале *Boston Review* опубликовали интервью с Лариссой Макфаркухар, которую спрашивали о ее произведениях и исследованиях жизни «святых» людей, жертвующих собой ради других. Естественно, многие из них были религиозными, а Макфаркухар, штатный журналист *The New Yorker*, не принадлежала к религии и не была воспитана в религиозном духе. В какой-то момент интервьюер спросил, как она

⁴¹ C. S. Lewis, *The Abolition of Man* (Harper, 2009), p. 77.

⁴² Charles Taylor, *A Secular Age* (Harvard University Press, 2007), pp. 373, 375.

воспринимает этих людей. Ее слова были пронзительны и откровенны. Она говорила об «очень поучительной разнице между религиозными... и мирскими людьми»:

Я... считаю, что множество религиозных традиций предполагает гораздо большее принятие страдания как части жизни, а необязательно просто ужасного факта, поскольку оно помогает каждому стать полноценным человеком. Тогда как, по крайней мере по моему ограниченному опыту, мирские практики терпеть не могут страдание. Они не видят в нем ничего хорошего, хотят устранить его и считают себя ответственными за это действие.

Она сказала, что у людей нерелигиозных также нет веры в Бога, Который однажды все исправит. Для верующих людей «Бог всем управляет, и Божественная любовь в итоге спасет мир. Тогда как далекие от Церкви считают, что все зависит от нас. Мы здесь одни. Именно поэтому мне кажется, что для светских людей существует дополнительный слой беспокойства и отчаяния»⁴³.

Христианство в разных культурах

Итак, ниже — схематическое представление понимания секуляризма как пятой культуры страдания:

⁴³ <http://www.bostonreview.net/books-ideas-mccoy-family-center-ethics-society-stanford-university/lives-moral-saints>.

	Моралистический	Личная трансцендентность	Фаталистический	Дуалистический	Секулярный
Причина	Грех	Иллюзия	Судьба	Космическое противостояние	Случай
Реакция	Творение добра	Отчужденность	Терпение	Чистая верность	Техника
Результат	Вечное блаженство	Нирвана	Слава и честь	Торжество света	Лучшее общество

Как можно сравнивать христианство и все эти культуры? Немецкий философ Макс Шелер в своей знаменитой статье «Смысл страдания» отметил уникальность христианского подхода. Шелер пишет, что в какой-то степени «христианское учение кажется полным изменением отношения» при сравнении с толкованием иных культур и религиозных систем⁴⁴.

В отличие от более фаталистического восприятия, свойственного культурам стыда и чести, «в христианстве нет древнего высокомерия... страждущий не хвалит сам себя, не судит о степени своего страдания по своим способностям, у которых есть свидетели». Вместо стоического терпения перед лицом высшего предназначения «крик страждущего существа в христианстве повсюду звучит свободно и над-

⁴⁴ Scheler, "Meaning of Suffering," p. 110.

рывно», в том числе и с самого креста⁴⁵. Выражение скорби воплями и вопросами не просто позволяет — оно поощряется.

В отличие от буддистов, христиане верят, что страдание реально и не является иллюзией. «Нового толкования нет: боль есть боль, это несчастье; удовольствие есть удовольствие, настоящее блаженство, а не просто “чувство безмятежности”... то, что Будда считал наивысшим благом. В христианстве нет уменьшения чувственности — есть душа, которая постепенно смягчается перенесением страдания»⁴⁶. И снова мы видим это на примере Самого Иисуса. В Гефсиманском саду Он сказал: «Душа Моя скорбит смертельно» (Мк. 14:34). Когда Он молился, Его мучение было таким, что «Его пот был, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22:44). Он был противоположен безмятежности. Он не отстранился сердцем от того хорошего, что есть в жизни, для достижения внутреннего спокойствия, но сказал Своему Отцу: «...но не чего Я хочу, а чего Ты» (Мк. 14:36).

В отличие от тех, кто верит в карму, христиане считают, что страдание часто несправедливо и несоразмерно ситуации. Жизнь попросту несправедлива. Часто тот, кто хорошо живет, не ведет себя соответственно. Шелер пишет, что христианство воздает должное тяжести и несчастьем страждущих: оно признает существование несправедливости. А доктрина кармы — нет: она настаивает на том, что любое страдание человека полностью заслуженно. Книга Иова — это, естественно, первое место, где данная мысль высказывается напрямую, когда Бог осуждает друзей Иова за их убеждение, что боль и страдание

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

Иова, несомненно, являются следствием нравственной неполноценности.

Лучше всего это показано на примере Иисуса. Иисус с Его характером и поведением заслуживал счастливой жизни больше, чем кто-либо из живших

В отличие от тех, кто верит в карму, христиане считают, что страдание часто несправедливо и несоразмерно ситуации. Жизнь попросту несправедлива.

на земле. Но Он никогда не жил счастливо. Как пишет Шелер, вся христианская вера зиждется на «образце идеального невинного человека, который по своей воле принимает страдание за грехи других... Страдание...

приобретает, посредством божественного характера конкретного страждущего человека, новое восхитительное свойство благородства». В свете креста страдание становится «очищением, а не наказанием»⁴⁷.

В отличие от дуалистического (и в какой-то степени моралистического) подхода, христианство не воспринимает страдание как способ искупить свои грехи через добродетель, а именно умение переносить боль. Христианство не учит, что «несчастье аскетического характера, воспринятое на себя по собственной воле, делает человека более духовным и приближает его к Богу... Мысль о том, что страдание *само по себе* приближает людей к Богу гораздо более свойственна греческому и неоплатоническому мировоззрению»⁴⁸. К тому же, дуализм разделяет мир на хороших и плохих людей, а страдание становится знаком добродетели и нравственного превосходства, приводящего к демонизации тех групп, которые жестоко с тобой об-

⁴⁷ Ibid., p. 111.

⁴⁸ Ibid.

ращались. Абсолютная противоположность — это вера христиан в то, что Александр Солженицын охарактеризовал известной всему миру фразой: «Линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека»⁴⁹.

Нет, в основе христианского понимания страдания лежит идея благодати. Христом мы получаем прощение, любовь, и Им нас принимают в семью Бога. Подобные блага не заслуженны, благодаря чему мы не гордимся своими страданиями — мы свободны от этого искушения. К тому же настоящее наслаждение неоценимыми благами помогает нам перенести страдания. Шелер пишет: «Мученики открывали в себе способности творить чудеса не потому, что думали о счастливой жизни после смерти. В своей агонии они опытно познали присутствие благодати Божией и были счастливы». Действительно, страдание не просто становится удобоносимым благодаря этой радости, оно может даже усилить радость во время скорби. «Христианская доктрина страдания требует не только терпения перед лицом страдания... Вследствие боли и страданий в нашей жизни наш духовный взор устремляется к центральным, духовным благам искупления Христова»⁵⁰.

Наконец, как христианские предписания, предназначенные тем, кто страдает, соотносятся с предписаниями светской культуры? Позже мы уделим больше времени этому важному вопросу, но в целом можно сказать следующее. Христианство учит, в противоположность фатализму, что страдание сокрушительно;

⁴⁹ Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956. — М., 1991.

⁵⁰ Ibid.

в противоположность буддизму — что страдание реально; в противоположность карме — страдание часто несправедливо; в противоположность секуляризму — страдание имеет смысл. Страдание не бесцельно, и, благодаря правильному к нему отношению, мы можем, как гвозди, уйти глубже в Божественную любовь и добиться большей стабильности и духовной силы, чем можно себе представить. Буддизм говорит «прими страдание», карма говорит «заплати за него», фатализм говорит «стойко переноси его», секуляризм говорит «избегай или исправляй его». С христианской точки зрения, во всех этих культурах страдания есть правда. Страждущие действительно должны перестать держаться за материальные блага. Да, Библия говорит, что в целом страдание, наполняющее мир — это результат того, что человечество отвернулось от Бога. И мы действительно должны переносить страдание и не давать ему нас превозмочь. Секуляризм тоже прав в том, что предупреждает нас: не принимайте пассивно условия и факторы, причиняющие вред людям, пытайтесь их изменить. Культуры, существовавшие до секуляризма, часто были слишком пассивными перед лицом тех обстоятельств и той несправедливости, которую можно было изменить.

Но, как мы видим, с христианской точки зрения, каждый из этих подходов слишком упрощен и, следовательно, не является полноценной правдой. Пример и искупительные действия Иисуса Христа — это все вышеуказанные замечания, сведенные воедино. В то же время Его жизнь — нечто большее. Шелер заканчивает свое прекрасное эссе, возвращаясь к утверждению, что в конечном итоге христианство противоположно всем перечисленным точкам зрения.

Для древнего человека <...> внешний мир был полон счастья и радости, но сущность мира была полна глубокой печали и тьмы. За весельем, находящимся на поверхности так называемого радостного древнего мира, маячили «случай» и «судьба». Для христианина внешний мир полон тьмы и страданий, но его сущность — это не что иное, как чистое блаженство и наслаждение⁵¹.

Он прав касаясь большинства древних культур, но вышесказанное особенно подходит для секулярного мировоззрения. Секуляризм, как отмечает Ричард Докинз, считает исходную реальность холодной и безразличной, а вымирание — неизбежным. Другие культуры также считают, что повседневная жизнь полна удовольствий, но за всем этим стоит тьма или иллюзия. Христианство имеет другую точку зрения. Иное миропонимание приводит нас к тому, что мы находимся посреди радостей жизни и размышляем о следующих за этим скорбях. Христианство же позволяет своим приверженцам находиться посреди скорбей этого мира, вкушая следующую за ними радость.

История из жизни: сказка со счастливым концом

Автор: Эмили

Если бы меня спросили, за что я благодарна — до этого сентября, я бы сказала, что благодарна за свою семью, свой дом, свою работу и за Бога — за

⁵¹ Ibid.

мужа, который меня любит и заботится обо мне, за четверых здоровых и счастливых детей (четыренадцати, одиннадцати, девяти и пяти лет); за домашний очаг, о котором я даже не мечтала; за карьеру, позволяющую мне работать дома, расти интеллектуально и приносить пользу своей компании и клиентам; и за Бога, Который дал мне все это — несмотря на мое недостойство.

В сентябре, абсолютно неожиданно, мой муж ушел от меня и наших четверых детей к другой (которая также ушла от своего мужа и двоих детей). Это были друзья нашей семьи; мы трижды ездили с ними в отпуск летом. Я считала их друзьями.

Мое сердце перестало биться. Этого не может быть. Мой муж-христианин — тот, с которым мы вместе разговаривали с нашими детьми и объясняли им, что, хотя люди и разводятся, нашу семью это никогда не постигнет — мы заключили завет, пообещали Богу и друг другу — несмотря ни на что — поддерживать друг друга и их... Я рыдала и умоляла его не уходить, говоря, что мы сможем все уладить. Нет, он уходил.

Я спросила, что он скажет детям. Он ответил: «Не знаю». Я сказала: «Нельзя уйти вот так, ничего не сказав детям». Я была уверена, что это повлияет на него — он не сможет смотреть на этих бесценных детей и говорить им, что уходит, но он смог. Он разбудил их, позвал на первый этаж и сказал, что уходит. Они не поняли... Что, на работу? Когда он вернется? Нет, дети, я уезжаю из дома — и не вернусь. Он ушел. Они были раздавлены.

Через восемь недель мое сердце все еще разрывалось. Боже, это что, правда Твой план? Разве это возможно? Я знаю, Ты исцелишь мое сердце, я знаю, что в итоге произойдет нечто хорошее, но как и по-

чему именно это? Я чувствую Тебя — я чувствую, как люди молятся, но что же с нами будет? Я никогда не была так зла. Наши несчастные дети так ужасно страдают; желания их отца стоят превыше необходимости. «Я все равно люблю своих детей», — говорит он. Правда? Как можно их любить и одновременно причинять им такую боль?

Спустя четыре месяца Бог начинает исцелять меня, но не думаю, что я хочу исцеляться вот так. Я хочу справедливости, но не мне ее вершить. Теперь я пытаюсь молиться за него, а не о нем. Я начинаю молиться за то, чтобы его сердце исцелилось. Чтобы он вернулся — не ко мне, но к Богу. Пока что мне нужно продолжать жить без него и, может быть, вечно, но мне нужно простить его, чтобы преодолеть обиду. Я не буду озлоблена всю свою жизнь.

Но как это у меня получится? Бог говорит — молись, и я молюсь.

Я люблю свою семью, и я всегда буду любить того человека, за которого вышла замуж. Я молюсь о чуде, чтобы он пришел в себя и нашел дорогу домой, но еще я продолжаю жить без него. Я планирую свою жизнь и пытаюсь жить, включая все, что необходимо с практической, духовной, эмоциональной и финансовой точек зрения.

Я буду молиться за него регулярно, я буду любить его (но не буду тряпкой). Я буду обеспечивать семью и пытаться понять план Бога на нашу жизнь. Я прощу его, но не забуду, что он сделал, потому что если забуду, то не смогу использовать полученный урок в помощь тем, кто столкнулся с таким же кошмаром. Я должна ощущать эту боль, позволить Богу исцелить эту боль и преобразить меня в человека, которым Он всегда хотел меня видеть. Почему-то я чувствую приятное волнение. Это неправильно по

стольким причинам — быть взволнованной потому, что переживаешь этот кошмар.

Прошло шесть месяцев, ситуация все ухудшается, а я чувствую себя по-настоящему блаженной.

Мой муж все еще не вернулся, все еще со своей девушкой. Он сказал мне, что они будут частью жизни наших детей и мне нужно к этому привыкнуть и не испытывать к ней ненависти. Он сказал: если она будет мне врагом, я буду врагом ему.

Мои дети все еще страдают от ухода отца; они подавлены, злы, в замешательстве и расстроены. Старший начал сомневаться в вере; он восстает против любой власти и набрасывается на свою семью. Я продаю свой дом — «короткая продажа», которая может обернуться потерей права выкупа. Мы понятия не имеем, куда можем переехать.

И в то же время посреди этого кошмара я познала Бога на другом уровне, увидела, как Он действует — раньше я только слышала об этом. Испытать подобное — просто поразительно.

В моей жизни никогда не было серьезных трагедий — мне никогда не приходилось по-настоящему зависеть от Бога. То есть, конечно, я молилась и видела действия Бога — но не так. У меня никогда не было необходимости полагаться на Всевышнего. Когда мне было необходимо Божественное утешение, в моей голове возникал образ: я держусь за Иисуса, а Он обнимает меня. Теперь я вижу другое: я полностью обессилена, а Он несет меня, и это потрясающе.

В этой ужасной ситуации, от которой пострадали вся моя личность и моя семья, я краем глаза вижу то, что делает Бог, и как моя жизнь и наши жизни изменятся, и я жду не дождусь увидеть, кем же я стану в итоге. Прямо как во время забега, когда на-

чинается дождь, и ты попадаешь в грязевой участок. Его нельзя обежать, через него нужно пробежать — и ты вязнешь из-за дождя и грязи — нельзя пройти через него быстро; тебе приходится концентрироваться на каждом болезненном шаге, но в то же время какая-то сила поддерживает тебя и заставляет продолжать бег. Вдали ты видишь, кажется, стену дождя (почти как в автомойке), и тут ты видишь его — солнце; все абсолютно ясно... Человек, которым ты будешь там, будет сильнее, будет лучше понимать, как бежать, и будет чувствовать удовлетворение/пребывать в мире. Да, тот человек устал, но он также полон энергии из-за этого опыта. Скорее бы узнать, чему Бог меня научил; скорее бы научиться еще чему-то. Я так объяснила это своим детям: в каждой сказке всегда есть трагедия, и главный герой сталкивается с бедствиями, преодолевает их и благоденствует вследствие этих несчастий. Бог подарил нам нашу сказку — каким вы видите ее конец?

Победа христианства

Перед тем как возложить ответственность на человека, Небо делает его разум способным переносить страдание. Оно делает так, что сухожилия и кости человека познают тяжелый труд, а его тело — голод. Оно повергает человека в нищету и разрушает все, что тот пытается построить. Так Небо пробуждает его разум, уравнивает его нрав и развивает его слабые стороны.

Книга «Мэн-цзы»
(Китай, 300 г. до н. э.)

Мы увидели, какие инструменты общество может предоставить своим членам для борьбы со страданием. Теперь, посмотрев на разные культуры, мы изучим, как все это проявлялось в разные эпохи, особенно на Западе⁵².

⁵² Отрывки, посвященные античным утешительным посланиям, основаны на книгах: Rittgers, *Reformation of Suffering*, chaps. 2–3, Luc Ferry, *A Brief History of Thought: A Philosophical Guide to Living* (Harper, 2010), chaps. 1–3. См. также Robert C. Gregg, *Consolation Philosophy: Greek and Christian Paideia in Basil and the Two Gregories* (Philadelphia Patristic Foundation, 1975), chap. 1; John T. McNeill, *A History of the Cure of Souls* (Harper, 1951), chap. 2.

Классический автор Цицерон, как известно, утверждал, что основная задача философии — научить нас принимать смерть. Тот факт, что мы смертны, — говорит Цицерон, — обязательно ведет к страху, неудовлетворенным желаниям и печали. Цель философии — избавить человека от всего этого, предоставить ему возможность заботиться о душе, которая ими отягчается. Итак, «философия позволяет человеку стать собственным духовным врачом и даже требует этого от него»⁵³. Современный французский философ Люк Ферри не думает, что существует лучшее определение философии, чем то, что дано Цицероном. «Мы философствуем не для того, чтобы развлечься, и не для того, чтобы лучше понять мир, но иногда буквально чтобы “спасти собственную кожу”»⁵⁴. Высокий уровень жизни зависит от того, можем ли мы победить свой страх «различных аспектов смерти», а также «скуки, ощущения того, что время течет сквозь пальцы». Наверное, нет истины ужаснее для нас, чем та, которая гласит: мы обязательно будем разделены со всеми, кого любим. Ферри задает вопрос: «Чего мы желаем больше всего?» Быть понятыми и любимыми, а не жить в одиночестве; а следовательно, больше всего мы хотим «не умереть и не увидеть смерти своих любимых»⁵⁵.

Философия позволяет человеку стать собственным духовным врачом и даже требует этого от него.

⁵³ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 39.

⁵⁴ Ferry, *Brief History*, p. 14.

⁵⁵ Ibid.

Ферри знает, что сегодня в светском обществе не принято думать о смерти (в этом они согласны с Эпикуром и другими мыслителями древности). Они говорят, что смерть — это просто «конец жизни». Когда ты умираешь, перестаешь существовать — ты ничего не знаешь, тебя нет, и о смерти не нужно беспокоиться — «[Так] зачем... решать такую бессмысленную задачу?» Но Ферри отвечает: подобные умозаключения «слишком жестоки, чтобы быть истинными»⁵⁶. Что в первую очередь придает смысл жизни? Разве не отношения с теми, кого любишь? Вы действительно можете искренне заявить, что не испытываете ужаса перед будущим состоянием, в котором вас лишат всего самого дорогого? Ваши любимые так мало для вас значат, и вам все равно, что вы больше никогда их не увидите? Но потеря смысла жизни начинается раньше, чем нас постигает смерть. «Необратимость — это вид смерти в самом центре жизни»⁵⁷. Именно это мы справедливо называем злом и страданием. Ферри делает вывод: честные люди должны признать, что смерть и все ее последствия — это огромная человеческая проблема — может быть, *самая главная* проблема. Чтобы добиться полноценной и свободной жизни, в которой есть радость и любовь, мы должны научиться побеждать ужасный страх этих невосполнимых потерь, возникающий неизбежно⁵⁸.

Древнегреческие философы верили, что самой целью философии является открытие способа правильно реагировать на зло, страдание и смерть. Действительно, Ферри утверждает, что *только* фи-

⁵⁶ Ibid., p. 4.

⁵⁷ Ibid., p. 7.

⁵⁸ Ibid., pp. 3–5.

лософия или религия имеют потенциал помочь нам справиться с болью и смертью. Почему? Страдание отбирает у нас любовь, радость и утешение, на которые мы опираемся, чтобы придать жизни смысл. Как нам сохранить равновесие, или даже мирное состояние и радость, когда происходит подобное? Ответ: мы можем это сделать, только если смысл поместить в такую сферу, к которой смерть не может прикоснуться. Но это значит, что ответы на вопросы «Зачем человеку жить?» и «Что мне делать с данным мне временем?» необходимо поместить в такие сферы, которые нельзя уничтожить страданием. Только философия или религия способны на это. «Ошибка, — заключает он, — верить, что современная психология, например, может заменить этот [процесс]»⁵⁹. Ферри (не являясь религиозным человеком) знает, что в данном утверждении он противится мирской системе взглядов, но настаивает, что наука не помогает нам справиться со страданием, поскольку не помогает нам найти цель. Наука может сообщить нам, что есть на самом деле, но никогда то, что должно быть — последнее подразумевает обращение к философии и вере. Однако без определения данных вопросов мы не можем перенести тяжесть жизни.

Таким образом, каждая историческая ступень предлагала страждущим собственную литературу «утешения», которая учила и поддерживала их во времена испытаний и потерь. Мы обратимся к трем эпохам в западной истории — Древнего мира, Средневековья и современности — и посмотрим, как каждая из них пыталась этого достичь.

⁵⁹ Ibid., p. 14.

Возможно, самой влиятельной школой греческой философии была стоическая⁶⁰. Стоики считали, что у вселенной есть божественная рациональная структура — Логос. Они не верили, что вселенная состоит исключительно из физической материи, но также не считали, что у вселенной есть Бог в виде Бога-личности, который создал и превосходит ее. Скорее, вселенная была божественной, прекрасной, хорошо структурированной и порядок в ней носил рациональный характер и мог быть воспринят нашим разумом. Следовательно, они верили, что существуют *этические абсолюты* — правильные варианты поведения, находящиеся в гармонии с порядком вселенной, а также неправильный образ жизни, идущий вразрез с ее сутью. Все это можно было выявить из того, что они видели в мире. Несмотря на то что времена казались хаотичными, а места — беспорядочными, вселенная, по существу, была гармонична, и все предметы в ней находились на своих местах и выполняли свою роль или назначение.

Итак, с точки зрения стоиков, задачей нашего человеческого разума и рационального начала было восприятие мирового порядка и соответствие ему. А значит, существовало три возможных реакции на смерть и страдание. Во-первых, «принятие неожиданных поворотов судьбы как благоприятные действия, предопределенные Богом»⁶¹. Если сама вселен-

⁶⁰ См. очерк Ферри о стоической философии: *Brief History*, chap. 2, "The Greek Miracle"; Rittgers, *Reformation of Suffering*, pp. 39–40.

⁶¹ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 39.

ная божественна, рациональна и имеет идеальный порядок, то жизнь «в гармонии со вселенной» означает полное принятие всего, что тебе дает мир. Для стоиков «хорошая жизнь — это жизнь без надежд и страхов одновременно. Другими словами, это жизнь в примирении с тем, что есть; жизнь, принимающая мир как есть»⁶².

Во-вторых, можно было поставить разум выше эмоций и научиться избегать чрезмерной привязанности к любой части жизни, поскольку именно из-за этого возникает невыносимая боль страдания. Один ученый хорошо охарактеризовал данный принцип. Он объясняет его следующим образом: «через упражнение разума, становясь безразличной ко всему, что было вне досягаемости... душа должна была избавиться от сильных эмоций или подавить их»⁶³. Например, философ Эпиктет в своих «Беседах» говорит своим ученикам:

Прежде всего, высшее, главнейшее, прямо как бы с порога: когда ты испытываешь привязанность к чему-то, то не относись к этому как к чему-то такому, что не может быть отнято <...> Если ты целуешь свое дитя, если брата, если друга, никогда не давай своему представлению полную волю и не позволяй радости доходить до чего ей угодно, но сдержи их, помешай им⁶⁴.

Эпиктет также сказал ученикам: «Примерно так и ты напоминай сам себе, что любишь смертное,

⁶² Ferry, *Brief History*, p. 45.

⁶³ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 39.

⁶⁴ Epictetus, *Discourses*, III, 24, 84–88. По изданию: Ferry, *Brief History*, pp. 47–48.

любишь отнюдь не свое <...> Какое зло в том, если, целуя дитя, пришептывать: “Завтра ты умрешь”?»⁶⁵

Люк Ферри согласен, что звучит это ужасно холодно, но защищает Эпиктета. Он утверждает, что философ не говорит «будьте жестоки со своими детьми», но «любите настоящее так, чтобы не желать ничего другого и ни о чем не жалеть»⁶⁶. Тогда вы сможете сказать себе: «Когда наступит катастрофа, я буду готов». Вообще Ферри пишет: если вы сможете достичь цели стоиков, вы прикоснетесь к тому, что похоже на спасение, когда больше ничто не может нарушить безмятежность, возникающую вследствие покорения страхов во временном измерении. Когда мудрец достигает подобного уровня просвещения, он действительно живет «как бог», в настоящий момент он находится в вечности, и ничто не может этого поколебать⁶⁷.

Третье, что предлагали стоики страждущим, было связано с их собственной смертью. Они учили, что после смерти мы продолжаем существовать. Смерть — это переход от одного состояния к другому. Ты был нужен вселенной, так сказать, в форме человеческого существа. Но когда ты умираешь, твоя сущность — и душа, и тело — продолжает быть частью вселенной в другой форме. Марк Аврелий писал: «Как часть в целом ты возник и в породившем тебя исчезнешь. Вернее, превратившись, будешь принят в его осеменяющий разум»⁶⁸.

⁶⁵ Ibid., p. 48.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Ibid., p. 50.

⁶⁸ Epictetus, *Discourses*, III, 24, 91–94. По изданию: Ferry, *Brief History*, pp. 47–48. — Слова Марка Аврелия приведены по изданию: Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления, IV, 14. Пер. с греч.: А. Гаврилов.

Двумя самыми авторитетными авторами, касавшимися темы страдания, в классическом древнем мире были римские мыслители Цицерон и Сенека. На обоих значительно повлияли греческие стоики. Центральной темой «Тускуланских бесед» Цицерона было то, что смерть не является злом, и на нее не стоит смотреть со страхом и ненавистью. Наша жизнь — это долг природе, который придется вернуть в любой момент. Принятие и согласие с условиями сделки — это проявление мудрости, поскольку выбора все равно не существует. Цицерон верил, что печаль о смерти любимых неизбежна и естественна, но должна знать меру. Изложив эту мысль, Марк Туллий Цицерон утверждал, что скорбь является полезной, не имея позитивного назначения. Она возникает из неверных представлений о природе вещей, а, следовательно, ее нужно контролировать⁶⁹. Другим наиболее авторитетным римским произведением утешения является «Утешение к Марции» Сенеки. Марция была

⁶⁹ Вкратце привожу совет Цицерона *страждущим* — «исцеление души» — для тех, кому больно. Во-первых, им нужно сказать, что боль не должна удивлять, многие столкнулись с подобным опытом, и, в целом, подобные потери и несчастья — удел всех живущих людей. Во-вторых, они должны учесть, что «бессмысленное подчинение горю — это полная глупость, когда ясно, что от этого нет никакой пользы» (Cicero, *Tusculan Disputations*, III, 6, sect. 12, источник: Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 40). В-третьих, они должны помнить, что время излечит их боль, но они могут ускорить этот процесс, прибегнув к помощи разума, принимая временную природу всех вещей и то, что жизнь — это долг природе, который необходимо вернуть.

женщиной, которая лишилась сына и все еще скорбела о нем спустя три года. Используя аргументы, похожие на аргументы Цицерона, Сенека призывает ее к преодолению скорби и «продолжению жизни». Природа не обещает нам, что мы сможем всег-

Согласно Цицерону, СМЕРТЬ
НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЗЛОМ, И НА НЕЕ
НЕ СТОИТ СМОТРЕТЬ СО СТРА-
ХОМ И НЕНАВИСТЬЮ.

да быть вместе с любимыми. Она не обещает нам даже малого времени с ними. Хотя сын Марции и умер молодым, но избежал многих зол в жизни — в самом деле, мо-

жет быть, он освободился от страдания, которое было бы гораздо тяжелее. Все это предоставляет человеку ключи от хорошей жизни — Марции стоит подчиниться судьбе и не противиться, не возражать ей.

В то время как греческие и римские философы формулировали свое понимание судьбы и страданий, похожий подход уже процветал в другой части мира. Веками восточные культуры и религии утверждали, что этот материальный мир и представление о том, что люди являются отдельными единицами в нем, — все это иллюзия. Веды, древнейшие писания индуизма и индийской мысли учили, что любые различия в конечном итоге не являются реальными. Истина звучит так: *Tat tvam asi* — «Ты еси то». Другими словами, кажется, что физический мир содержит много отдельных объектов. Этот объект А не является тем объектом Б. Наши ощущения (и наука, и логика) подтверждают это. Один человек страдает от потерь, другой же — имеет все в достатке. Но это видимость, называемая *майя*. Не существует не только зла, но и добра, и личностей, и материального мира. Все на деле является частью Единого, Сверхдуши, Абсолютного Духа. Вне его ни-

чего нет⁷⁰. Вообще мы не можем ничего потерять. Мы — часть всего.

Наиболее чистой и авторитетной формой этой мысли сегодня является буддизм⁷¹. Согласно легенде, принц Сиддхартха Гаутама жил в безопасности, уединении, богатстве и роскоши, но, когда он покинул дворец, то столкнулся с «четырьмя зрелищами»: больным человеком, старым человеком, мертвым человеком и нищим. В ответ он решил посвятить свою жизнь тому, чтобы узнать, как жить безмятежно посреди человеческого страдания. Через много лет он достиг просветления. В первом поучении для своих последователей он перечислил Четыре благородные истины, а именно: (1) вся жизнь — страдание, (2) причина страдания — желание или ненасытное стремление, (3) страдание прекращается, только когда желание удовлетворено, и (4) чтобы этого достичь, необходимо следовать Восьмеричному пути

⁷⁰ Анри Блохер дает прекрасный очерк взгляда мудрецов Востока на данную тему в произведении: *Evil and the Cross: An Analytical Look at the Problem of Pain* (Kregel, 1994), pp. 15–17.

⁷¹ Я знаю, многие считают, что буддизм — это форма не пантеизма, но атеизма. Я также в курсе, что многие атеисты в западной культуре обратились к буддистским практикам, утверждая, что буддизм дает им духовность без необходимости веры в Бога. Но буддизм не является чисто атеистическим в западном смысле этого слова. Буддисты твердо верят в сверхъестественное и метафизическое; в самом деле, они считают, что естественное и физическое — иллюзия, все существующее — по сути дух. Многие ученые отмечают, что Будда хотел не уничтожить, но преобразовать древние индийские религии. Анри Блохер цитирует Ананду Кумарасвами из Гарварда, который пишет: чем больше его изучаешь, «тем труднее отличить буддизм от брахманизма». Blocher, *Evil and the Cross*, p. 17.

к просвещению. Восьмеричный путь — это всеобъемлющий подход ко всем сферам жизни — истинное воззрение, намерение, речь, поступки, образ жизни, усердие, размышление, сосредоточение. Это жизнь в абсолютном балансе, не требующая аскетизма и лишений, но умеренности, служения другим и соблюдения многих практик самоконтроля.

Чтобы превзойти страдание, необходимо отстраниться сердцем, страстно ничего не любить. Ключевой проблемой страждущего считается неудовлетворенное состояние сознания. Наше стремление, а значит, и наша боль от страдания основываются на иллюзии, что каждый из нас личность, обладает индивидуальностью. Говоря простым языком, если мы понимаем, что нет ничего постоянного, мы не привязываемся к вещам. Если мы понимаем, что все является нашей частью, мы не пытаемся ничего удержать и не скорбим об утраченном. В общем, нельзя по-настоящему что-либо потерять, поскольку все — это часть Абсолюта, Единого, к которому мы в итоге вернемся.

Сейчас уже должно быть очевидно, что между этими мыслями и подходом греков много общего — особенно это касается стоиков⁷². Стоики учили, что

⁷² Помимо стоиков, данный подход к злу и страданию во многом разделяется западными философами, такими как Спиноза, Гегель, и мистиками, например Майстером Экхартом, а также писателями, такими как Ральф Уолдо Эмерсон и Уолт Уитман. Этот подход во многом определяет так называемую мысль «эпохи New Age», а также взгляды Мэри Бэйкер Эдди, основательницы «Христианской науки». Его основа — это отношение к Богу в рамках «пантеизма». Согласно «Stanford Dictionary of Philosophy»: «Пантеизм... означает веру в то, что любое существо — Единственное; а все остальные формы реальности — либо его состояния (или проявления), либо идентичны ему» (<http://plato.stanford>).

за миром стоит обезличенный, универсальный Логос, являющийся центром мироздания и определяющий все. Таким образом, самый практичный способ жить хорошо — это, как мы видели, «никогда не поддаваться своим страстям», но сдерживать свою любовь и радость во всем.

Французский философ Андре Конт-Спонвиль указывает на тесную связь между стоицизмом и буддизмом.

Чтобы превзойти страдание, необходимо отстраниться сердцем, страстно ничего не любить.

В обоих учениях отрицается, что «жизнь надеждой» — это хорошо. Напротив, и там и там говорится о том, что надежда пагубна. Если жить надеясь, что наши планы увенчаются успехом, если говорить себе, что наше счастье зависит от их реализации, в процессе мы будем беспокоиться и ощутим опустошенность, если цели не будут достигнуты. И сами будем виноваты⁷³. Как однажды написал греческий эссеист Плутарх, мы должны «безропотно и послушно подчиниться ходу вещей»⁷⁴.

edu/entries/pantheism). Популярное представление об обезличенном Божественном Духе, содержащем в себе и зло, и добро, отразилось во многих произведениях научной фантастики. В фильмах «Звездные войны» это — некая «Сила», единственная жизненная сила, пронизывающая всю жизнь, содержащая в себе не только добрую, «светлую» сторону, но и сторону «темную».

⁷³ Ferry, *Brief History*, pp. 43–49, где приведены тесные соответствия между буддизмом и греческим стоицизмом.

⁷⁴ Источник английского текста: Plutarch, *A Letter of Condolence to Apollonius*. По изданию: Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 43.

В эпоху развития христианства его последователи быстро начали привносить много новых идей в мир человеческой мысли. Эти идеи значительно отличались не только от языческих убеждений Запада, но и от восточной мысли, особенно по части боли и скорби⁷⁵. Невозможно переоценить важность христианского подхода к страданию, с учетом его успеха в Римской империи и его влияния на человеческое мышление.

Ранние христианские ораторы и авторы не только решительно заявляли, что христианское учение придает страданию больший смысл, они настаивали, что доказательством является реальная жизнь христиан. Киприан Карфагенский вспоминает, как во время ужасной чумы христиане не покидали больных любимых людей и не бежали из городов, в отличие от большинства язычников. Вместо этого они оставались ухаживать за больными и спокойно принимали смерть⁷⁶. Другие ранние христианские произведения, такие как «Послание к Римлянам» Игнатия Антиохийского и «Послание к Филиппийцам» Поликарпа Смирнского, указывают на поразительное самообладание, с которым христиане переносили пытки и смерть за веру. «Христиане пользовались страданиями, чтобы утвердить превосходство своей веры <...> [потому что] они

⁷⁵ См. Rittgers, *Reformation of Suffering*. Этот и следующий раздел во многом основываются на превосходном отражении данной темы в произведении Риттгерса и на его новаторском подходе.

⁷⁶ Cyprian, *On Mortality*, chap. 13. Приводится по: Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 45.

переносили страдания лучше язычников»⁷⁷. Греки учили, что сама цель философии — помочь нам перенести страдание и смерть. Исходя из этого, такие писатели, как Киприан Карфагенский, Амвросий Медиоланский, а за ними и Августин, доказывали, что христиане *достойнее страдали и умирали* — это было эмпирическим, видимым обоснованием того, что христианство — «высшая философия». В этом смысле разница между языческим и христианским населением была достаточной, чтобы сделать христианские утверждения по-настоящему правдоподобными. В отличие от настоящего момента, когда вследствие существования страдания и зла христианская вера подвергается критике и сомнениям, ранние христиане указывали на жизненные боль и страдания как на одну из главных причин принятия веры.

Почему первые христиане были так не похожи на нынешних? Не потому, что присущий им темперамент как-то отличался — они не были более выносливыми. Все дело в том, во что они верили в этом мире. Специалист по классике Джудит Перкинс утверждает, что объяснение греческой философской традиции было непрактичным и не удовлетворяло среднестатистического человека. Христианский подход к боли и злу имел больше места для горя и одновременно больше надежды, и являлся основным фактором привлекательности христианства⁷⁸.

Во-первых, христианство предоставляло больше причин для надежды. Люк Ферри в главе «Победа христианства»⁷⁹ соглашается с тем, что христианский

⁷⁷ Ibid., p. 47.

⁷⁸ Judith Perkins, *The Suffering Self: Pain and Narrative Representation in the Early Christian Era* (Routledge, 1995).

⁷⁹ Ferry, *Brief History*.

подход к страданию был основной причиной полного поражения греческой философии и становления христианства как преобладающего мировоззрения в Римской империи. Для Ферри одно из главных различий было связано с христианским учением о любви и смысле личности. Самое очевидное различие — это христианская доктрина о будущем воскресении тела и обновлении материального мира. Философы-стоики учили, что после смерти мы продолжаем существовать как часть вселенной, но не обладаем индивидуальной формой. Ферри подводит итог: «Стоическая доктрина о спасении — абсолютно анонимна и обезличена. Да, она обещает нам вечность, но вечность обезличенную, ничего не осознающий *фрагмент мироздания*»⁸⁰. Но христиане верили в воскресение — благодаря сотням реальных свидетелей, исповедовавших учение воскресшего Христа. Это — наше будущее, и это означало, что мы спасены как личности — мы сохраним свою индивидуальность, которая станет прекраснее и совершеннее после смерти. Итак, в итоге наше будущее — это будущее совершенной, свободной любви — любви к Богу и другим. Амвросий писал:

Да будет различие между рабами Христовыми и идолопоклонниками; пусть плачут они о своих, которых во веки погибнуть ожидают... Нам же, которые почитаем смерть не концом природы, но только этой жизни, случай смерти да утрет все слезы наши⁸¹.

⁸⁰ Ibid., p. 52.

⁸¹ Ambrose of Milan, *On the Death of Satyrus*. По изданию: Rittgers, *Reformation of Suffering*, pp. 43–44.

Греческие философы, особенно стоики, пытались «со всей смелостью освободить нас от страхов, связанных со смертью, но при этом уничтожали личность»⁸². Но христианство предложило нечто гораздо более убедительное. Ферри говорит, что человек «больше всего желает воссоединиться со своими любимыми и, если возможно, с их голосами, их лицами, увидеть их не в форме однообразных фрагментов, таких как камушки и овощи»⁸³.

Не существует более яркого описания этих различий между христианством и древним язычеством, чем слова апостола Иоанна в первой главе Евангелия, в Новом Завете. Здесь Иоанн блестяще вводит одну из главных тем греческой философии, так начиная свое повествование: «в начале [времен] был Логос» (Ин. 1:1). Но затем отмечает: «И Логос стал плотью, и обитал с нами <...> и мы видели славу Его» (Ин. 1:14). Это заявление будоражило умы. Иоанн говорил: «Мы согласны, что вселенная имеет установленный порядок и что смысл жизни заключается в том, чтобы быть в гармонии с ним». Но Иоанн также говорил, что Логос, на котором зиждется вселенная — не абстрактный, рациональный принцип, который можно познать только с помощью возвышенных размышлений образованной элиты. Скорее, Логос вселенной — это Человек, Иисус Христос, Которого может любить и познавать кто угодно через личные отношения. Ферри следующим образом характеризует идею Иоанна, высказанную перед лицом культуры: «Божественное... больше не было обезличенной структурой, но необычайной

⁸² Ibid., p. 52.

⁸³ Ibid., pp. 52–53.

личностью»⁸⁴. Ферри утверждает, что этот «непостижимый переход» оказал «неизмеримое влияние на историю мысли».

И больше места для горя

Другое значительное различие между греческими философами и христианством проявлялось в том, насколько сильнее христианское утешение позволяло выражать горе и скорбь. Слезы и крики не подавляются и даже не ограничиваются — они естественны и благотворны. Киприан цитирует апостола Павла и говорит, что христианам *действительно* следует скорбеть, но при этом иметь надежду (1 Фес. 4:13)⁸⁵. Христиане не воспринимали скорбь как бесполезную эмоцию, которую необходимо подавить любой ценой. Амвросий не извинялся за свои слезы и скорбь в связи со смертью брата. Указывая на слезы Иисуса у гроба Лазаря, он написал: «Но плачем нашим не великий совершили мы проступок; ибо не всякий плач есть знак неверия или слабости <...> Плакал и Господь наш: Он о чужом, я же — о брате; Он в одном плакал обо всех, а я во всех буду оплакивать тебя, возлюбленный брат»⁸⁶.

Христиане справлялись со страданием, как правило, не посредством подавления отрицательных эмоций и управления ими. Они не прибегали к помощи рационального начала и силы воли. Истинная

⁸⁴ Ibid., p. 63.

⁸⁵ Ibid., p. 46.

⁸⁶ Ibid.

реальность в основном познавалась не через разум и размышление, но через отношения. Спасение достигалось смирением, верой и любовью, а не разумом. Таким образом, реакция христиан на бедствия — не разлюбить людей и предметы этого мира, как это сделали стоики; а еще больше полюбить и радоваться в Боге. Ферри говорит: «Августин, раскритиковав идею любви как привязанности в целом, не запрещает ее, когда объект ее — Божественный»⁸⁷. То есть, хотя христианство и соглашалось с языческими авторами (чрезмерная привязанность к земным благам может привести к излишней боли и скорби), оно также учило, что в ответ нужно любить материальные блага меньше, а Бога любить больше всего. Только когда мы любим Бога больше всего — так, что даже в смерти мы Его не разлюбим, — мы можем принимать все со смирением. Скорбь не нужно было уничтожать, но правильно к ней относиться и подкреплять любовью и надеждой.

Помимо использования любви и надежды для укрепления в нашей скорби, христиан призывали помнить об утешении, которое мы получаем от знания, что Бог заботится о нас как Отец. Древние утешители советовали страждущим принимать неизбежность бессердечной судьбы. Они утверждали, что судьба действует произвольно, судьба — это колесо фортуны, неразумное и бесцельное. Следовательно, мы должны с ней смириться и не проникаться жалостью к себе и не жаловаться⁸⁸. Христианство

⁸⁷ Ibid., p. 86.

⁸⁸ Даже Сенека, веривший в Бога, считал, что Бог подвержен велениям судьбы. В греко-римском представлении судьба обезличена, ее законы невозможно объяснить, к судьбе нельзя взывать о справедливости — это безусловная ошибка.

резко противилось этой точке зрения. Взамен многочисленных богов и центров власти, боровшихся друг с другом, и обезличенной судьбы, управлявшей всем, христианство предложило греко-римской культуре

РЕАКЦИЯ ХРИСТИАН НА БЕД-
СТВИЯ — НЕ РАЗЛЮБИТЬ ЛЮ-
ДЕЙ И ПРЕДМЕТЫ ЭТОГО МИ-
РА, А ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПОЛЮБИТЬ
И РАДОВАТЬСЯ В БОГЕ.

абсолютно новое видение. Историк Рональд Риттгерс пишет, что христиане заявляли о существовании Единственного Создателя, Который поддерживал мир Своей личной мудростью и любо-

вью, «что было прямо противоположно языческому политеизму и языческим представлениям о судьбе»⁸⁹. Он дает следующую характеристику: «Этот Бог создал человечество для дружеских отношений с Ним» и допускал смерть и страдание, только когда человеческий род отпадал от этого братства, чтобы стать хозяином самому себе — «смерть и невзгоды просто не были частью оригинальной природы вещей». После грехопадения и возникновения боли и зла Бог начал процесс спасения, дабы восстановить человеческое братство через Христа. В то время «искуше-

Судьба изменчива и случайна, даже когда получает поэтическую персонификацию в произведениях античной литературы. В своем трактате «Утешение философией» Боэций прекрасно выражает свою позицию: «Если ты считаешь, что Судьба изменила свое отношение к тебе, ты ошибаешься. Перемена — это ее обычное поведение, ее истинная природа... Ты обнаружил переменчивый лик случайной богини... Своей властной рукой она крутит колесо фортуны, будто непостоянные волны, меняющие свое направление в заливе. Она не слышит криков боли, не замечает слез, но деяния ее вызывают ожесточенный смех от звука стонов». Перевод с английского выполнен с издания: Boethius. *The Consolation of Philosophy*, trans. Victor Watts (rev. ed.; Penguin, 1999), pp. 23–24.

⁸⁹ Ibid., p. 46–47.

ния, бедствия и несчастья» использовались Всевышним «для испытания человеческих душ». Вместе с ними Он давал «надежду на освобождение от них. Именно Он изъясал жало смерти»⁹⁰. Несмотря на то что пути Господни для нас неисповедимы, мы все равно верим, что Отец наш Небесный заботится о нас и находится рядом с нами, Он ведет и защищает нас в любых жизненных обстоятельствах.

Победа христианства

Медленно, но верно, христианское мировоззрение заменило более раннее языческое, и его идеи стали превалировать в обществе. Одно из важнейших изменений снова было связано с доктриной воскресения. Христиане учили, что Иисус воплотился физически, и спасет наши физические тела, и воскресит их. В отличие от греческого учения, подобная идея подразумевает, что *эта* материальная жизнь несет положительный характер, и ею стоит наслаждаться. Мы не должны презирать удовольствия и удобства обычной жизни и отношений, и не должны отстраняться от них. «Христианская религия не посвящена всецело брани против тела, плоти, чувств — пусть атеисты и хотят, чтобы мы считали именно так», — пишет Ферри⁹¹.

Но в воскресении заключено нечто большее. Ферри ярко описывает чувство невосполнимой потери, присущей нашему существованию, цитируя стихотворение Эдгара Аллана По «Ворон». Мрачная птица

⁹⁰ Ibid., p. 47.

⁹¹ Ibid., p. 89.

повторяет всего одно слово: *никогда*. Содержательность ужасает: это слово передает необратимость жизни. Проходит наша юность, мы покидаем дом своего детства, от нас уходят наши любимые люди — этого уже не вернуть. Необратимость похожа на смерть посреди жизни. И здесь мы обращаемся к доктрине телесного воскресения. Даже религии, которые учат о том, что бессметную душу ждет райское блаженство, могут предложить только утешение за утраченную нами жизнь, но христианство предлагает *восстановление* жизни. Нам не просто возвращают тело — нам дарят тела, которые мы не имели, но хотели иметь — такие, которые нам даже не снились. Нам не просто возвращают жизнь — нам дарят жизнь, которую мы желали иметь, но не имели. Все потому, что христианская надежда — это не просто неосязаемое бестелесное существование, но такое существование, при котором душа и тело наконец находятся в идеальном союзе; такое, при котором мы танцуем, поем, заключаем друг друга в объятия, работаем и играем. Итак, христианская доктрина о воскресении отменяет кажущуюся необратимость смерти. Ворон больше не произносит «никогда».

Ферри делает удивительный вывод, который сложно опровергнуть с исторической точки зрения:

Пользуясь тем, что христианство считало слабым местом греческой мудрости, оно создало новую доктрину спасения, настолько эффективную, что она указывала на разногласия в философских течениях античного периода и преобладала в [западном] мире почти пятнадцать сотен лет... [христианство], похоже, является единственным объяснением спасения, которое позволяет нам не

только побороть страх смерти, но вообще уничтожить саму смерть⁹².

После того как христианские проповедники и авторы утвердили эти основы для принципиально нового способа борьбы со страданием, они начали изучать Библию и разрабатывать более подробные и практичные ресурсы для утешения страждущих. Результатом стало постоянно совершенствующееся и проработанное наследие для утешения и «лечения» страждущих душ. Христианские утешители начали признавать существование огромного разнообразия форм страдания. Более ранние мыслители не рассматривали страдание так же, и это было одним из самых поразительных нововведений.

В конце ранней христианской истории святой Григорий I Великий (Двоеслов), папа римский (ок. 540–604 гг.), возможно, был самым влиятельным автором, размышлявшим на тему исцеления души. Его «Пастырское правило» и «Моралии» (серия проповедей о книге Иова) были самыми значимыми произведениями⁹³. С одной стороны, святой Григорий отрицал мысль, что страдание — это иллюзия или результат капризной судьбы: страдание всегда имеет цель. Люди были не беспомощными жертвами непреклонной судьбы, они были в руках мудрого Бога, и святой настаивал, что мы не должны сетовать на

⁹² Ibid., pp. 53, 90.

⁹³ Gregory the Great, *The Book of Pastoral Rule*, trans. George Demacopoulos (St Vladimir's Seminary Press, 2007), а также очерк по данной работе в книге: Thomas C. Oden, *Care of Souls in the Classic Tradition* (Fortress Press, 1984). Общий очерк произведений Григория Великого «Moralia» («Моралии») и «Pastoral Rule» («Пастырское правило») приводится в книге: Rittgers, *Reformation of Suffering*, pp. 49–52.

жестокую, слепую судьбу, но терпеливо переносить свои страдания, как Иов.

В то же время он предупреждал о противоположной ошибке — ошибке морализма, свойственной индуистской идее кармы, веры в то, что мера нашего страдания зависит от меры наших грехов. Святой Григорий учил: страдание — последствие челове-

Иногда страдание необходимо, чтобы покарать человека за преступное поведение и исправить его.

ского греха, но это не значит, что отдельные виды страдания — всегда результат конкретных грехов. Он предостерегал от выявления слишком тесной связи между

грехом и страданием, ведь, в конце концов, книга Иова среди прочего учит нас именно этому. В «Моралиях» святой Григорий показывает, как друзья Иова настаивают на его великом страдании — наказании за равновеликую греховность. Но они не могут понять, что в мире существует множество различных типов страдания, и что оно отвечает «ряду целей божественной системы»⁹⁴. Иногда страдание необходимо, чтобы покарать человека за преступное поведение и исправить его (как это было с Ионой, который чуть не погиб в бурю). Иногда страдание необходимо «не для того, чтобы загладить прошлые грехи, но дабы предотвратить будущие» (как в случае с Иосифом, которого продали в рабство). А иногда у страдания всего одна цель: помочь человеку горячо полюбить Бога как такового, не за что-то конкретное, и таким образом обрести высший мир и свободу. Страдание Иова, с точки зрения святого Григория, принадлежит к последней категории⁹⁵.

⁹⁴ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 51.

⁹⁵ Ibid., p. 53.

Бог-Личность всегда действует осмысленно, и в Библии можно увидеть множество примеров того, как страдание влияет на жизнь. Ранние христианские духовные наставники не верили в существование универсального способа утешить человека или помочь ему справиться с бедствиями.

Реформация страдания Лютером

После эпохи святого Григория Двоеслова Церковь постепенно, но заметно стала склоняться к следующей мысли. «Правильная реакция [на страдание] — терпеливо переносить его и, таким образом, с помощью Божественной благодати, стать достойным раба...»⁹⁶. Другими словами, страдание стало способом расплаты за грехи, что вторит идее восточных кармических религий. Если с терпением принимать страдание, оно аннулирует часть твоих грехов и помогает получить расположение Бога и пропуск в вечное блаженство.

Например, богослов позднего Средневековья Йоганн фон Пфальц в 1504 году написал «Приложение к Горней сокровищнице». В этом произведении он утверждает, что терпение перед лицом страдания очень ценно с этической точки зрения. Даже если ты прожил всю свою жизнь в грехе, ты можешь стать достойным полного отпущения. Просто в последние мгновения жизни прими смерть с неослабевающей верой. Рональд Риттгерс отмечает, что подобный акцент на спасении посредством страдания на самом деле является отступлением от раннехристианского

⁹⁶ Ibid., p. 61.

учения к более языческому запрету на любое внешнее выражение горя. В результате фактически появился, по определению Риттгерса, «христианизированный стоицизм»⁹⁷. Демонстрация горя или крики боли могут быть восприняты небесами как отсутствие бесприкословной веры, и, следовательно, подобные вспышки были бы менее эффективными в деле получения прощения долгов за моральное падение. Таким образом, самым главным было подавление эмоций и спокойное принятие страдания безо всяких вопросов. Восклицаниям Иова и плачевной интонации псалмов не было места в подобном видении предмета. Богатое, многоуровневое учение Библии о понимании боли и страдания и их преодолении сводилось к молчаливому их перенесению.

Но с распространением европейской Реформации, а особенно библейского учения Мартина Лютера, не только обновилась Церковь вообще, но и углубилось христианское понимание страдания в частности. Лютер отрицал средневековое видение страдания как постепенного процесса развития добродетели, которое в конечном итоге приводило к вечной жизни. Он считал, что спасение достигается верой. В целом эта вера — не полноценное внутреннее качество, но «возможность по сути принимать все». Вера подразумевает веру в обетование Бога, посредством которого мы получаем спасение — дар Христа, поданный нам через Его спасительные действия, а не через наши собственные. Так, христианское страдание обретало «революционный подтекст»⁹⁸.

Лютер проповедовал, что нет ничего важнее для человека, чем увидеть собственное бессилие для спа-

⁹⁷ Ibid., p. 62.

⁹⁸ Ibid., p. 88.

сения. В глазах Бога нас можно считать по-настоящему праведными и принять всецело через веру во Христа, исключительно по благодати, данной добровольно. Понять и усвоить эту идею означает наконец почувствовать свободу от сокрушительной ноши — необходимости доказывать, на что ты способен, доказывать обществу, семье, другим людям или даже самому себе. Это свобода от страха перед будущим, от любого беспокойства о своем пути в вечности. Не существует идеи, которая делает человека более свободным, и она в конечном счете позволяет перенести любое страдание, потому что благодаря кресту ты знаешь, что Бог всецело на твоей стороне, а благодаря воскресению — что в итоге все будет хорошо.

Убеждение, что мы спасемся через собственную добродетель, через состояние нашего сердца или наши добрые дела, придает нашей жизни чувство серьезной неуверенности и небезопасности. Если Бог ведет Себя с нами так или иначе вследствие нашей жизни, а наша жизнь всегда далеко не идеальна, мы никак не можем быть уверены, что Он всецело посвящает Себя нам, любит нас. Чтобы избежать этой неуверенности, мы должны отказаться от иллюзии, что через нашу мудрость и силу мы можем создать безопасные и высококачественные условия для своего существования или сделать так, чтобы Бог был должен нам такую жизнь.

С точки зрения Лютера, страдание играет двойную роль. Прежде чем мы ощутим радость и любовь, помогающие нам переносить и преодолевать страдания, они должны освободить нас от гордости и привести к обретению истинной радости и чувства безопасности во Христе. Иной безопасности не существует. Лютер заявляет: «Поскольку Бог забирает у нас все, всю нашу жизнь, через многие испытания, сердце может сохранять мир и переносить эти испытания,

если только оно не привязано к материальным благам, то есть, когда оно соединяется с Богом через веру»⁹⁹. Страдание рассеивает иллюзию, что у нас есть сила и средства к управлению собственной жизнью и

По мнению Лютера, если Бог ведет себя с нами так или иначе вследствие нашей жизни, которая далеко не идеальна, мы никак не можем быть уверены, что Он любит нас.

спасением. Люди «становятся ничем через страдание», чтобы наполниться Богом и Его благодатью¹⁰⁰. «Это свойство Бога, — писал Лютер, — создавать нечто из ничего; следовательно, Бог не может создать нечто из человека, который не является ничем».

Следовательно, Бог принимает только покинутых, исцеляет только больных, дарует зрение только слепым, возвращает жизнь только мертвым, освящает только грешников, дарует мудрость только неразумным. В общем, Он милостив только к тем, кого нужно жалеть¹⁰¹.

Теология креста

Но страдание было далеко не просто подготовительным духовным процессом для Лютера. Именно он ввел понятие «теология креста» в ответ на «теологию славы».

⁹⁹ Martin Luther, *Luther's Works*, Volume 29: *Lectures on Titus, Philemon, and Hebrews*, ed. Jaroslav Pelikan (Concordia, 1968), p. 189. Приводится по: Rittgers, *Reformation of Suffering*, pp. 103–104.

¹⁰⁰ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 95.

¹⁰¹ Martin Luther, *Luther's Works*, Volume 14: *Selected Psalms III*, ed. Jaroslav Pelikan (Concordia, 1968), p. 163.

Мир ждет сильного Бога. Его последователи будут благословенны и успешны, только если соберутся с силами и исполнят Его законы всецело. Так считали друзья Иова, фарисеи времен Иисуса. Согласно Лютеру, таков был образ мыслей большинства современных ему руководителей средневековой Церкви. Такова была «теология славы», но не теология Библии. Поразительная идея Писания скорее говорит о том, что слабость, страдание и смерть на кресте — это глубочайшее откровение характера Бога. Это «полностью идет вразрез с представлением человечества о местонахождении Бога»¹⁰². Лютер включает в свои «Гейдельбергские диспутации» следующее:

Не достоин звания теолога тот, кто незримые свойства Бога рассматривает как явленные чувствам в творениях.

Достоин звания теолога лишь тот, кто зримые и явленные свойства Бога воспринимает как видимые сквозь страдания и крест¹⁰³.

Лютер говорит: теологи «славы» считают, будто пути Бога «абсолютно видимы». Таким образом, друзья Иова были уверены, когда все у тебя складывается хорошо, ты живешь праведно, и Бог тобой доволен; а когда у тебя все плохо, ты живешь неправедно, и Бог тебя оставил. Они думали, что понять цели и планы Бога легко. Но страдания Иова действительно были загадочны, а цели Бога скрыты от Иова, и большинство из них — даже от читателей. И все же агония

¹⁰² Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 112. Chapter 5, «Suffering and the Theology of the Cross», pp. 111–124.

¹⁰³ Перевод выполнен с английского издания: Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 112.

и страдания Иова привели к одному из глубочайших откровений, касающихся природы Создателя в Библии и во всей истории литературы вообще — и к изменению характера Иова.

Точно так же религиозные лидеры времен Иисуса ждали Мессию, Которого будет просто понять, Который уничтожит римскую власть и приведет народ Израиля к политической независимости. Они не могли понять слабого, страждущего и распятого Мессию. Те, кто видел, как Иисус умирает на кресте, даже не подозревали, что наблюдают величайший подвиг спасения. Могли ли свидетели распятия «абсолютно ясно увидеть» пути Бога? Нет — несмотря на то что узрели чудо благодати. Они увидели только тьму и боль, а человеческий разум мыслит такими категориями, которые никак не предполагают, что Бог может действовать в подобных условиях и таким образом. Поэтому они призывали Иисуса «сойти с креста» и, насмехаясь, говорили: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти» (Мф. 27:42). Но они не осознавали, что Христос мог спасти других только потому, что не спас Себя.

Только через слабость и боль Бог спас нас и показал нам, наиболее ярко, бесконечные глубины Своей благодати и любви к нам. Действительно, вот бесконечная мудрость — одним действием было совершенно справедливое требование закона и получено прощение преступников. В одном моменте полностью проявились любовь и правосудие Божие. Этот Мессия пришел умереть, чтобы положить конец самой смерти. Только через слабость и страдание можно было искупить грех — это был единственный способ умертвить зло, не умертвив людей.

Лютер считал возглас Иисуса на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46)

«величайшими словами всего Писания»¹⁰⁴. Лютер лично был знаком с тем, что называл *Anfechtungen*, это означает «нападение» мира, плоти и дьявола на человеческое существо посредством зла и страдания в жизни. Для Лютера «*Anfechtung* — это состояние безнадёжности и беспомощности, очень близкое к понятию *Angst* [ужас]»¹⁰⁵. Но Лютер видел глубокую парадоксальность в этих словах, указывающих на ощущение покинутости на кресте. Христос, будучи человеком, также испытал чувство богооставленности; он познал *Anfechtungen* в высшей степени — ни один другой человек никогда не сможет испытать подобное. Итак, вот что имеется в виду в Послании к Евреям в Новом Завете. Оно побуждает нас обращаться к Иисусу за необходимыми нам милосердием и благодатью, поскольку Он способен «сострадать нам в немощах наших, но [Который], подобно [нам], искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). В самом деле, Лютер видел, что «во Христе богооставленный грешник имеет Спасителя, Который взял на Себя глубины человеческого отчуждения от Бога, и преодолел их»¹⁰⁶.

ТЕ, КТО ВИДЕЛ, КАК ИИСУС УМИРАЕТ НА КРЕСТЕ, ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЛИ, ЧТО НАБЛЮДАЮТ ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОДВИГ СПАСЕНИЯ.

¹⁰⁴ Ibid., p. 117.

¹⁰⁵ Alister McGrath, *Luther's Theology of the Cross: Martin Luther's Theological Breakthrough* (Blackwell, 1990), p. 170.

¹⁰⁶ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 117. Лютер пошел дальше многих богословов Реформации, утверждая, что Бог, даже имея Божественную природу, испытал страдание. Конечно, Лютер считал, что Божественная природа Бога не способна утратить свое всемогущество. Однако Лютер «отмечал, что Бог захотел, чтобы Его божество соединилось с человеческой природой во Христе таким образом, чтобы можно было сказать,

Итак, почему же мы удивляемся, спрашивает Лютер, что наши жизни часто наполнены тьмой и болью? Даже Сам Бог во Христе не избежал их. Хотя цели Бога часто скрыты от нас и неясны, как Иову и свидетелям у креста, мы, имеющие учение Библии и понимающие библейскую идею, знаем: чтобы подняться вверх, нужно идти по дну. Путь к власти, свободе и радости лежит через страдание, потери и печаль.

Это не значит, что посредством вышеупомянутых негативных проявлений мы автоматически получаем что-то хорошее. Бог не действует на уровне «услуга за услугу». Страдание приводит к внутреннему росту, только если мы понимаем, как Христос страдал и действовал ради нас. Лютер учил: «Христиане не могут страдать со Христом», т. е. они не могут подражать его терпению и любви в тяжелой ситуации, «пока не познают всю пользу, принесенную страданием Христа за них», на их месте¹⁰⁷. Лютер по собственному опыту знал, как жестоко страдание мучает нас, если мы не уверены в Божественной любви к нам. Средневековое учение о том, что мы можем расположить Бога к себе, если будем терпеливы в страдании, просто утрачивает смысл. Так мы никогда не

что Божественная природа поистине страдает». Утверждения Лютера в некоторой степени отражают его личное видение *communicatio idiomatum* — то, как соотносятся свойства Божественной и человеческой природы Христа. В евхаристических спорах двадцатых годов XVI века Лютер настаивал, что эти две природы могут передавать друг другу свои свойства, с чем не согласились многие богословы Реформации. Тем не менее, мысль о том, что библейский Бог участвует в человеческом страдании и познал его, является библейским учением — тем, которое отделяет христианство от других религий.

¹⁰⁷ Ibid., p. 115.

приобретем мирное состояние сознания, поскольку не знаем, достаточно ли смиренно принимаем страдание и насколько чисто наше сердце.

Несомненно, Лютер был прав в своем убеждении, что чистое сознание, возможно, было единственной важной предпосылкой к спокойному принятию страдания. Мы не должны использовать терпение для пребывания в мире со Христом — нам нужно пребывать в мире со Христом, чтобы иметь терпение. Мы должны чувствовать успокоение от факта страдания Сына Божьего за нас, прежде чем страдать, как Он. Когда мы знаем, что Он любит нас безусловно, несмотря на наши недостатки, мы знаем, что Он с нами и действует, когда нам больно и горько. И мы можем познать, что Он не просто рядом с нами, но пребывает внутри нас. Поскольку мы — части Его тела, Он ощущает наши страдания как Свои собственные (ср. Деян. 9:4; Кол. 1:24).

Расцвет «имманентной схемы»

В эпоху раннего Нового времени христианство также преобладало в Европе и колониях Нового Света. Но за последующие пятьсот лет все изменилось. Философ Чарльз Тейлор спрашивал: «Почему в нашем западном обществе, скажем, в 1500 году, не верить в Бога было практически невозможно, а в 2000 многим из нас это кажется не просто допустимым, но вообще неизбежным?»¹⁰⁸. За прошедшие пять веков западные общества, изначально наполненные верой

¹⁰⁸ Taylor, *Secular Age*, p. 25.

и религией, постепенно стали более светскими. Влияние религии и веры в общественных институтах уменьшается. Вера в Бога допускается, но постоянно оспаривается как проблематичная и воспринимается как один из жизненных вариантов.

Для описания современной секулярности Тейлор вводит в обращение ряд уникальных терминов. Он говорит, что сегодня мы находимся внутри «имманентной схемы» — осознания мира как абсолютно естественного порядка, противопоставленного сверхъестественному. Этот мир «абсолютно «имманентный» и противопоставлен возможному «трансцендентному» миру»¹⁰⁹. Также он использует термин «буферное «я»». В более раннее время понятие «я» было «открытым и пористым». В это понятие, например, входила душа, соединявшая нас с Богом и духовным миром. Следовательно, значительная часть нашей природы, чувств, интуитивных представлений и взглядов находилась под влиянием внешних сил, сил неподвластных нашему контролю. Часто предполагалось, что человек должен искать в природе и в Боге познание, как правильно жить. Однако современным людям присуще «буферное «я»», ограниченное самим собой. Поскольку не существует трансцендентного, сверхъестественного порядка вне меня, именно я решаю, кто я и кем я стану¹¹⁰. Мне не нужно смотреть вовне, чтобы узнать, как жить. Сегодня я — «хозяин значения предметов»; действи-

¹⁰⁹ Ibid., p. 542.

¹¹⁰ Я знаю, что порядок, в котором я размещаю эти фразы и понятия, может создать впечатление, что имманентная схема — «буферный мир» — привела к «буферному я». На самом деле Тейлор считает, что современное «я» предшествовало современному миру. Почему он так считал, сложно объяснить, поэтому я не буду на этом останавливаться в этой книге.

тельно, теперь «мы заявляем, что мы — законодатели смысла»¹¹¹.

Тейлор утверждал, что переход к этому новому пониманию требовал заметной «уверенности в собственных силах создания нравственного порядка»¹¹². Раньше мы были гораздо более скромными, когда взвешивали свои способности познания вселенной. Дело в том, что вселенная была больше. Она была бесконечно таинственна — человеческий разум не мог постичь ее глубины. «Есть многое на свете», что нашему человеческому разуму «и не снилось». Вселенная не была просто ограничена имманентностью; она была пронизана духовностью. Но имманентная схема развивалась и разрасталась вместе с буферным, самодостаточным «я». Тейлор говорит научным языком, но каждый день более популярные и яркие выражения доказывают его точку зрения. Недавно в одной статье в *New York Times* была отмечена тенденция: люди, особенно женщины, давали себе новые имена. Одна женщина сменила имя после развода и объяснила это так: «Во многих смыслах выбор собственного имени был символичен. Для меня это означало, что я беру полную ответственность за свою жизнь на себя. Я должна была строить собственное счастье, искать в себе силы, быть собственной движущей силой»¹¹³.

Переход к имманентной схеме не уничтожил веру в Бога целиком, но изменил ее. Схема не была непрерывна с четырех сторон — наверху был промежуток.

¹¹¹ Taylor, *Secular Age*. Цитаты взяты с нескольких страниц книги (р. 38, р. 581).

¹¹² Ibid., р. 27.

¹¹³ Megan L. Wood, “When the New You Carries a Fresh Identity, Too”. *The New York Times*, February 17, 2013.

Тейлор объясняет, как в среде элиты восемнадцатого века стал популярен деизм. Смысл деизма заключался в том, что Бог создал мир ради нас, и теперь он существует сам по себе, без Его постоянного или прямого участия. Этот мир работает как часовой механизм, и его можно понять с научной точки зрения, не обращаясь к Божественному откровению. При подобном понимании вещей Бог существует, но становится кем-то или чем-то отдаленным, не тем, кого мы можем узнать. Наша основная зона ответственности — не в том, чтобы любить Его, поклоняться Ему и слушаться Его, и, если нам это не удастся, искать Его прощения. Вместо этого главная задача человечества — использовать свой разум и свободную волю для обеспечения процветания человека. В общем, более ранняя христианская идея о том, что мы существуем ради славы Бога, потеряла значение и была заменена верой в то, что Бог существует, чтобы заботиться и поддерживать нас.

Природное зло и Лиссабонское землетрясение

Великое Лиссабонское землетрясение 1755 года — один из первых примеров столкновения нового современного «я» со злом и страданием. Эта катастрофа — знаменитый образец так называемого «природного зла»: когда страдание вызвано не человеком, а является частью природного мира. В День всех святых, 1 ноября, серьезное землетрясение практически полностью уничтожило главный город Португалии. Погибли десятки тысяч людей. Многие философы и мыслители

Европы, например Вольтер, видели в нем доказательство против существования любящего библейского Бога. Оглядываясь на это событие с точки зрения светской культуры, мы можем решить, что «проблема зла» — сомнение в Боге во время катастрофы — была абсолютно естественной. Сегодня каждая новая серьезная трагедия порождает те же самые вопросы со стороны общественности и бросает вызов вере в Божественное.

СЕГОДНЯ КАЖДАЯ НОВАЯ СЕРЬЕЗНАЯ ТРАГЕДИЯ ПОРОЖДАЕТ ТЕ ЖЕ САМЫЕ ВОПРОСЫ СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И БРОСАЕТ ВЫЗОВ ВЕРЕ В БОЖЕСТВЕННОЕ.

Но Тейлор отмечает, что дискурс на тему «проблемы зла» в свете Лиссабонского землетрясения в действительности только возник. Конечно, люди ставили под сомнение поведение и правосудие Бога касаясь человечества со времен книги Иова и ранее. Но чтобы до трагедии кто-либо утверждал, что зло делает невозможным существование Бога — фактически тому нет документальных подтверждений. Суждение «зло — это доказательство отсутствия Бога» могло появиться, только если бы к тому моменту предположения имманентной схемы уже были доступны. Тейлор пишет: когда западное общество верило в загадочный и непостижимый разумом мир и в славного и неопишуемого Бога, проблема зла стояла «менее остро». С этой точки зрения, можно было ожидать такое зло, которое нельзя объяснить. Но из-за секулярного характера деизма проблема зла значительно ухудшалась, по двум причинам.

В более ранние времена при возникновении страдания один только факт, что мы не могли придумать хороших на то причин, не означал, что их не было. Мы были более скромны, когда размышляли о своей

способности понимания мира. Но к восемнадцатому веку люди стали верить в силу разума и рациональности, с помощью которых можно постичь все. Мы стали уверены, что способны к всестороннему наблюдению, и эта убежденность изменила отношение человека к страданию. Зло отныне становилось гораздо более серьезной проблемой.

Уверенность в наличии всех элементов, необходимых для прохождения божественного испытания <...> может появиться только в эпоху картины мира... Ранее, в отчаянном положении в мире, созданном [Богом], мы были более склонны обратиться к Нему за помощью и спасением. Мы принимали тот факт, что не способны понять, как Его создание попало в такое положение, и чья это вина (видимо, наша). Теперь, когда мы понимаем, мы видим, как все происходит... люди в кофейнях и салонах начали выражать свое недовольство, размышляя на тему Божественной справедливости, а теологи начали чувствовать, что они должны решить эту задачу¹¹⁴.

Во-вторых, люди стали верить, что мы были созданы в первую очередь не для того, чтобы служить Богу ради Него Самого. Скорее, Бог создал мир для нас. Но, говорит Тейлор, именно деистическое представление о Боге, а не традиционное христианское, было поставлено под сомнение.

Когда мы утверждаем, что понимаем вселенную и ее принципы; когда мы даже пытаемся объяснить, как все происходит, предполагая, что она

¹¹⁴ Taylor, *Secular Age*, p. 232.

была создана ради нас, тогда это объяснение можно оспорить... Очевидно, что катастрофа в Лиссабоне в 1755 году была не во благо нам. Так имманентный порядок повышает ставки¹¹⁵.

Если верить, что мир создан Богом нам во благо, страдания и зло обязательно разрушают наш взгляд на жизнь. Ужасное зло для тех, в ком еще осталось христианство — с верой в далекого Бога, существующего ради нас — стало гораздо более серьезной проблемой, чем раньше, во время полноценной ортодоксальной веры, не ослабшей вследствие имманентной схемы. Другими словами, страдание и зло опровергают существование Бога, только если воспринимать Бога определенным образом, и, если это восприятие уже является отступлением от более традиционного, ортодоксального взгляда. Очень часто скепсис зарождается еще на уровне предположений. Можно утверждать, что внутри имманентной схемы идея библейского Бога изначально обречена на провал, когда дело касается зла и страдания.

Остаточное христианство и проблема зла

Часто говорят, что процесс перехода культуры от религиозных ценностей к светским в Соединенных Штатах шел медленнее, чем в Европе и Канаде, но тем не менее влияние секуляризацииросло. Несмотря на деизм основателей Америки, таких как Томас Джефферсон, несколько раз страна переживала значительное

¹¹⁵ Ibid., p. 306.

духовное пробуждение, и американская общественная культура впитала христианские убеждения. В частности, верой в универсальность человеческого греха: каждый человек по своей природе склонен к великому злу и способен его совершить. Это значит, что «этическое зло» — мучительные страдания и боль, причиняемые одними людьми другим — можно было легко объяснить. Они считались присущими грешному человечеству. Помимо этого, доктрина врожденной греховности человека объясняла природное зло. Наш отказ от Бога разъяснял, почему наш мир стал мрачным и пришел в запустение — ведь над ним стоит справедливый Бог. Таким образом, землетрясения и вторжения были поводом призвать общественность к общей молитве и покаянию.

Но Америка стала отступать от более ранних убеждений, касающихся человеческой греховности, духовной слепоты и беспомощности без поддержки Бога. Эндрю Дельбанко написал книгу «Смерть Сатаны». В этой книге он отслеживает, как в начале девятнадцатого века американская культура начала отклоняться от христианских доктрин о реальности Сатаны и зле, свойственном человеческой природе. «Эгоистическая гордость, — писал он, — которая когда-то была печатью дьявола, стала не просто законной эмоцией, но неоспоримым богом Америки <...> Либеральный индивидуализм приобрел в эти годы свою современную форму»¹¹⁶.

И вот мы пришли к настоящему времени. Все части нашего западного общества живут внутри секулярной схемы, и она влияет на большинство людей,

¹¹⁶ Andrew Delbanco, *The Death of Satan: How Americans Have Lost the Sense of Evil* (Farrar, Straus, and Giroux, 1995), pp. 106–197.

хотя многие все еще исповедуют достаточно традиционную веру в Бога. Мы считаем, что способны управлять собственной судьбой; можем сами решить, что правильно, а что нет; и мы думаем, что Бог обязан устроить все нам во благо, особенно если наша жизнь достаточно праведна в соответствии с нашими собственными стандартами. Социолог Кристиан Смит называет этот образ мыслей «моралистическим, терапевтическим деизмом»¹¹⁷. Многие люди с этим типом мышления считают себя верующими в Бога, а другие идут дальше и называют себя христианами. Но секуляризация, как мы видели, размывает традиционные взгляды. И эта секуляризированная вера в Бога, или остаточное христианство, возможно, худшее состояние, в котором приходится справляться со страданием.

В древние времена многие считали, что в христианстве самые совершенные методы борьбы со злом, страданием и смертью. В современности — хотя публично это не особо обсуждается — у него все еще есть ресурсы для страждущих, которые, вероятно, намного эффективнее любых в светской культуре. Эти ресурсы, однако, зиждутся на твердых и ясных христианских убеждениях.

Первое христианское убеждение — это вера в мудрого, бесконечного, а значит, необъяснимого Бога-Личность, управляющего делами мира. Несомненно, такой подход дает гораздо большее утешение, чем

Мы думаем, что Бог обязан устроить все нам во благо, особенно если наша жизнь достаточно праведна в соответствии с нашими собственными стандартами.

¹¹⁷ Christian Smith, *Soul Searching: The Religious and Spiritual Lives of American Teenagers* (Oxford University Press, 2007).

вера в то, что наша жизнь находится в руках изменчивой судьбы или случайности. Второй ключевой принцип: Иисус Христос пришел на землю и, принеся Себя в жертву, страдал с нами и за нас — большее утешение, чем идея о том, что Бог далек от нас и не участвует в нашей жизни. Крест также доказывает, что, несмотря на всю Его непостижимость, Бог на нашей стороне. Третья доктрина: благодаря вере в действия Христа на кресте мы знаем, что будем спасены — лучше, чем кармические системы мысли. Нам дается уверенность, что жизненные трудности не являются платой за прошлые грехи, ведь Иисус искупил их. По учению Лютера, страдание невыносимо, если нет уверенности, что Бог за тебя и с тобой. Секулярность этого обеспечить не может, как и религии, в которых спасение достигается добродетелью и добрыми делами.

Четвертая великая доктрина говорит о воскресении тела для всех верующих. На этом спектр нашей радости и утешения завершается. Любовь без разлуки — это одно из глубочайших желаний человеческого сердца. Что и говорить, перспектива воскресения утешает гораздо больше, чем вера в то, что смерть заберет тебя в пустоту или в безличную духовную реальность. Воскресение — это нечто большее, чем обетование бесплотной, нематериальной жизни после смерти. Нам вернут наши тела — такие красивые и сильные, что невозможно себе представить. Тело, которое имел Иисус по воскресении, было настоящим — Его можно было потрогать и обнять; Он ел. И в то же время Он проходил сквозь закрытые двери и мог исчезнуть. Это материальное существование, но находящееся вне нашего понимания. Идея рая может утешить в минуты страдания, восполнить утраченную нами жизнь. Но воскрес-

ние — это не просто утешение, это восстановление. Нам вернут все — любовь, любимых, материальные блага, красоту этой жизни, но в новой, невообразимой славе, и радости, и силе. Это *отменяет* кажущуюся необратимость потери, о чем говорит Люк Ферри¹¹⁸.

Если человек не находит утешения в этих христианских доктринах, тогда я думаю, что полное неверие в

Что и говорить, ПЕРСПЕКТИВА ВОСКРЕСЕНИЯ УТЕШАЕТ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЕРА В ТО, ЧТО СМЕРТЬ ЗАБЕРЕТ ТЕБЯ В ПУСТОТУ ИЛИ В БЕЗЛИЧНУЮ ДУХОВНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ.

Бога — лучшая подготовка к трагедии, чем размытая, секуляризированная вера в Бога, распространенная в нашем западном мире. Многие люди сегодня верят в Бога и даже ходят в церковь, но, если их спросить, уверены ли они в своем спасении, которое им дарует Бог; в том, что Он их принимает; или в том, что идея жертвенной смерти Иисуса на кресте реальна и заставляет их глубоко переживать; уверены ли они в телесном воскресении Иисуса и верующих — вероятно, вам ответят отрицательно или просто удивленно посмотрят на вас. Имманентная схема западной культуры умаляет интеллектуальную веру в Бога, а сердечное ощущение Бога встречается все реже. Но это частичное христианство или теизм сохранить перед лицом ужасного страдания еще сложнее, чем атеизм. Как объяснил нам Тейлор, природное зло обижает тех, кто верит в Бога, существующего для нас, и смущает тех, кто не верит, что все мы грешники, нуждающиеся во спасении по благодати.

Автор-атеист Сьюзен Джекоби написала в *The New York Times*: «Когда я вижу бездомных, которые

¹¹⁸ Ferry, *Brief History*, pp. 3–5.

дрожат после беспощадной бури, когда СМИ заставляют меня пережить истинное горе родителей, лишившихся своих детей — так ярко, что это просто неприлично, мне не нужно задаваться вопросом всех верующих: почему всемогущий, всеблагий Бог допускает подобное?»¹¹⁹ Конечно, в какой-то мере она права. Если вовсе не верить в Бога, не нужно мучиться вопросом, почему жизнь так несправедлива. Она просто несправедлива и все. Но ты также не получаешь то глубокое утешение и радость, которые может даровать христианская вера. Джекоби говорит, что атеизм «освобождает тебя от того, что называется проблемой теодицеи», и не нужно «приспосабливать [ужасы], происходящие» в этой жизни, «к невидимому владыке в следующей».

Но, как мы читали у философа Чарльза Тейлора, «проблема теодицеи» во многом продукт не крепкой веры в Бога и грех, но более слабой формы веры. Именно когда мы возвышаемся в собственных глазах, становимся менее зависимыми от благодати и откровения Бога и увереннее в том, что понимаем принципы вселенной и ход истории, тогда проблема зла становится невыносимой. И только когда Бог отдаляется, тогда Он кажется невыносимо бессердечным в минуты боли. Итак, теизм без уверенности во спасении или воскресении несет гораздо больше разочарования перед лицом боли, чем атеизм. В минуты страдания размытая или абстрактная вера в Бога хуже, чем полное безверие.

¹¹⁹ Susan Jacoby, "The Blessings of Atheism," *The New York Times*, January 5, 2013.

Автор: Тесс

Я переживала кризис веры, когда только начинала взрослеть, без связи с каким-либо значимым личным страданием. Во время обучения на врача я была среди тех, кто работал в бесчисленном количестве трагедий: семилетние дети, которые падали с пикапов, автокатастрофы с летальным исходом, 25-летние с раком груди, сердечные приступы в Рождество и т. д. Я увидела многое. Я многих лечила. И когда я боролась с этими сложными обстоятельствами, переживая их вместе со своим мужем Барри, испытывалась наша вера. Бог укрепил нашу веру так, что мы доверяли Ему, еще не понимая Его. И в течение следующих лет, когда углублялось мое понимание сложностей человеческой физиологии, я все больше и больше поражалась, что в человеческом теле вообще что-то работает. Как может родиться хоть один ребенок без врожденных пороков — это чудо. Как мы можем дышать, и переваривать пищу, и бороться с раком во сне — это чудо.

Идея о том, что природа хранит свое шаткое равновесие *исключительно милостью* Божией, проявлялась на моих глазах практически каждый день. Итак, мы не собирались включать в наше повествование тему боли и страдания и вопрос «Почему я?» Более того, вопрос превратился в следующее: «Почему не я? Что я сделал, чтобы заслужить эту неразрывную цепь благословений, которых я не достоин?»

В начале 2012 года моей матери поставили диагноз: неизлечимый метастатический рецидивирующий рак яичников. Я была беременна третьим мальчиком. Мы перевезли нашу семью из четырех

человек в родительский дом в Аризоне, чтобы быть с ней рядом до конца. Через три недели после нашего приезда она умерла и воссоединилась с Господом. В последние дни своей физической болезни она все чаще бредила, но примечательно то, что она цитировала Писание. Оно было очень глубоко в ее сердце, и когда болезнь разрушила ее разум и довела до бессмысленного бормотания, осталось Слово Божие. Когда мы ее хоронили, я молилась, чтобы Господь поместил Свое Слово глубоко в мое сердце, чтобы в момент, когда мой разум окажется на краю, я могла отвечать Богу только Его словами.

В августе 2012 года мы приветствовали нашего третьего мальчика за три года — нашему старшему ребенку исполнилось три через полтора месяца. Жизнь снова стала почти идеальной. Через три с половиной месяца в прекрасный и погожий ноябрьский день я вернулась с работы в блаженный хаос нашего дома, когда няня будила малыша. Ее крики ужаса проникли в мое сознание лишь через несколько секунд. Я вошла в спальню, прекрасно осознавая, что произошло. Я поняла, что он умер, до того как взглянула на него. Самая первая мысль, которая пришла мне в голову — слова из книги Иова: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно» (1:21), а сразу за ними — из Первого послания к Фессалоникийцам: «За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (5:18). Я ощутила все годы обучения, вместе с невероятной силой Святого Духа, Который дает тебе именно то, что тебе нужно в данный момент. Тогда я разговаривала со своим мужем по телефону. Я сообщила ему, что Уайатт умер и ему нужно срочно приехать домой. Пока я ждала ответа от службы спасения, я сделала малышу искусственное дыхание, зная, что это просто формальность. По-

лицейские и детективы то приходили, то уходили, исключили убийство, а затем приехала судебно-медицинская экспертиза, чтобы забрать тело моего мальчика. Я им отказала. Я не собиралась отдавать своего ребенка без борьбы или по крайней мере спора с Богом. Я знала, что Он говорит: просите — и вам дадут, и мы не получаем, когда не просим. Он говорит и о вдове, которая до изнеможения замучила судью, чтобы тот выполнил ее просьбу, и о вере с горчичное зерно. В течение часа мы с мужем и няней молились о воскресении нашего сына. Реальном, физическом воскресении, как у Лазаря. Мы пришли к трону Божьему смело, абсолютно разумно, не пораженные горем, и просили как можно более прямо вернуть нам нашего ребенка. Не моя воля, но Твоя да будет. Бог услышал нашу молитву. И Он нам отказал. И я ответила Ему: ладно, но Тебе придется помочь нам пережить это, потому что сами мы не в состоянии. В итоге установили причину смерти: позиционное удушье или СВДС (синдром внезапной детской смерти). Он даже не был болен.

Но конец еще не написан. Господь снова и снова показывал нам, что никогда не хотел, чтобы мы переживали это в одиночку. Он дал нам Себя, Он дал нам Тело Христово. На следующее утро после смерти Уайатта двое наших друзей пришли без предупреждения, чтобы присмотреть за другими детьми. Наша община Церкви Искупителя мобилизовала армию воинов-молитвенников и воинов-помощников. Присылали обеды, помогали нашим семьям прилететь из Никарагуа, Арканзаса, Техаса и Аризоны, люди отдавали свои квартиры нашим семьям, сняли квартиру в нашем районе, доставляли обеды нашей няне в Бруклине, спланировали и провели поминальную службу, печатали листовки и т. д.

Каждая малейшая деталь была проработана перво-классно, как это умеют в Нью-Йорке, с точностью и мастерством, и все это — без нашего ведома и согласия. Таким образом, нам позволили дойти до самых глубин своего горя, прочувствовать всю эту агонию и выйти с другой стороны. Когда мы выплыли, наша община преобразилась в единстве через страдание, а я вновь забеременела. «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно».

Тим Келлер однажды сказал, что Бог дает нам то, о чем бы мы попросили, если бы знали все, что знает Он. Идея, что Небесный Царь опустошит Себя и станет нищим, будет жить и пребывать среди нас, смиряет. Идея, что нет ничего в человеческом опыте, чего бы ни испытал Сам Бог, даже потеря ребенка, укрепляет. А идея, что после воскресения Иисуса Его шрамы стали Его славой, придает сил. Бог обратит эти шрамы в Свою славу, а потом и в нашу славу. В самом деле, конец еще не написан.

3

Вызов мирскому

Ты желаешь научиться искусству жить, друг мой?
Оно заключается в одной фразе: воспользуйся
страданием¹²⁰.

Анри-Фредерик Амьель

В первых двух главах мы рассматривали проблемы, возникающие при оказании помощи страждущим в эпоху секулярного мировоззрения. Хотя классические греческие философы настаивали, что их система взглядов помогает людям справиться с горем и смертью, для многих людей, а может, для большинства, она была бесполезна. Возможно, нечто похожее происходит сейчас. Писатели-атеисты, такие как Ричард Докинз и Сьюзен Джекоби делают аналогичные заявления: полноценное секулярное мировоззрение уничтожает «проблему зла» и позволяет людям сфокусироваться на том, чтобы сделать мир лучше. Однако действительно ли это помогает большинству?

Ричард Шведер отмечает: хотя эта система преобладает в элитных институтах западного общества, по большей части она игнорируется большинством

¹²⁰ Слова Анри-Фредерика Амьеля переведены с английского: James Davies, *The Importance of Suffering: The Value and Meaning of Emotional Discontent* (Routledge, 2012), фронτισпис.

страждущих. Шведер утверждает, что более ранние, более духовные и традиционные подходы сохраняются на уровне народа под доминирующим светским дискурсом. Они существуют «как личный или общий “контр-дискурс” официального дискурса, опирающегося на научное объяснение»¹²¹.

Где были гуманисты?

Вскоре после стрельбы в Ньютауне в декабре 2012 года и после того, как завершились все речи гражданских лидеров, поминальные службы и похороны, Самуэль Дж. Фридман написал колонку для *The New York Times* под заголовком «Во время кризиса гуманистов будто нет». Фридман отметил частое использование чисто религиозной лексики и символизма во всех публичных церемониях как политическими лидерами, так и теми, кто пострадал. Нельзя сказать, что штат Коннектикут — центр Библейского пояса США; при этом каждая семья Ньютауна, потерявшая ребенка, решила провести религиозную службу, которые состоялись в католической, конгрегационалистской, мормонской и методистской церквях, а также в протестантской мегацеркви и на еврейском кладбище. Молодежная группа чернокожих христиан совершила путь с Глубокого Юга, чтобы спеть гимн «Amazing Grace» («О, благодать!»)¹²². Президент Обама произнес панегирик, по сути, проповедь, в кото-

¹²¹ Ibid., p. 75.

¹²² Samuel G. Freedman, “In a Crisis, Humanists Seem Absent,” *The New York Times*, December 28, 2012.

ром он говорил о Боге, «зовущем детей домой». Он часто цитировал 4-ю и 5-ю главы Второго послания к Коринфянам и прибегал к выраженной в нем надежде на мир и будущую жизнь — она принесет утешение и поможет справиться с потерями, которые мы терпим здесь и сейчас.

Фридман стал одним из многих, кого поразило, что общество, которое становится все более секулярным; общество, где сейчас около двадцати процентов населения говорят в опросах об отсутствии каких-либо «религиозных предпочтений», что это общество резко обратилось к Богу и вере, чтобы вместе пережить трагедию. Фридман говорил, что все это «оставило один беспокойный вопрос: где были гуманисты? В момент, когда процент американцев без религиозной принадлежности быстро растет, почему так называемые “люди нет” будто совсем отсутствуют?» (Это термины Фридмана для обозначения светских людей, которые не верят в божество-личность или сверхъестественное.)

Фридман цитировал Грега М. Эпштейна, ответственного за направление религиозного гуманизма в Гарвардском университете, который говорил: «В подобные минуты религия может предложить больше, чем богословие или божественное присутствие — а именно общину. И нам необходимо предоставить альтернативную форму общины <...> для постоянно растущего числа неверующих». Вкратце, Эпштейн говорил, что религия предлагает страждущим любовь и поддержку окружающих — ничего более, и миряне должны уметь предлагать то же самое.

Но наше исследование культур и истории показывает, что это не так. Ричард Шведер, Питер Бергер и другие социологи и антропологи точно не согласятся

с тем, что религиозные культуры в основном предлагают общину, которая поддержит, а не «богословие». Самое главное — религия предоставляет страждущим более четкие объяснения жизненных обстоятельств, которые придают смысл страданию и помогают им постичь суть своей боли. В сущности, эти объяснения богословские, и именно в этом вопросе современный секуляризм помочь не может.

Религия предоставляет страждущим более четкие объяснения жизненных обстоятельств, которые придают смысл страданию и помогают им постичь суть своей боли.

В дополнение Фридман утверждал, что светский гуманизм не только не может предоставить богословскую основу, но сложно определить, как он вообще может обеспечить общину. Религиозные общины строятся на основе общего вероисповедания, ежегодных обрядов и праздников, и посредством глубоких отношений, опирающихся на священные тексты. Они создают обряды перехода: в день рождения, совершеннолетия, брака и смерти. Эти обряды не только связывают членов общины между собой, но и с верующими прошлых веков — и, следовательно, с самим прошлым. Секуляризм не может предоставить ничего подобного, а значит, не создал крепких общин, которые способны утешить и успокоить людей во время скорби.

Фридман уверен: фундаментальная проблема секуляризма всегда будет препятствовать попыткам создать «многочисленную» общину, которую можно сформировать благодаря религии. Община людей появляется, только когда есть нечто более важное, чем собственные интересы, чему верны все. И, как говорит Фридман, «гуманизм страдает от валоризации личности». Когда я являюсь последней инстан-

цией, определяющей, что верно, а что нет, и когда нет ничего важнее моего права жить так, как мне захочется, крепкая община, поддерживающая своих членов, разрушается. Или вообще не способна существовать.

Атеизм — благо?

Всего через несколько дней после публикации статьи Самуэля Фридмана Сьюзен Джекоби ответила на тех же страницах текстом, в котором выразила свое мнение. Статья называлась «Блага атеизма» и была процитирована мной в предыдущей главе. Она озвучила свое «раздражение бесконечными разговорами о вере в Бога как единственном утешении для тех, кто подавлен непостижимыми убийствами в Ньютауне, штат Коннектикут, [что] безверие ничего не может предложить, когда страдают люди»¹²³. Чтобы противостоять этому представлению, Джекоби начала с рассказа о том, как стала атеисткой.

Мой атеизм начался с первой встречи в возрасте 7 лет с бедствием полиомиелита. В 1952 году мой 9-летний друг был поражен этой болезнью и боролся за жизнь с помощью аппарата для искусственного дыхания. Я навестила его в больнице, а после спросила маму: «Почему Бог причиняет такую боль маленькому мальчику?» Она вздохнула, что обнаруживало недостаток ее убежденности, и сказала: «Не знаю. Священник сказал бы,

¹²³ Jacoby, "Blessings of Atheism."

что у Бога обязательно есть причины, но я не представляю какие». Всего через два года, в 1954 году, начался процесс истребления полиомиелита посредством вакцины Джонаса Солка. Моя мать воспользовалась возможностью, чтобы предположить, что Бог помог ему в исследовании. Я помню, что ответила: «Ну, Богу стоило руководить врачами давным-давно, чтобы Эл не оказался в этом аппарате». (Он умер через 8 лет, к тому времени я была убежденной атеисткой.)

Далее Джекоби заявила: «В основном страдание по-настоящему напоминает мне о том, что предлагает атеизм». Она продолжила, говоря, что как атеист свободна от проблемы зла, с которой приходится сталкиваться религиозным людям. Ей не нужно спрашивать, «как всем верующим, почему всемогущий, всеблагий Бог допускает такое». Это избавление от тяжести проблемы зла «освобождает» атеиста и позволяет ему «сосредоточиться на судьбе мира». Вместо сомнений и смущения, которые, по ее словам, должны поглощать верующих перед лицом трагедии, атеисты могут заботиться о ее жертвах и предпринять меры, чтобы этого не повторилось.

Наконец она говорит, что можно при утешении других показать: «разум и эмоция не противопоставлены друг другу — они друг друга дополняют». Она цитирует Роберта Грина Ингерсолла, «великого агностика» XIX века, который у могилы ребенка своего друга сказал: «Те, кто стоит у этой могилки с разбитым сердцем, не должны бояться. Более глубокая и благородная вера во все, что есть и во все, что будет, говорит нам, что смерть, даже в своих худших проявлениях — это идеальный отдых <...> Мертвые не

страдают»¹²⁴. Джекоби указывает на это как на пример мирского утешения. Ингерсолл принимает очень «рациональную» позицию: после смерти нет существования, поэтому использует ее для утешения скорбящих.

Джекоби права в том, что светский тип мышления поощряет активное противодействие силам, порождающим страдание. Религиозные системы, говорящие о карме или иллюзорной природе этого мира или вообще жизни после смерти, действительно могут убаюкать людей и привести их к пассивному отношению ко злу и несправедливости. Это мысль, в которой мирской подход, может быть, не ошибается, в отличие от других культурных и религиозных взглядов на страдание.

Но, возможно, это единственная мысль, дающая секуляризму преимущество.

Во-первых, Джекоби преувеличивает, когда говорит, что всем верующим *приходится* бороться с проблемой зла. Мы видели в современных рассуждениях Чарльза Тейлора, что большинство людей не ощущали «проблемы зла» до тех пор, пока народонаселение не стало жить по «имманентной» схеме — светскому образу мысли, который повышает ценность человеческого разума и порождает людей, «уверенных в собственной власти над нравственным порядком». Более твердая вера в Бога, как мы видим, не исключает проблемы зла, но она не позволяет ей стать всепоглощающей или подрывать здоровье человека.

Далее Джекоби говорит, что атеисты свободны и могут «пропагандировать общественные идеи, такие как корректное отношение к афроамериканцам,

¹²⁴ Ibid.

женские права, тюремная реформа и искоренение жестокого обращения с животными». В этом она поддерживает Роберта Грина Ингерсолла. Но ее комментарий, похоже, намеренно обходит две проблемы — одну историческую и одну философскую. Историческая заключается в том, что многие великие движения во имя социальной справедливости носили религиозный характер. Таким образом, религия также может дать людям свободу для социальной справедливости¹²⁵. С исторической точки зрения, было бы сложно доказать, что атеизм послужил вдохновением для большего количества движений за социальную справедливость, чем религия. Так что неясно, как атеизм может быть лучшим ресурсом для реакции на страдания.

Философская проблема, возможно, еще серьезнее. Джекоби предполагает, что, хотя Бога и не существует, определения справедливости и человеческого процветания, и правильных и неправильных поступков тем не менее очевидны. Но это не так. В религиозной системе взглядов у этики и морали есть достаточно ясная основа. Они зиждутся на авторитетных источниках, признанных религией. Но, с мир-

¹²⁵ Как утверждает Дэвид Л. Чаппелл в книге: *A Stone of Hope*, вовсе не белые вольнодумцы Американского Севера и вовсе не атеисты говорили о гражданском неповиновении, ключевом компоненте стратегии движения за гражданские права; а скорее афроамериканская церковь и духовенство со своими более пессимистическими взглядами на грех и человеческую природу. Chappell. *A Stone of Hope: Prophetic Religion and the Death of Jim Crow* (University of North Carolina Press, 2007), chapter 2, "Recovering Optimists", chapter 5, "The Civil Rights Movement as a Religious Revival." Вот что сказано о книге в *The New York Times*: «Невозможно читать ее и не переосмысливать то, какую роль религия играет... в жизни общества».

ской точки зрения, определить мораль и справедливое поведение — чрезвычайно сложно, и не только потому, что нет согласия касаясь конкретных этических стандартов. Еще более важный вопрос для нерелигиозных мыслителей заключается в проблеме выбора основы стандартов, дабы они не были выбраны абсолютно произвольно. По меньшей мере с XVIII века философы, такие как Дэвид

С исторической точки зрения, было бы сложно доказать, что атеизм послужил вдохновением для большего количества движений за социальную справедливость, чем религия.

Юм, отмечают, что наука и эмпирическое знание не могут быть основой этики, поскольку могут объяснить, как люди живут, но не как они должны жить. Юм писал, что разум «сам не способен ответить на любой фундаментальный вопрос касаясь <...> этики или смысла жизни»¹²⁶.

Гарвардский профессор Майкл Сэндел в своей книге «Справедливость. Как поступать правильно?» показывает, что существует по крайней мере три различные, противоречащие друг другу теории справедливости, конкурирующие друг с другом в нашем обществе. Каждая теория зависит от расхожих мнений, касающихся человеческой природы и смысла человеческой жизни. Все они опираются на природу вещей, которую нельзя доказать. Сэндел приводит огромное количество примеров — включая аборт, иммиграционную реформу и однополые браки, чтобы дать понять, что у обеих сторон нет нейтральной «рациональной» основы для этих вопросов, каждая из сторон обсуждает их, основываясь

¹²⁶ Steven D. Smith, *The Disenchantment of Secular Discourse* (Harvard University Press, 2010), p. 166.

на разных представлениях о свободе, разных взглядах на правильные отношения человека с общиной и разных определениях добродетельной жизни. Значит, атеизм не отвечает на значимые вопросы: что такое справедливость и каким должен быть наш взгляд на правильное общество¹²⁷.

Наконец, Джекоби ссылается на Роберта Грина Ингерсолла, который в своей речи на похоронах заявил, что «мертвые не страдают». Он сделал это, чтобы показать, как чисто мирской взгляд на мир может нести утешение. Но он всего лишь повторяет мысль, высказанную Эпикуром: нам не нужно бояться смерти, потому что нас не существует. Как мы видели, эта попытка утешения была, по выражению Люка Ферри, «слишком жестокой, чтобы быть истинной». Немного бессмысленно указывать на состояние, в котором мы лишаемся всяческой любви и всего, что придает значение жизни — и говорить людям, что им не стоит этого бояться. Мирское успокоение «мертвые не страдают» кажется слабым по сравнению с христианским утешением воскресения. Такой сторонник светской точки зрения, как Джекоби, ответил бы следующее: «это неправда», но христиане могут сказать то же самое о светских убеждениях. Отбросим в сторону вопрос о том, какое утверждение верно. Вообще сложно доказать, что мирская система взглядов помогает своим последователям бороться со злом и страданиями так же эффективно, как религиозная вера.

Если вы — родитель, которому приходится пережить ужас перед гробом вашего малыша, как можно сравнить эти два вида утешения? Доказательство,

¹²⁷ Michael Sandel, *Justice: What's the Right Thing to Do?* (Farrar, Straus, and Giroux, 2010).

как говорят антропологи типа Шведера и как видно из стрельбы в Ньютауне, можно выразить следующим образом. В конце концов, чтобы пережить страдание, большинство людей обращаются к культурам и религиям, где господствует не мирская точка зрения.

Одна убежденная атеистка прокомментировала одну из многих дискуссий в блогах на тему Ньютаунской речи президента. Она признала, что мирской дискурс попросту не имеет смысла для большинства людей. «Я верила в Бога примерно тридцать секунд за всю свою сознательную жизнь, — написала она, — когда хоронили моего сына. Ощущение его уходящей души было неопишимо ярким. А потом я пришла в себя». В тот момент ее интуиция обострилась до предела: не может быть, чтобы кроме этого материального мира больше ничего не существовало. И хотя она отказалась последовать своему инстинктивному ощущению, она осознавала, насколько оно сильно. «Теперь понятно, как можно соблазнить людей», — добавила она¹²⁸.

Это интуитивное ощущение, что мы не просто смесь материи и химических продуктов, но имеем душу, согласно Шведеру, чуть ли не больше всего убеждает людей в течение многих веков и сегодня. Даже глубокое осознанное отторжение религиозной веры этой женщиной не смогло отогнать его в момент скорби. Было бы нереалистичным и, может, жестоким утверждать, что все в самом деле должны отрицать это ощущение; иначе их признают «инфантильными» (по выражению Ричарда Докинза).

¹²⁸ Комментарий о речи Обамы в Ньютауне. — <http://reason-being.com>.

Исследования, и опыт говорят о том, что большинство людей обращаются к духовной сфере, чтобы понять и перенести ужасные страдания. Виктор Франкл, еврейский психиатр, переживший трехлетнее пребывание в нацистских лагерях смерти, отмечал, как некоторые из его сокамерников могли переносить ужас, а другие нет. Разница заключалась в «смысле», как его называл Франкл. Проблема в том, что современные люди считают обретение счастья смыслом жизни. Мы решаем, какие условия сделают нас счастливыми, а затем работаем, чтобы добиться этих условий. Жить ради счастья означает пытаться получить что-то от жизни. Но когда начинается страдание, оно отнимает условия счастья и таким образом уничтожает все причины продолжать жить. Но «жизнь ради смысла» не означает пытаться получить что-то от жизни, но скорее то, что жизнь ожидает чего-то от нас. Другими словами, смысл появляется, только когда в жизни есть нечто более важное, чем твоя собственная личная свобода и счастье, нечто, ради чего ты можешь пожертвовать своим счастьем¹²⁹.

Поскольку это был единственный способ пережить кошмар лагерей смерти, Франкл отмечал, как часто мирские или те, кто только называет себя религиозными людьми, обращались к вере, когда они соприкасались с ужасом этих мест. У многих заключенных появлялась «тяга к религии... [которая была]

¹²⁹ Обзор идей Виктора Франкла: Emily Esfahani Smith. "There's More to Life Than Being Happy," *The Atlantic*, January 9, 2013.

невероятно искренней. Глубина и сила религиозной веры часто удивляла и трогала вновь прибывших». Они проявлялись и в «импровизированных молитвах и богослужениях в уголке барака или в темном кузове запертого грузовика для скота»¹³⁰. Франкл утверждал, что эта углубленная вера не только естественна, но является одним из ограниченных способов продолжать существовать в среде, которая лишает тебя всех земных источников смысла, безопасности и делает жизнь бесцельной.

Штатный корреспондент *The Atlantic* Эланор Баркхорн отметила, что после взрывов на Бостонском марафоне ее социальные сети просто пестрили призывами к молитве за Бостон. Баркхорн рассказывала: «Это было большое потрясение... Было так странно видеть столько нерелигиозных друзей, говорящих о молитве. Большая часть моих друзей на Фейсбуке, писавших о молитве, не особо склонны к религиозным ритуалам. Если они и ходят в церковь или синагогу в праздники, это происходит не регулярно, и тем более они не пишут постов о молитве при нормальных обстоятельствах... Я увидела в Твиттере и на Фейсбуке <...> не просто верующих людей, которые напоминали другим верующим людям о молитве. Там был и призыв к молитве нерелигиозных людей». Баркхорн также отметила, что утверждение «В окопах не бывает атеистов» является одновременно высокомерным и неправильным.

Смысл в жизни появляется, только когда в ней есть нечто более важное, чем твоя собственная личная свобода и счастье, нечто, ради чего ты можешь пожертвовать своим счастьем.

¹³⁰ Виктор Франкл. Человек в поисках смысла. Пер. с англ.: М. Маркус.

Множество людей *становятся* атеистами в окопах. Она также говорила, что распространенное желание молиться после кризиса быстро угасает. Но она рассказала, как, будучи молодой нерелигиозной жительницей Манхэттена, после трагедии 11 сентября она почувствовала «непроизвольный порыв призвать имя Бога», который в конце концов перерос в желание прочитать Библию и, наконец, в полноценную христианскую веру¹³¹.

В своей нашумевшей книге «Далеко от яблони» Эндрю Соломон рассматривает шок и реакцию родителей, обнаруживающих, что их ребенок *не такой* — глухой, карлик, страдает синдромом Дауна, аутист, хронически больной или инвалид. Соломон представляет серию хорошо написанных и полных сострадания случаев семей, которые столкнулись с каждым из этих условий и не только. Эти дети всегда создают кризис в семье, в которой родились, и тем не менее Соломон в итоге заключил следующее: «Дилемма этой книги такова — большинство описанных в ней семей оказались благодарны за тот опыт, которого они избежали бы любой ценой»¹³². Конечно, такой вывод гораздо больше соответствует пониманию древних культур «замечательной пользы несчастий», страданий не как заминки в жизненной истории, но как ключевой части качественной жизни. Читателю, среди прочего, очень интересно знать, насколько ча-

¹³¹ Eleanor Barkhorn, "Why People Prayed for Boston on Twitter and Facebook, and Then Stopped," *The Atlantic*, April 20, 2013; <http://www.theatlantic.com/national/archive/2013/04/why-people-prayed-for-boston-on-twitter-and-facebook-and-then-stopped/275137>.

¹³² Andrew Solomon, *Far from the Tree: Parents, Children, and the Search for Identity* (Scribner, 2012), p. 47.

сто религия описывает, как семьи находят общий язык со своими детьми. Это верно, несмотря на то что сам Соломон нерелигиозен и не намерен обращаться в веру.

У одной пары, Дэвида и Сары, родился слепой и умственно отсталый младенец. Их сын Джейми вырос и не был способен сесть или перевернуться сам, ему приходилось постоянно жить при помощи катетера. Убежденные в том, что болезнь Джейми аномальна, Билл и Сара зачали другого ребенка, здоровую дочь, а затем еще одного сына, Сэма, чья отсталость и неврологическая ограниченность была еще хуже, чем у Джейми. Сара сказала Соломону вещь, которая отстраненному читателю покажется невероятной: «Если бы мы знали, что болезнь может повториться, мы бы не рискнули... При этом, если бы мне сказали: “Мы можем просто отменить этот опыт” [рождения второго ребенка-инвалида], я бы не согласилась. Меня просто поражает, какое влияние оказывает на людей слепой, отсталый, не выговаривающий слова, неходячий человек. Мы никогда не сможем приблизиться к тому, как он умеет раскрывать и трогать людей. Это часть истории нашего выживания — наше восхищение тем, как он затронул столько людей»¹³³.

История поразительная, но весь рассказ наполнен религиозными отсылками, которые неудивительны в свете того, что мы встретили в нашем исследовании культур и истории. На следующий день после того, как они узнали о слепоте и отсталости своего первого ребенка, Сара сказала Давиду: «Я не знаю, почему говорю так, но я остро чувствую, что нам нужно покрестить Джейми». Этот порыв удивил их,

¹³³ Ibid., p. 357–363.

ведь они оба не были в церкви много лет. И они все еще сопротивлялись множеству религиозных доктрин, но, как объяснила Сара: «Думаю, так я подтверждала, что у Джейми есть душа». Для родителей это был критически важный шаг. Чтобы любить

ОТЕЦ МАЛЬЧИКА-КАРЛИКА —
УБЕЖДЕННЫЙ ХРИСТИАНИН —
ПОЛЮБИЛ СВОЕГО СЫНА, ЗАЯ-
ВИВ: «Я ВЕРЮ, ЧТО БОГ СУЩЕ-
СТВУЕТ. Я ВЕРЮ, ЧТО БОГ НЕ
ДЕЛАЕТ ХЛАМА».

и заботиться о сыне, они должны были знать, что он настоящий человек. Но доказать это было сложно, если он состоял только из тела. Ему недоставало большинства способностей, которые по нашим меркам делают

нас людьми. Философ Марта Нуссбаум перечисляет виды тех «способностей», которые, с мирской точки зрения, определяют, кто является человеком и, следовательно, имеет права. Она включает в список: воображение и мышление, эмоции, практический разум, принадлежность («обладание социальными основами для самоуважения»), игру и управление собственным окружением¹³⁴. Естественно, у Джейми не было ничего из перечисленного. Как они могли избежать постепенного перехода к восприятию и обращению с ним, скорее, как с животным или предметом? Они обратились к более древнему пониманию человеческой природы, которая состоит из тела и души, поскольку все человеческие суще-

¹³⁴ Martha C. Nussbaum. *Women and Human Development: The Capabilities Approach* (Cambridge University Press, 2000), chap. 1, "In Defense of Universal Values." Приводится по изданию: Steven D. Smith, *Disenchantment*, p. 167. Большой обзор на тему того, почему объяснение прав человека с точки зрения секуляризма бессмысленно: Smith, *Disenchantment*, Nicholas Wolterstorff, *Justice: Rights and Wrongs* (Princeton University Press, 2008), pp. 323–341.

ства — гении они или умственно отсталые — созданы по образу и подобию Божию. Как утверждает Ричард Шведер, официальные светские комментарии не подходят миллионам *страждущих* в западных обществах.

Существует множество других признаков, что семьи в книге Соломона регулярно прибегали к «контр-дискурсу», чтобы выжить и даже благоденствовать в ситуациях, которые кажутся невыносимыми. Отец мальчика-карлика — убежденный христианин — полюбил своего сына, заявив: «Я верю, что Бог существует. Я верю, что Бог не делает хлама»¹³⁵. Другой родитель, мать ребенка-аутиста, говорит о своей церкви как о самом большом для нее утешении. Сестра Джейми, Лиза, однажды взяла отпуск на две недели, чтобы почитать ему «Хроники Нарнии», серию детских книг, написанных К. С. Льюисом и полных христианского символизма. Даже Соломон, нерелигиозный человек, говорил, что его собственный ребенок «целиком и полностью человек, имеющий душу, и никакое нарушение не может этого изменить»¹³⁶.

Падение мирского

Большинству *страждущих* людей мирской взгляд на жизнь не помогает. Почему? Посмотрим на наши выводы.

Одна из причин заключается в том, что человеческое страдание имеет огромное количество

¹³⁵ Solomon, *Far from the Tree*, p. 147.

¹³⁶ Ibid., p. 697.

форм, возникающих вследствие широкого спектра мотивов. Западный подход сильно упрощает сложные причины страдания, утверждая, что «виктимизация — основа всего»¹³⁷. Конечно, во многих случаях это и есть главная причина страдания. Дети, сгоревшие заживо в небезопасном здании — вот настоящие жертвы, жертвы строителей, которые не соблюли нормы пожарной безопасности, и жертвы электрической неполадки. Но достаточно много страданий — даже болезни — вызваны в какой-то степени самими *страждущими*. Слишком большое количество страдания попросту не вмещается в смиренную рубашку западной аналитики. Другие культуры считают, что страдание — это следствие несчастного случая и аварии, греха и ошибки, судьбы или воли Бога и борьбы между добром и злом. Некоторые упоминают разницу между «природным злом» (несчастный случай и судьба) и «этическим злом» (грех и притеснение). Такой спектр причин хорошо объясняет разнообразие видов страдания. Мирская система взглядов — нет.

Другая проблема нашего текущего западного мировоззрения состоит в том, что в конечном итоге оно смотрит на человеческую жизнь с наивным оптимизмом. Как считают Сьюзен Джекоби и другие, основная реакция мирского человека на зло и страдание — не поиск в нем смысла и не подготовка к победе над ним в некоей будущей жизни, но попытка сделать мир лучше, медленно, но верно уничтожить страдание прямо здесь. Но причиной такому акценту на нынешнем моменте в этом мире является то, что мирская система не может предложить другого счастья. Если его не найти здесь, дело безнадежно.

¹³⁷ Shweder, *Why Do Men Barbecue?*, p. 128.

В своей книге «Соломенные псы: Размышления о людях и других животных» философ Джон Грей изучает эпидемию употребления наркотиков и наркозависимости в западном обществе. «Употребление наркотиков, — пишет он, — это молчаливое подтверждение запретной истины [в западной культуре]». Что это за истина? «Для большинства людей счастье недоступно». Человеческая жизнь трудна, и подавляющее большинство людей несчастны — это неизбежно, и так будет всегда. С мирской точки зрения, любое счастье и смысл необходимо искать в этой жизни и в этом мире. Значит, чтобы жить хоть с какой-то надеждой, обычным людям приходится верить в то, что мы можем уничтожить причины несчастья. Но это невозможно. Причины страдания бесконечно сложны, и их невозможно истребить. Удивительна реакция Грея, нерелигиозного человека, который делает упор именно на тот факт, что подход религиозных культур, по природе их убеждений, позволяет с гораздо большим реализмом принять непримиримость человеческого горя.

Большинству страждущих людей мирской взгляд на жизнь не помогает.

Религиозные культуры могли признать, что земная жизнь трудна, ведь ими обещана другая, в которой с нашего лица отрут все слезы. Их последователи-гуманисты заявляют еще более невероятную вещь: в будущем, даже в ближайшем будущем, все смогут быть счастливы. Общества, основанные на несформировавшейся вере, не могут признать несчастья, присущего человеческой жизни¹³⁸.

¹³⁸ John Gray, *Straw Dogs: Thoughts on Humans and Other Animals* (Farrar, Straus, and Giroux, 2003), p. 142.

Писатель Эрнест Беккер в «Отрицании смерти» так же выражает свое отвращение по отношению к тем, кого он называет «научными манипуляторами». Это те, кто недостаточно серьезно воспринимает горечь и ужас человеческой жизни. Они создают впечатление, будто «мы можем изменить мир» при помощи той или иной технологии, или что мы можем справиться с болью и страданием, можем «посредством законов отменить их абсурд, учредить «надлежащую» человеческую природу». Согласно его взглядам, «в этом смысле вся наука является «буржуазной», уделом бюрократов».

За гранью самого себя

Но, возможно, главный вызов, брошенный страданием светским культурам, состоит в том, что оно показывает несостоятельность той Всемирной истории, которую они предлагают своим приверженцам. Как мы видели, каждая культура должна предоставить своему народу историю, всеобъемлющий рассказ о том, что вообще такое человеческая жизнь. Эндрю Дельбанко в книге «Истинная американская мечта: Размышления о надежде» говорит, что повествование культуры о жизни должно иметь две цели. Во-первых, давать надежду. Повествование дает нам надежду, только когда помогает «представить такой конец, который больше прожитых дней и часов. Благодаря этому мы сможем перебороть «подсознательное подозрение, что человек брошен один в этом абсурдном мире». Повествование должно пре-

вышать «подозрение, что все наши накопления уходят на беспокойство о смерти»¹³⁹. Во-вторых, это повествование должно давать каждому члену общества возможность быть связанным друг с другом, а не раздробленным на миллион независимых частиц. Оно вдохновляет нас отбросить собственные интересы ради общества, предоставив «обязательное ощущение того, что мир не заканчивается конкретным человеком — тобой»¹⁴⁰.

Дельбанко говорит, что в центре каждой истории лежит важная идея о смысле жизни, которая позволяет общественным людям прийти к осознанию себя. Он утверждает три идеи, которые считает главными для американской культуры — это Бог, Нация и Я. В первые годы американского общества смыслом жизни было жить во славу Божию.

Затем, говорит Дельбанко, американцы девятнадцатого века заменили Бога и Его Царствие на Соединенные Штаты как нацию — их демократические ценности, экспансию и процветание. Надежда на Царствие Божие превратилась в миссию, нацеленную на улучшение мира посредством ценностей и власти Америки как нации-искупительницы, «величайшей нации на земле». В этом Дельбанко поддерживает многих других ученых. Этот переход совершенно определенно был этапом в секуляризации нашего общества, более глубоким проникновением в имманентную схему. Национализм и демократия стали новой религией, поскольку американец стремился к тому, чтобы быть никому не обязанной личностью. Еще в 1830-х годах Алексис де Токвиль

¹³⁹ Andrew Delbanco, *The Real American Dream: A Meditation on Hope* (Harvard University Press, 1999), pp. 1, 3.

¹⁴⁰ Ibid., p. 5.

говорил, что индивидуализм является одной из «новых особенностей» Америки. Он писал: американец «существует только в самом себе и только для себя»¹⁴¹. Таким образом, на

В ПЕРВЫЕ ГОДЫ АМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА СМЫСЛОМ ЖИЗНИ БЫЛО ЖИТЬ ВО СЛАВУ БОЖИЮ. ЗАТЕМ АМЕРИКАНЦЫ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА ЗАМЕНИЛИ БОГА И ЕГО ЦАРСТВНИЕ НА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ КАК НАЦИЮ — ИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ, ЭКСПАНСИЮ И ПРОЦВЕТАНИЕ.

втором этапе истории США подавляющее большинство все еще верило в Бога, но Он становился все более отдаленным, меньше участвовал в жизни мира, становился менее загадочным и величественным, давая людям способности для понимания и изменения мира.

Но Дельбанко считает, что эти более древние культурные «истории» продолжали развиваться. Эпоха Нации в американской истории все еще ставила благо выше индивидуальной свободы. Как и в любой культуре, нас призывали к тому, чтобы мы поступились собственными интересами во имя чего-то еще — своей страны. Но позднее, в двадцатом веке, «что-то исчезло», — писал он, а именно «любое представление об общей судьбе, которая стоила слез, жертвы, а может, даже смерти». Моментальное удовлетворение теперь считалось «критерием хорошей жизни». И преданность Богу, и все, что напоминало американский патриотизм, осмеивалось людьми «прогрессивных взглядов», так что не оставалось «коллективного видения»¹⁴². Современный человек, например, не имеет выраженного чувства вины, поскольку «он уже не чувствует <...>

¹⁴¹ Delbanco, *Real American Dream*, p. 109.

¹⁴² Ibid., pp. 96–97.

что в мире существует нечто, превосходящее его самого»¹⁴³.

История надежды, которую я попытался набросать в данной книге, говорит о ее постоянном ослаблении. Вначале личность приближалась к величию Бога, а иногда и подавлялась Им. От ранней республики до «Великого общества» она оставалась частью национального идеала, который был меньше Бога, но больше и устойчивее любого отдельного гражданина. Сегодня надежда уменьшилась и почти исчезла¹⁴⁴.

Описанное выше Роберт Белла в своей знаковой книге «Привычки сердца» называет экспрессивным индивидуализмом. Эта книга была опубликована примерно в то же время, когда Дельбанко обнаружил заметный «переход к самому себе» в нашей культуре¹⁴⁵. Эта тема очень обширна, и правые, и левые авторы предупреждают о ее последствиях — от Токвиля до социолога Эмиля Дюркгейма, от Карла Маркса до Эдмунда Берка — все они предсказали упадок общественного устройства и «ад в одиночестве».

Но в этой книге наши интересы уже. Многие тревожатся о том, что для сплоченности общества означает «расширенное я» — личность, говорящая: «Я [должна] создавать собственное счастье, находить в себе энергию, быть собственной движущей силой»¹⁴⁶. Однако нам важно, что оно означает в свете страдания. Как понял Виктор Франкл в лагерях

¹⁴³ Ibid., p. 102.

¹⁴⁴ Ibid., p. 103.

¹⁴⁵ Robert Bellah et al, *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life* (University of California Press, 1985).

¹⁴⁶ Wood, "New You."

смерти, людям, которые сами являются законодателями этики и смысла, не за что умирать, а, следовательно, не за что жить, когда жизнь отнимает у них свободу. Как отмечают Ричард Шведер и Эндрю Дельбанко, каждый по-своему, «история жизни», представленная современной культурой своим людям, не имеет конечной цели важнее удобства и власти человека. Франкл осознал: когда у нас нет ничего важнее личного счастья, страдание может очень быстро привести к самоубийству.

Другая история

Мы утверждаем, что каждая культура дает своим представителям историю о смысле жизни, а в истории нынешней современной культуры нет места страданию, ведь вся жизнь направлена на личную свободу и счастье. Но мы увидим, что христианская история совсем другая. Страдание в действительности находится в самом ее центре. Страдание — это результат нашего отчуждения от Бога — и, следовательно, это способ Самого Бога во Христе Иисусе прийти и спасти нас для Себя. И теперь то, как мы страдаем, является одним из главных способов стать великими и подобными Христу, святыми и счастливыми. Это основной способ показать миру любовь и славу нашего Спасителя.

Уильям Уиллимон, священник и богослов, рассказывает эту историю с ранних лет своего служения. Одна женщина в его церкви только что родила, и он поехал навестить ее в больнице. Когда он приехал, муж с женой ждали врача, поскольку получи-

ли неприятное известие: «Роды прошли не совсем гладко». Когда появился врач, он сказал супружеской паре, что у ребенка синдром Дауна, но у него также несерьезное и излечимое респираторное заболевание. Он сказал: «Я советую вам не вмешиваться, и через несколько дней проблема исчезнет». Младенец умрет «естественным путем», если они оставят все как есть. Пара пришла в замешательство и спросила, почему бы им не решить проблему. Врач посмотрел на них и сказал, что воспитание ребенка с синдромом Дауна наполняет брак стрессом, и исследования показали, что многие родители «солнечных» детей стали жить отдельно или развелись. Затем он спросил: «Вы справедливо поступите, если заставите так страдать других двоих детей?»¹⁴⁷.

СТРАДАНИЕ — ЭТО РЕЗУЛЬТАТ НАШЕГО ОТЧУЖДЕНИЯ ОТ БОГА.

Когда он упомянул *страдание*, жена поняла, в чем дело. Она парировала тем, что ее дети живут безопасной и благоустроенной жизнью и у них есть все. Они, скорее, знали слишком мало о страдании и трудностях, присущих жизни в мире. Она говорила о «руке Божьей» и сказала: «Я полностью понимаю, по какой причине такой ребенок родился в такой семье. Наши дети будут в полном порядке. Если подумать, это прекрасная возможность».

Врач был ошеломлен и обратился к священнику, умоляя его «призвать их к здравому смыслу». Уиллимон, естественно, знал, что паре необходимо объяснить, что их ждет, чтобы они не воспитывали своего новорожденного ребенка с наивными

¹⁴⁷ William H. Willimon, *Pastor: The Theology and Practice of Ordained Ministry* (Abingdon, 2002), p. 99.

представлениями. Но, писал он, пара действительно разумно подошла к проблеме, хотя их умозаключения и были чужды врачу. В преобладающем культурном повествовании — отраженном в размышлениях врача — «такие слова, как “страдание”, неизбежно имеют негативную окраску», поскольку «важно избежать боли любой ценой», ведь «такая незначительная вещь, как наши желания, придают ценность нашей жизни». Однако та пара думала о жизни через призму логики христианской истории, а именно грехопадения и искупления мира Иисусом Христом, а в этой истории страдание может быть искупительным, способом служения другим и способом прославления Бога¹⁴⁸.

Призыв к смирению

В Ветхом Завете, в 4-й Книге Царств, мы можем прочитать историю Неемана, богатого и могущественного сирийского военачальника¹⁴⁹. Он ужасно страдал, медленно умирая от проказы. Услышав о могущественном Боге в Израиле, он поехал туда с деньгами и письмом с угрозами от своего правителя. Он пришел к царю израильскому и потребовал исцеления от проказы. Как и многие из нас, Нееман считал, что деньги, власть помогут ему побороть страдание. Итак, он обратился к самому влиятельному и богатому человеку той поры и ожидал решения

¹⁴⁸ Ibid., p. 98–99.

¹⁴⁹ Я подробно описываю библейскую историю Неемии и пророка Елисея в книге *Counterfeit Gods* (Dutton, 2009).

проблемы. В ответ израильский царь разодрал свои одежды и ответил: «Разве я Бог, чтобы умерщвлять и оживлять?» (4 Цар. 5:7). Другими словами, он сказал: «Не проси у меня того, что может сделать только Бог!»

Весь нынешний западный мир должен прислушаться к этому возгласу царя израильского. Когда мы стоим против страдания, мы считаем, что его можно победить посредством изменения государственной политики, или богатого опыта психологии и терапии, или технологического прогресса. Но тьма мира слишком глубока, чтобы ее можно было рассеять такими простыми средствами. Мы ошибаемся, когда в своей гордыне верим, что можем управлять тьмой и уничтожить ее при помощи своих знаний. Чаще всего мы не признаем тьму этого мира, но когда происходят такие события, как 11 сентября или бойня в Ньютауне, тяжесть этого факта становится практически невыносимой. И мы не должны пассивно реагировать на катастрофы и трагедии. Если изменение государственной политики предотвратит конкретную форму страдания, мы любой ценой должны сделать все от нас зависящее.

В то же время критически важно осознать, что подобных мер не бывает достаточно. Боль и зло этого мира всеобъемлющи, и глубоки, и имеют корни в духовной сфере. Их нельзя целиком сводить к эмпирическим причинам, которые можно полностью изолировать и уничтожить. Как сказал Гамлет: «Гораций, много в мире есть того, что вашей философии не снилось». Строка из романа Толкина «Властелин колец», возможно, даже больше отражает суть вопроса: «Да, снова и снова — разгром, затишье, но потом Тьма меняет обличье и опять

разрастается»¹⁵⁰. Что бы мы ни делали, человеческое страдание и зло невозможно искоренить. Даже если приложить все возможные усилия, чтобы остановить его — оно просто меняет обличье и растет

Что бы мы ни делали, человеческое страдание и зло невозможно искоренить. Если мы собираемся ему сопротивляться, одних земных ресурсов мало.

иным образом. Если мы собираемся ему сопротивляться, одних земных ресурсов мало.

В конечном итоге Нееман обратился не к богатству, не к способу, не к знатоку — но к Самому Богу. Вместо гор-

дого доверия собственным знаниям или знаниям других его призвали к душевной работе — смирению. В результате он не только получил исцеление тела, но и новые отношения с Богом и душу, полную благодати и радости. Страдание привело его к спасению. Этот пример даже близко не отвечает на вопрос: «Почему Бог допускает столько страданий и зла в мире?» Он также не оправдывает страдание. Однако одно из основных учений Библии заключается в том, что практически никто не становится великим и не находит Бога без страданий, без боли, возникающих в нашей жизни, как нашатырный спирт, благодаря которому мы просыпаемся и постигаем те факты о жизни и собственных сердцах, к которым были слепы.

По причинам, которые мы никогда не узнаем, даже Христос дал нам спасение и благодать именно через бесконечные страдания на кресте. Как Он любил нас до такой степени, что принял страдание с терпением и смелостью, так и мы должны научиться до-

¹⁵⁰ Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Братство кольца. Пер. с англ.: В. Муравьев, А. Кистяковский.

верить Ему настолько, чтобы повторить Его подвиг. Как Его слабость и страдания, к которым Он отнесся именно так, привели к силе воскресения, так и наши могут привести к тому же.

История из жизни: Красивые и глубокие шрамы

Автор: Кендра

Тишина. Неподвижность. «Мне жаль, но я не чувствую сердцебиения», — сказал специалист по ультразвуку. Снова тишина. Внезапно все в той темной комнате показалось еще мрачнее и холоднее. Всего за несколько мгновений до этого мы с моим мужем Джоном разговаривали с этим специалистом. Мы ждали двадцать долгих недель, чтобы узнать пол нашего ребенка, надеясь, что это послужит поддержкой, необходимой, чтобы мы пережили вторую половину этого тяжелого периода. Но за долю секунды комната стала холодной и безжизненной. В тот момент, когда специалист вышел позвать врача, тьма в комнате вторила тьме, которая поглощала наша сердца. *«Этого не может быть... Придет врач, и он услышит сердцебиение, и все будет в порядке»*, — отчаянно зывали наши сердца. В унылый февральский день одной простой фразой смерть разбила наши надежды и мечты.

Нечасто весть о желанной беременности сочетается с беспокойным предчувствием — да, радостью, но смешанной со страхом неизбежности. Для нашей семьи радостная новость о новой жизни —

у нас будет второй ребенок — содержала в себе одновременно страх и надежду. Это наша история страданий и потерь, загадок и умиротворенности, радости и горя.

Наш первый ребенок, девочка, родилась двумя годами ранее. Она пришла в мир красивой и здоровой, но беременность была абсолютно не такой. На первых неделях беременности мне поставили диагноз «гиперемезис беременных». Это было редкое заболевание. Гиперемезис проявляется у двух процентов беременных женщин и отличается быстрой потерей веса, недоеданием и обезвоживанием в связи с непрекращающейся тошнотой и рвотой. Я сбросила больше 11 килограммов за первый триместр, несколько раз лежала под капельницей, чтобы бороться с обезвоживанием, мне внутривенно вводили лекарства; все то время, пока длилась беременность, мне приходилось пить мощнейший противорвотный препарат. Все симптомы исчезли в тот день, когда родилась моя дочка. Мне становилось все лучше. Начался тот чудесный «хаос», когда в вашу жизнь приходит младенец. Это казалось малой платой за то изобилие счастья, которое приносит долгожданный ребенок. Хотя врачи говорили нам, что вероятность повторного гиперемезиса велика, наше желание иметь второго ребенка было сильнее воспоминаний. Мы глупо верили в то, что этот опыт научил нас, как справляться с заболеванием, мы пытались зачать ребенка.

Всего лишь через неделю после празднования добрых вестей — положительного теста на беременность — заболевание вернулось. К сожалению, в этот раз оно должно было стать еще серьезнее. Вообще только 0,5% беременных женщин диагно-

стируют с такой тяжелой формой гиперемезиса. Мой врач сразу же приступил к активному лечению, в том числе госпитализации. Центральный венозный катетер (ЦВК) был введен у моего сердца, чтобы организм получал лекарства и питательные вещества, необходимые для поддержки растущей во мне жизни. Я не ела четыре месяца и была слаба, меня постоянно тошнило, рвало несколько раз в день. Толпа родственников и друзей круглые сутки заботилась о нас, о нашей дочери, готовила обеды, была рядом со мной, молилась за нас. Они были руками и ногами Христа, и часто мы задавались вопросом, как бы мы пережили это время без нашей общины. Их любовь буквально питала и поддерживала в нас жизнь.

Оглядываясь назад, мы понимаем, что именно в первые недели этой беременности мы начали скорбеть. Мы знали, что эта беременность — последняя. Из-за «химической несовместимости» моего организма и плода мы не могли снова намеренно заставить страдать нашу семью или меня. Мы просто старались изо всех сил держаться и продираться через каждый день, понимая, что это может продолжаться все девять месяцев.

В тот серый февральский день мы были в самой середине беременности. Наша надежда укреплялась: мы отмечали этот значимый этап. Но вместо праздника мы стали воспринимать этот день как день потери нашей невинности. *«Младенцы не должны умирать!»* — я часто так думала и буквально кричала об этом. Это трагическое окончание многомесячного страдания казалось слишком жестоким. Но мы должны были перенести искусственные роды, чтобы родить второго ребенка, сына, которого в этой жизни мы не узнаем.

Джон Вилсон родился на следующее утро, совсем не страдая. Мы держали его безжизненное тельце, и поток эмоций захлестнул нас. Весть о новой жизни имеет загадочную силу, ведущую к надежде, и мы внезапно мечтаем о будущем, которое познаем с нашим растущим ребенком. Мы рыдали из-за потери этой мечты. Когда мы предавали его в Божью опеку, я чувствовала руки Божьи, которые с нежностью обнимали нас, разделяя нашу скорбь. Наши любимые друзья и церковная община организовали прекрасную поминальную службу, и мы начали отпускать то видение, которое имели о нашей семье.

Следующие за этим дни были мрачными и пугающими. Я не спала и, кажется, даже не дышала. Я чувствовала себя такой болезненной и поникшей. Я психотерапевт... Разумом я понимаю стадии скорби. Но тогда я испытывала их непосредственно... Я не могу подобрать слов для описания этих ощущений. Я верила, что Бог может справиться с моими эмоциями, и я не боялась показать их Ему... как правило. Были минуты ярости, но еще чаще я чувствовала ужасную боль, отчаяние, ревность, глубокую скорбь, мне было горько. Но каким-то образом посреди всех этих эмоций каждый день я чувствовала, что сильное и могущественное умиротворение приходило в мое сердце и приносило утешение. Я всей душой ощущала присутствие Божье и постепенно стала понимать, что, хотя Он и позволяет трагедиям случиться с нами, Он нас не покинет и не откажет нам в личных и животворящих отношениях с Ним. Мои отношения с Ним росли по-новому и становились все реальнее. Он привлекал меня к Себе все ближе, посредством каждого болезненного вопроса

и сомнения. Он поистине был в этом мрачном месте с нами. Слова Псалмопевца «Близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренным духом спасет» (Пс. 33:18) сопровождали меня в течение многих дней и месяцев исцеления. Бог воистину был нашим убежищем.

«Блаженны плачущие» — это больше не просто слова. Мы испытали эти слова как Слово Божие, которое живет и дышит. Мы их прожили, мы ими дышали. Как и большинство читающих эти строки, мы уверены, что никогда не сделали бы выбор в пользу того, чтобы пережить огненную печь мертворожденного ребенка. Однако мы смогли узнать драгоценные дары, которые мы бы не получили, если бы не прошли через этот огонь. Бог очень хочет, чтобы мы испытали глубокие отношения с Ним и друг с другом. Каждый раз, когда я по-настоящему понимаю другого *страждущего* человека, я благодарна за дар своей боли. Он напоминает мне о моей уязвимости и зависимости. По природе мы сильны и независимы. Но в страдании нет места эгоизму. Когда у меня отнимают мою самость, открываются двери подлинной связи с другими людьми. Когда я приближаюсь к другим, я на опыте познаю Бога здесь и сейчас.

В дни после утраты сына один друг сказал мне, что теперь мы все время будем «прихрамывать». Хотя наши шрамы носят не физический характер, эта боль оставила след на наших сердцах. Но мне бы хотелось думать об этих шрамах как об уникальных знаках — красивых и глубоких. Хотя наша история на этом не заканчивается — Бог свел вместе четыре жизни чудесным и удивительным образом, чтобы возвести красоту из пепла. Теперь мы наслаждаемся яркой жизнью с двумя любимыми детьми, нашей

девятилетней дочерью и сыном, нашим чудо-ребенком, которому на этой самой неделе исполняется пять лет. Мы ждем не дождемся того дня, когда воссоединимся с нашим первым сыном на небесах, а до тех пор мы будем благодарны за то, что познали Бога настоящего и живого, и мы радуемся жизни, которую Он нам подарил.

Проблема зла

— Раз порядок вещей определяется смертью, может быть, для Господа Бога вообще лучше, чтобы в него не верили и всеми силами боролись против смерти, не обращая взоры к небесам, где царит молчание?

— Да, — подтвердил Тарру, — понимаю. Но любые ваши победы всегда были и будут только преходящими, вот в чем дело.

Риэ помрачнел.

— Знаю, так всегда будет. Но это еще не довод, чтобы бросать борьбу.

— Верно, не довод. Но представляю себе, что же в таком случае для вас эта чума.

— Да, — сказал Риэ. — Нескончаемое поражение¹⁵¹.

Альбер Камю. Чума

Контекст проблемы зла

«Проблема зла» хорошо известна. Если верить в Бога всемогущего, Который правит миром и в то же время всецело добр и справедлив, тогда существование зла и страдания является проблемой. Классическое определение этого вопроса в своих

¹⁵¹ Альбер Камю. Чума. Пер. с франц.: Н. Жаркова.

«Диалогах о естественной религии» дал Дэвид Юм. «Старые вопросы Эпикура еще ждут ответа. Быть может, Божество хочет, но не в состоянии предупредить зло? Значит, оно не всемогуще. Если же оно может это сделать, но не хочет — значит, оно недоброжелательно. Если же оно и хочет, и может, тогда откуда же зло?»¹⁵². Его также называют аргументом от зла против Бога или просто аргументом от зла.

Многие утверждают, что эта проблема — самое серьезное возражение против существования Бога в целом и правдоподобия христианства в частности. Почему же я не указал на это в первой же главе? Потому что страдание — это реальность, над которой веками бьются люди и общества. Прежде чем страдание станет философской проблемой, оно на практике является кризисом — прежде чем встает вопрос «почему?», возникает вопрос «как?». «Как мне это пережить?» Таким образом, мы изучили страдание с исторической и культурной точек зрения, сравнивая и противопоставляя то, как различные общества и люди в действительности принимали зло и печаль. Наш опрос показал: чтобы этого добиться, каждому необходима некая рабочая теория о страдании — что это такое, что оно означает (и чего не означает) и как нам на него реагировать. Ни один человек не может существовать, не имея неких убеждений касемо перечисленного.

Если бы я начал эту книгу с традиционной проблемы зла как вызова против существования Бога, это неизбежно привело бы к впечатлению, что *только* вера в традиционного Бога ставится под сомнение

¹⁵² Дэвид Юм. Диалоги о естественной религии. Пер. с англ.: С. И. Церетели.

при наличии страдания. Большинство из тех, кто видит проблемы, говорящие против классических теистических убеждений — проблемы, которые поднимает страдание, — большинство из них склоняются к более мирскому мышлению. Но мы видели, что секуляризм также является совокупностью убеждений и, возможно, одной из слабейших систем взглядов, когда дело касается поддержки своих приверженцев — когда нужно помочь им понять и перенести «ужас жизни». Христианство хоть и имеет проблему зла, достаточно хорошо справляется в сравнении с любым альтернативным мировоззрением. Это становится ясно, когда мы изучаем страдание со всех точек зрения — с социокультурной, практической и психологической. Именно поэтому я начал книгу с этих подходов, прежде чем перейти к философскому в этой главе. Тем не менее, страдание действительно порождает проблемы для веры в Бога, и мы должны остановиться на этих проблемах.

СТРАДАНИЕ — ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ, НАД КОТОРОЙ ВЕКАМИ БЬЮТСЯ ЛЮДИ И ОБЩЕСТВА.

В этом процессе нам также необходимо помнить то, что мы узнали из истории развития секуляризма в западной культуре, изложенной Чарльзом Тейлором. Осознание проблемы отношения Бога и зла пришло как минимум во времена греческого философа Эпикура, который первым заговорил об этом до Христа. Но Тейлор прав, когда отмечает следующее: несмотря на рассуждения философов, аргумент от зла не имел такой популярности и не притягивал к себе внимания людей до эпохи после Просвещения. Все изменилось, когда западное мышление стало считать Бога более отдаленным и воспринимать мир как полностью постигаемый разумом. Эти интеллектуальные тенденции подкреплялись технологическими

изменениями, которые в конце концов привели к развитию расширенного, самодостаточного «буферного «я»». Человеческие существа стали гораздо более уверенными в силах собственного разума и понимания.

Когда люди внутри имманентной схемы размышляют о зле и Боге, скептические выводы напрашиваются уже на уровне предпосылок. Современные дискуссии касаясь проблемы зла начинаются с абстрактного Бога — чисто теоретически, всемогущего и благого, но не славного, величественного, бесконечно мудрого, безначального, не являющегося создателем и опорой всех вещей. Итак, неудивительно, что современные люди гораздо более своих предков склонны заключить, что раз *они* не могут увидеть подходящей причины для конкретного страдания, значит, и Бог не имел никаких оправданных причин. Если мы не можем понять зло, что ж, тогда зло вообще невозможно понять.

Итак, философские проблемы и вопросы остаются, а культура немного подтасовывает карты. Зачем думать об этом, слушая философский спор? Всегда необходимо помнить, что наши убеждения формируются не только через разум и дискуссии, но и через социум¹⁵³. Убеждения кажутся наиболее правдоподобными, когда это мнения людей, которыми мы восхищаемся, от которых мы хотим одобрения. Наше социальное и культурное положение делает нас намного более открытыми для одних аргумен-

¹⁵³ Peter Berger, Thomas Luckman, *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge* (Anchor, 1967); Berger, *A Rumor of Angels: Modern Society and the Rediscovery of the Supernatural* (Doubleday, 1969), pp. 40 ff (chap. 2, "The Perspective of Sociology: Relativizing the Relativizers").

тов и менее открытыми для других. Таким образом, единственное, что можно сделать для достижения максимальной вдумчивости, уравновешенности и непредвзятости — быть в высшей степени осведомленным в сфере предубеждений своей культуры.

Если судье попадаетея случай, касающийся компании, в которую он инвестировал средства, он отка-

жется от дела, поскольку его объективность можно поста-
вить под сомнение. Мы, со-
временные люди, находимся
в той же ситуации. Существо-

Если мы не можем понять
зло, что ж, тогда зло вооб-
ще невозможно понять.

вание Бога уже под вопросом, раз наша величайшая ценность — свобода и независимость индивида. Его существование — основной барьер к этой ценности. Мы импульсивно жалуемся на зло и страдания в мире, потому что это соответствует нашим культурным пристрастиям. Но мы не можем отказаться от слушания дела, как судья. Нам приходится изучать проблему. Я очень прошу своих читателей, каждый из которых разделяет хотя бы некоторые склонности нашей западной культуры, обратить внимание на свои предубеждения при рассмотрении нами этого вопроса.

Аргумент(ы) от зла против Бога

Проблема зла глубоко затрагивает людей сегодня и действительно является настоящим вызовом вере в Бога. Мы предполагаем, что любой всемогущий и всеблагый Бог должен прекратить ужасающее зло и страдания, поскольку Он не просто хочет их предотвратить — у Него есть все способности к этому. Однако зло все

равно существует и сохраняется. Таким образом, этот всемогущий и любящий Бог либо не может существовать, либо вообще не существует. Последнее предложение — намек на очень важную мысль. Аргумент от зла против Бога может принимать две формы. Они называются: *логический аргумент* (который стремится доказать, что совершенно точно нет такого Бога) и *эвиденциальный аргумент* (который рассматривает *возможность* того, что такого Бога нет). Сначала посмотрим на более претенциозный *логический аргумент*.

До самых 1980-х годов ученые-философы считали аргумент от зла против Бога убедительным. С их точки зрения, он доказывал, что традиционный библейский Бог не может существовать. Согласно данному аргументу утверждалось, что зло не просто делает христианство менее правдоподобным, но логически невозможным. Британский философ Джон Макки в своей статье «Зло и всемогущество», которая часто переиздается, написал: «Можно доказать, что религиозным убеждениям не просто недостает рациональной опоры, они абсолютно иррациональны, что несколько разделов основополагающей теологической доктрины противоречат друг другу»¹⁵⁴.

Но изменения произошли, когда в 1974 была издана книга Алвина Плантинги «Бог, свобода и зло», а вместе с ней в том же году — узкоспециальная книга «Природа необходимости», вокруг которой ведутся ожесточенные споры¹⁵⁵. В этих произведе-

¹⁵⁴ J. L. Mackie, "Evil and Omnipotence," *Mind* 64, no. 254 (April 1955); приводится по изданию: *Alvin Plantinga, Warranted Christian Belief* (Oxford University Press, 2000), p. 460.

¹⁵⁵ Alvin Plantinga, *God, Freedom, and Evil* (Eerdmans, 1974); *The Nature of Necessity* (Oxford University Press, 1974). Впервые

ниях Плантинга утверждает, что «существование зла с логической точки зрения (даже с общей логической точки зрения) можно совместить с существованием всемогущего, всевидящего и совершенно доброго Бога»¹⁵⁶. Плантинга и его последователи так влияли на людей, что через двадцать пять лет многим пришлось признать, что логический аргумент против Бога не работает. Мысль о том, что зло опровергает существование Бога, писал философ Вильям Алстон, «теперь (практически) всеми считается абсолютно несостоятельной»¹⁵⁷. В ответ скептики начали формулировать новую версию, которую называли эвиденциальным аргументом (или аргументом вероятности) против Бога. Новая формулировка была гораздо слабее и утверждала следующее: страдание является не доказательством, но свидетельством, делающим существование Бога менее вероятным, хотя и возможным¹⁵⁸. Как мы увидим далее, аргументы, уничтожившие более сильную форму этой аргументации против Бога, также заставляют по-настоящему сомневаться и в более слабой форме.

Плантинга блестяще описал эту тему в книге *God and Other Minds: A Study of the Rational Justification of Belief in God* (Cornell University Press, 1967; 1990), pp. 115–155 (chap. 5, “The Problem of Evil,” chapter 6, “The Free Will Defense”).

¹⁵⁶ Plantinga, *Warranted Christian Belief*, p. 461.

¹⁵⁷ William P. Alston, “The Inductive Argument from Evil and the Human Cognitive Condition,” *Philosophical Perspectives* 5 (1991): 30–67.

¹⁵⁸ Daniel Howard-Snyder, ed., *The Evidential Argument from Evil* (Indiana University Press, 1996). Алвин Плантинга рассматривает вероятностные аргументы, выдвинутые Уильямом Роу и Полом Дрейпером, в книге *Warranted Christian Belief*, pp. 465–481.

Все это показывает: в профессиональных и научных кругах практически отказались от распространенного «среди людей» и не вызывающего сомнений утверждения о том, что страдания и зло просто опровергают существование Бога, «поскольку та ноша, которую необходимо взять на себя, чтобы доказать, что вовсе нет вероятности сосуществования Бога и... зла, оказывается слишком тяжелой для атеиста»¹⁵⁹. Аргумент от зла против Бога уже не воспринимается как убедительный.

Как это произошло? Для знакомства с недавней историей философского спора начнем с осознания разницы между теодицеей и защитой Бога, которая не только часто упоминается, но и полезна сама по себе.

«Совершенствование души» и страдания

Различие между теодицеей и защитой было проведено Плантингой в книге «Бог, свобода и зло». Слово *теодицея* ввел философ Готфрид Лейбниц. Буквально оно означает «оправдание путей Бога перед человеком»¹⁶⁰. Любой, кто пытается предоставить теодицею, задает высокую планку. Теодицея пытается ответить на тот самый вопрос «Почему?». Ее цель — объяснить, почему справедливый Бог позволяет злу существовать и не

¹⁵⁹ J. P. Moreland, William Lane Craig, *Philosophical Foundations for a Christian Worldview* (Inter-Varsity Press, 2003), p. 552. Эта книга дает общее описание кумулятивным аргументам Плантинги и его коллеги.

¹⁶⁰ Van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 6.

прекращает его. Она старается раскрыть причины и намерения Бога в свете страданий, чтобы слушатели были уверены, что Его действия касаются зла и страданий оправданны.

Ранняя форма теодицеи обозначалась как «совершенствование души». Ее сформулировал богослов второго века Ириней Лионский, а писатель Джон Хик развивал ее в современной форме. Данный подход утверждает, что жизненное зло можно оправдать, если признать, что мир в основном был создан как место, в котором люди находят Бога и духовно развиваются до того состояния, которое им предназначено. Это происходит через «встречу с искушением и, в итоге, преодолением его <...> правильным и разумным выбором в конкретной ситуации», который приводит к «становлению положительной и ответственной личности вследствие приложения личных усилий»¹⁶¹. Хик утверждает, что такое совершенствование души является неизмеримым благом, и его нельзя достичь только потому, что ты был создан невинным и добродетельным.

Теодицея совершенствования души полезна тем, что заставляет нас изучать собственные предположения. Что есть высшее благо? Наш комфорт и беззаботность или наше духовное и этическое величие? Если наша жизнь не идет по нашему плану, мы, естественно, сомневаемся в Божьей мудрости, но наше негодование значительно усиливается из-за неизученной предпосылки, что Бог, если Он есть, существует для нашего счастья, по нашему определению счастья. А еще сложно представить развитие

¹⁶¹ John Hick, *Evil and the God of Love* (rev. ed.; Harper, 1978), p. 255–256. Пример данного подхода выражен у Ириней Лионского в произведении «Против ересей».

добродетелей, таких как смелость, смирение, самоконтроль и верность, если каждый добрый поступок моментально вознаграждается, а каждый плохой — сразу наказывается. Никто не будет делать что-то только потому, что это правильно и является выражением любви. Мы всего лишь инстинктивно реагируем во избежание боли и для получения удовольствия. Таким образом, несправедливость и сложность жизни в мире — это способ для нас стать выше животных, чье поведение диктуется рефлексам.

Однако теодицея совершенствования души имеет некоторые слабые стороны. Во-первых, такое ощущение, что боль и зло никоим образом не распределяются в соответствии с потребностями в совершенствовании души. Многим людям с плохой душой достается очень мало очевидно необходимых для них несчастий. Многие с великой душой получают такое количество, которое, кажется, далеко за пределами необходимого для духовного роста. Эта теодицея также не обращается к вопросу страдания маленьких детей или младенцев, умирающих в агонии, и даже страдания животных. Она не дает на него ответа.

Бог, свобода и зло

Второе и, наверное, самое выдающееся объяснение — это теодицея свободы воли. Она имеет древнюю историю, которая доходит до блаженного Августина¹⁶². Ее простейшая

¹⁶² Подборка произведений Августина Блаженного, затрагивающих тему зла и свободы воли: A. I. Melden, ed., *Ethical Theories* (2nd ed.; Prentice-Hall, 1955).

форма может быть изложена так: Бог создал нас не для того, чтобы мы были роботами или животными инстинкта, но свободными, рациональными личностями, обладающими способностью выбирать, а значит, любить. Но чтобы Бог создал нас для свободного выбора добра, он также должен был дать нам способность выбрать зло. Итак, мы можем злоупотреблять своей свободой воли — и это причина зла. Но это высшее благо — для нас обладание рациональной душой, для Бога существование настоящих любящих Его сыновей и дочерей, а не каких-то «домашних животных» — стоит того зла, которое неизбежно. Жан-Поль Сартр дает замечательное определение: «Тот, кто хочет быть любимым, не желает порабощения любимого существа <...> Любящий вновь остается один, если любимый превращается в автомат»¹⁶³.

Вместе с этим представлением обычно утверждается, что Бог на самом деле не создавал зла, поскольку оно не является отчетливым «предметом», как другие созданные Им объекты. Августин, а за ним Фома Аквинский и другие учили, что зло является скорее состоянием, появляющимся вследствие того, что некая хорошая вещь, созданная Богом, отклонилась от своего первоначального замысла или цели — или исказила их. Поэтому добро без зла может существовать, но зло, как паразит, не может существовать без добра, на котором оно паразитирует¹⁶⁴. Таким

ДОБРО БЕЗ ЗЛА МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ, НО ЗЛО, КАК ПАРАЗИТ, НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ БЕЗ ДОБРА, НА КОТОРОМ ОНО ПАРАЗИТИРУЕТ

¹⁶³ Жан-Поль Сартр. Бытие и ничто. Пер. с франц.: В. И. Колядко.

¹⁶⁴ Это идея о том, что зло не является некой субстанцией или предметом, но «отсутствием» добра. Для разъяснения данной

образом, Бог не является автором зла, но он попустил его для достижения высшего блага человеческой свободы и любви.

Питер ван Инваген резюмирует вышеизложенное так: «Всевидящий Бог знал, что вне зависимости от того, сколько зла может принести добровольное отделение от Него, <...> дар свободы воли того стоит. Поскольку существование вечности любви зависит от этого дара, а эта вечность перевешивает ужасы

мысли часто используется образ, связанный со зрением. Неспособность дерева видеть не является злом, поскольку зрение — не часть природы дерева. Однако неспособность человека видеть собственными глазами — либо страдание, либо зло, поскольку именно для зрения нужны глаза. Это отношение ко злу как к отсутствию добра имеет большое влияние. Данная мысль была предложена не только Августином и Фомой Аквинским, но и многими протестантскими богословами-реформаторами и современными апологетами, такими как К. С. Льюис. Я считаю, что в целом полезно так относиться ко злу. Однако некоторые указывают на существующие нестыковки по крайней мере в некоторых видах этого подхода — Этьен Жильсон, приверженец философии Фомы Аквинского, утверждает, что зло — это «ничто». Но разве это все, что можно сказать о зле? Разве Библия не дает представление о зле как о более активной и агрессивной силе? Наверное, можно сказать, что зло приводит к ослаблению, разрушению, но говорить, что зло — это всего лишь «падение в ничто», кажется, слишком неубедительно. В конце концов, утверждение о том, что зло — это состояние поврежденности, а не нечто созданное Богом, не отвечает на вопрос попущения Богом зла. См. критику Джона Фрейма, касающуюся отношения ко злу как отсутствию добра, в его эссе “The Problem of Evil” — *Suffering and the Goodness of God*, eds. Christopher W. Morgan, Robert A. Peterson (Crossway, 2008), pp. 144–152. Хорошее краткое изложение подхода «зло как отсутствие добра» с цитатами Фомы Аквинского, разработавшего этот подход, дано в книге: Jeremy A. Evans, *The Problem of Evil: The Challenge to Essential Christian Beliefs* (Broadman, 2013), pp. 1–2.

очень долгого, но в самом буквальном смысле временного периода отчуждения божественного и человеческого»¹⁶⁵.

Теодицея свободы воли стала очень популярной. Однако эта популяризация могла возникнуть потому, что наша культура делает ее притягательной. Для людей западной цивилизации она звучит правдоподобно. Нас научили считать свободу и выбор практически священными. Но сразу же возникает две проблемы.

Первая: подобные рассуждения, похоже, объясняют только некую категорию зла. Мы обычно проводим различие между *этическим* злом, происходящим от человека, и *природным* злом, вызванным не человеком — например, такими катастрофами, как ураган, потоп и землетрясение, а также многими видами болезней. Теодицея свободы воли обращает внимание на этическое зло, но как с ее помощью объяснить природное зло? В ответ Питер ван Инваген предлагает расширить понятие теодицеи свободы воли. В своих лекциях, которые Адам Гиффорд читает в Сент-Эндрюсском университете, он рассказывает христианскую историю грехопадения. В этой истории Бог благословляет человечество в райском состоянии, но люди отвергают Его своим непослушанием, тем самым теряя Божественное покровительство и присутствие¹⁶⁶. Ван Инваген объясняет:

¹⁶⁵ Van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 90.

¹⁶⁶ Ibid., стр. 85–86. Ван Инваген не согласен с мыслью о том, что библейская история грехопадения в книге Бытия могла произойти с Адамом и Евой буквально. Он говорит, что «это противоречит открытиям науки, касающимся эволюции человека и истории физической Вселенной» (стр. 84). Но ван Инваген, будучи христианином, верит, что 1–3 главы книги Бытия описывают «реальные события человеческой предыстории»

(стр. 85). Ван Инваген рассказывает, что Бог направлял ход эволюции до возможного существования «некого количества» приматов, а затем Бог «чудесным образом возвел их до разумного состояния... и дал им дары языка, абстрактного мышления и бескорыстной любви — и, конечно, дар свободы воли... ведь свобода воли необходима для любви» (стр. 85). Эти первые предки жили в райском состоянии, поскольку жили в «гармонии совершенной любви» и «обладали... сверхъестественными способностями», благодаря которым они не были подвержены болезням, разрушительным природным катаклизмам, старению и смерти (стр. 86). Но в данной истории эти первые люди — созданные для жизни в совершенном мире без страданий — отворачиваются от Бога, восстают против по праву принадлежащей Ему власти. «Они злоупотребили даром свободы воли и обрекли себя на разрыв союза с Богом» (стр. 86). Результатом явилось возникновение нравственного и природного зла. Природное зло появилось, поскольку «теперь они стоят перед уничтожением посредством случайных природных сил, окружающих их, и это естественное последствие их восстания». Нравственное зло появилось, поскольку «они создали генетический субстрат так называемого первородного греха; врожденную склонность к совершению зла» (стр. 87).

Ван Инваген утверждает, что ему не нужно доказывать истинность своей истории, чтобы она сыграла свою роль. Аргумент от зла против Бога настаивает, что нет хорошей причины попущения зла и страдания Богом. Это его предпосылка. Ван Инваген говорит: «Я утверждаю только то, что, при условии существования центрального персонажа истории — Бога... эта история запросто может быть правдой» (стр. 90). Но если эта история дает правдоподобное объяснение тому, почему Бог может допустить зло и страдания — даже если мы не знаем, является ли это истинной причиной попущения Богом зла и страданий, — тогда предпосылка аргумента от зла — что нет никакой достаточной причины для зла — ложная.

История и аргументы ван Инвагена гениальны, они позволяют людям христианской веры, верящим в эволюцию, все равно прибегать к грехопадению человечества для объяснения существования природного и нравственного зла. Тем не менее, хотя его точка зрения одобряется скептиками как философский аргумент, я не считаю, что эта история вписывается

это значит, что «природное зло — это следствие первоначального злоупотребления свободой воли»¹⁶⁷. Так, человеческая свобода воли объясняет жестокость природы.

Но есть и вторая проблема — и, с моей точки зрения, она гораздо более обширна. Это правда, что Бог не мог создать свободную личность, способную любить, но не способную творить зло? Сторонники доктрины о свободе воли говорят, что не мог. Они считают, что Бог не может привести нас к правильному поступку, не задев нашей свободы воли — а значит, зло для свободной личности неизбежно.

Но Библия представляет Самого Бога как свободного владыку (Пс. 113:11), Который не просто способен любить, но является бьющим фонтаном и источником любви. Тем не менее Он Сам не может быть злым. Он не способен солгать или нарушить обещание (Чис. 23:19; Тит. 1:2), Его нельзя искусить злом (Иак. 1:13), Он не может отречься или противоречить Своей праведной и святой личности (2 Тим. 2:13; 1 Пет. 1:16). Если Бог обладает свободой воли и при этом не способен на несправедный поступок, почему другие существа не устроены так же? Помимо этого, библейские авторы учат, что в конце концов Бог дарует нам мир без страданий и зла, полный искупленных людей. Страдания и смерть будут изгнаны навсегда. То есть мы будем пребывать в Божьем мире, не имея

в само библейское повествование. Если не было реально существующих Адама и Евы, нельзя объяснить, почему все люди одинаково греховны, и нельзя согласовать слова Павла в 5-й главе Послания к Римлянам и 15-й главе Первого послания к Коринфянам об Адаме как о представителе всего человечества. Более подробно эта тема рассматривается в 8-й главе и примечаниях.

¹⁶⁷ Ibid., стр. 90.

способности выбрать зло. И в то же время мы, очевидно, будем все еще способны на любовь.

Наконец, многие христианские богословы отмечают, что библейское учение о природе свободы резко отличается от современных взглядов. Библия характеризует любой грех как рабство, а не как свободу. Только когда наш грех будет полностью искуплен, мы испытаем полную свободу (ср. Рим. 8:21). Мы свободны только в одном смысле: мы делаем то, для чего Бог нас создал — служим Ему. Итак, чем больше ты способен совершать зло, тем *меньше* у тебя свободы. До тех пор, пока мы не достигнем Царствия Небесного и не потеряем способность ко злу, мы не станем поистине свободными. Итак, разве возможность грешить является формой свободы?¹⁶⁸

Есть еще одно направление библейского учения, которое подрывает теодицею свободы воли. Эта теодицея предполагает, что если Бог дарует нам свободу воли, то Он не может контролировать последствия ее использования. Но Библия много раз показывает, что Бог может Своей высшей властью на протяжении всей истории направлять наш выбор, не задевая при этом нашей свободы и не снимая с нас ответственности. Например, очевидно, что распятие Христа было предопределено и предreshено, но в то же время все люди, которые, по плану Божьему, стали его причиной, все равно делали свободный выбор — и, следовательно, несли ответственность за свои действия (ср. Деян. 2:23). Это показывает, что можно быть свободным — и что при этом нас, тем не менее,

¹⁶⁸ Всестороннее обсуждение того, что «либертарианская свобода» не является свободой в библейском смысле слова, дано в классическом эссе “Human Freedom” (G. C. Berkouwer), в книге *Man: The Image of God* (Eerdmans, 1962), pp. 310–348.

направляет Бог: эти явления прекрасно совместимы. Существует масса других примеров. Итак, Бог может даровать свободу воли, при этом управляя последствиями нашего выбора, чтобы Его замысел касемо истории исполнялся¹⁶⁹.

Последний вопрос касается предпосылок для теодицеи свободы воли. Она предполагает, что, несмотря на ужасающее зло, присутствовавшее исторически, простое обладание свободой выбора того стоит. Но так ли это? Если вы увидите ребенка, переходящего дорогу перед машиной, вы скажете: «Не могу нарушать его свободу воли! Ему придется принять все последствия»? Конечно, нет. Вы не посчитаете, что свобода выбора важнее, чем спасение детской жизни. Вы нарушите чужую свободу воли, как только сможете. Вы схватите дитя и не дадите попасть под машину, и научите его, как этого избежать впредь. Почему Бог не мог сделать того же самого с нами? Предположим, что грехопадение человечества произошло так, как сказано в Библии. Почему Бог не показал Адаму и Еве страшный, подробный полнометражный фильм обо всем, что случится с ними и их потомками, если они вкусят запретный плод? Ведь мог же Он напугать их и убедить их не есть плода древа познания!

Мог ли дар и сохранение свободы воли быть единственной и основной причиной для попущения зла Богом? Цель любой теодицеи — в достаточной мере

ЧЕМ БОЛЬШЕ ТЫ СПОСОБЕН
СОВЕРШАТЬ ЗЛО, ТЕМ МЕНЬШЕ
У ТЕБЯ СВОБОДЫ.

¹⁶⁹ Великолепное описание данного библейского материала: D. A. Carson, *How Long, O Lord?: Reflections on Suffering and Evil* (2nd ed.; Baker, 1990), pp. 177–203 (chap. 11, “The Mystery of Providence”); J. I. Packer, *Evangelism and the Sovereignty of God* (Inter-Varsity Press, 1961).

раскрыть причины для попущения зла и страданий Богом, чтобы оправдать их существование перед нами. Так ли это в случае с теодицеей свободы воли — действительно ли она отвечает на большинство вопросов? Мне так не кажется, как и значительному количеству других людей¹⁷⁰. Если у Бога есть веские причины допустить боль и горе, которые мы наблюдаем, эти причины должны зависеть не просто от предоставления свободы выбора.

Проблема любой теодицеи

В истории человечества было представлено много вариантов теодицеи. Один из них называется теодицеей законов природы, которая была сформулирована К. С. Льюисом в его книге «Боль» и оксфордским философом Ричардом Суинберном¹⁷¹. Данная теория утверждает, что мир, созданный Богом, должен иметь в себе естественный порядок — он не может действовать случайно, каждый раз иначе. Когда мы нарушаем законы природы, они должны ответить нам тем же. Представьте себе физический мир без гравитации.

¹⁷⁰ Алвин Плантинга предлагает более краткий вариант, а Питер ван Инваген — «расширенный» вариант теодицеи свободы воли. Они оба заявляют, что предоставляют защиту, а не теодицею. Однако мне и другим людям кажется, что они действительно выдвигают идею свободы воли как теодицеи, поскольку прибегают к ней для ответа на вопрос, почему Бог попускает зло и страдание.

¹⁷¹ C. S. Lewis, *The Problem of Pain* (Harper eBook, 2009); Richard Swinburne, *Providence and the Problem of Evil* (Oxford University Press, 1998).

Но когда есть гравитация, и ты прыгаешь со скалы, то в итоге поранишься или погибнешь — вне зависимости от того, хороший ты человек или плохой. Без законов природы невозможна жизнь, но в таком случае неизбежно страдание. Природное зло, которое причиняет столько боли, является побочным продуктом того, что приводит нас к высшему благу.

Но большая часть страданий *не* происходит по закону порядка, соответственно неправильному выбору. Если бы люди получали травмы, только когда они делали нечто глупое — например, прыгали со скалы, — им было бы больно, но это было бы справедливо. Но природное зло проявляется не так. Люди умирают не только когда падают со скалы, но и потому, что скала разрушается, и невинных прохожих накрывает обвалом. Страдание часто стихийно и ужасно, и оно постигает людей, которые вроде бы не сделали ничего, чтобы заслужить его.

Это не последняя форма теодицеи. Некоторые из них гениальны, но, пожалуй, слишком сложны — такие как множественная теория. Она говорит, что Бог мог создать бесчисленное количество вселенных и распределение зла в каждой разное, но справедливое¹⁷². Другие слишком просты — например, теодицея наказания, которая изучает начало книги Бытия и делает вывод, что любое страдание можно оправдать, поскольку человечество восстало против Бога, а страдание мира — это всего лишь заслуженное нами наказание за грех.

Но, как это ярко отражено в книге Иова, все это не объясняет, почему (если страдание — наказание

¹⁷² См. Donald A. Turner, "The Many-Universes Solution to the Problem of Evil" в издании: Richard M. Gale, Alexander R. Pruss, eds., *The Existence of God*, Aschgate, 2003, pp. 143–159.

за грех) оно не постигает людей в соответствии с их характером. Почему Бог допускает, чтобы распределение «наказания» происходило случайным образом и было несправедливым? У этого подхода есть та же

СТРАДАНИЕ ЧАСТО СТИХИЙНО И УЖАСНО, И ОНО ПОСТИГАЕТ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ВРОДЕ БЫ НЕ СДЕЛАЛИ НИЧЕГО, ЧТОБЫ ЗАСЛУЖИТЬ ЕГО.

проблема, что и у теодицеи свободы воли. Почему Бог не убедил наших предков следовать за ним, не затронув их свободы воли, избежав наказания? И поскольку Библия дает нам понять, что

однажды Бог прекратит зло и страдания, почему любящий и всемогущий Бог позволяет им пребывать?

Все вместе различные формы теодицеи могут объяснить большую часть человеческого страдания — каждая теодицея предоставляет весомые причины некоторых примеров мирового зла, но в итоге у них никогда не получается объяснить все страдание. Очень сложно утверждать, что любая теодицея убедительно доказывает допустимость Богом зла и оправдывает Его. Питер ван Инваген пишет, что ни одна крупная христианская церковь, конфессия или традиция никогда не одобряла конкретную теодицею¹⁷³. Сам Алвин Плантинга написал: «Должен сказать, что большинство попыток объяснить *причины* попущения зла Богом — так называемая *теодицея* — кажутся мне неискренними, поверхностными и в конечном счете несерьезными»¹⁷⁴. К этим предупреждениям мы можем добавить саму книгу Иова. Мы увидим, одна из ее основных мыслей заключается в следую-

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Alvin Plantinga, "Self-Profile," *Alvin Plantinga*, eds. James E. Tomberlin, Peter van Inwagen (Reidel, 1985), p. 35.

щем: бесполезно и неправильно предполагать, что человеческий разум может понять причины допущения Богом конкретных боли и горя — я молчу обо всем зле. Может быть, сама Библия предостерегает нас от создания этих теорий.

Таким образом, в последние десятилетия большинство христианских мыслителей и философов отвернулись от самой идеи искать полноценную теодицею. Напротив, они все больше и больше советуют верующим не пытаться формулировать теодицею, но просто выстраивать *защиту*. И, по-моему, они совершенно правы. Защита избегает попыток рассказать всю историю, которая раскроет замыслы Бога для определения или попущения зла. Защита просто старается доказать, что аргумент от зла против Бога обречен, что у скептиков ничего не вышло. Защита показывает, что существование зла *не* означает, что Бог не может существовать или что Он вряд ли существует. Когда верующий в Бога создает теодицею, на нем лежит тяжелая необходимость доказать ее. Он должен предоставить такое убедительное объяснение, чтобы слушатель сказал этому верующему: «Теперь я понимаю, почему любое страдание оправдано». Но при защите доказательство лежит на скептике. Почему?

На первый взгляд два утверждения — «Существует благой, всемогущий Бог» и «В мире существует зло» — не находятся в непосредственном конфликте. Скептик должен дать убедительное обоснование, что на самом деле они друг другу противоречат. Он должен представить такой веский аргумент, чтобы слушатель ответил: «Теперь я понимаю, что Бог не может существовать или по крайней мере вряд ли существует, раз есть зло». Но доказать это не так-то просто.

«Я не видел — значит, нет»

Питер ван Инваген предположил, что человек, использующий зло в качестве аргумента против существования Бога, может сказать нечто подобное.

Скептик: «Если есть всемогущее, идеальное с нравственной точки зрения существо, знающее о том зле, о котором знаем мы — зло вообще бы не появилось, потому что это существо не допустило бы этого зла. Если же по какой-то причине оно допустило зло, то обязательно уничтожило бы его сразу. Но мы видим зло, и оно не думает исчезать. Значит, наш вывод: Бога не существует»¹⁷⁵.

Вкратце аргумент такой:

1. Поистине благой Бог не хочет, чтобы зло существовало; всемогущий Бог не допустил бы существования зла.

2. Зло существует.

3. Следовательно, не может существовать Бога, который и благ, и всемогущ.

Но верующий в Бога может возразить. Он может указать на то, что у аргумента от зла есть скрытая предпосылка, а именно: у Бога нет веских причин на то, чтобы попускать зло. Он может сказать:

Верующий: «Бывает, человек сильно желает чего-то и может это получить, но не следует этому же-

¹⁷⁵ Диалог между атеистом и теистом о проблеме зла приведен в книге: van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 64.

ланию, потому что у него есть на то причины, которые в его глазах весомее, чем привлекательность этого предмета... [Так и] у Бога могут быть причины для допущения зла, которые, по Его мнению, более значимы, чем привлекательность отсутствия зла»¹⁷⁶.

Если у Бога есть достаточные основания для допущения страданий и зла, тогда между Его существованием и присутствием зла нет противоречий. Итак, чтобы его доводы сработали, скептику необходимо ответить: *У Бога никак не может быть таких оснований*. Но это очень трудно доказать.

Для того чтобы показать скептику, что его предпосылка неверна, верующий может отметить, что мы сами часто допускаем страдание в жизни других во имя высшего блага.

Если у Бога есть достаточные основания для допущения страданий и зла, тогда между Его существованием и присутствием зла нет противоречий.

Врачи часто проводят болезненные процедуры и лечение — и все это ради высшего блага, а именно крепкого здоровья и долгой жизни. Родители, наказывающие за плохое поведение тем, что отнимают игрушки или лишают привилегий, причиняют детям боль (особенно с точки зрения самих детей). Однако в противном случае ребенок не сможет себя контролировать и, следовательно, испытает еще большее страдание в будущем. Большинство людей отчасти признают истинность высказывания, которое приписывают Ницше: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее». Многие рассказывают о кажущихся невыносимыми несчастьях, из которых они

¹⁷⁶ Ibid., p. 65.

извлекли уроки и в итоге смогли избежать больших страданий¹⁷⁷. Таким образом, принцип попущения боли ради того, чтобы добиться большего благополучия, имеет право на существование — и мы сами понимаем его и пользуемся им. Получается, нет несоответствия между Богом и присутствием зла и страданий.

В ответ скептик мог бы сказать, что несоответствие — не между Богом и страданием в целом, но скорее между Богом и теми видами и масштабом зла и страдания, которые есть в мире. Беспомощные люди часто испытывают на себе ужасающую жестокость и боль без очевидной цели научить или развить личность.

Но можно выделить еще одно неявное предположение *внутри* первой скрытой предпосылки. А именно: «Если я не вижу причин у Бога для попущения этого зла, возможно, у Него их нет»¹⁷⁸. Но, очевидно, что эта предпосылка — ложная. Помните, что аргумент от зла против Бога начинается с идеи всемогущего Бога. Он задает вопрос: «Если могущество Бога бесконечно, как вы утверждаете — почему же Он не прекратит зло?» Но Бог, могущество которого невозможно сравнить с нашим, также будет иметь и знания, которые невозможно сравнить с нашими. Итак, возражение для скептика звучит следующим образом: «Если знания Бога бесконечны, *почему* у Него не может быть

¹⁷⁷ Важно отметить: предлагая эту защиту — неполноценную теодицею — против аргумента от зла, верующий в Бога может (достаточно хорошо объясняя, почему Бог попускает зло) воспользоваться лучшими идеями, предложенными традиционными теориями теодицеи. Каждый вариант теодицеи предлагал убедительные, но недостаточные причины для попущения Богом зла.

¹⁷⁸ Plantinga, *Warranted Christian Belief*, pp. 481–482.

достаточных оснований с нравственной точки зрения для попущения зла — оснований, которые просто *не приходят тебе в голову?*» Если мы настаиваем на том, что знаем о жизни и истории столько же, сколько всемогущий Бог, мы допускаем логическую ошибку, как бы имманентная схема нашей культуры ни пыталась склонить нас к подобному убеждению.

Доказательства подобного рода философ Стивен Джон Викстра назвал аргументами «я не видел — значит, нету», чтобы указать на ошибку аргумента от зла¹⁷⁹. Это был ответ Викстры на произведения Уильяма Роу: последний утверждал, что, поскольку мы не видим «высшего блага», которое может оправдать Бога в попущении страданий, «такого блага не существует». В ответ Викстра упоминает конкретный вид насекомого. В США, на Среднем Западе, водятся мокрецы — пакостный гнус, до жути кусачий и притом такой мелкий, что и не разглядишь: потому их и называют «no-see-ums» — «невидимки»¹⁸⁰. Тот факт, что ты не их не видишь, не означает, что их нет. Алвин Плантинга развивает этот пример:

Я заглядываю в свою палатку и не вижу там сенбернара. Итак, возможно, в моей палатке нет сенбернара. Потому что если бы он там был, я бы наверняка его увидел. Сенбернару непросто скрыться в маленькой палатке. Я снова заглядываю в свою палатку, и я не вижу песчаных мушек <...> Вообще не очень-то вероятно, что в моей палатке нет мушек... Дело в том, что, если даже мушки там

¹⁷⁹ Stephen John Wykstra, "Rowe's Noseeum Arguments from Evil," *The Evidential Argument from Evil*, ed. Daniel Howard-Snyder (Indiana University Press, 1996), pp. 126–149.

¹⁸⁰ Wykstra, *Rowe's Noseeum*, p. 126.

есть, я их не могу видеть; они слишком крошечные для невооруженного глаза. Итак, вопрос следующий: причины Бога, если они есть, для попущения такого зла... больше сродни сенбернару или мушкам? И если принять то, что у Бога *есть* причина для попущения этого зла, с чего вдруг мы решили, будто нас известят первыми? При условии Его всевидения и наших существенных эпистемологических ограничений, совсем не удивительно, что Его мотивы... для нас непостижимы¹⁸¹.

Вот она, ахиллесова пята «логического» аргумента против Бога — прецедент, при котором существование зла означает *невозможность* существования Бога. Мы также понимаем, почему для этого аргумента столько препятствий. Если существует бесконечный могущественный Бог, на Которого ты злишься за попущение

РАНЬШЕ «ПРОБЛЕМА ЗЛА» НЕ ВОСПРИНИМАЛАСЬ БОЛЬШИНСТВОМ КАК ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ БОГА — ТОЛЬКО В СОВРЕМЕННОСТИ.

зла, тогда существует бесконечный Бог, имеющий достаточные основания для попущения этого зла.

А еще мы понимаем, что Чарльз Тейлор прав: раньше «проблема зла» не восприни-

малась большинством как возражение против Бога — только в современности. Люди, находящиеся внутри имманентной схемы, обладают гораздо большей уверенностью в своих способностях к умозаключению и раскрытию тайн вселенной, чем их предки. «Раз мы не можем что-то придумать, значит, Бог этого не может придумать» — данное убеждение не просто ошибка. Это признак заносчивости и веры в собственный разум.

¹⁸¹ Plantinga, *Warranted Christian Belief*, pp. 466–467.

Но как быть с менее амбициозным, более скромным видом этого аргумента — так называемым *эвиденциальным аргументом* против бытия Бога, утверждающим, что зло и страдания делают существование Бога маловероятным? Скептик может сказать: «Конечно, мы не можем доказать, что Бога не может быть или что не может быть достаточной причины для появления зла. Но вы когда-нибудь наблюдали, как маленький ребенок постепенно умирает — его изнутри съедает рак? Хотя зло формально, может быть, и не опровергает существования благого и могущественного Бога, оно все равно делает его существование крайне маловероятным»¹⁸².

Проблема этого аргумента в том, что, по сути, он не отличается от логического. Он основывается на тех же предпосылках и имеет то же слабое место. Если мы не можем доказать, что у Бога нет достаточных оснований для зла с нравственной точки зрения, мы точно не можем оценить уровень вероятности наличия этих оснований. Настаивать на том, что у нас выгодное положение и мы способны определить процентное соотношение или вероятность, снова означает забыть об ограниченности своих знаний. Мы никак не можем участвовать в подобных спорах, когда есть бесконечный Бог и конечные мы.

¹⁸² Самым выдающимся сторонником эвиденциального аргумента от зла является Уильям Рой: William L. Rowe, "The Problem of Evil and Some Varieties of Atheism," *American Philosophical Quarterly* 16 (1979): 335–341.

Представьте мяч на вершине холма, который может скатиться в любую долину, вызвать камнепады и изменить пейзаж и жизни людей. Однако путь мяча зависит от бесчисленных крошечных различий в начальном положении и импульсе, неровностях земли и даже в погодных условиях, таких как ветер или

Многие случаи зла кажутся нам бессмысленными и ненужными — но мы просто не находимся в том положении, в котором можем судить об этом.

атмосферное давление. Можем ли мы точно знать, куда покатится мяч, когда его отпустят, и процент вероятности его попадания в ту или иную долину? Нет. Переменных слишком много. В сфере теории хаоса ученые выяс-

нили, что большие, макроскопические системы — погода, например — могут откликаться на самые крошечные перемены. Классическим примером является утверждение, что бабочка, взмахивающая крыльями в Китае, вследствие волнового эффекта может управлять ураганом на юге Тихого океана. Однако никто не способен рассчитать и предсказать реальный эффект от полета этой бабочки.

Так что, если каждое событие в истории, даже самое незначительное, имело бы схожий серьезный и бесконечно сложный волновой эффект? Рэй Брэдбери, как известно, описал эту ситуацию в своем научно-фантастическом рассказе «И грянул гром». В этом рассказе проводник путешествующих во времени Тревис рассказывает путешественнику Экельсу, что, когда тот попадет в прошлое, он должен обязательно идти по металлической тропе. Иначе он может, например, наступить на мышь. Это приведет к тому, что все будущие потомки этой мыши — может быть, миллионы — исчезнут. Это приведет к тому, что все остальные животные, которые питались этими мы-

шами, умрут с голоду и тоже исчезнут с лица земли. Это приведет к тому, что те люди, которые должны были питаться этими животными, не получают их — и им придется переехать или умереть с голоду. А если умрет один мужчина или одна женщина, тогда не будет целых семей, а в конечном итоге целых народов.

Раздавите ногой мышь... исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы... Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом... Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон... Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с нее!¹⁸³

Итак, если даже эффект полета бабочки или движения мяча, катящегося с холма, настолько сложен, что его нельзя рассчитать — как может любой человек, увидев трагическую, «бессмысленную», как ему кажется, смерть молодого человека, знать о ее влиянии на историю? Если всемогущий и премудрый Бог ведет все бесконечные и взаимозависимые исторические события к благу, глупо считать, что мы можем рассматривать любой случай и понимать одну миллионную часть того, что он принесет. Исторический эффект бабочки означает, что «только всеведущий разум может осознать сложности, возникающие при ведении мира свободных существ к... изначально запланированным [благим] целям... Конечно, многие случаи зла кажутся нам бессмысленными и ненужными — но мы просто не находимся в том положении, в котором можем судить об этом»¹⁸⁴.

¹⁸³ Рэй Брэдбери. И грянул гром. Пер. с англ.: Л. Жданов.

¹⁸⁴ Moreland, Craig, *Philosophical Foundations*, p. 543.

Рассматриваемые нами философские аргументы и контраргументы обычно высказываются и обсуждаются отчужденно, беспристрастно. Но большинство из фактически столкнувшихся со злом возражают против существования Бога не ради философии — их причины не внешние, но внутренние. Питер ван Инваген соответственно выделяет два состояния: «глобальной» и «местной» проблемы зла. В своей лекции о местной проблеме он рассказывает правдивую историю женщины, на которую напал мужчина — он не только изнасиловал ее, но затем отрубил ее руки у локтей и оставил ее умирать. Она как-то поползла до обочины, где ее спасли. Она выжила, но теперь она должна жить без рук и с воспоминаниями о той ужасной ночи¹⁸⁵.

Наша реакция на подобный случай в первую очередь идет глубоко изнутри. Физическое ощущение в животе возникает раньше, чем суждения в голове. Мы можем сказать: «Не надо делиться со мной длинными цепочками силлогистических выводов. Я знаком с аргументацией. Я знаю, что существование подобной жестокости формально не опровергает существование Бога-Личности. Но то, что подобные вещи вообще оправдываются, совершенно нелогично. Это просто *неправильно* — *неправильно*. Я не хочу верить в Бога, который допускает такое — и неважно, существует он или нет». Это и есть внутренний аргумент от зла против Бога. Несправедливо было бы называть его просто эмоцией, преходящим ощущением.

¹⁸⁵ Van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 97.

Зло может сделать Бога неправдоподобным, заставить сердце чувствовать, что Он ненастоящий. Что можно сказать в ответ?

Строго говоря, внутренний аргумент не является логической операцией, но в нем есть логика морали. Много лет назад я общался с молодой семьей. Отец и муж только что погиб от электротока — он занимался обычными работами на техническом этаже в доме. Его мертвое тело все еще лежало неподалеку, и скорая должна была вот-вот приехать. Только самый старший из троих детей, 9-летний сын, смог выразить чувства всех. «Это неправильно! Мальчику нужен отец. Это неправильно». Как и Дилан Томас, мы можем рационально знать, что смерть и страдания — это часть жизни, и при этом восставать против них.

Наверное, классический пример внутреннего аргумента нашего времени мы встречаем в книге Эли Визеля *Ночь*¹⁸⁶. Он ярко описывает, как самая первая ночь в нацистском лагере смерти опустошила его сердце. Он писал, что та первая ночь превратила «всю [его] жизнь в одну долгую ночь, семь раз проклятую и запечатанную семью печатями». Он смотрел на печи, превращавшие людей, в том числе маленьких детей, в «кольца дыма». Огонь тех печей полностью уничтожил его веру в Бога.

Никогда мне не забыть это пламя, навсегда испепелившее мою веру... И мне никогда не забыть тех мгновений, убивших моего Бога и душу — и обративших в пыль мои мечты¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Elie Wiesel, *Night* (Hill and Wang, 1960).

¹⁸⁷ Ibid., pp. 43–44.

Как можно с этим «спорить»? С величайшим уважением к опыту и гениальности Визеля как писателя мы, тем не менее, должны отметить, что там были другие — те, кто видел то же самое, и в итоге их вера в Бога оказалась нетронутой, даже стала крепче¹⁸⁸. Как мы видели, Виктор Франкл описывал реакцию заключенных в лагерях смерти на этот ужас — она была разной. Многие утратили надежду, другие же обрели ее, в том числе надежду религиозную. Й. Кристиан Бекер, бывший профессор Принстонской богословской семинарии, жил в концентрационном лагере в Берлине и был рабом нацистов. В итоге он месяцами прятался от немцев на чердаке и постоянно боялся предательства или обнаружения. Он видел многие примеры ужасающего зла и, в результате, всю жизнь страдал маниакально-депрессивным психозом. Тем не менее, именно во время своего заключения он решил стать христианским богословом и в итоге написал книгу «Страдание и надежда: Библейское видение и человеческое преткновение»¹⁸⁹. Ее главной идеей является то, что христианская надежда воскресения и обновления мира дает нам увидеть «настоящую власть смерти исходя из ее пустого будущего, а значит, и знания о ее обязательном поражении»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Стоит отметить, что сам Эли Визель не отказался от веры в Бога полностью, хотя и представил такое яркое возражение существованию и благодати Бога.

¹⁸⁹ J. Christiaan Beker, *Suffering and Hope: The Biblical Vision and the Human Predicament* (Eerdmans, 1994). Я взял эту информацию из предисловия «The Story behind the Book», Ben C. Ollenburger.

¹⁹⁰ Ibid., p. 16.

Итак, не все, кто испытывает крайнее зло, автоматически утрачивают веру в Бога. Это означает, что даже внутренняя реакция на страдания несет в себе некоторые аргументы, некоторые предположения, которые поначалу проявляются только на подсознательном уровне. Мы не просто *реагируем* на отвратительное, мучительное зло. В глубине души мы как-то размышляем о нем, мы определенным образом истолковываем его. Как писал Блез Паскаль: «Что-то нравится или, напротив того, отталкивает меня сперва без всяких причин; вместе с тем потом я обнаруживаю, что оттолкнувшее меня оттолкнуло по той самой причине, которая пришла мне в голову лишь позднее... У сердца немало своих собственных разумных, по его понятию, чувств, непостижимых разуму»¹⁹¹.

Существует некое предположение об этике в разуме и сердцах тех, для кого страдания ослабляют веру, а не укрепляют ее. Предположение звучит так: Бог, если Он существует, не смог совершить правильный поступок и преступил этическую норму. Зло является злом, только если противоречит этике. Когда мы говорим «Я не могу верить в Бога, который допускает такое», мы говорим, что Бог соглашается со злом.

Но вследствие этого неверующий в Бога скептик сталкивается с дилеммой. То, что у людей есть *чувство* морали, не оспаривается. Чувство морали — это когда я чувствую, что некая линия поведения

¹⁹¹ Blaise Pascal, *Pascal's Pensées* (Echo Library, p. 70), *Pensées*, 276, 277.

является правильной, в то время как другая — не-правильной и даже омерзительной. Так если Бога нет, откуда такие глубокие этические инстинкты и чувства? Сегодня многие говорят, что наше этическое ощущение — результат эволюции. Считается, что наше чувство правды и неправды — генетическое, поскольку оно позволяло нашим предкам выжить. Это объяснение может бросить свет на чувство морали, но не на этические *обязательства*. Ты имеешь право говорить людям, что они обязаны прекратить вести себя так или иначе, если их ощущения подсказывают, что они правы, а ты чувствуешь, что нет? Почему твое чувство морали превосходит их? Какой нормой ты руководствуешься, когда считаешь, что твое чувство морали и ощущение правоты являются истинными, а их — ложными? На каком основании ты отмечаешь: «Ты поступил неправильно», если их ощущения отличаются от твоих?

Мы можем назвать это дилеммой, поскольку само основание неверия в Бога — уверенность во зле и этическом обязательстве не поддаваться злу — растворяется, если Бога действительно нет. Фундамент, на который ты полагаешь свои возражения, исчезает у тебя из-под ног. Так что аргумент от зла против Бога не просто не работает — его приверженцы являются жертвами «эффекта бумеранга». Ведь он показывает, что ты предполагаешь нечто, чего нет без существования Бога. Итак, в каком-то смысле, ты надеешься, что Бог выдвинет аргумент против Бога. Самой знаменитой жертвой опыта бумеранга был К. С. Льюис.

В течение многих лет Льюис отрицал существование Бога, потому что верил в силу логического аргумента от зла против Бога. Но в конце концов он осознал, что зло и страдания для него как атеиста являются большей проблемой, чем для него как ве-

рующего в Бога. Он сделал вывод, что знание о присутствии этического зла в мире на самом деле является аргументом за существование Бога, а не против него. Льюис описывает свое пробуждение в серии радиопередач *Просто христианство*¹⁹², но гораздо более подробно говорит о нем в эссе *De Futilitate*. Льюис поясняет: «Естественно, существует одно совершенно очевидное основание для отрицания того, что этический замысел вообще присутствует во вселенной: а именно, ход событий во всей своей опустошительной жестокости и очевидном безразличии или враждебности по отношению к жизни»¹⁹³. Итак, существование жестокости и зла в мире являлось причиной того, что Льюис не мог поверить в благого Бога, в «этический замысел», стоящий за вселенной.

Что если мировые зло и страдания делают существование Бога более вероятным?

Но затем он осознал, что зло, присутствующее в мире, и «является тем основанием, которое мы не можем использовать» против Бога. Почему? «Если мы не считаем эту пустоту и жестокость реальным злом, мы не можем... осуждать вселенную за их существование... Если мы не можем сказать, что наши стандарты — не просто наши, но на самом деле являются объективно существующим принципом, на который мы реагируем, мы не можем считать эти стандарты законными»¹⁹⁴. Это была дилемма для Льюиса-атеиста. Его возражение против существования Бога состояло в том, что он не мог увидеть этической нормы за миром — мир просто был злым и жестоким, без

¹⁹² C. S. Lewis, *Mere Christianity* (Macmillan, 1960), p. 31.

¹⁹³ C. S. Lewis, *Christian Reflections* (Eerdmans, 1967), p. 69.

¹⁹⁴ Ibid., p. 69–70.

причины. Но опять же, если Бога нет, мое определение зла основывается на моем личном ощущении. Итак, Льюис написал: «Словом, если мы не допускаем, что исходная реальность основывается на этической норме, мы не можем осуждать ее с нравственной точки зрения»¹⁹⁵. В его выводе прозвучала яркая мысль:

Вызов настоящего атеиста, брошенный очевидно беспощадному и глупому космосу, на самом деле является неосознанной данью тому, что находится внутри этого космоса, или тому, что стоит за ним — тому, что он считает абсолютно бесценным и чье влияние им не оспаривается. Ведь если милосердие и правосудие действительно являются всего лишь его собственными капризами и не имеют объективного и безличного источника — и если он это осознает, — то он не может оправдать свое негодование. И если он призывает небеса к ответу за то, что сам пренебрегает ими, — то получается, в глубине души он знает, что небеса, где пребывает Царствие, по-прежнему выше¹⁹⁶.

Итак, возникает вопрос. Что если мировые зло и страдания делают существование Бога более вероятным? Что если наше осознание абсолютного зла — это признак того, что мы, в глубине души, обязательно чувствуем, что Бог действительно существует? Алвин Плантинга пишет, что в мирской системе взглядов «нет места для какого-либо истинного этического обязательства... а значит, нет способа доказать, что есть истинное глубочайшее нечестие. Соответственно, если ты считаешь, что действительно

¹⁹⁵ Ibid., p. 70.

¹⁹⁶ Ibid., p. 69–70.

нет страшного нечестия (...не просто какой-то иллюзии), тогда у тебя есть серьезный... аргумент [за истинность Бога]¹⁹⁷».

Эндрю Норман Уилсон, писатель и критик, отказался от христианства в молодости, но недавно написал статью «Почему я снова верю». Ключевую роль в его возвращении сыграла работа над книгой о семье Вагнеров и нацистской Германии. Она показала ему, «какой безумный мир создается теми, кто считает, что этика — это полностью человеческое изобретение»¹⁹⁸. Недавно были опубликованы размышления о пути к вере под заголовком *Вера и другие проколы*. В них мы видим, что эффект бумеранга испытывают не только люди науки, такие как Льюис, Плантинга или Уилсон. Андреа Палпант Дилли выросла в среде медиков-миссионеров, квакеров, в Кении, где она столкнулась с большим количеством смертей и увидела такую тьму, с которой большинство детей в западных странах вообще никогда не сталкиваются. К подростковому возрасту она стала сомневаться в благости Бога, а когда ей исполнилось двадцать, совсем отказалась от христианства. Ее отторжению поспособствовала ее злоба на Бога за страдания и несправедливость.

Но однажды вечером у нее был философский спор с молодым человеком на тему существования Бога.

¹⁹⁷ Alvin Plantinga, "A Christian Life Partly Lived": *Philosophers Who Believe*, ed. Kelly James Clark (IVP, 1993), p. 73. См. также письмо Плантинги Питеру ван Инвагену. «Я склонен считать, что существует... проблема зла для атеистов... Думаю, вообще не было бы правды и неправды — и, следовательно, и зла, — если бы теизм был ложью...» (van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 154, note 14).

¹⁹⁸ A. N. Wilson, "Why I Believe Again," *The New Statesman*, April 2, 2009.

Он утверждал, что этика относительна — в каждой культуре и для каждого человека своя. В заключение он сказал: «Думаю, этические нормы полностью субъективны и, следовательно, в Боге нет необходимости». И Дилли, неожиданно для себя, вдруг ответила: «Но если этические нормы полностью субъективны, нельзя сказать, что Гитлер был неправ. Нельзя сказать, что голодающие дети — это несправедливо. И нельзя осуждать зло. Разве это логично? Тебе придется принять объективную этическую норму, вот здесь». Она взмахнула рукой, нарисовав в воздухе горизонтальную линию. «И вот становится возможным существование божественного разума, устанавливающего этические нормы». Она поняла, что делает первые шаги обратно к вере¹⁹⁹.

Позже Дилли сделала вывод:

Когда меня спрашивают, что меня вывело за двери церкви, а потом вернуло туда, мой ответ на оба вопроса один. Отчасти я ушла из церкви потому, что злилась на Бога за человеческие страдания и несправедливость. Я вернулась в церковь из-за той же борьбы. Я осознала, что даже говорить о справедливости не могу, если не нахожусь внутри теистической системы взглядов. С натуралистической точки зрения, сироту в трущобах Найроби можно обсуждать, только говоря на языке естественного отбора. Мы — просто животные, скитающиеся в безбожном мире, борющиеся за пространство и ресурсы. Идея справедливости на самом деле бессмысленна. Для того чтобы рассуждать о справедливости, приходится рассуждать об объективной

¹⁹⁹ Andrea Palpant Dilley, *Faith and Other Flat Tires: Searching for God on the Rough Road of Doubt* (Zondervan, 2012), pp. 224–225.

В общем, проблема бессмысленности страдания не исчезает, если отказаться от веры в Бога. Если Бога нет, зачем испытывать гнев и ужас, когда группу людей постигает несправедливое страдание? Жестокость, страдания и смерть — абсолютно естественные явления. Когда ты говоришь, что жестокость — это неправильно, где твоя точка отсчета? Два знаменитых мыслителя дали два совершенно разных ответа на эти вопросы. Мартин Лютер Кинг в своем «Письме из тюрьмы Бирмингема» говорил, что если не существует высшего божественного закона — определяющего справедливость, — нет возможности решить, является ли то или иное действие или опыт человека справедливым. Но когда Фридрих Ницше узнал, что природная катастрофа уничтожила Яву в 1883 году, он написал своему другу: «Двести тысяч стерто с лица земли одним взмахом — просто великолепно!» Логика Ницше была непреклонной. Поскольку Бога (как он говорил) нет, все ценностные суждения условны. Все определения справедливости — просто результаты нашей культуры или менталитета.

Несмотря на разницу во взглядах, Кинг и Ницше сходились в одном. Если не существует Бога или

Для того чтобы рассуждать о справедливости, приходится рассуждать об объективной этике. Для того чтобы рассуждать об объективной этике, приходится рассуждать о Боге.

²⁰⁰ Комментарий Дилли взят из интервью с Мишей Бойетт: <http://www.patheos.com/blogs/michaboyett/2012/04/andrea-palant-dilley-doubt-flat-tires-and-the-goodness-of-god>.

высшего божественного закона, тогда жестокость абсолютно естественна. Таким образом, отказ от веры в Бога вовсе не помогает решить проблему страдания, и, как мы увидим, он лишает человека многих средств для борьбы с ним.

История из жизни: Надежда во Христе

Автор: Мэри

Моих родителей уничтожил алкоголизм. Когда они развелись, мне было три года.

Моя мама любила меня и старалась изо всех сил, но выпивка стала ее убежищем, а кутеж и безумие — нормой. Меня постоянно выгоняли из дома за неудачи на музыкальном конкурсе или за то, что я выливала водку в трубу — и мне приходилось разбивать окно в подвале, чтобы вернуться в дом.

Иисус нашел меня, когда мне было семнадцать. Моя подруга пригласила меня в церковь, и я уцепилась за обнадеживающие слова священника о неослабевающей любви Бога. Я надеялась, что моя жизнь изменится.

Я вышла замуж за человека старше меня на шесть лет. Вначале наши отношения приносили мне утешение, но потом он стал жестоким. Он постоянно бил меня, однажды собачьей цепью; он душил меня; ударял ногой в живот; сталкивал с пристани и с лестницы. В это трудно поверить, но я убедила себя, что все еще люблю его.

В 23 года я снова нашла отца. Я думала, он оградит и защитит меня, поэтому ушла от мужа. Но мой

отец сексуально надругался надо мной. Я впала в полное отчаяние и пыталась покончить жизнь самоубийством. У меня не получилось — и я кричала на Бога за то, что Он не дает мне умереть. Где Он?

Я искала совета у очень умного, доброго молодого диакона. Через год мы влюбились друг в друга, но он уже был женат. Мы боролись и молили Бога о помощи, но в конце концов поддались греху. Он развелся, и мы поженились. Мы не заслуживали благословения в виде трех прекрасных детей, которых подарил нам Бог. Впервые в жизни у меня была семья.

Моим детям не было шести лет, когда у меня начались серьезные головные боли, потеря слуха и частичный паралич лица. Специалист обнаружил большую опухоль мозга. Части этой опухоли до сих пор неоперабельны и вызывают новые осложнения. Я помню, что чувствовала себя удивительно спокойно. Хотя наша жизнь была перевернута с ног на голову, моя семья все равно не распалась.

Мои дети росли, и, хотя они выросли в церкви, они испытывали серьезное влияние мира. В какой-то момент все были арестованы. Самому младшему был поставлен диагноз — шизофрения. Самый старший два года был в тюрьме. Мы были подавлены.

Вскоре мой муж перенес два удара, и его личность решительно изменилась. Мы потерпели финансовый крах. В итоге мы потеряли дом. Я была настолько раздавлена, что практически не могла говорить с врачом.

Жизнь не изменилась. Но Бог меняет меня.

Я узнала нечто о душевной боли и проблемах — особенно тех, с которыми мы никак не можем справиться: может быть, Он попускает эти проблемы именно потому, что мы не можем справиться с ними

или с болью и беспокойством, связанными с ними. Но Он может с ними справиться. Думаю, Он хочет, чтобы мы поняли, что наша вера в то, что Он может справиться с этими ситуациями — это дар. Его дар мира посреди этого безумия. Проблемы не исчезают, и жизнь продолжается, но вместо жала этой боли Он дает нам надежду — и это поразительное открытие.

Я стала верить в то, что жизнь не всегда будет такой, как сейчас. Я обретаю еще большее утешение в том, что могу перестать концентрироваться на боли и вместо этого сосредоточиться на Том, Кто однажды и навсегда заберет у меня эту боль.

Всю свою жизнь я искала — и так и не нашла — путь от отчаяния к надежде. Она не появилась благодаря моим действиям или бездействию. Надежда — не в решении проблемы, но в сосредоточении на Христе. Он содействует переходу от одного к другому.

часть II

Посреди пещи

5

Вызов вере

Все боги были сильны — Ты был слаб;
 Они неслись — Ты к трону шел с трудом;
 Но нашу боль лишь Ты сумел понять:
 Нет ран на них — лишь на Тебе одном.
Эдвард Шилито. Иисус истерзанный

Ответы для сердца

Мы говорили о том, что внутренний аргумент против Бога возникает на уровне сердца. Проницательная фраза Паскаля «разумные чувства» относится не просто к иррациональным ощущениям и не только к логическим суждениям. Точнее всего их можно описать как интуицию — объяснения, которые не просто освещают разум, но и утешают или удовлетворяют с экзистенциальной точки зрения. «Разум сердца», в отличие от абстрактного суждения, затрагивает и изменяет отношение и действия. Предполагаю, что существует три важных темы христианского учения, которые могут таким образом послужить нам, когда дело касается боли и страдания. Каждая из них не только помогает обогатить понимание страдания, но непосредственно затрагивает наше отношение, предоставляя нам новое сердечное расположение,

которое в свою очередь позволяет нам справляться с несчастьем.

Первая группа христианских доктрин, которые так настраивают сердце, говорит о создании мира и грехопадении. В 1-й и 2-й главе книги Бытия мы ви-

СЕГОДНЯШНЕЕ ЗЛО НЕ БЫЛО ЧАСТЬЮ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО БОЖЬЕГО ЗАМЫСЛА. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ГЛАЗАХ БЫЛА НЕ ТАКОЙ. ЗНАЧИТ, ДАЖЕ ТИХАЯ СМЕРТЬ В 99 ЛЕТ НЕ БЫЛА НАМ ПРЕДНАЗНАЧЕНА.

дим, как Бог дает человеку мир без смерти и страдания. Сегодняшнее зло не было частью первоначального Божьего замысла. Жизнь человека в Его глазах была не такой. Значит, даже тихая смерть в 99 лет не была нам предназначена. Те из нас,

кто чувствует, что любая смерть — это *неправильно* — не ошибаются. Наша интуиция подсказывает, что быть смертными, утратить любовь, склониться перед тьмой — это не для нас. Как писал Дилан Томас: «Встань против тьмы, сдавившей свет земной». Для того чтобы помочь людям справиться со смертью и скорбью, мы часто говорим им, что смерть — это неотъемлемая часть жизни. Но получается, мы говорим о необходимости подавить абсолютно правильное и глубочайшее человеческое ощущение — нам не уготовано просто стать прахом, а любовь должна пребывать.

В 3-й главе Бытия подтверждается это интуитивное ощущение: в подробностях нам показывают источник мировой тьмы и то, как он раскрылся вследствие нашего отказа от Бога как Владыки и Царя. Когда мы отвернулись от Бога и утратили эти отношения, все остальные отношения распались. Поскольку мы отвергли Его власть, все в мире пошло наперекосяк — наши сердца, эмоции, тела, наши отношения с другими людьми и наши отношения с самой природой.

Грехопадение человечества говорит о том, что первоначальный мировой замысел нарушен. В Эдемском саду мужчина и женщина работали на земле, ее возделывали. Когда Адам и Ева согрешили, одно из постигших их бедствий состояло в том, что земля произрастит «терния и волчцы», а не только цветы и еду. То есть благоприятная картина жизни, созданная Богом, не исчезает полностью, но теперь она сильно отличается от первоначального замысла. Тяжелый труд, всегда ведущий к процветанию, — это правильно, но теперь, когда ты трудишься, несправедливость или катастрофа могут свести этот труд на нет. Итак, доктрина грехопадения ведет нас к удивительно глубокому пониманию страдания.

С одной стороны, это учение отвергает мысль, что люди, страдающие больше других, всегда хуже тех, кто страдает меньше. В этом заключалось лицемерное предположение друзей Иова, которые, находясь рядом с ним, говорили: «Это происходит с тобой, а не с нами, потому что мы ведем праведную жизнь, а ты — нет». В конце этой книги Бог выражает свой гнев, направленный на «жалких утешителей» Иова. Мир слишком низко пал, он почти разрушен, и мы не можем разделить его на две удобные части: хороших людей, живущих праведно, и плохих людей, живущих неправедно. Это разрушение унаследовано всем человечеством. Как говорит Иисус, солнце восходит, и дождь падает на праведных и неправедных (Мф. 5:45). Отдельно взятый *страждущий* человек необязательно расплачивается за конкретные грехи.

Но, с другой стороны, хотя мы не должны говорить, что каждый конкретный случай страдания вызван конкретным грехом, можно сказать, что страдания и смерть в целом — это естественное следствие

и справедливое решение Бога касаясь нашего перво-
родного греха. Таким образом, мы не можем заяв-
лять, что человечество, учитывая наш послужной
список, заслуживает лучшей жизни.

Все это включает «разумные чувства сердца» для
тех, кто страдает, поскольку, если принять вышеупо-
мянутое, можно достичь облегчения в виде смире-
ния. Часто многие люди думают, но не высказывают

СКРЫТОЕ, НО СТАБИЛЬНОЕ КУЛЬ-
ТУРНОЕ УБЕЖДЕНИЕ МОЛОДЕ-
ЖИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО
БОГ ДОЛЖЕН ВСЕМ, КРОМЕ СА-
МЫХ ПОДЛЫХ ЛЮДЕЙ, СПОКОЙ-
НУЮ ЖИЗНЬ.

вслух, что это дело Бога —
создать мир, в котором пред-
меты приносят нам пользу.
Мы видели, как деизм восем-
надцатого века явно пропа-
гандировал эту мысль, хотя
она состояла в оппозиции с
книгой Бытия и вообще со

всей Библией. Тем не менее эта мысль проникла в
сердца большинства, как отмечает социолог Кристи-
ан Смит. Его исследование показало, что большая
часть молодых американцев — «фактически деисты»,
хотя мало кто из них вообще слышал это слово. Смит
имеет в виду, что они воспринимают Бога как суще-
ство, чьей задачей является удовлетворение их по-
требностей. Скрытое, но стабильное культурное
убеждение молодежи заключается в том, что Бог
должен всем, кроме самых подлых людей, спокой-
ную жизнь. Однако это допущение неизбежно ведет
к горькому разочарованию. Жизнь неприятна, слож-
на, жестока и всегда кажется слишком короткой.
Предположение о существовании духовного права
обрекает человека на жизнь в смятении, когда его
жизнь идет не так, как надо.

Если со стороны рассмотреть допущение того, что
Бог должен нам благополучие, оно, очевидно, не-
оправданно. Если действительно есть Бог, слава Кото-

рого превыше других, почему вселенная должна крутиться вокруг нас, а не вокруг Него? Если взглянуть на нормы поведения, установленные библейским Богом — Золотое правило, Десять заповедей и Нагорная проповедь — и затем рассмотреть деяния людей в свете этих норм, мы можем понять, что настоящая загадка зла — совсем не такая, как мы считали. Может быть, настоящая загадка кроется в следующем: почему, если взять в расчет поведение человечества, Бог разрешает нам столько счастья? Доктрина создания мира и грехопадения исключает жалость к себе, которая возникает у людей с деистическим мировоззрением. Она укрепляет душу, помогает ей не удивляться, когда жизнь осложняется.

Обновление мира

Доктрина Страшного Суда и обновления мира — вторая из тех христианских доктрин, которые находят отклик в наших сердцах. Многие люди жалуются, что не могут верить в Бога, который судит и наказывает. Но если Страшного Суда не существует, как относиться к глубочайшей несправедливости, которая совершалась и продолжает совершаться? Если Страшного Суда не существует, остается всего два варианта — полная безнадежность или отмщение. То есть либо за тиранию и притеснение, которые в течение стольких лет преобладают в обществе, никогда не последует воздаяния, и в итоге будет неважно, жил ли ты по справедливости и сострадательно, или же твоя жизнь была полна жестокости и самолюбия; либо, поскольку Страшного Суда не существует, нам можно взять

оружие и расправиться со злодеями сейчас. Нам придется взять дело справедливости в собственные руки. Нам самим придется стать судьями, если Судьи не существует.

Итак, библейская доктрина Страшного Суда — не мрачная идея. Напротив, она позволяет нам в настоящей жизни иметь и надежду, и милосердие. Если мы ее принимаем, мы получаем надежду и стимул работать во имя справедливости. Ведь не имеет значения, насколько ничтожен наш успех сейчас. Мы знаем, что справедливость восторжествует, в своей полноте и

БИБЛЕЙСКАЯ ДОКТРИНА СТРАШНОГО СУДА — НЕ МРАЧНАЯ ИДЕЯ. НАПРОТИВ, ОНА ПОЗВОЛЯЕТ НАМ В НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ ИМЕТЬ И НАДЕЖДУ, И МИЛОСЕРДИЕ.

совершенстве. За любую несправедливость — то, что мы называем злом с точки зрения морали — воздастся. Но она также позволяет нам быть милосердными, прощать и воздерживаться от мщения и жестокости. Почему?

Если мы не уверены, что Страшный Суд свершится, то в момент обиды мы почувствуем практически непреодолимое желание взять меч и ударить им по злодеям. Но если мы знаем, что никому ничего не сойдет с рук и за любую несправедливость воздастся, мы можем жить в мире. Доктрина Страшного Суда предупреждает нас, что у нас нет ни точного знания о том, чего именно заслуживают люди, ни права распределять наказания, когда мы сами грешны (Рим. 2:1–16; 12:17–21). Итак, вера в Страшный Суд не дает нам быть слишком пассивными или чрезмерно агрессивными в поиске истины и справедливости.

Но самое большое утешение для страждущих — это то, что открывается по ту сторону Страшного Суда. Питер ван Инваген пишет:

Наступит момент, когда не станет незаслуженного страдания, и впредь так будет вечно: настоящая тьма, «эпоха зла», в итоге будет восприниматься как вспышка в самом начале истории человечества. Любое зло, причиненное невинным, будет отомщено, и каждая слеза будет отерта с глаз²⁰¹.

Как уже было сказано, нет такой теодицеи, которая давала бы абсолютно удовлетворительный ответ на вопрос попущения Богом зла. Тем не менее у нас нет более актуального объяснения, чем христианская доктрина о воскресении и обновлении мира, когда все библейские обетования и весь библейский подтекст будут окончательно осмыслены и оценены. Воскресение тела означает, что мы не просто получаем утешение за жизнь, которую потеряли, мы ее возобновляем. Мы не просто получаем тела и жизни, которые у нас были — мы получаем тела и жизни, которые мы бы хотели, но не имели ранее. Мы получаем славную, идеальную, невообразимо полную жизнь в обновленном материальном мире.

Мы часто видим, как зло «содействует ко благу» (Рим. 8:28). Проблема в том, что иногда мы это видим только краем глаза, в ограниченном количестве случаев. Но разве невозможно, чтобы Бог попускал зло для того, чтобы привести всех нас к гораздо более великой славе и радости, чем те, которые мы получили бы иначе? Ведь может быть так, что в итоге слава и радость, которые мы познаем, будут несоизмеримо больше, чем те, которые мы бы получили в отсутствие зла вообще? Что если будущий мир

²⁰¹ Van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 89.

каким-то образом будет лучше благодаря тому, что когда-то он был сломлен и потерян? Если это так, воистину зло потерпит настоящее поражение. Зло не просто будет препятствием к нашей красоте и счастью — оно сделает их первостепенными. Зло достигнет полной противоположности того, к чему стремится.

Как может произойти? Если объяснять совсем просто, мы знаем, что смелость существует, только если существует опасность. И если бы не грех и зло, мы никогда бы не увидели смелость Бога, или поразительную степень его любви, или славу богочеловека, который отказывается от славы и восходит на крест. Здесь, в этом мире, мысль о славе Бога — достаточно далека от нас и абстрактна. Но мы должны понимать, что самые великие удовольствия нашей жизни — красота пейзажа, еда, чувство, испытанное от объятий любимого человека — всего лишь капли росы в сравнении с бездонным океаном радости, которую мы испытаем, увидев Бога лицом к лицу (1 Ин. 3:1–3). Вот что нас ждет, не меньше. И, согласно Библии, эта великолепная красота и наше наслаждение ею безгранично усилены благодаря освобождению нас Христом от зла и смерти. Нам сказано, что ангелы желают бесконечно созерцать Евангелие, то чудо, которое Иисус совершил своим воплощением и искуплением (1 Пет. 1:12).

Загадочную мысль высказывает апостол Павел, когда говорит, что мы, знающие Христа и силу его воскресения, также знаем «участие в страданиях Его»²⁰² (Флп. 3:10–11). Алвин Плантинга указывает на учение теологов более раннего этапа Реформации, таких как Джонатан Эдвардс и Абрахам Кайпер,

²⁰² Синодальный перевод.

которые считали, что вследствие нашего падения и искупления мы достигнем такого уровня близости к Богу, который невозможно получить иначе. И, таким образом, ангелы этому завидуют²⁰³. Если в будущем мы поймем: как Иисус мог показать такую славу и любовь только через свои страдания, так и мы можем испытать подобную трансцендентную славу, радость и любовь только через мир, полный страданий?

И разве не может быть так, что наша будущая слава на самом деле «проглотит» зло прошлого, и каким-то невообразимым образом даже память о зле не омрачит наших сердец, но только сделает еще счастливее? Фантастическая история Льюиса о рае и аде — «Расторжение брака» — показывает ад, который стал крошечным, как и все люди в нем. Он пишет, что, будучи на земле, люди говорят о страдании: «этого ничто не изгладит», «и не знают, что блаженство окрасит и преобразит всё прошлое»²⁰⁴. Он пытается выразить ту же идею, что и Толкин, который представляет время, когда «все грустное, что было — это неправда»²⁰⁵.

²⁰³ Alvin Plantinga, "Supralapsarianism, or 'O Felix Culpa'", в издании: *Christian Faith and the Problem of Evil*, ed. Peter van Inwagen (Eerdmans, 2004), p. 18. В данной статье автор, похоже, придерживается более традиционного кальвинистского подхода к проблеме зла, чем в более известной "Free Will Defense". Обратите внимание также на примечание Инвагена о том, что кальвинистская теодицея имеет потенциал, хотя он не считает, что она достаточно сформулирована; van Inwagen, *Problem of Evil*, p. 163, note 9.

²⁰⁴ C. S. Lewis, *The Great Divorce*, p. 64.

²⁰⁵ Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Возвращение короля. Пер. с англ.: Н. Григорьева, В. Грушецкий.

Последние доктрины, являющиеся помощью для наших сердец, это доктрины воплощения и искупления.

Питер Бергер — социолог, а не богослов, но он знает, что каждая культура должна обеспечить своих представителей объяснением страдания. Бергер отмечает, что в Библии в основном отражены два способа. В книге Иова в Ветхом Завете мы сталкиваемся с самой неприятной и суровой истиной о страдании, а именно: мы не имеем права бросать вызов

В Библии мы сталкиваемся с самой неприятной и суровой истиной о страдании, а именно: мы не имеем права бросать вызов Богу.

Богу. Иов призывает Бога к объяснению его горя и скорбей. Но в ответ «ставится под сомнение возможность вопрошающего вообще задавать такой вопрос»²⁰⁶. Бог противостоит Иову, указы-

вая ему на конечность жизни, его неспособность понять цели и пути Бога, даже в случае их раскрытия, и на его положение грешника, который не имеет права требовать спокойной жизни. Бергер признает, что подобный взгляд на вещи не имеет твердой логики, но отмечает, что такое видение само по себе «тяжело перенести большинству людей, <...> возможно, только некоторым религиозным “виртуозам”»²⁰⁷. К счастью для нас, это не все, что говорится о страдании в Библии.

Бергер пишет, что «невыносимая тяжесть этой проблемы, возникающая <...> в Ветхом Завете»,

²⁰⁶ Berger, *Sacred Canopy*, p. 74.

²⁰⁷ Ibid., p. 75.

разрешается «важнейшим христианским учением». А именно тем, что «воплощенный Бог — это страдающий Бог. Без этого страдания, без мучений на кресте, воплощение не привело бы к решению проблемы [страдания], которому, утверждаем мы, оно обязано своей огромной силой». Затем Бергер цитирует Альбера Камю, который сказал: «Только жертва невинного Бога могла оправдать бесконечную и всеобщую пытку невинностью. Только самое смиренное страдание Бога могло смягчить мучительную боль человека»²⁰⁸.

Бергер признает гениальность этого решения. Он пишет:

«Христом грозный Иегова и Его ужасающая отстраненность [в книге Иова] смягчаются. В то же время созерцание Христовых страданий усиливает уверенность в недостойности человека, и подчинение Богу в раскаянии возвращается и становится более совершенным... [ведь] страдания Христовы оправдывают не Бога, но человека»²⁰⁹.

Книга Иова справедливо отмечает человеческое достоинство и смертность, и призывает к полному подчинению владычеству Божию. Но сам по себе призыв может показаться *страждущему* слишком суровым. Новый Завет полон неизмеримого утешения для тех, кто верит в Божественную власть. Сам Бог-Владыка через Сына своего спустился в этот мир и испытал его тьму. Он лично испил чашу страданий до дна. И сделал Он это не для оправдания Себя, но нас, чтобы мы могли перенести страдания, смерть и последствия греха, которые заслужили. Он принимает страдания на Себя, чтобы однажды вернуться

²⁰⁸ Ibid., p. 76–77.

²⁰⁹ Ibid., p. 78.

и прекратить все зло, при этом не осудив и не наказав нас.

Новый Завет учит, что Иисус — Бог воплотившийся: «ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2:9). Он был Богом, но все равно страдал. Он испытал слабость, жизнь, полную «сильного вопля и слез» (Евр. 5:7). Он Сам был отвергнут, познал предательство, нищету и надругательство, разочарование и отчаяние, потери, пытки и смерть. Итак, Он «может сострадать нам в немощах наших», ведь Он, «подобно [нам], искушен во всем, кроме греха» (Евр. 4:15). На кресте Он испытал гораздо больше, чем человеческое страдание, и был отвергнут, и познал боль, превышающую нашу настолько, насколько ее превышают Его мудрость и власть. Не существует большей внутренней боли, чем утрата отношений любви. Однако мы не можем представить, каково это — утратить не просто человеческие отношения, продолжавшиеся несколько лет, но всегда любящего Отца, Который пребывал с Иисусом в вечности. Ощущение этой разлуки было просто невыносимым. Таким образом, Иисус испытал самую богооставленность на кресте, когда возопил: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Здесь нам является высшая сила — Бог, достаточно сильный для того, чтобы по Своей воле стать слабым, уязвимым и погрузиться во тьму, потому что Он любит нас. И здесь является самая величественная слава — желание отказаться от всей Своей славы, потому что Он любит нас.

Ни одна другая религия даже близко не подходит к подобному. Христианский священник Джон Диксон однажды говорил о *ранах Бога* в университетском кампусе города Сиднея, Австралия. Во время обсуждения один мусульманин встал, чтобы

объяснить, «насколько нелепо заявление о том, что Создатель вселенной подчиняется силам, которые Он же создал — что Он ест, спит и ходит в туалет, не говоря уже о смерти на кресте». Диксон ответил, что его замечания обоснованны, это замечания умного и воспитанного человека. Мусульманин продолжил: нелогично, что Бог, «первопричина», подвергается боли от тех, кто слабее Его. Священник чувствовал, что у него нет сокрушительного аргумента, едкой реплики. В итоге он просто поблагодарил этого человека за то, что тот так ясно выразил уникальность христианского убеждения. «Христианин очень дорожит тем, от чего мусульманин отказывается как от богохульства: у Бога есть раны»²¹⁰.

ОН ПОНИМАЕТ НАС, ОН ЧУВСТВОВАЛ ТО ЖЕ САМОЕ, И ОН УВЕРЯЕТ НАС, ЧТО У НЕГО ЕСТЬ ПЛАН, КОТОРЫЙ В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПОЗВОЛИТ НАМ ОТЕРЕТЬ СЛЕЗЫ С ГЛАЗ.

Итак, Питер Бергер прав. Ответ книги Иова: «Бог знает, что делает, поэтому не шуми и доверься Ему» — правильный, но его недостаточно. Это происходит потому, что сам по себе он звучит холодно, и потому, что Новый Завет дает нам больше способов справиться с кошмаром жизни. Мы отвернулись от Бога, но Бог нас не покинул. Только христианство, среди всех основных мировых религий, учит нас, что Бог сошел на землю в Иисусе Христе и Сам подвергся страданиям и смерти.

Понимаете, что это означает? Да, мы не знаем, почему Бог допускает зло и страдания, или почему у них нет видимых причин, но мы по крайней мере знаем, что не является их причиной. Не потому, что

²¹⁰ John Dickson, *If I Were God I'd End All the Pain: Struggling with Evil, Suffering, and Faith* (Matthias Media, 2001), pp. 66–67.

Он нас не любит. Не потому, что Ему все равно. Он настолько занят достижением нашего счастья, что Он Сам был готов погрузиться в глубину страданий. Он понимает нас, Он чувствовал то же самое, и Он уверяет нас, что у Него есть план, который в конечном итоге позволит нам отереть слезы с глаз. Нам могут возразить: «Но на вопрос “Почему?” так и не получен полный ответ!» Да, но нам не нужно большего. Если бы Бог действительно объяснил все причины происходящего по Его попущению, наш неполноценный мозг не выдержал бы. Вспомните маленьких детей и их отношения с родителями. Трехлетние дети почти не понимают, почему их родители позволяют и не позволяют то или иное. Но хотя они неспособны осознать причины запретов родителей, они могут познать родительскую любовь, а значит, доверять им и чувствовать себя в безопасности. Именно это им нужно. Разница между Богом и людьми гораздо больше разницы между тридцатилетним родителем и трехлетним ребенком. Итак, мы не должны ждать, что сможем понять все причины Бога, но через крест и благовествование Иисуса Христа мы знаем о Его любви. И именно это нужно нам больше всего.

В книге «Тысяча даров» Анн Воскамп делится постепенным принятием бессмысленной смерти своей сестры, которой было два года, когда ее переехал грузовик. В конце она делает вывод, что главный вопрос в том, верим ли мы в личность Бога. Он правда любящий? Он правда справедливый? Ее вывод такой:

[Бог] даровал нам Иисуса... Бог не отказал нам в Своем собственном Сыне, так *откажет* ли Он нам в любой нашей нужде? Если доверие необхо-

димо заслужить, разве Бог не заслужил нашего доверия едва затянувшимися ранами, шипами, впившимися в лоб, Твоим именем на потрескавшихся губах? Как Он, милостивый, может не даровать нам все то, что считает лучшим и нужным для нас? Он уже даровал нам немыслимое²¹¹.

Свет во тьме

Мы живем в мрачном мире. Существует множество способов не подпустить к себе тьму, но постоянно это делать невозможно. В конце концов свет нашей жизни — любовь, здоровье, дом, работа — начнет гаснуть. Когда это произойдет, нам понадобится не просто то, что мы можем получить благодаря своему собственному разуму, знаниям и власти.

В книге пророка Исаии (9:2) и в Евангелии от Матфея (4:12) нам говорят, что с рождением Иисуса «народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет». Но можно заметить: если Иисус — это свет мира, почему, когда Он пришел в мир, Он ничего не сделал, чтобы уничтожить страдания и тьму? Дети продолжают умирать преждевременно, и смерть их страшна. Нищих все еще притесняют. Молодые отцы по-прежнему погибают вследствие несчастного случая — остаются вдовы

Подсознательно мы настолько эгоцентричны, что не считаем себя таковыми.

²¹¹ Ann Voskamp, *One Thousand Gifts: A Dare to Live Fully Right Where You Are* (Zondervan, 2010), pp. 154–155.

и сироты, которым приходится самим заботиться о себе. Войны не прекращаются, и о них до сих пор ходят слухи. Почему Он не положил всему этому конец?

Что если бы Иисус, когда пришел на землю, не умер молодым, но пришел, чтобы пресечь несправедливость и зло? Что бы это значило для нас? Вспомните изречение Толкина: «Да, снова и снова — разгром, затишье, но потом [зло] меняет обличье и опять разрастается»²¹². Он прав. Подумайте о научных и технологических открытиях в области здравоохранения и коммуникаций, которые несут в себе несказанные преимущества. Считается, что информационная революция подняла «железный занавес» и поставила точку в «холодной войне». Однако многие знающие люди теперь боятся, что террористы воспользуются этими технологиями, чтобы уничтожить целые сектора электронной системы, стереть триллионы долларов и вызвать мировую депрессию. Ядерная энергия — еще один серьезный источник при ее правильном использовании. Однако нам известно о возможностях ее распространения и о ядерном терроризме. Когда новая разработка не дает злу места, зло всегда находит способы использовать эту разработку для возвращения в новое обличье.

Почему? Потому что зло и тьма этого мира во многом исходят *изнутри* нас. Мартин Лютер учил, что человеческая природа — *incurvatus in se*, сосредотачивается на самой себе. Подсознательно мы настолько эгоцентричны, что не считаем себя таковыми. И эта сосредоточенность — источник большого

²¹² Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Братство кольца. Пер. с англ.: В. Муравьев, А. Кистяковский.

количества страданий и зла, сопровождающих нас, от жестокости и человекоубийства в заголовках до мучений в браке. Философ Джон Грей — атеист, но в этом он согласен с книгой Бытия.

«В сравнении с мифом Бытия, современный миф, согласно которому человечество шагает к лучшему будущему, просто суеверие. Как учит история Бытия, знание не спасает нас от самих себя. Когда мы знаем больше, чем раньше, это означает только то, что наши фантазии становятся более яркими... Основная мысль Бытия в том, что в самых важных областях человеческой жизни не может быть прогресса — только нескончаемая борьба с собственной природой»²¹³.

Теперь понимаете, что бы произошло в первое пришествие Иисуса, если бы Он пришел с мечом в руке и властью уничтожить все источники страдания и зла? Это означало бы истребление всех людей. Если вы не считаете это справедливым, я готов утверждать, что вы не осознаете собственных возможностей, собственного сердца.

Но Иисус не пришел на землю впервые, чтобы вершить правосудие, но нести его. Он пришел не с мечом в руках — гвозди были вбиты в Его руки. Многовековое учение христианства гласит: Иисус принял страдания и смерть на кресте за нас, искупая наши грехи, чтобы однажды вернуться и прекратить зло, не уничтожив человечество.

Иисус не вернулся впервые с политической программой уничтожения римского владычества — несмотря на ее возможные преимущества. Он не хотел делать только то, что можем [и должны] мы,

²¹³ John Gray. *The Silence of Animals: On Progress and Other Modern Myths* (Farrar, Straus, and Giroux, 2013), p. 79.

люди — противостоять и предотвращать зло в его новейшем обличье. Нет, Его программа была более радикальной. Он пришел в мир, и умер на кресте, и воскрес из мертвых, чтобы начать эту программу. Его смерть и воскресение создали в этом мире народ, обладающий ныне уникальной способностью, которая сильна уменьшить зло в сердцах людей и не ослабевая противостоять злу и терпеть зло, присущее их общинам и обществу. И все это потому, что Сын Божий вошел в человеческое страдание, чтобы перевернуть зло и в итоге прекратить его, так же как и грех, страдания и саму смерть — раз и навсегда.

В Библии говорится, что Иисус — это *истинный* свет мира. Когда ты знаешь, что пребываешь в Его любви, и ничто не может вырвать тебя из Его рук, и что Он ведет тебя в дом Божий и к Божественному будущему — тогда Он может стать для тебя светом в темноте, когда все другие огни погаснут. Его любовь к тебе сейчас — и немеркнущая надежда на будущее — действительно свет во тьме, помогающий нам найти дорогу.

История жизни: Прощение

Автор: Джорджиана

Мы с дочерьми обожаем художественную литературу — особенно истории со счастливым концом. Наша жизнь с их отцом, моим мужем Тэдом, была полной счастья и радости. Так, будто если бы Бог сказал мне: «Я допущу болезненный кризис в твоей семье, и все вы будете страдать», я бы спо-

койно ответила: «Хорошо, Отче, да будет воля Твоя». Вместе мы могли справиться с любой ситуацией.

13 мая 2011 года с нашей младшей дочерью Джейн произошел несчастный случай. Она упала спиной со стула и ударилась головой о деревянный пол. Я сразу же осмотрела ее, как профессиональная практикующая детская медсестра. Повреждений не отмечалось. Моя сестра, тоже практикующая медсестра, согласилась: девочка казалась здоровой.

Мы отвели Джейн к педиатру на очередной прием 16 мая 2011 года. Я рассказала врачу, что случилось, и она посчитала благоразумным сделать рентген черепа. Мы отвели Джейн в детскую больницу, и снимок показал трещину. КТ головного мозга подтвердила, что других осложнений нет. Конечно же, я чувствовала себя ужасно, и у меня было множество вопросов, но медицинский персонал утешил нас и заверил, что все в порядке. По дороге домой мы постоянно прославляли Бога за то, что уберег Джейн от более серьезных увечий.

Через неделю я была дома одна с Энн, Пейдж и Джейн. Внезапно к нам приехали детективы и представители органов детской опеки. Они должны были расследовать дело по обвинению в «жестокое обращении с детьми». Их обвиняющие вопросы шокировали меня и привели в замешательство. Что еще более ужасно, мои дочери были всему свидетелями.

Обвинение в «жестокое обращении с детьми» исходило от нового врача в той больнице, которая, только посмотрев на рентген, обратилась в органы опеки. У нее не было других оснований. Поскольку Джейн не было года, это донесение моментально классифицировали как уголовное дело.

У нас отняли всех трех дочерей.

Доказательств жестокого обращения не было ни тогда, ни до этого — по отношению ко всем нашим детям. В нашей семье не было факторов риска жестокого обращения. Ни одна из дочерей до этого не получала увечий. Каждый профессиональный медик, действительно осматривавший Джейн и говоривший с нашей семьей, исключил возможность жестокого обращения.

Несмотря на истину, нашу семью разбили на части, и мы воссоединились только через девять месяцев. Нам с Эдом запрещалось жить в одном доме с нашими девочками, поэтому мы были вынуждены съехать, и могли навещать их только под присмотром.

Никогда не забуду первую ночь вдали от детей. Я была вне себя *от ярости*, взывала к Богу, кричала от боли. Потом я почувствовала некую силу. Спокойствие и тепло разлилось по телу. Я внезапно поняла, что Бог был рядом со мной, обнимал меня, испытывал мою ярость по отношению к несправедливости, рыдал с нами, Его детьми. Я в жизни не чувствовала себя более защищенной.

Я точно не была доверчивой и умиротворенной в последующие девять месяцев. Каждую секунду я ощущала себя подверженной жестоким гонениям. Наши дети страдали. Меня несправедливо обвинили в «жестокое обращение» с Джейн. А еще я как личность и профессионал была раскритикована на стольких уровнях. Больше десяти лет я, медсестра, проработала с семьями повышенного риска. Меня учили именно предотвращению жестокого и небрежного обращения с детьми.

Помимо эмоционального нападения на нашу семью, мы также понесли серьезные финансовые рас-

ходы, связанные с защитой в суде, консультациями по нашему делу, медицинскими счетами и психологической консультацией, и мне нельзя было вернуться на работу, ведь я работала с детьми.

Что же произошло с этим глубоким, умиротворяющим осознанием присутствия и покровительства моего Отца? Оно все еще было, оно меня укрепляло, давало силы пережить очередной день. Несмотря на ежедневное разочарование, неудовлетворенность и горе, каждую ночь я спала крепко. Каждое утро я благодарила Бога, что Он снова давал мне силы.

В течение дня я часто боролась с Богом. Я часто впадала в размышления, когда Он «ничего не исправлял». Я так устала ждать победы истины. Бесконечные судебные заседания, прошения, слушания, приезды органов опеки, полицейское делопроизводство, судопроизводство, слухи, экспертные заключения, неофициальные советы и уйма канцелярской работы. Чаще всего я принимала смелость, данную мне Богом, чтобы справляться с этими ежедневными проблемами. В остальных случаях я сгибалась под давлением. Со временем я поняла, что Богу неважно, насколько я сильна или слаба в тот или иной день. Он не менялся. Вот истинное чудо — дело не в том, что Бог в конечном итоге спас нас из огненной печи, а в том, что моя семья жила и выживала в ней по Божьей установке.

Мы часто замечали, что говорим обнадеживающие слова поддержки другим. Однако я никогда не скрывала своих истинных чувств по поводу происходящего и как тяжело мне было. Бог сделал меня достаточно уязвимой, чтобы я могла тронуть людские сердца, и достаточно неунывающей, чтобы исповедовать его установку. Многие говорили: «Если бы со

мной такое произошло, я бы развалился; я бы не выжил. Со злости я бы сделал что-то, о чем бы пожалел. Но ты так сильна, в тебе столько верности и терпения!» Каждый раз, когда мне это говорили, я чувствовала радость, потому что мне очень нравилось быть инструментом в руках Бога. Я ощущала все эти ужасные, безнадежные эмоции, но Бог был сильным для меня. Я постоянно разваливалась на части, но Бог всегда собирал меня в единое целое. Я иногда лелеяла мысль о мести, но Бог заменял мою горечь милосердием. Это Бог был терпеливым, а не я!

Наконец мы добрались до слушания в суде по делам несовершеннолетних. Хотя формально это также было уголовным расследованием, полиция провела много расследований, и поскольку они так и не обнаружили доказательств, с уголовной точки зрения нас не наказали. Все считали судью справедливым и объективным. У адвоката из органов опеки была иная репутация. Во время допроса я часто ощущала обиду, злобу, раздражение, поражение, обман, предательство и беспомощность, но все это время я чувствовала, что Бог рядом, что Он борется за меня. После третьего дня слушания, когда мы с Тэдом были наедине, я кричала: «Благодарю Тебя, Боже, за право на это страдание, за то, что Ты с нами, и за то, что Ты изливаешь свой свет через нас в этом страдании...»

На четвертый день судья сделал заявление, поразившее всех. Он прекратил дело как безосновательное — даже не выслушав нашей защиты. Я постоянно шептала: «Благодарю Тебя». Наш адвокат сказал нам: «Это не моя победа и не ваша победа. Это Божья победа. Благодарите Его, а не меня».

Когда битва закончилась, остались боевые раны, требовавшие лечения. Сначала мы почувствовали такое облегчение и такую радость свободы, что не

могли предвидеть эмоциональную задачу. Несмотря на воссоединение нашей семьи, наши дочери не могли восстановиться после этого кризиса.

Нас с Тэдом тоже постигли некоторые симптомы посттравматического стресса, но, несмотря на это, в нашем доме все же ощущалось облегчение. Наше умиротворение и радость стали еще глубже. Мое чувство благоговения возобновилось, как и благодарность за дар — моих детей. Поразительно, как непрекращающаяся боль сосуществовала с восторгом, как наша скорбь проходила одновременно с исцелением.

В феврале 2013 года была всего лишь годовщина нашего слушания. Нашему выздоровлению больше всего поспособствовало прощение. Мне кажется, очень трудно простить несправедливость. Мне лично было бы невозможным простить, без вмешательства Бога.

После оправдания наша семья много раз пыталась связаться с детской больницей, спровоцировавшей это тяжелое испытание. Главный врач наконец согласился на встречу с врачом, выдвинувшей против нас обвинение. Мы хотели по-дружески поговорить о том, что произошло. Мы пытались предотвратить подобный ущерб другим семьям.

Я рассказала каждую ужасную подробность опыта нашей семьи главе больницы и начальнице отделения педиатрии по жестокому обращению с детьми (той, кто на нас пожаловался). Я говорила уверенно и спокойно и не чувствовала никакой злобы и горечи.

Когда я закончила, главный врач принес извинения и сказал: «Мы допустили ошибку, и мне очень жаль, что вашей семье пришлось через это пройти». И врач, обвинившая нас в жестоком обращении, вторила этому извинению.

Когда мы уходили из офиса, я *обняла врача, которая на нас донесла*. Поверьте, не я порывалась выказать любовь к этому человеку — но Бог. Я никогда не испытывала исцеления и примирения такой силы. В тот момент Бог изменил меня больше, чем Он изменил меня в течение всех несчастий. Чудесным образом Он изменил мою точку зрения — внезапно я увидела себя в той несовершенной женщине, которая стояла рядом со мной. Сколько ошибок я совершила в собственной жизни? Сколько людям я причинила боль, намеренно или ненамеренно? Сколько раз я позволяла гордости отворачивать меня от правильного поступка? В конце концов, чем я отличалась от своего обвинителя?

Я верю, что у нашей истории все же счастливый конец, но правда в том, что наша история бесконечна. И я прославляю Бога, что Он все еще добавляет главы в историю моей жизни. Наша семья и я лично чувствуем смиренную благодарность за те страдания, которые наш Отец перенес вместе с нами. Без них мы бы спокойно жили нашей «старой нормальной» жизнью вместо того, чтобы жить «новой нормальной» жизнью.

Божие владычество

Любая трудность — знак чего-то большего; чего-то, что лежит за пределами нашей «теории жизни»²¹⁴.

Джордж Макдональд

Мы рассмотрели страдания и зло с культурной, исторической и философской точек зрения. В процессе мы сравнивали различные системы взглядов с христианством и в результате заложили фундамент для библейского учения о страдании. Теперь мы возьмем уже изученное нами и попробуем описать то, что Библия в целом говорит о боли и страдании.

В сравнении с другими системами, рассмотренными нами, картина страдания в Библии, по моему мнению, самая детальная и многоаспектная. При изучении библейского материала мы видим две основных точки опоры.

Страдание — и справедливо, и несправедливо.

Бог — и Владыка, и страдающий Бог.

Эти две истинных пары, рассматриваемые одновременно, без отказа от одной в пользу другой, приводят к удивительно богатому и многостороннему пониманию причин и видов страдания. Они также

²¹⁴ С. S. Lewis, *George MacDonald: An Anthology* (Harper, 2001), p. 49.

предоставляют *страждущим* огромное количество ресурсов и подходов к его перенесению — и универсального рецепта нет.

В этой и следующей главе мы посмотрим на две пары взаимодополняющих истин о страдании и затем заново обратимся к окончательному ответу Бога на зло — в кресте и новой твари.

Страдание как правосудие и кара

В первых главах Библии, книга Бытия 1–3, говорится, что присутствие страдания в мире — это результат греха, в частности первородного греха — отказа человечества от Бога. После того как Адам и Ева ослушались своего Создателя, следует описание падшего мира. Это практически каталог всех видов страдания — включая духовную отчужденность, внутреннюю психологическую боль, общественный и межличностный конфликт и жестокость, природные катастрофы, болезни и смерть (Быт. 3:17 и далее). Считается, что все природное и нравственное зло происходит из фундаментального разрыва наших отношений с Богом. Страдание начинается, когда Адам и Ева изгоняются из Эдемского сада (Быт. 3:23–24). Их изгнание — первое страдание-кара.

Павел упоминает об этом, когда пишет:

Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас, <...> потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена

Слово *frustration* можно также перевести как «тщетность». Жить тщетно означает не достигать своей цели, стараться и напрягать все свои силы, и не видеть результата. Сейчас мир находится в падшем состоянии — он не соответствует замыслу. Люди не были созданы, чтобы испытать смерть, боль, скорбь, разочарование, разрыв отношений, болезни и природные катастрофы²¹⁵. Мир, который был создан для

²¹⁵ Многие ставят под сомнение всю книгу Бытия, считая, что она не соответствует абсолютно единодушному мнению науки о том, что жизнь на земле развивалась в течение многих веков в процессе естественного отбора. Это значит, что жестокость, страдания и смерть уже существовали (в огромном количестве), задолго до появления людей. Как мы уже видели, в книге *The Problem of Evil*, стр. 85–86, Питер ван Инваген говорит то, что может оказаться правдой: после многолетнего управления эволюцией Бог возводит небольшое количество гоминидов до состояния полноценного человека — даруя им образ Божий и создавая райский анклав в мире, в котором они жили в «гармонии совершенной любви» и «обладали... сверхъестественными способностями», благодаря которым они не были подвержены болезням, разрушительным природным катаклизмам, старению и смерти. Но «они злоупотребили даром свободы воли и обрекли себя на разрыв союза с Богом» (стр. 86). В результате природное зло — страдания и смерть — существующее в остальном мире, поглотило их. «Теперь они стоят перед уничтожением посредством случайных природных сил, окружающих их, и это естественное последствие их восстания». А еще впервые в истории мир узнал нравственное зло, ведь отныне человеческая природа была развращена греховным эгоизмом.

Как я писал ранее, я не считаю, что эта история отвечает книге Бытия [об остальной Библии в целом я вообще молчу]. Если не было реально существующих Адама и Евы, нельзя объяснить, почему все люди одинаково греховны, и нельзя

нас, не был задуман таким. Бесплодный мир — это разрушенный мир. В нем все идет не по замыслу, и поэтому существуют зло и страдания.

Но Павел отмечает, что эта кара не указывает на то, что мы оставлены Богом. Скорее, Его кара по отношению к миру имеет цель.

ДАЖЕ КОГДА ОН ОСУДИЛ МИР
НА СТРАДАНИЕ, ОН ДУМАЛ ОБ
ИСКУПЛЕНИИ.

Даже когда Он осудил мир
на страдание, Он думал об
искуплении. Бог осудил мир
«в надежде» окончательного

славного избавления от зла. Этот небольшой стих невероятно глубокий. Он говорит: когда люди отвернулись от Бога, осталось всего два варианта. Первый — немедленное уничтожение, другой — путь, ведущий к искуплению через большие потери, скорбь и боль — не только людей, но и Самого Бога. Здесь присутствует даже намек на то, что будущая слава каким-то об-

согласовать слова Павла в 5-й главе Послания к Римлянам и в 15-й главе Первого послания к Коринфянам об Адаме как о представителе всего человечества. Я верю в историческое существование пары людей, отвернувшихся от Бога и принеших природное и нравственное зло в мир, предков всего человечества. Тем не менее, если верить в буквальных Адама и Еву и в то же время считать, что жизнь на земле зародилась благодаря эволюции, то же повествование ван Инвагена может послужить подобным образом. В его истории Бог берет (или заново создает) Адама и Еву и помещает их в анклав Эдемского сада. Тот сад был раем без страданий и смерти. Бог создал людей для того мира. Такая жизнь распространилась бы по всему земному шару, если бы Адам и Ева послушались Бога. Однако, как только они пали, окружающий мир наступил на них, и природное зло этого мира усилилось вследствие присутствия нравственного зла — и мир стал мрачным. Эта история подтверждает основополагающее библейское учение о том, что страдание и зло мира, так же как и нравственное зло и человеческая смерть, являются следствием человеческого греха.

разом будет еще величественнее из-за страданий. Тем не менее, пока мы живем в тени.

Итак, в Библии подчеркивается, что в существовании страдания на самом деле проявляется правосудие. Но страдание-кара не оканчивается первородным грехом и первоначальным изгнанием из рая. Как показывает история, Бог часто награждает и наказывает народы и отдельных людей в зависимости от их поступков или просто дает людям пожинать плоды своих деяний. Книга Притчей Соломоновых пестрит примерами так называемого «воздаятельного правосудия»²¹⁶. Скупость часто приводит к нужде, поскольку у скупого нет друзей (Притч. 11:24–26); нерадивый человек будет терпеть голод (Притч. 19:15); тот, кто дружит с глупыми, развратится (Притч. 13:20). Учебные книги часто очень ясно говорят, что страдание во всех этих случаях появляется потому, что некое поведение противоречит сути вселенной, тем самым нарушая божественный нравственный порядок, так же как и попытка взлететь, прыгнув со скалы, нарушает закон тяготения.

Страдание как несправедливость и тайна

Хотя в Библии говорится, что присутствие страдания в мире — это результат человеческого греха в целом, в текстах так же подчеркивается, что отдельные примеры

²¹⁶ Walter C. Kaiser, “Eight Kinds of Suffering in the Old Testament,”: *Suffering and Goodness*, eds. Morgan and Peterson, pp. 68–69; Klaus Koch, “Is There a Doctrine of Retribution in the Old Testament?”: *Theodicy in the Old Testament*, ed. James L. Crenshaw (Fortress, 1983), pp. 57–87.

страдания могут не являться результатом конкретного греха. Один ученый подытоживает это так: «Считалось, что факт страдания — это результат греха, особенно первородного греха, но это не означало, что любое страдание могло иметь причинную

В Библии подчеркивается, что в существовании страдания на самом деле проявляется правосудие.

связь с конкретным грехом и божественной карой за него»²¹⁷.

Самым ярким примером является Иов. Страдания Иова сильнее, чем страда-

ния его друзей. Поэтому его друзья самодовольно заключают, что нравственная жизнь Иова должна быть хуже их. В книге ярко показано, что это неверное убеждение вырастает из гордости и жестокости, и Сам Бог в конце книги подчеркнуто осуждает его. Друзья Иова забыли одну половину критически важного двойственного принципа. Человечество как целое действительно заслужило разрушенный мир, в котором живет, но тем не менее зло не распределяется пропорционально и по справедливости. Жизнь неправедных людей не хуже жизни праведных. И, естественно, у самых лучших из людей часто бывает просто ужасная жизнь. Пример тому — Иов, а Иисус — высшая степень «Иова», единственный истинный, абсолютно невиновный *Страждущий* — еще один пример.

Книга Екклесиаста также упоминает случаи несправедливого, несоразмерного и кажущегося необъяснимым страдания. Ее автор понимает, что «у мудрого глаза его — в голове его, а глупый ходит во тьме», но затем он осознает, «что одна участь постигает их всех» (Еккл. 2:14). Трудящийся и мудрец ча-

²¹⁷ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 9.

сто теряют все, тогда как нечестивые процветают. Он говорит: «Место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда» (Еккл. 3:16). В начале четвертой главы автор говорит, что он обратился и увидел «всякие угнетения, какие делаются под солнцем» —

И вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их — сила, а утешителя у них нет. И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе; а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем (Еккл. 4:1–3).

Итак, он пишет: «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё — суета и томление духа!» (Еккл. 2:17). Еврейский термин, обозначающий «суету» (англ. *meaningless* — «бессмысленный» или *vanity* — «суета»), используется здесь как синоним «тщетности» мира, возникшей вследствие грехопадения.

Книги Притчей Соломоновых, Екклесиаста и Иова находятся в списке так называемых «учительных книг» Библии, и важно осознавать их разные, но дополняющие друг друга точки зрения на страдания. Притчи обычно подчеркивают справедливость страданий и то, насколько тесно страдания связаны с грехом; книги Иова и Екклесиаста ярко показывают, как часто этой связи *нет*.

Библейская история создания мира была уникальной среди древних описаний происхождения мира. Другие описания говорят, что мир возник из-за борьбы божественных существ или иных сверхъестественных сил. В этих системах присутствуют

многочисленные центры власти, находящиеся в постоянном конфликте и напряжении. То есть мир вообще был хаотичен, в нем могло произойти что угодно, в зависимости от победы той или иной силы. Сегодня это мировоззрение проявляется снова в произведениях приверженцев научного материализма, воспринимающих вселенную как плод жестоких, неуправляемых сил. В подобном мире сила и власть являются самыми главными чертами.

Однако специалист по Ветхому Завету Герхард фон Рад отмечает уникальность еврейского Священного Писания²¹⁸. В нем мы узнаем, что создание мира — это действие Единого Всемогущего Бога, не имеющего себе равных, Который создал мир не как воин, выигравший сражение, но скорее как художник, пишущий прекрасную картину. Будучи художником, Он творит просто потому, что это доставляет ему радость (Притч. 8:27–31). Следовательно, миру присуща некоторая система, *ткань*. Ткань — это сложная основа в виде порядка или структуры, имеющей свой замысел.

Согласно фон Раду, библейская мудрость заключается в «познании фактов жизни»²¹⁹. Поскольку мир создан благим и праведным Богом, Его ткань обладает нравственным порядком. Порядок основан не на власти, но на праведности. Некоторое время может казаться, что власть и своекорыстие приносят успех, но в итоге они не «срабатывают» в мире, созданном благим и справедливым Богом. Следовательно, жестокая, эгоистичная власть не просто греховна, она глупа. Она несет одиночество, пустоту и

²¹⁸ Gerhard von Rad, *Wisdom in Israel* (SCM Press, 1972), pp. 144–176 (chap. 9, “The Self-Revelation of Creation”).

²¹⁹ Ibid., p. 310.

разрушение. Верность, порядочность, бескорыстная помощь и любовь не просто справедливы, но и мудры, поскольку они соответствуют ткани действительности.

Есть и исключения. Книга Притчей утверждает, что в целом тяжелый труд ведет к процветанию, а не-радивость ведет к нужде, но так бывает не всегда.

Книги Иова и Екклесиаста поддерживают понимание мира, изложенное в Притчах. Наш мир создан Богом, а значит, в его основе — нравственный порядок. Однако теперь с этим порядком что-то не так. Он, пусть и частично, но нарушен. Би-

Хотя есть определенный «верх справедливости», когда злодеи попадают в ямы, вырытые ими для других, страдание часто несоразмерно и распределяется несправедливо.

Библейский специалист Грэм Голдсуорси говорит, что Притчи показывают правду Божественного порядка, Иов указывает на его «скрытость», а Екклесиаст — на «крушение»²²⁰. В конце книги Иова появляется Бог, Который утверждает, что моральный порядок еще не нарушен, но большая его часть скрыта от людских глаз. Итак, хотя есть определенный «верх справедливости», когда злодеи попадают в ямы, вырытые ими для других, страдание часто несоразмерно и распределяется несправедливо. Праведные могут умереть и умирают молодыми.

Новый Завет свидетельствует о том же подходе. В девятой главе Евангелия от Иоанна Иисус исцеляет слепого и старательно убеждает своих учеников, что тот был болен не из-за своих грехов и не из-за грехов своих родителей, но для того, чтобы исполнить

²²⁰ Graeme Goldsworthy, *The Goldsworthy Trilogy: Gospel and Wisdom* (Paternoster, 2000), pp. 428–458.

непостижимый замысел Божий. Так, *страждущих* людей не стоит сразу винить в их болезни.

Эта библейская мысль не только противопоставлена учению кармы, но и противоречит здравому смыслу. Психолог Мэл Лернер продемонстрировал, что у большинства есть глубокое желание верить в то, что «люди получают по заслугам». Обычно они приписывают вину жертвам трагедии, особенно если невозможно наказать злоумышленника²²¹. Это результат нормального человеческого стремления объяснять происходящее, но также может быть следствием глубокой человеческой необходимости верить в то, что мы держим свою жизнь под контролем. Люди хотят верить: «Со мной бы такого не произошло, ведь я мудрее, я лучше, я знаю, что делаю». Оценка Библии не льстит тем, кто не страдает, и относится добрее к тем, кому больно. Страдание очень часто загадочно и необъяснимо.

Страдание как враг Бога

Зло — это вторжение в прекрасное творение Божие. Часто зло и страдание возникают безотносительно условной порядочности и заслуг конкретного человека. Но хотя, как мы увидим, Библия настаивает, что страдание контро-

²²¹ M. J. Lerner and D. T. Miller, “Just World Research and the Attribution Process: Looking Back and Ahead,” *Psychological Bulletin* 85:1030–1051. Приводится по изданию: Jonathan Haidt, *The Happiness Hypothesis: Putting Ancient Wisdom and Philosophy to the Test of Modern Science* (Arrow Books, 2006), p. 146.

лируется Богом, крайне необходимо воспринимать страдание как врага Божьего. Дэвид Бентли Харт в эссе, написанном после цунами 2004 года, унесшего жизни стольких людей, пишет:

...о ребенке, умирающем мучительной смертью от дифтерии, о молодой матери, убитой раком, о десятках тысяч азиатов, в одно мгновение поглощенных морем, о миллионах, убитых в лагерях смерти и гулагах, и от невольного голода... Наша вера — в Бога, пришедшего спасти Свою тварь от абсурдности греха и пустоты смерти — и так нам позволено ненавидеть все это лютой ненавистью. Что до утешения, когда мы нуждаемся в нем, я не могу придумать ничего могущественнее блаженного знания, когда я вижу смерть ребенка, я вижу не лицо Бога, но лицо Его врага. Это вера, которая... избавила нас от оптимизма и взамен научила нас надеяться²²².

²²² David Bentley Hart, *The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?* (Eerdmans, 2005), pp. 99, 101, 103–104. Стоит отметить, что, по моему мнению, Харт придает слишком много значения этому единственному направлению библейского богословия страдания — страдание как несправедливость и враг Бога — и, по сути, отказывается от другого библейского материала о Божьем владычестве над страданием и целями страдания. В своей книге Харт признается в том, что ему близок античный гностицизм, т. е. неверие в связь Всевышнего со злом и страданием, в то, что они могли быть частью Его замысла. Возможно, Харт также отчасти разделяет позицию одного из персонажей романа Достоевского «Братья Карамазовы», Ивана. Иван отрицает существование Бога, прибегающего к страданию для достижения «высшего блага». Он являет собой самоуверенность современного жителя «имманентной схемы», знающего заранее, что в день Страшного Суда Бог не сможет даровать ему никакого озарения

Частично эта истина проявляется, когда Иисус приходит в семью недавно усопшего Лазаря, Своего друга, описывается в 11-й главе Евангелия от Иоанна. Когда Он подходит к гробу, в большинстве переводов говорится, что Он «опять скорбел внутренно» или был «все еще печальным» (Ин., гл. 38). Но такой перевод не передает всю силу эмоции. Автор Евангелия Иоанн использует греческое слово, означающее «возопить в гневе». Поразительное выражение. Богослов Б. Б. Варфилд пишет: «По сути Иоанн говорит, что Иисус подошел ко гробу Лазаря в некоем состоянии, не в состоянии неконтролируемой скорби, но безудержного гнева»²²³. Почему Иисус пришел в ярость, когда увидел гроб Лазаря и скорбь его семьи? В каком-то смысле Его гнев и слезы кажутся неуместными. Он прекрасно знает, что вот-вот превратит всю скорбь и плач в крики изумления и радости — сейчас Он воскресит Лазаря из мертвых (Ин., гл. 42–44). Так почему же Он буквально вне себя от ярости? И что вызвало эту ярость? Варфилд, основываясь на комментариях Жана Кальвина к тому же отрывку, дает удивительный ответ:

или премудрости, ведь он уже обладает ими. Очень важно рассматривать эту истину — что страдание ненавистно Богу — вместе с учением о том, что Бог — Владыка страдания. Когда мы отказываемся верить, что Божии страдания и зло всегда являются частью Божьего замысла, мы не просто отворачиваемся от значительной части библейского учения (что мы увидим позднее), но лишаемся утешения, состоящего в том, что Бог каким-то образом действует через реальный опыт и случаи страдания. А еще у нас не будет особого стимула считать, что Бог учит нас, чтобы через этот опыт мы возрастали.

²²³ B. B. Warfield, “The Emotional Life of Our Lord,”: *The Person and Work of Christ*, ed. Samuel G. Craig (P&R, 1950), p. 115.

Когда Иисус увидел горе Марии и сопровождавших ее, Он пришел в ярость, поскольку это мучительным образом заставило Его вспомнить зло, исходящее от смерти, ее неестественность, ее «жестокую тиранию», по выражению Кальвина (к стиху 38). Видя скорбь Марии, Он «наблюдает» — продолжаем использовать слова Кальвина (к стиху 33) — «страдания, присущие всему человечеству» и пылает гневом по отношению к притеснителю людей. Его поражает безудержная ярость; все Его существо пронизано тревогой, Он глубоко обеспокоен...

Смерть — предмет его возмущения, а также стоящий за смертью — тот, кого Он пришел уничтожить. Может, Его глаза полны слез сострадания, но это второстепенно. Его душа разгневана: Он приближается ко гробу, по словам Кальвина, «как воин, готовящийся к противостоянию» <...> Этой фразой Иоанн раскрывает для нас сердце Иисуса, когда Тот добивается нашего спасения. Иисус поражает врага ради нас — не с холодным безразличием, но в пылу гнева. Он не только спас нас от удручающего зла; Он сочувствовал и сопереживал нашему притеснению, и с этими ощущениями добился нашего искупления²²⁴.

Итак, Иисус гневается на зло, смерть и страдания и, хотя Он и Бог, не сердится на Себя. Это означает, что зло — враг прекрасного творения Божьего и Самого Бога. Вся миссия Иисуса — бросить злу вызов и истребить его. Но, как видим, зло настолько глубоко укоренилось в человеческом сердце, что, если бы Христос явился с силой уничтожить его повсюду,

²²⁴ Ibid., p. 116–117.

Ему бы пришлось уничтожить и нас. Вместо того чтобы прийти генералом во главе армии, Он в немощи взошел на крест, чтобы искупить наши грехи, чтобы однажды вернуться и истребить зло и при

Зло настолько глубоко укоренилось в человеческом сердце, что, если бы Христос явился с силой уничтожить его повсюду, Ему бы пришлось уничтожить и нас.

этом не осудить и нас. Он сможет принять нас к Себе, поскольку Он взял на Себя наше осуждение на Голгофе.

В таких отрывках, как 9-я и 11-я главы Евангелия от Иоанна, Иисус учит, что, хотя Бог и попустил зло и страдания как справедливое на-

казание и все исправит в день Страшного Суда, в то же время страдания часто несправедливы, и Сам Бог их ненавидит. Рональд Риттгерс дает следующее описание: «Христос подтверждает <...> модель справедливости [страдание — следствие греха]. Когда Он укоряет тех, кто размышляет о восемнадцати, на которых упала Силоамская башня (Лк. 13:4–5), или когда Он критикует учеников за то, что они связывают слепоту с конкретным грехом (Ин. 9:1–12), Он не отрицает эту модель, но противостоит ее упрощенному применению, ведущему к восхвалению самих себя»²²⁵.

Страдание, справедливость и мудрость

Мы уже видим, как первая пара библейских доктрин (страдание и справедливо, и несправедливо) ведет нас к приобретению понимания того, как бороться

²²⁵ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 9.

со страданием. Как отмечал фон Рад, мудрость — это осознание сложности окружающей действительности. Отчасти действительность в том, что мировое страдание было справедливо. Мы обязаны Богу всем, Он создал нас и все время поддерживает нашу жизнь. Наша любовь к Нему, превышающая любую другую, и наше служение Ему, а не нашим собственным интересам и желаниям, — абсолютно обоснованны и уместны. Но мы этому не соответствуем — мы живем ради себя и грешим. Следовательно, мы не заслуживаем праведного мира, созданного для нашей выгоды.

Еще один аспект действительности, управляющей нашей жизнью, состоит в порядке создания — ткань этого мира — истрепана и разодрана. Страдания и боль распределяются неравномерно, поэтому часто невинные страдают больше, а нечестивые — меньше. В свете этого аспекта действительности мы должны очень осторожно предполагать, что страдание постигло нас или других из-за несправедливой жизни. Мы не должны смотреть на родителей, дети которых погибли в железнодорожной катастрофе, или на расовые группы с преобладанием нищеты и преступлений, или на гомосексуалистов, умирающих от СПИДа, и считать, что раз мы не страдаем так же, как они, мы нравственно превосходим их в глазах Творца. А когда страдание постигает нас без причины, как Иова, мы действительно можем возопить в замешательстве. У нас есть основания на глубокую душевную боль, и наше чувство, что мы страдаем несправедливо, не лишено правды.

Если игнорировать любую из этих истин, мы будем оторваны от действительности. Если забыть первую истину — о том, что в целом страдание справедливо — мы впадем в саможаление, полное гордости

и обиды, резко отвергающее благодать или даже существование Бога. Если забыть вторую истину — о том, что страдание часто несправедливо — мы можем попасть в ловушку чрезмерного чувства вины и веры в то, что Бог оставил нас. Эти доктрины устраняют так называемую реакцию «Я ненавижу Тебя» — изнуряющий гнев против Бога — и реакцию «Я ненавижу себя» — опустошающее чувство вины и личного поражения. Консультанты знают, какое огромное количество людей падают в одну или другую — или обе — пропасти. Этот баланс — Бог справедлив и совершит последний праведный суд, но в то же время жизнь часто глубоко несправедлива — не дает нам допустить множество пагубных ошибок. Если мы окажемся в одной из пропастей, это произойдет вследствие нашей глупости, «незнания фактов жизни».

Владычество Бога

Рассматривая вторую пару истин, находящихся в балансе, нужно сначала обратиться к двойственному учению о том, что Бог — Владыка и в то же время Страждущий. Эти библейские доктрины соответствуют философскому описанию «всемогущего» и «всеблагого» Бога. Библия дает нам больше, чем эти абстрактные понятия, и говорит о Боге, Который не просто всемогущ, но владычествует над каждым событием в истории. Она также представляет не просто «благого и любящего» Бога, но Бога, пришедшего в наш мир и подвергшегося такому злу, страданиям и боли, которые мы никогда не испытывали. Риттгерс пишет, что,

если не знать обе истины, страдание не может иметь смысла и вообще окончательного разрешения:

Библейский Бог... и страдает с человечеством — в высшей мере на кресте — и в то же время в каком-то смысле владычествует над страданием. Оба убеждения были (и остаются) неотъемлемой частью традиционного христианского суждения о том, что в конечном итоге у страдания есть смысл, и что триединый Бог способен освободить людей от него²²⁶.

Во-первых, что имеется в виду, когда мы говорим, что Бог — Владыка истории, а, следовательно, страдания? Доктрину владычества Бога в Библии иногда называют *компатибилизмом* (от англ. «compatible» — «совместимый») ²²⁷. Библия учит, что Бог полностью контролирует происходящее в истории и в то же время этот контроль осуществляется таким образом, что люди несут ответственность за свой свободный выбор и результаты своих действий. Следовательно, человеческая свобода воли и Божественное управление историческими событиями абсолютно совместимы. Приведу наиболее яркий и практический пример:

²²⁶ Ibid., p. 261.

²²⁷ Мнение о том, что человеческая свобода воли совместима с Божьим абсолютным историческим предопределением, особенно тесно связано с богословием Реформации. Альтернативная точка зрения представлена в книге Roger Olson, *Arminian Theology: Myths and Realities* (Inter-Varsity Press, 2006). Такие философы, как Питер ван Инваген, также считают, что свобода воли совместима с детерминизмом. Два обстоятельных описания, которые я вам предлагаю, даны в книгах D. A. Carson, *Divine Sovereignty and Human Responsibility: Biblical Perspectives in Tension* (John Knox, 1981); Packer, *Evangelism*.

если человек грабит банк, ответственность за этот нравственный проступок полностью лежит на нем, хотя также является частью Божественного предопределения.

Представление этой ситуации в процентном соотношении грубо, но эффективно. Мы считаем, что либо Бог предопределил действие, либо человек совершил его по своей воле, но оба варианта не могут быть правдой одновременно. Можно предположить, что событие на 50% зависит от действий Бога и на 50% — от деятельности человека. А может, соотношение 80:20 или 20:80. Но в Библии отражена исто-

У НАШЕГО ВЫБОРА ЕСТЬ ПОСЛЕДСТВИЯ, И БОГ НИКОГДА НЕ ЗАСТАВЛЯЕТ НАС ДЕЙСТВОВАТЬ ТАК ИЛИ ИНАЧЕ — МЫ ВСЕГДА ДЕЛАЕМ ТО, ЧЕГО ХОТИМ БОЛЬШЕ ВСЕГО.

рия, которая на 100% предопределена и находится под руководством Бога, и в то же время в ней множество людей, несущих 100%-ную ответственность за свое поведение — все сразу.

Подобный тип мышления противоречит и древнему, и современному типу мышления. Греческое понятие «судьбы» или исламское понятие «кисмет» сильно отличаются от христианской доктрины божественного владычества. Греческий миф об Эдипе рассказывает о главном персонаже, чья судьба, как предсказывает оракул — убить своего отца и жениться на собственной матери. Хотя Эдип и все окружающие делают все возможное, чтобы избежать этой судьбы, все их замыслы в итоге только приближают ее. Несмотря на выбор всех, предопределенное сбывается. Христианское понятие владычества Бога другое. Предопределение Божие происходит *посредством* нашего свободного выбора, а не в обход его и не вопреки ему. У нашего выбора есть последствия, и Бог никогда не заставляет нас

действовать так или иначе — мы всегда делаем то, чего хотим больше всего. Бог в совершенстве проявляет Свою волю через наши добровольные действия.

Во всех текстах Библии предполагается этот *компатибилизм* — совместимость предопределения Божьего и наших действий, и много раз явно преподает его²²⁸.

В 10-й главе книги пророка Исаии Бог называет Ассирию (Ассирию) «жезлом гнева» своего (ст. 5). Он говорит, что Ассур наказывает народ израильский за его грехи — и в то же время, тем не менее, Он не снимает с Ассирии ответственности за его действия. «Я пошлю его [Ассирию] против народа нечестивого [Израиль], — говорит Бог, — но он не так подумает и не так помыслит сердце его; у него будет на сердце — разорить» (ст. 6–7). Бог использует Ассирию как жезл, согласно Своему мудрому и справедливому замыслу, но внутреннее побуждение этого народа — не тяга к правосудию, но просто полное жестокости и гордости желание преобладать. Итак, Бог будет судить инструмент своего правосудия. Действия Ассирии — часть замысла Божия, однако ассирийцы отвечают за свой свободный выбор. Поразительное соотношение. С одной стороны, зло воспринимается серьезно, как действительность. Но есть и обещание, что в конце концов оно не восторжествует.

Бога называют «Совершающим все по изволению воли Своей» (Еф. 1:11). «Все» происходящее находится

²²⁸ Эпизоды, показывающие полный контроль Бога над всем происходящим в истории, практически неисчислимы (ср. Быт. 14:8; Притч. 21:1; Мф. 10:29; Рим. 9:20 и далее), как и те, которые показывают, что каждый человек несет ответственность за свой выбор и свои действия (ср. Мф., гл. 25; Рим. 2:1–16; Откр. 20:11–13).

в гармонии с замыслом Божиим и соответствует ему. Это значит, что замысел Божий включает в себя и «мелочи». В Притчах (16:33) говорится: «В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа». Даже подброшенная монетка — часть Его замысла. Случайностей нет. Его замысел также включает в себя и нехорошее. В Псалтири (59:5) говорится: «Ты дал испытать народу твоему жестокое, напоил нас вином изумления».

Значит, страдание не выпадает из замысла Божия, но является его частью. В 4-й главе книги Деяний, стихи 27–28, ученики-христиане молятся Богу: «Собрались в городе сем на Святаго Сына Твоего Иисуса <...> Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой». Страдания и смерть Иисуса были примером крайней несправедливости, но они также были частью предопределенного замысла Божия.

Планы Божьи и наши планы

Согласно Библии, Богу известны наши планы. В Притчах (16:9) говорится: «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его». Автор этих строк предполагает, что мы строим планы, однако они вписываются в высший замысел Божий.

Во многих текстах переплетение свободной воли и Божественного владычества приводит нас в недоумение. В книге Бытия (50:20) Иосиф объясняет, как нечестивый поступок его братьев — продажа его в рабство — используется Богом для достижения выс-

шего блага. «Вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей». Заметьте: Иосиф считает, что они сотворили зло — они «умышляли» зло, оно было намеренным. Однако он говорит, что Божественный замысел одержал верх, и несчастья и горести Иосифа послужили исполнению его собственных благих целей. В Новом Завете фразе Иосифа вторит 28-й стих 8-й главы Послания к Римлянам: «Любящим Бога <...> все содействует ко благу».

В книге Деяний (2:23) Петр снова говорит, что Иисус был распят «по определенному совету» Божью, но руки, умертвившие Его, виновны в несправедном суде и «беззаконии». Другими словами, смерть Иисуса была предопределена волей Божьей — она не могла не осуществиться. Однако никто из предавших и умертвивших Иисуса не сделал этого по принуждению. Они сделали свободный выбор и несли полную ответственность за свое решение. Сам Иисус выражает эти истины в одном предложении: «Сын Человеческий идет [на смерть] по предназначению, но горе тому человеку, которым Он предается» (Лк. 22:22).

Одним из самых удивительных примеров этого библейского взгляда является повествование противостояния Моисея фараону в книге Исхода, 7–14. Моисей много раз призывает фараона отпустить израильский народ и заявляет, что на то воля Божия. Несколько глав подряд повествуют о том, что сердце фараона «ожесточилось» и он упрямо не отпускал людей. Этот своевольный отказ привел к бесчисленным ненастьям и смертям египтян. Но этот текст удивительный, поскольку показывает, что Бог ожесточил сердце фараоново (Исх. 7:3; 9:12; 10:1; 11:10;

14:4, 8), практически столько же раз, сколько фараон ожесточил свое сердце (Исх. 8:15, 32; 9:34; 10:3; 13:15). Так всё-таки, что произошло? Это было действие Бога или фараона? Библия говорит, что обоих.

Обратите внимание на грехи патриарха Иакова, чья жизнь описана в книге Бытия. Иаков обманул своего отца и ограбил брата; в результате ему пришлось бежать с родины и перенести тяжкие страдания и поношения в чужой стране. Но там он встретил любовь всей своей жизни, и его дети были предками Иисуса. Очевидно, ему не нужно было жить по второстепенному плану вследствие своего греха. Все это было частью идеального Божьего замысла в отношении его и даже спасения мира. Итак, значит, он не был в ответе за свой грех? Был. Разве он избежал последствий своего безрассудного поведения? Нет. Но Бог всегда контролировал происходящее, даже когда полная ответственность лежала на Иакове.

В конечном итоге христианское понятие владычества Божия — это чудесный, практический принцип. Никто не может утверждать, что точно *знает*, как эти две истины сочетаются²²⁹. Однако даже наш

²²⁹ В классическом отрывке Дж. И. Пакер называет отношение божественного владычества к человеческой ответственности «антиномией», которой дает следующее определение: «видимое противоречие... кажущаяся несовместимость двух очевидных истин». Антиномия возникает, когда два принципа идут бок о бок, по-видимому, непримиримые, однако каждый из них неоспорим. Затем в качестве примера он приводит свет — иногда свет ведет себя, как волны, иногда — как частицы. Хотя и неясно, как могут существовать оба типа поведения (ведь с классической точки зрения волна не является частицей и наоборот), но они существуют. Точно так же, согласно Библии, Бог должен быть Владыкой, иначе большая часть истории теряет смысл, не имеет цели; и мы должны не-

самый обычный опыт дает понять, как направлять человека по пути, не нарушая его свободы воли. Хорошие руководители частично делают это — почему бесконечный Бог не может делать это в совершенстве? Владычество Бога загадочно, но не противоречиво. Оно означает, что у нас есть серьезный стимул использовать свою мудрость и волю правильно, зная, что Бог привлекает нас к ответственности, и зная, что нам не избежать последствий за неразумие и нечестивость. С другой стороны, существует безусловное обещание, что мы не можем окончательно разрушить свою жизнь. Даже наши неудачи и беды будут использованы во славу Божию и ради нашего блага. Я не могу придумать большего утешения. «Бог делает все ради меня!» — восклицает Псалмопевец (Пс. 56:3).

В этой доктрине заложено два уровня понимания страдания — и высший, и практический. На одном уровне, как пишет Дон Карсон, проявляется следующий смысл: «Наверняка дело в том, что Бог по-разному относится к добру и злу; Его отношение к добру и злу *асимметрично*»²³⁰. Тогда как нравственное зло нельзя совершать вне рамок Божественного замысла, «Он не несет нравственной ответственности за это зло», поскольку ее несут виновные²³¹. Однако, поскольку все благие намерения человеческого

сти ответственность, иначе значительная часть наших действий бессмысленна. Библия учит обеим составляющим. Пакер прилагает максимум усилий, чтобы показать, что это противоречие — не реальное, а только кажущееся, вследствие нашей ограниченности как наблюдателей. Packer, *Evangelism*, pp. 18–19.

²³⁰ Carson, *How Long, O Lord?*, p. 189.

²³¹ Ibid.

сердца исходят от Бога (Иак. 1:17)²³² — все благое происходит непосредственно благодаря Ему.

На практическом уровне нам дается обещание, что даже нечестивость и трагедии, которые, как нам известно, не являются частью первоначального замысла Божия, тем не менее вплетаются в план мудрого Творца. Итак, в обещании, данном в 8-й главе Послания к Римлянам — «все содействует ко благу» — ни с чем не сравнимое утешение для верующих.

История жизни: Зависимость от Бога

Авторы: Расс и Сью

Расс: Первое десятилетие нашего брака ознаменовалось сменой счастья и кризиса. Из-за постоянной борьбы между амбициями в построении карьеры, и внезапной безработицы, и попыток дать импульс новой карьере, было очень сложно чувствовать себя в безопасности. Однако это была подготовка к ожидающим нас непрекращающимся проблемам.

В 2000 году наш мир перевернулся из-за неожиданной новости о раке.

²³² Данный стих говорит о том, что Бог — изначальный источник всего доброго, что есть в мире. Буквально в нем говорится: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше...» Дж. Б. Адамсон резюмирует учение этого стиха следующим образом: «Любое человеческое благо нисходит от совершенного Отца вселенной». J. B. Adamson, *The Epistle of James*. The New International Commentary on the New Testament (Eerdmans, 1976), p. 74.

Сью: За ночь до того, как я услышала результаты своей биопсии, я страдала и была в отчаянии. Внезапно я ощутила в комнате присутствие, которое нельзя было отрицать. Всепоглощающее чувство спокойствия овладело мной, и я услышала: «Все будет хорошо, Я с тобой». Это леденящее душу мгновение было даром, который не только усыпил меня в ту ночь, но придал мне сил принять диагноз — лимфома Ходжкина. Он поддерживал меня в испытаниях.

Не успели мы обрадоваться концу химиотерапии, как рак проявился с новой силой. Была необходима пересадка стволовых клеток и усиленная химиотерапия с шансами выживания 50 на 50, а затем — облучение. Было абсолютно ясно, что мы мало что контролируем.

Расс: Мы вместе провели 3 недели во время пересадки стволовых клеток, и иммунитет Сью упал до нуля. Мы столкнулись с проблемой смертности, подолгу разговаривали и тихо размышляли. Я ощущал такую близость к Богу и своей жене — будто я находился в умиротворенной параллельной вселенной. Сложнее всего было понять, как справиться с вопросом: «Что, если Бог даст ей умереть?» Мне нужно было иметь силы по-настоящему сказать: «Твоя воля, но не моя». Она поправилась, и Бог позволил мне не испытывать это мучение.

Сью: Лечение уничтожило рак, но впоследствии, через год, у меня проявился фиброз — неисцелимое, нарастающее рубцевание легких. Со временем единственным вариантом для выживания стала пересадка обоих легких.

Я отчаянно молилась, чтобы мне не нужно было проходить через это, но болезнь опередила любое лекарство. Та поддержка, которую мы получили в

церкви, от друзей, соседей и семьи, была свидетельством верной руки Божьей. После трех неудавшихся попыток новые легкие подошли. Во время операции я видела, как ангелы входят в тела врачей. Через два дня я проснулась в эйфории. Первое, что я подумала: «Господи, у Тебя получилось!» Меня благословили — дали больше времени. Тогда я думала о своем доноре, который своей смертью спас мне жизнь.

Расс: В первую ночь дома мы испытывали взаимное благоговение, огромную радость и глубокое почитание Бога. Нам на мгновение показали рай, когда одной ночью мы чувствовали, как любовь и близость с Ним проявились совершенно на другом уровне. Это незабываемый опыт разделенного облегчения и удовольствия, полного блаженства — настолько сильного, что мы оба не хотели, чтобы оно прошло. Мы буквально стояли на вершине горы, и этот опыт поддерживает нас до сих пор.

Наша радость в последующие дни была безмерной, но четвертый месяц принес признаки отторжения и хронической болезни легких, вместе с разговорами о повторной пересадке.

Эти изменчивые и неразрешенные медицинские вопросы — источник глубокого разочарования и грусти. Это тяжелая ноша для нашей семьи. И каким-то образом Бог облегчает боль, истощение и гнев, когда мы больше не можем, и подталкивает нас вперед. Его лик проявляется в милостивых делах других, а наша благодарность сосуществует с нашей печалью. Мы знаем, что Бог не дает нам упасть, действует ради нас. Мы это чувствуем, видим, это нас окрыляет.

Мы смогли принять тот факт, что нас не ждет стабильная и комфортная жизнь, на которую мы

надеялись. Мы осознали, что должны были бороться не за стабильность и комфорт, но за *полную* зависимость от Бога, от Которого мы получаем силы. Для этого нужно ежедневно отдавать Ему все. Наше настоящее утешение — это обещание, что «в раю наша радость будет больше, поскольку горе так глубоко». Может, мы и изувечены, но наша обновленная вера поддерживает нас. Бог помогает нам держаться, и поэтому у нас есть надежда и силы к жизни.

Страдания Бога

Мне кажется разрушительной получившая пространство мысль о том, что христианство — это идеалистическая религия отрешения от мира, не связанная с действительностью; религия, предполагающая, что если мы ведем себя хорошо, то будем счастливы... Напротив, ее глубокий реализм беспощаден, она настаивает, что... есть некие приобретения в вечности, в свете которых даже счастье — просто хлам.

Дороти Л. Сэйерс. Вера или хаос?

Бог властвует над страданием, и в то же время, по христианскому учению, уникальному среди мировых религий, Бог также стал уязвим и подвергся страданию. Другой стороной Божьего владычества является страдание Самого Бога. Как отмечал Рональд Риттгерс, одновременное осознание этих двух истин — хотя оно и кажется парадоксальным поначалу — крайне необходимо для христианского понимания страдания. В первых главах мы уже узнали: «Основной причиной, по которой христиане настаивают на том, что Богу можно доверять посреди страданий, является то, что Он Сам испытал страдание»²³³.

²³³ Dan G. McCartney, *Why Does It Have to Hurt? The Meaning of Christian Suffering* (P&R, 1998), p. 56 (курсив автора).

Мы не можем переоценить, насколько это важно. И Риттгерс, и Питер Бергер утверждают, что эта истина — противовес и непосредственная часть учения о том, что Бог — Владыка и использует страдание для исполнения Своего необъяснимого замысла. Да, он Творец истории, но Он и тот уязвимый, который вошел в историю и подвергся ее самым темным силам. Да, часто кажется, что Бог отсутствует, но Сам Иисус испытал жгучую боль этого отсутствия, когда возопил: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» Да, Бог — Царь, но Он Царь, пришедший на землю и взошедший не на престол, но на крест. Да, Бог — славный, но не существует большей славы — Он отказался от Своей славы и власти и стал слабым и смертным.

Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной (Флп. 2:6–8).

Как Бог-Владыка стал страдающим Богом? Уже в еврейском Священном Писании говорится о страдании Бога задолго до пришествия Иисуса в этот мир.

Ветхий Завет показывает нам Бога, Который настолько стремится к нам, что наше состояние затрагивает и Его. В книге пророка Иеремии Бог называет Израиль «Ефремом» и говорит: «Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью воспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него; умилюсь над ним» (Иер. 31:20). В книге пророка Осии — знаменитый возглас Бога: «Как поступлю с тобою,

Ефрем? как предам тебя, Израиль? <...> Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя! Не сделаю по ярости гнева Моего, не истреблю Ефрема» (Ос. 11:8–9). Еще одним примером этой мыс-

Бог — Царь, но Он Царь,
пришедший на землю и взо-
шедший не на престол, но
на крест.

ли является 6-я глава книги Бытия (ст. 5–6): «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле <...> и раскаялся Господь, что создал человека на зем-

ле, и восскорбел в сердце Своем». Дерек Киднер, специалист по Ветхому Завету, говорит, что эти «слова — самые смелые, при необходимости уравнишенные другими строками [Библии], но не теряющие силы»²³⁴.

Киднер имеет в виду, что такие библейские отрывки нужно рассматривать вместе с теми, которые говорят о Божьем всемогуществе, владычестве, святости, абсолютной самодостаточности, бесконечности и вечно пребывающей сущности. По выражению библейского богослова Алека Мотьера: «Живой Бог — это самодостаточная, не нуждающаяся во внешней поддержке действительность»²³⁵. Иначе говоря, Бог ни от кого не зависит, но все зависит от Него. Бог не нуждается в нашей любви и поклонении. В отличие от нас, Ему не нужно ничего для полноценного существования. Мы не должны рассматривать строки, рассказывающие о Божьих эмоциях и скорби, не взглянув на всю Библию; в противном случае мы можем посчитать, что Бог «колеблется...

²³⁴ Derek Kidner, *Genesis: An Introduction and Commentary* (InterVarsity Press, 1967), p. 86.

²³⁵ J. Alec Motyer, *The Message of Exodus: The Days of our Pilgrimage* (InterVarsity Press, 2005), p. 69.

постоянно меняется в процессе развития» и нуждается в нашей любви²³⁶.

Но мы не должны впадать и в другую крайность. Иногда богословы говорят о «бесстрастии Бога»; о том, что Бог не способен на эмоции — ни на радость и удовольствие, ни на боль и скорбь²³⁷. Но это — за пределами языка и учения Священного Писания. Мы не должны преуменьшать остроту сказанного в строках, подобных 11-й главе книги пророка Осии и 6-й главе книги Бытия. «Слово воскорбел, — пишет Киднер о 6-м стихе 6-й главы книги Бытия, — сродни “скорби” и “болезни” [поразивших людей за грех] в Быт. 3:16–17 — *Бог уже страдает за человека*»²³⁸.

Все мы знаем, как близок путь к страданию, когда ты сердечно участвуешь в жизни другого. Чем больше ты любишь, тем больше разделяешь скорбь и боль этого человека. Итак, даже в первых главах книги Бытия мы видим, как Бог страдает из-за наших бед, из-за несчастий этого мира. Это не абстрактное божество, не «божественный принцип», не «рациональная структура, стоящая за вселенной». Это не просто «искра божественной жизни в каждом живом существе». Это трансцендентный Бог, но Бог-Личность, любящий нас настолько, что Его сердце переполнено болью за нас. Это поразительно само по себе. Но есть еще и Иисус.

²³⁶ Carson, *How Long, O Lord?*, p. 166.

²³⁷ F. L. Cross, E. A. Livingstone, eds., *The Oxford Dictionary of the Christian Church* (Oxford University Press, 1974), p. 694. По изданию: Carson, *How Long, O Lord?*, p. 164.

²³⁸ Kidner, *Genesis*, p. 86 (курсив автора).

В Евангелиях показано: Иисус, как обычный человек, наслаждается, испытывает трудности и тяготы жизни. Он испытал усталость и жажду (Ин. 4:6), горе, скорбь, и «душа Его возмутилась» (Мк. 3:5; Ин. 11:35; Ин. 12:27). Он страдал так, что в течение Своей жизни возносил молитвы «с сильным воплем и со слезами» (Евр. 5:7; ср. Лк. 22:44). Он знал, что это значит — быть не понятым своими лучшими друзьями и отвергнутым своей семьей и родным городом (Ин. 7:3–5; Мф. 13:57; Мк. 3:21). Его также искушал и на Него нападал дьявол (Мф. 2:4 и далее). Поразительно, но нам говорят, что Иисус, хотя и Сын Божий, «навык страданиями послушанию» (Евр. 5:8). Дон Карсон делает вывод: «Бог, на Которого мы полагаемся, знает, что такое страдание, не просто как Всевидящий Бог, но по Собственному опыту»²³⁹.

Но в конце Его жизни мы видим *Страсти*, буквально страдания Иисуса. Его покинули, от Него отреклись, Его предали все люди, которым Он отдал Свою жизнь, а на кресте Его оставил даже Отец (Мф. 27:46). Этот опыт, который мы не можем полностью постичь, означает бесконечную, колоссальную агонию, недоступную пониманию любого из живущих на земле. Ведь самое болезненное страдание — это утрата любви, а Он утратил вечную, идеальную любовь. Нет ничего тяжелее разрыва и утраты семейных отношений, но в этом нам открывается, что «Бог знает, что такое страдание. Не только потому, что Он воспринимает его гораздо яснее нас, но пото-

²³⁹ Carson, *How Long, O Lord?*, p. 159.

му, что испытал самые жестокие страдания... мучительную боль потери из-за смерти, разлуку с Возлюбленным... [и] распад Собственной семьи [Троицы] вследствие Его безмерного гнева по отношению к греху»²⁴⁰. То есть, во имя справедливости, чтобы покарать грех и в любви даровать нам прощение и принять нас к Себе, Бог Сам в Себе должен был понести наказание за грех. Бог Сын принял на Себя наказание, заслуженное нами, в том числе отчужденность от Отца. Таким образом, Бог принял в Себя, в Свое сердце бесконечную агонию — из любви к нам.

Шотландский проповедник начала девятнадцатого века Роберт Мюррей Макшейн делает все, чтобы объяснить нам так называемые «бесконечные страдания Христовы» на кресте. Размышляя над возгласом Иисуса об оставленности Богом, Макшейн пишет:

Он остался без утешения Божьего: Он не ощущал любви Божьей, не ощущал сострадания Божьего, не ощущал поддержки Божьей. Бог был Его солнцем — теперь солнце полностью померкло... Он был без Бога — Он будто не имел Бога. Все, чем был для Него Бог, отнято. Он был Безбожный, лишенный Своего Бога. Он чувствовал Себя, как осужденный, когда Судья говорит: «Отойдите от меня, вы, проклятые <...> те, кто понесет наказание вечного разрушения, кто будет отторгнут от лица Божия и от Его славной власти». Он чувствовал, что Бог сказал Ему то же. Я как маленький ребенок, бросающий камень в глубокое ущелье с горы и слушающий, как он падает, но слушаю тщетно...

²⁴⁰ McCartney, *Why Does It Hurt?*, pp. 57, 59.

Да! Этот ад пережил Христос. Океан страданий Христовых бездонный... Он был покинут вместо грешников. Если ты рядом с Ним, для своей безопасности, тебя никогда не оставят... «Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставил?» [Ответ?] Ради меня — ради меня. Океан страданий Христовых неизмерим»²⁴¹.

Бог знает, что такое страдание. Не только потому, что Он воспринимает его гораздо яснее нас, но потому, что испытал самые жестокие страдания.

ярим приверженцем фарисейского учения, Савл (позже Павел) участвовал в гонениях на христиан. Когда Иисус является ему по дороге в Дамаск, Он спрашивает: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян. 9:4). По этим

стихам видно, что Иисус настолько чувствует Себя частью Своего народа, что разделяет его страдания. Когда им больно или когда они скорбят, Он ощущает то же.

Иногда в Новом Завете мысль выражена иначе: в нем говорится о христианах, разделяющих страдания Христовы. Петр побуждает читателей: когда вы проходите испытание огнем — пещь огненную — «вы участвуете в Христовых страданиях» (1 Пет. 4:13; ср. Кол. 1:24). Петр говорит, что мы с Ним страдаем вместе. Также из Библии ясно, что благодаря страданиям Иисуса нам дано полное искупление, и мы никак не можем посодействовать Его деяниям во спа-

²⁴¹ R. M. M'Cheyne, *Sermons of the Rev. Robert Murray M'Cheyne* (Banner of Truth, 1961), pp. 47–49.

сение. Именно поэтому, когда Иисус умер, Он сказал: все «совершилось» и Он полностью отплатил за наши грехи (Ин. 19:30). Как мы видели, Лютер настойчиво утверждает, что наши страдания не делают нас достойными никакого спасения. Тем не менее удивительно наше утешение знанием о том, что мы «участвуем» в страданиях Иисуса (Флп. 3:10), поскольку мы связаны Христом по Духу, поскольку мы с Ним в союзе, являемся частью Его Тела.

Возможно, лучший способ понять эту мысль — выразить ее следующим образом. «Христос познал человека через Свои страдания (Евр. 5:8). [И, следовательно,] мы познаем христианина через наши страдания»²⁴². Так же как и Иисус стал человеком через страдания (Евр. 2:18; 4:14–15), так и мы можем уподобиться Христу, если будем терпеть страдания с верой. «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4:16–17).

Когда верующие в Иисуса страдают, Он буквально пребывает с нами в пещи наших бед и в каком-то смысле поистине ощущает это пламя.

Страдающий Владыка

Как и в Библии, эти две истины необходимо рассматривать параллельно. Обе они верны, не находятся в противоречии, но скорее дополняют друг друга. Дон Карсон и Дэн

²⁴² McCartney, *Why Does It Hurt?*, p. 60.

Маккартни отмечают: убеждение, что Бог не способен ощущать страдания — ошибочно. Вследствие него мы, в общем, получаем Бога, являющегося платоническим идеалом, а не библейского Бога. Оно также может подрывать исторически существующую веру христиан в то, что Иисус, лишенный Своей славы и живущий как человек, был полноценным Богом. Бог познал страдание через опыт. С другой стороны, растет количество богословов, любящих делать упор на страдания Бога и тем самым утрачивающих идею Божественного владычества: они говорят, что Бог не всемогущ и не способен прекратить страдания мира²⁴³. Рональд Риттгерс пишет: «Мысль о том, что Бог связан с бедствиями и несчастьями, отвергается многими современными богословами. Представление о сострадающем Боге приветствуется, но они избегают мысли, что Бог — причина страдания»²⁴⁴.

Но Риттгерс делает оговорку: «Бог, не связанный со страданием, не является Богом вообще — точно не библейским Богом <...> Который и страдает, и владычествует. Вера в оба эти факта была (и остается) неотъемлемой частью христианского утверждения, что в конечном итоге у страдания есть смысл»²⁴⁵. Абсолютно верно. Если Бог не управляет историей, страдания не являются частью замысла; они случайны и жестоки. Это мирской взгляд на вещи, очерченный Ричардом Шведером. С другой

²⁴³ Douglas John Hall, *God and Human Suffering: An Exercise in the Theology of the Cross* (Augsburg, 1986); Warren McWilliams, *The Passion of God: Divine Suffering in Contemporary Protestant Theology* (Mercer University Press, 1985).

²⁴⁴ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 261.

²⁴⁵ Ibid.

стороны, если Бог не страдал, как мы можем Ему доверять?

Другими словами, поскольку Бог всемогущ и правит всем, Его страдания просто поразительны. Если бы Бог был в чем-то ограничен или не контролировал происходящее, Его страдания не были бы добровольными — а следовательно, не были бы целиком обусловлены любовью. Вот почему мучение Сына Божьего на кресте так глубоко

трогает сердца и утешает.

Альбер Камю пишет: «Поскольку Христос добровольно претерпел муки <...> ни какое страдание отныне не было несправедливым... Если

все без исключения — от земли до неба — обречено на муки, становится возможным это странное счастье»²⁴⁶. Камю также отмечает: «[Христос] Богочеловек тоже смиренно терпит страдания. Истерзанный, отданный во власть зла и смерти, он умирает... Бог, подчеркнуто лишенный своих традиционных привилегий, пережил во тьме до конца отчаяние и даже ужас смерти»²⁴⁷.

Питер Бергер говорит, что Камю, «глубокий критик» христианства, тем не менее осознает «безмерную религиозную силу» этого ответа на проблему страдания²⁴⁸. Если и Бог не исключение — если даже Он страдал, тогда мы не можем заявить, что Он не понимает; или что, будучи Владыкой страдания, через него Он проявляет жестокость и бесчувственность;

Поскольку Бог — и Владыка, и СТРАДАЛЕЦ, мы знаем, что НАШИ СТРАДАНИЯ ВСЕГДА ИМЕЮТ СМЫСЛ, ДАЖЕ ЕСЛИ ТОТ ОТ НАС СКРЫТ.

²⁴⁶ Альбер Камю. Бунтующий человек. Пер. с франц. Ред.: А. М. Руткевич.

²⁴⁷ Albert Camus, *Essais* (Gallimard, 1965), p. 444.

²⁴⁸ Berger, *Sacred Canopy*, p. 77.

или что Он — безразличный Царь, и наши несчастья Его не интересуют. Как утверждает Камю, крест делает невозможным подобные поверхностные заявления. Поскольку даже Он не смог не воспринять нашу боль, мы можем Ему доверять.

Отсюда вытекает глубокий, значимый практический смысл. Так как страдание и справедливо, и несправедливо, мы можем восклицать и изливать нашу скорбь, не чувствуя при этом ядовитой примеси горечи. Поскольку Бог — и Владыка, и Страдалец, мы знаем, что наши страдания всегда имеют смысл, даже если тот от нас скрыт. Мы можем доверять Ему, ничего не понимая. Когда одному из моих сыновей было около восьми лет, он начал своевольничать и сопротивляться родительским указаниям. Однажды я попросил его о чем-то, и он ответил: «Пап, я слушаюсь и сделаю, если сначала ты объяснишь мне зачем». Я отреагировал примерно так: «Если ты слушаешься меня только потому, что понимаешь зачем — это не послушание, а просто согласие. Проблема в том, что ты слишком молод, чтобы понять причины, по которым я требую этого от тебя. Сделай — потому что тебе восемь, а мне тридцать восемь; потому что ты ребенок, а я взрослый и твой отец».

Мы прекрасно понимаем, почему детям нужно доверять своим родителям, даже если они не знают причин. Итак, как глубоко должно быть наше доверие к Богу, даже когда мы не понимаем Его. Дело не просто в том, что Он бесконечно мудрее нас — эта разница больше, чем между ребенком и родителем. Дело не просто в том, что Он всемогущий Владыка. Мы должны доверять Ему еще и потому, что Он заслужил наше доверие на кресте. Так, что мы можем доверять Ему, даже когда Он не объяснил причин. Он того стоит.

Книга Откровения — головокружительный текст, затрагивающий множество тем. Но для меня всегда было полезно размышление над ее подходом к страданиям и злу.

В 6-й главе ее автору Иоанну является видение «душ убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели» (Откр. 6:9). Это люди, которых несправедливо умертвили за веру. Они вопиют к Богу о справедливости: «Доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле?» (Откр. 6:10). Этот измученный вопль, который слышится годами в книгах Библии. «Господи! долго ли будешь смотреть [на это]? Отведи душу мою от злодейств их» (Пс. 34:17). «Где Бог правосудия?» (Мал. 2:17). «Для чего же Ты смотришь на злодеев и безмолвствуешь, когда нечестивец поглощает того, кто праведнее его?» (Авв. 1:13).

Но богослов Луи Беркхоф пишет: «Библия учит ждать Страшного Суда как окончательного ответа Бога на все подобные вопросы, как решения всех подобных проблем и как устранения всех очевидных противоречий настоящего». Затем Беркхоф перечисляет следующие стихи: Мф. 25:31–46, Ин. 5:27–29, Рим. 2:5–11 и Откр. 20:11–15. В них говорится о «великом белом престоле» и всех когда-либо живших на земле, «малых и великих», стоящих у престола с «книгами раскрытыми», и каждый судим судом праведным. «Эти стихи, — отмечает Беркхоф, — касаются не процесса, но самого конкретного события в конце времен»²⁴⁹.

²⁴⁹ Louis Berkhof, *Systematic Theology* (new ed. In 2 vols.; Eerdmans, 1996), p. 729.

Однако в Библии не просто сказано, что зло наказано, пусть это и важно. Иногда в нашем мире злодеев ловят и предают суду, однако мы не можем *отменить* зло, только *наказать* за него. Например, заключение и казнь убийц не способны вернуть к жизни убитых ими или исправить разрушенную ими жизнь. Но книга Откровения дает обещание далеко не просто Страшного Суда. Беркхоф говорит, что Страшный Суд «сопровождается... пришествием Иисуса Христа, воскресением мертвых и обновлением неба и земли»²⁵⁰.

В 5-й главе Откровения Иоанн видит Бога, сидящего на престоле с запечатанной книгой в руке. Многие ученые пришли к выводу, что эта книга есть «смысл и цель истории, великого замысла Божия на все времена». Она запечатана семью печатями, и Иоанн плачет, поскольку думает, что никто не может раскрыть книгу, то есть «истолковать и исполнить замысел Божий»²⁵¹. Но затем он слышит других, которые говорят ему «не плачь», ведь «Агнец, как бы закланный» (Откр. 5:6), стоит у престола и снимает печать за печатью. Почему же Он может разделить престол и раскрыть книгу? Благодаря Его искупительным страданиям. И поют песнь:

Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле (Откр. 5:9–10).

²⁵⁰ Ibid.

²⁵¹ Christopher J. H. Wright, *The God I Don't Understand: Reflections on Tough Questions of Faith* (Zondervan, 2008), p. 64.

В следующих главах снимаются печати и производятся великие решения суда, примеры безмерной власти. Неумолимо мы приближаемся к Страшному Суду и обновлению всех вещей. И теперь мы видим нечто просто ироничное, на первый взгляд. В Новом Завете показано, что всякое зло постигло Иисуса в конце Его жизни. Его оставили, предали и отвергли друзья. Его предала в руки властей ветреная толпа. Его судили ненастоящим судом, пытали и убили, Он — жертва несправедливости. На виду вся палитра греха и злобы — трусость, ложь, привилегии вышестоящих, национализм и расизм, коррумпированные религиозные и политические институты, а за всем этим — вся сила самого сатаны (Ин. 13:27). Кристофер Райт в общем говорит об этом так: «Злоба и мятежность человека [и не только человека] ничего хуже креста не могла придумать против Бога»²⁵².

Но только посмотрите, к какому обратному результату это привело. Кто снимает печати с книги и выносит приговор силам тьмы? Израненный Агнец! Совсем не похоже на личность, которой мы бы приписали могущество и власть, и в этом весь смысл. Библия говорит, что в тот самый момент, когда Иисус умирал на кресте, Он «отнимал силы... восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2:15). Своей смертью Он принял на Себя проклятие человеческого непослушания (Гал. 3:10–14) и таким образом победил грех, и смерть, и силы зла, стоящие за ними. Для тех, «которые во Христе Иисусе... нет ныне никакого осуждения» (Рим. 8:1) — смерть больше не имеет над нами власти. Итак, израненный Агнец теперь может не просто судить злодеяния, но фактически уничтожить тот вред, который зло причинило твари.

²⁵² Ibid., p. 67.

Это не просто ирония — это лучшая стратегия для поражения зла. Без страданий Иисуса зло одерживает победу. В результате все человечество уничтожено. Только страдания Христа могут прекратить боль и зло — судить и обновить мир — без уничтожения лю-

Злоба и мятежность человека ничего хуже креста не могла придумать против Бога.

дей. Богослов Анри Блохер говорит, что мы подходим к «порогу, за которым сокрыта тайная мудрость — для нас это глубочайшее раскрытие тайны того, какой

ответ крест Иисуса дает на проблему зла»²⁵³.

В своей книге «Зло и Крест» Блохер утверждает, что если бы зло было чисто «локальным» — «недостатком каждого конечного существа» — Христос мог бы просто прийти учить людей другой жизни. С другой стороны, если бы зло было просто некой сущностью — некой внешней силой во вселенной — «было бы достаточным направить против нее совершенную силу»²⁵⁴. Но зло не является просто результатом действий людей с недостатками, и не отдельным могущественным существом, таким как дьявол. Оно воз-

²⁵³ Henri Blocher, *Evil and the Cross*, p. 131.

²⁵⁴ Эти два взгляда на зло иногда называют «боэцийским» и «манихейским», в честь Боэция, автора книги «Утешение философией», и древних манихеев. Том Шиппи в «Дороге в Средиземье» делится завораживающей идеей: в книге Толкина «Властелин колец» зло предстает «одновременно-и». Зло — это одновременно и внутренний недостаток, и реальная сила во вселенной. Шиппи показывает, что иногда кольцо в повествовании действует как мысленный увеличитель того, что вносящем его извращено или повреждено. Однако иногда кольцо описано так, что мы видим его собственную злую силу. По-моему, этот подход «одновременно-и» соответствует и библейскому видению зла. Shippey, *The Road to Middle Earth* (Mariner Books, 2003), pp. 138ff.

никает и из-за первых, и из-за второго, а также вследствие поврежденной твари. В конечном итоге мы не можем увидеть все корни и источники зла — это тайна.

Но мы можем увидеть, что на кресте зло «обратилось на самое себя». Или, по выражению Жана Кальвина, на кресте уничтожению подверглось уничтожение, «пытки подверглись пыткам, проклятие было проклято... смерть мертва, смертность преобразилась в бессмертие»²⁵⁵. Блохер пишет:

На кресте зло терпит поражение, как зло... Зло терпит поражение, как зло, поскольку Бог обратил зло против самого себя. Оно совершает величайшее преступление, убийство единственной праведной личности, то действие, которое уничтожает грех. Этот ход абсолютно неподобен. Нельзя представить себе более совершенной победы... Бог обманывает обольстителя его же хитростью. Зло, как дзюдоист, [пытается] воспользоваться силой добра, которую извращает; Господь, как истинный воин, в ответ использует захват своего противника²⁵⁶.

Зло потерпело полное поражение, ведь эта стратегия использовала вес и силу зла против него самого, как и в дзюдо, согласно сравнению Блохера. Он продолжает: «Этот... высший грех — убийство Сына — дает возможность довести любовь до высшей точки, ведь нет любви большей, как если кто положит свою душу за своих друзей (Ин. 15:13)». Зло терпит поражение, поскольку Бог использует его для

²⁵⁵ John Calvin, *Introduction to Olievatan's translation of the New Testament*.

²⁵⁶ Ibid., p. 132.

достижения абсолютно противоположного: смелости, верности, бескорыстной жертвы, прощения. Но это не все. Крест — это не просто вдохновляющий пример любви. «Требование [справедливости]... — наказать за зло смертью — ... позволяет нашему Брату и Главе вмешаться любовью и принять на Себя долги вместо виновной стороны... На кресте над злом одерживается победа — высшей степенью любви во исполнение правосудия»²⁵⁷. В конце Блохер делает верное заявление, что этот христианский ответ на зло является одновременно и оптимистичнее, и пессимистичнее других:

Единственное наше место — у подножия креста. После пребывания там нам дается ответ премудрости Божией, раздражающий сторонников оптимистичной теодицеи или трагической философии. Ответ Бога — зло, направленное на себя, побежденное высшей степенью любви во исполнение правосудия. Этот ответ несет нам утешение и призывает нас. Он позволяет нам дожидаться пришествия распятого Победителя. Очень скоро Он отрет слезы с каждого лица²⁵⁸.

Итак, хотя христианство не утверждает, что способно полностью *объяснить* все причины Бога на всякое зло и страдания — у него есть окончательный *ответ* на них. Этот ответ будет получен в конце истории, и все, слышащие его и наблюдающие за его исполнением, будут абсолютно удовлетворены и посчитают его бесконечно достаточным. Достоевский прекрасно выразил эту мысль, когда написал:

²⁵⁷ Ibid., p. 131–132.

²⁵⁸ Ibid., p. 132.

Я убежден как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать всё, что случилось²⁵⁹.

Не будет больше слез

Анри Блохер правильно делает, рассматривая прошлое и будущее одновременно. Крест обеспечил поражение зла в прошлом, на Голгофе, но теперь он является гарантией окончательного поражения в будущем, при обновлении всего мира, когда Он все слезы отрет с очей. В видении св. Иоанна, еще до снятия печатей, говорится:

²⁵⁹ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Глава 34. Персонаж, произносящий эти слова, Иван Карамазов, отрицает даже такую возможность, но это не значит, что сам Достоевский не верит этому красноречивому утверждению. Мне кажется, нужно также отметить, что Достоевский не заявляет о существующей возможности оправдать само зло. Зло может быть использовано Богом для достижения еще большего блага, чем его отсутствие, но зло все равно остается злом, и, следовательно, оно непростительно и неоправданно само по себе.

Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их (Откр. 7:16–17).

В кульминации книги Откровения описаны «новое небо и новая земля» (Откр. 21:1). «Ничего уже не будет проклятого» (Откр. 22:3) — проклятие, постигшее человека в грехопадении, снято. В результате «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21:4). Конечно, это поэ-

ХРИСТИАНСТВО ПРЕДЛАГАЕТ НЕ ПРОСТО УТЕШЕНИЕ, НО ВОЗРОЖДЕНИЕ — НЕ ПРОСТО НАШЕЙ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ, А ЖИЗНИ, ВЕЧНО ЖЕЛАЕМОЙ НАМИ, НО ТАК И НЕ ДОСТИГНУТОЙ.

зия, но мысль ясна. Не будет больше зла, страданий, греха и боли. Страдания Иисуса положили конец всем страданиям.

Как мы видели, Библия учит, что будущее не является нематериальным «ра-

ем», но новым небом и новой землей. В Евангелии от Матфея (19:28) и Деяниях (3:21) рассказывается о «пакибытии» и «совершении всего». Петр говорит, что мы ожидаем дня нового неба и новой земли (2 Пет. 3:13), а Павел учит, что тварь будет освобождена «от рабства тлению в свободу славы» (Рим. 8:19–20).

Именно этот новый мир увидел Иоанн, описав в 21 и 22 главах Откровения. В конечном итоге в них христианство питает надежду, не сравнимую с другими. Мирская точка зрения не представляет никакого будущего блага, а другие религии верят в вечность или рай — утешение за утраты и боль нынешней жизни и за всю не совершившуюся радость. Однако, как мы

уже отмечали, христианство предлагает не просто утешение, но возрождение — не просто нашей прошлой жизни, а жизни, вечно желаемой нами, но так и не достигнутой. И поскольку эта радость будет величайшей из-за всего произошедшего зла, это означает окончательное поражение всех сил, которые должны были уничтожить цель Божию в творении, а именно: жить со Своим народом в вечной славе и радости.

История жизни: Кольцо

Автор: Энди

Я пала на колени, добравшись до кровати. Пришло время окончить день, но я не могла. Мне нужно было снять кольцо. Пришло время.

В тот день судья подтвердил мой развод. Хотя некоторое время распад нашего брака казался неизбежным, я не прекратила носить обручальное кольцо, символ моей уверенности, что, несмотря на всю кажущуюся безнадежность, Бог во мгновение ока может все исправить. Но вот она я, через тридцать лет, на коленях у кровати. Я плакала, но не от горя. Я заливалась слезами, когда эти образы затмило всепоглощающее осознание Божьей верности в течение всего этого процесса. Никогда я не чувствовала, что Он меня бросил. Смущало ли меня то, что Он позволил моей жизни так долго быть жутко, невыносимо тяжелой — в то время как я знала, что Он мог все исправить? Да. Была ли я временами на грани полного психического, эмоционального и физического срыва? Да. Чувствовала ли себя в духовном смятении? Да.

Вообще одной ночью все это достигло критической точки, и я испытала истинный духовный кризис. Где этот Бог, на Которого я рассчитывала? Есть ли Он? Если да, Ему не все равно? Я не была в состоянии внятно молиться. Я много рыдала и стенала. Когда я смогла говорить, я закричала: «Я бы не смогла смотреть, как любимый мной человек страдает, и не прекратить этого! Ты говоришь, что любишь меня, но я не вижу связи с происходящим. Это жестоко. Мне нужно знать, что Ты тот, за Кого Себя выдаешь, иначе я не могу жить». Мне не нужны были Его объяснения... мне был нужен Он.

На следующее утро, один преданный друг сказал мне мудрые слова: «Энди, ты должна заставить себя читать Писание. Им Святой Дух обращается к тем уголкам твоей души, в которые не проникают слова людей».

Мне нужно было то, что тронет меня до глубины души, и на следующее утро я открыла свою Библию. Мой взгляд упал на эти слова Псалтири: «Сила у Бога, и у Тебя, Господи, милость». Эти строки, как нашатырный спирт для ослабевшего сердца, утомили мучительный страх и сомнения. Мое сердце было пронизано глубоким убеждением, что Он любит меня и что Он совсем рядом. Я сразу же успокоилась. Было уже неважно, могу ли я связать это с происходящим в моей жизни.

Я стояла на коленях у кровати в ту ночь, и мое сердце разбилось — оно не могло вместить благодарность Богу за Его непрекращающуюся любовь во всем том хаосе, который должен был отвратить Его от меня... Вместо этого Он был близко как никогда.

Когда я снимала кольцо, из моего сердца излилась молитва. «Я хочу подарить Тебе ту преданность, которую я собиралась дарить земному мужу. Ты

Один достоин всего доверия моего сердца, и оно — Твое, до конца моих дней».

Как могла клятва, полная любви и доверия, излиться из сердца, только что претерпевшего такие утраты, как она могла относиться к Тому, Кто был моей единственной надеждой? Единственное объяснение — когда столько всего умирало, что-то рождалось.

Меня изменил опыт непрекращающейся любви, постоянно приближающейся ко мне, когда я приходила к Нему, и все, что я могла предложить — мою слабость, смятение и нужду. Я не могу дать полноценного объяснения тому, что произошло. Я просто знаю, что в конце концов эта молитва была единственной возможной реакцией.

Когда я встала с колен и забралась на кровать, я подумала: *Мне нужно новое кольцо в знак воспоминания сегодняшней клятвы Господу.*

На следующее утро я встречалась с группой женщин, с которыми мы виделись каждую неделю для молитвы. Мы никогда особо не обсуждали, за что молиться, мы просто молились.

Во время молчания, с которого мы всегда начинали, я заметила, что одна из них подошла ко мне и встала на колени у моего стула. Она сняла кольцо с пальца, протянула его мне и сказала: «Я чувствую, что Господь хочет отдать тебе это кольцо. Он хочет, чтобы ты знала, что ты — Его возлюбленная, и Он обручается с тобой до конца твоих дней. Он будет защищать и поддерживать тебя. Он никогда не оставит и не бросит тебя. Он будет с тобой всегда». Кольцо, подаренное ею, было гораздо красивее и ценнее любого, которое я могла бы приобрести сама. Я ничего не говорила о желании приобрести новое кольцо.

Не могу сказать, сколько раз с тех пор один взгляд на это кольцо умирал мои страхи, заполнял мое одиночество и утешал в скорби.

Я хотела, чтобы у меня было кольцо, напоминающее о моем обязательстве перед Господом. И в итоге оно появилось и всегда будет напоминать мне о Его обязательстве передо мной.

Причина страданий

Господь, Ты нас заботой окружил!
Нас мучит грех, с амвона обличен,
Недуг осмыслен, всяческая боль,
Силки и хитрость уготованы для нас.

Джордж Герберт. Грех

Питер Бергер говорит, что все люди и культуры испытывают потребность в том, чтобы «придать смысл опыту страданий и зла». Я утверждаю, что в подробном изъяснении ни одна культура или мировоззрение не сравнятся с христианством. Согласно христианскому богословию, страдание имеет смысл — и в общем, и в частностях. Ведь Бог крестом намеревается так уничтожить зло, чтобы все разрушительные действия его однажды исчезли, а мы, несмотря на наше глубочайшее участие в нем, будем спасены. Бог добивается этого не вопреки страданиям, мучениям и утрате, но с их помощью — именно *посредством страданий* Божьих страдания человеческие в итоге будут преодолены и прекратятся. Невозможно не задумываться, мог ли Бог совершить все это по-другому — без горя и скорби, но крест утверждает, что, какими бы непостижимыми ни были совет и замысел, стоящие за ходом истории, они обусловлены любовью к нам и полной самоотверженностью во имя нашей радости и славы.

Итак, страдание — в самом центре христианской веры. Христос принял крестные муки и страдания как обычный человек, тем самым искупив грехи наши, за счет страданий и мы становимся подобными Ему и познаем Его искупление. Это значит, что наши страдания, несмотря на их тягость, несут в себе цель и пользу.

О пользе страдания

В наше время древняя идея о «пользе» страдания не приветствуется. Психолог Джонатан Хайдт поясняет, что люди, преодолевшие, казалось бы, неизбежную смерть, часто страдают посттравматическим стрессовым расстройством, которое может остаться с ними навсегда. Эта болезнь может привести их к состоянию «беспокойства и гиперреакции», склонности к «панике и срывам перед лицом последующих несчастий». Исследования стресса показали, что подобное в целом вредно для здоровья человека. Среди стрессовых факторов: смерть супруга (в более раннем возрасте — родителя или брата/сестры), разлука и развод, личная травма или болезнь, потеря работы и финансовые неудачи. Исследования показали, что подобные ситуации могут привести к депрессии, тревожным расстройствам и физической болезни, чаще всего — болезни сердца²⁶⁰.

Тем не менее Хайдт сообщает, что нет опытного подтверждения следующей древней точки зрения: «Людям нужны несчастья, неудачи и даже травмы для

²⁶⁰ Haidt, *Happiness Hypothesis*, p. 136.

достижения высшего уровня силы, реализации и личного развития»²⁶¹. Он рассказывает реальную историю о своем друге, которого он называет Грэг. В молодости Грэг был старшим преподавателем в колледже, и его жена ушла от него к другому мужчине, забрав с собой двоих детей. Грэга ждали годы судебных издержек и борьбы за опеку над детьми. В конце концов он получил опеку, но обнаружил, что он — отец-одиночка с работой на полную ставку, за которую ему платят мало. Он почти не надеялся закончить книгу, от которой зависела его научная карьера, и он был обеспокоен психическим здоровьем детей²⁶².

Однако через несколько месяцев Хайдт навестил Грэга и узнал, что многие поддержали его. Он выяснил, что церковь предоставляла ему обеды и присматривала за детьми, и очень поддерживала его эмоционально и духовно. Его родители продали дом на западе и переехали поближе, чтобы помогать воспитывать детей. Затем, после этого рассказа, как пишет Хайдт, Грэг «сказал нечто настолько сильное, что я онемел». Он отметил, что во многих операх есть ключевая ария, «печальное и трогательное соло», в котором главный персонаж обращает горе в нечто прекрасное. Грэг сказал:

Пришло время мне петь свою арию. Я не хочу, я не хочу этой возможности, но вот она, и что мне делать? Могу ли я выдержать это испытание?²⁶³

Психолог слушал и знал, что «раз он так все выразил, значит, [Грэг] уже делал шаги к победе». Хайдт

²⁶¹ Ibid.

²⁶² Ibid., p. 137.

²⁶³ Ibid., p. 138.

вспоминает то, что он называет «посттравматическим ростом» своего друга. «С помощью семьи, друзей и глубокой религиозной веры... [он] заново построил свою жизнь, закончил книгу и через два года нашел престижную работу... Сейчас он радуется каждому дню, проведенному с детьми, больше, чем до кризиса». Грэг сказал, что этот опыт «абсолютно перевернул его понимание того, что имеет значение». Теперь карьера совсем не была так важна, это дало ему свободу быть лучшим отцом. Теперь он «от-

Люди, отдающие много энергии достижению личных целей и счастья — наиболее уязвимы перед лицом жизненных неприятностей.

вечал другим гораздо большим сочувствием, любовью и прощением. Он просто не мог больше злиться на людей по мелочам»²⁶⁴.

Хайдт отмечает, что три преимущества страдания, проявившихся в жизни Грэга, часто являются частью жизни других. Во-первых, люди, пережившие и преодолевшие страдание, становятся более жизнерадостными. Теперь, когда они научились справляться с несчастьями, они знают, что могут все повторить и жить в меньшем беспокойстве. В Послании к Римлянам эта мысль выражена так: «От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда» (Рим. 5:3–4). Во-вторых, страдания укрепляют отношения, обычно надолго связывая *страждущего* с друзьями и семьей, что питает и укрепляет его на многие годы.

Но третье преимущество, наверное, является самым значимым — страдание «меняет приоритеты и философию»²⁶⁵. Психолог Роберт Эммонс разде-

²⁶⁴ Ibid.

²⁶⁵ Ibid., p. 140.

лил жизненные цели людей на четыре основных категории — личные достижения и счастье, отношения и близость, религия и духовность, и «генеративность» (принесение пользы обществу). Люди, отдающие большую часть или просто много энергии достижению личных целей и счастья — наиболее уязвимы перед лицом жизненных неприятностей²⁶⁶. Иногда стремление к Богу, более глубоким отношениям и благу общества разгорается благодаря страданию, но этого нельзя сказать о чувстве свободы и утешения. Итак, проблемы и испытания обычно вытесняют нас из одной жизненной программы в другую.

Хайдт выражает эту мысль иначе. Каждый действует исходя из жизненной истории, объединяющей жизненные события в связное повествование, оживляющее человека. Никогда не страдавшие люди чаще всего имеют наивное представление о смысле жизни. В качестве примера он рассказывает о женщине, считавшей себя гениальной, но не реализовавшейся художницей, которую родители заставили заниматься скучной работой. Ее жизненная история привела ее к нереалистичному восприятию собственных способностей и к серьезной жалости к себе и обиде на жизнь в целом. Вышеперечисленное также поспособствовало тому, что она не смогла найти подходящего кандидата в женихи, который (как ей казалось) должен был быть чрезвычайно творческим

²⁶⁶ Robert A. Emmons, *The Psychology of Ultimate Concerns: Motivation and Spirituality in Personality* (Guilford, 1999); “Personal Goals, Life Meaning, and Virtue”: *Flourishing: Positive Psychology and the Life Well Lived*, ed. Corey L. M. Keyes и Jonathan Haidt (APA, 2003), pp. 105–128. Приводится по изданию: Haidt, *Happiness Hypothesis*, p. 143.

человеком и подходить ей идеально. Хайдт сделал вывод, что неприятности предоставляли ей новую перспективу. «В ней беспорядочно сочетаются не подходящие друг другу стимулы и истории. Может быть, только с помощью несчастья она будет способна на радикальные перемены, необходимые для достижения цельности»²⁶⁷. Он продолжал: «Травмы разбивают системы убеждений и отнимают у людей смысл жизни. Тем самым они заставляют людей заново собрать эту картину, и часто они этого добиваются, [обратившись] к Богу или иному высшему единому принципу»²⁶⁸.

Хайдт делает критически важную оговорку: «Я не хочу превозносить страдание, предписывать его всем или сводить на нет нравственный императив о всевозможном его смягчении. Не хочу игнорировать боль, проистекающую из каждого ракового диагноза»²⁶⁹. Действительно, он прав, и, как мы видим, Библия согласна с этой точкой зрения. Бог скорбит с нами в нашей скорби. Библия полна плача и возгласов «Почему?», которые Бог не вменяет в вину. В то же время Бог настолько посвятил Себя уничтожению зла, что готов помочь нам использовать их во благо даже в нашей жизни прямо сейчас. Хайдт, Джеймс Дейвис и другие психологи утверждают, что есть здравый смысл и эмпирическая основа в идее о том, что страдания — источник терпения, опытности и надежды.

Естественно, Библия допускает эту мысль и говорит нам гораздо больше о многоуровневом смысле и

²⁶⁷ Haidt, *Happiness Hypothesis*, p. 145.

²⁶⁸ Ibid.

²⁶⁹ Ibid., p. 141.

преимущества страданий, а также о различных целях, которые можно достичь с его помощью. Какие это цели?

Прославлять Бога

Согласно всем ветвям христианского богословия, главная цель жизни — прославлять Бога. Это значит, что первой — но, возможно, сложнейшей для понимания — целью нашего страдания является слава Божия. Понятия *страдания* и *славы* объединяются в поразительном количестве библейских стихов.

Апостол Павел много раз говорит о том, что наши страдания готовят нас к вечной славе (Рим. 8:17–18; 2 Кор. 4:17). Петр добавляет, что наши страдания усиливают нашу будущую радость в явлении славы (1 Пет. 4:13). Затем, в Послании к Ефесеянам (3:13), Павел объясняет своим читателям, что его узы и скорби — для *их* славы. Наконец, в Первом послании Петр рассказывает, почему его читатели «скорбят от различных искушений». «О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явлении Иисуса Христа» (1 Пет. 1:6–7). Наши страдания, при должной реакции, прославляют Господа.

Многие из самых популярных церквей сегодня учат, что Бог сделает вас счастливыми, здоровыми и богатыми, что Он существует для вашей выгоды. Если молча принимать этот подход, нас могут оскорбить слова человека о том, что трагедии и зло могут

послужить к чести и славе Божией. Действительно, было бы странно и жестоко просто говорить подобное тому, кто наблюдает смерть своей матери или ребенка от рака.

НИКОГДА НЕ СТРАДАВШИЕ ЛЮДИ ЧАЩЕ ВСЕГО ИМЕЮТ НАИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ.

Клайв Стейплз Льюис в своей книге «Размышления о псалмах» признается, что многие годы после принятия христианства его смущали и

сбивали с толку призывы Бога прославлять и восхвалять Его, говорить Ему о Его величии и радоваться Его превосходству. Льюис отмечал, что людей подобная тяга к похвале делает жалкими. «Кому понравится человек, которому надо все время повторять, что он хороший, умный или красивый?»²⁷⁰

Однако Льюис задумался над тем, как еще проявлялись восхваление и прославление. Он заметил: когда мы называем картину восхитительной, мы не подразумеваем, что она «заслуживает» похвалу в том же смысле, что и хороший ученик — пятерку. Скорее мы хотим сказать, что это произведение достойно восхищения, поскольку это единственная «правильная, адекватная реакция на нее», и, если мы не воздадим похвалу, «мы глупы и слепы, более того, нам же хуже, мы много теряем». Он, конечно, сделал вывод, что «Бог, по Своей природе, “заслуживает восхищения и хвалы”»²⁷¹.

Исходя из этого, Льюис заключает, что Бог велит нам хвалить Его, поскольку только так мы сможем обрести покой, удовлетворение и радость в Нем, для которых мы и были созданы. Он требует этого от нас не

²⁷⁰ К. С. Льюис. Размышления о псалмах. Пер. с англ.: Н. Л. Трауберг.

²⁷¹ Ibid., p. 92.

только потому, что это правильно, но и потому, что мы в этом нуждаемся. Псалмопевец говорит, что «правым прилично славословить» (Пс. 32:1; 146:1). Прославление Бога — это *правильно*, и не только соответствует действительности, поскольку Бог в высшей мере достоин вечной похвалы, но и *подобаает* нам как ничто другое. Вся красота, которую мы ищем в искусстве, или лицах, или местах — и вся любовь, которую мы ищем в объятиях других — полноценно присуща одному Богу. Таким образом, каждым действием во славу Славнейшего — будь то молитва, пение, доверие, послушание или чаяние — мы одновременно воздаем Богу должное и исполняем собственное предназначение.

Бог Славы

Как много христианских убеждений и обычаев зиждется на понятии славы Божией! Что же это?

Богословские труды не могут с легкостью дать ей определение. Я считаю, это оттого, что слава Божия является квинтэссенцией всех свойств и черт Господа. Славу Божию можно назвать *Его бесконечной непостижимостью*. Он не «ручной» Бог, постоянно находящийся в зоне нашего видения. Его не всегда можно понять или даже надеяться понять. Он — Бог вне нашего понимания, и это — один из аспектов библейского Бога, который современные люди не любят больше всего. Мы всегда говорим: «Не могу верить в Бога, Который так поступает» или «Не могу верить в Бога, Который судит людей». Это может означать, среди прочего, что мы не хотим, чтобы Бог был во славе, чтобы Он был вне нашего понимания.

Слава Божия — это также Его *предельная значимость*. В иврите «слава» обозначается словом *кабод*, то есть «вес» — буквально весомость Бога. К счастью, в английском языке есть слово с тем же лексическим диапазоном, с такими же функциями — это слово *matter*. Оно означает «нечто, противопоставленное нематериальному, нечто твердое, нечто вещественное», но оно также имеет значение «важность». Следовательно, когда в Библии сказано, что Бог — Славный, это значит, что Он должен быть важнее, чем кто-либо и что-либо — и фактически является таковым. А если есть вещи важнее Бога, ты не признаешь Его славы. Ты прославляешь что-то еще.

Когда в 1950-х годах была опубликована трилогия Толкина «Властелин колец», одна женщина по имени Рона Бир написала Толкину и спросила его о главе, в которой Кольцо Всевластья уничтожается в огне Роковой Горы. Когда оно расплавилось, вся власть Темного Властелина разрушилась и растаяла вместе с ним. Она не могла найти объяснение тому, что такая неприступная, всепоглощающая власть стирается с лица земли благодаря уничтожению такого крошечного предмета. Толкин ответил, что в центре повествования лежат попытки Темного Властелина увеличить до предела свою власть, вложив значительную ее часть в кольцо. Он написал: «Кольцо Саурона — лишь одна из многообразных мифологических трактовок вкладывания своей жизни или силы в некий внешний объект, который возможно захватить или уничтожить, с губительными последствиями для вложившего»²⁷².

²⁷² J. R. R. Tolkien. *The Letters of J. R. R. Tolkien*, ed. Humphrey Carpenter (1981), письмо #211. — <http://tolkien.cro.net/rings/sauron.html>.

Вот что Толкин имеет в виду: одно дело — любить кого-то и радоваться этим отношениям. Но если этот человек оставляет тебя, и ты хочешь убить себя, это означает, что ты воздал слишком много славы этому человеку, придал ему слишком много весомости. Ты мог думать: «Если этот человек любит меня, я знаю, что я что-то значу». Но если впоследствии этот человек разрывает отношения, ты падаешь и ломаешься, поскольку ты воздал ему или ей больше славы и чести, чем Богу. Если для тебя есть вещи важнее Бога, ты вкладываешь свое сердце и самого себя в нечто внешнее. Только если ты сделаешь так, что важнее Бога для тебя ничего не будет — то есть только если ты будешь прославлять Его и воссылать Ему славу, — ты будешь жить в безопасности.

Если для тебя есть вещи важнее Бога, ты вкладываешь свое сердце и самого себя в нечто внешнее.

Можно еще кое-что сказать о славе Божьей — это Его *абсолютное великолепие и красота*. Слово «слава» в Ветхом Завете означает «важность», слово «слава» в Новом Завете (греческое слово *δόξα* — «докса») означает «хвалу и изумление; свечение, яркость или красоту».

Джонатан Эдвардс однажды сказал: «Бог прославляется не только Своей видимой славой, но и радостью от нее»²⁷³. Недостаточно сказать: «Ну да, раз Он Бог, придется подчиниться». Нужно видеть Его красоту. Прославление Бога не означает послушание Ему только потому, что ты должен. Это послушание потому, что ты *хочешь* — потому что тебя тянет к Нему,

²⁷³ Jonathan Edwards, *The Miscellanies* [entry nos. a–z, aa–zz, 1–500], *The Works of Jonathan Edwards*. Volume 13. Ed. Thomas A. Schafer (New Haven: Yale University Press, 1994), no. 448, p. 495.

потому что ты Им наслаждаешься. Именно эту мысль понял и так ясно объяснил К. С. Льюис в своей главе о хвале. Мы нуждаемся в красоте. Мы из кожи вон лезем, чтобы оказаться в красивом месте или окружить себя прекрасной музыкой, или общаться с прекрасными людьми. Но эти вещи не заполняют пустоту, если мы не научимся воспринимать их как потоки, а Самого Бога — как фонтан, из которого они изливаются.

Итак, понимая, что Бог — Славный, мы не просто признаем Его непостижимость и необъятность, и считаем Его самым важным в жизни, но направляем наши сердца к осознанию, что Он — самое большое удовольствие и прекраснее всех.

Не сотвори себе кумира

Как же нам прославлять Бога своими страданиями — и как страдания способствуют к прославлению Бога?

В 1966 году Элизабет Эллиот, которая прежде была послана миссионером к индейскому народу ваорани в тропических лесах Амазонки в Южной Америке, написала роман «Не сотвори себе кумира»²⁷⁴. Это рассказ о молодой незамужней женщине по имени Маргарет Спархоук, посвятившей свою жизнь переводу Библии для отдаленных племен, еще не имевших письменности. Она занималась переводом Библии среди людей кечуа, проживающих в горах Эквадора. Определяющим в ее работе стало знакомство с человеком по имени Педро, знавшим не записанный диалект, который был нужен Маргарет для

²⁷⁴ Elisabeth Elliot, *No Graven Image* (Avon Books, 1966).

перевода Библии на этот конкретный язык. Он начал учить ее языку, и ее трудоемкая работа по систематической его записи и документированию продвигалась.

Однажды Маргарет, когда она отправилась к Педро, охватило чувство благодарности. Она вспоминает библейские стихи: «Надейся на Господа, мужайся, и да укрепляется сердце твое, и надейся на Господа». Она молится Богу: «Я жду, Господи. Все жду и жду... Ты знаешь, я долго ждала, чтобы стать миссионером среди горных индейцев... Кажется, Ты был за перевод и медицинскую работу. Поэтому Ты дал мне Педро... Одно мое пребывание здесь сегодня — ответ на молитву»²⁷⁵. Она думает о том, сколько всего было нужно, чтобы она сегодня была здесь — поддержка друзей, финансовая поддержка многих людей в США, годы обучения, годы завязывания отношений и, конечно, появление одного человека, знавшего и испанский, и тот диалект, который был ей необходим. Похоже, Бог все устроил. Маргарет думает о возможности разделить Библию с миллионом людей в отдаленных уголках гор.

Наконец она добирается до дома Педро и обнаруживает, что его нога инфицирована и изранена. Ему больно. В ее обязанности входит оказание первой медицинской помощи, поэтому у нее с собой шприц и немного пенициллина. Педро просит ввести ему инъекцию, и она решается. Но через несколько секунд у Педро начинается анафилаксия, тяжелая аллергическая реакция на пенициллин. Вся семья собирается рядом. Они плачут, пока он бьется в конвульсиях.

«Вы что, не видите — он умирает? — кричит его жена Роза. — Вы убили его!»

²⁷⁵ Ibid., p. 158.

Маргарет просто в ужасе от происходящего и молится: «Господи Боже, Отче наш, Ты никогда не слышал моих молитв — услышь их сейчас... Спаси его, Господи, спаси его»²⁷⁶. Но Педро становится хуже, его рвет, он корчится в мучительных судорогах. Роза кладет обе руки на голову и начинает оплакивание, традиционное среди местных женщин. Но Маргарет все еще мысленно молится: «О Господи, что станет с Розой? Что станет с *Твоим творением*? Ты положил всему начало, Господи. Не я. Ты привел меня сюда. Ты ответил на молитвы, даровав мне Педро — он единственный... О Господи, помни об этом. Больше нет никого»²⁷⁷.

Но Педро умирает, и, действительно, это конец ее работы. Все годы труда были напрасны. «Что касается перевода Библии, конечно, я не могу продолжать без носителя языка. Бог знал об этом, когда Педро умер. Я больше не пишу молитвенных писем [своим сторонникам], ведь мне нечего рассказать о своей работе. В ночь смерти Педро мне казалось, что под всем, что я сделала, написали *Finis* (Конец)»²⁷⁸.

В конце книги изображена девушка-миссионер — разбитая и потерянная. Нет ни переворота в последний момент, ни луча надежды. Она стоит у могилы Педро и думает: «А Бог? Что с Ним? “Я с тобой”, — говорил Он мне. Со мной вот в *этом*? Он позволил Педро умереть или — я не могла тогда и до сих пор не могу исключать эту возможность — Он, возможно, сделал так, что я уничтожила его. И теперь Он, задавалась я вопросом у могилы, требует от меня поклонения?»²⁷⁹.

²⁷⁶ Ibid., p. 164.

²⁷⁷ Ibid., p. 165.

²⁷⁸ Ibid., p. 174.

²⁷⁹ Ibid., p. 175.

Ответ на этот вопрос — «да», как узнали мы с женой Кэти через несколько лет, когда слушали лекции Элизабет Эллиот в богословской семинарии, где были аспирантами. Она указала на последнюю страницу, на которой, по ее словам, была ключевая строчка.

Бог, если Он был мне сообщником, предал меня. Если, с другой стороны, Он был Богом, Он даровал мне свободу²⁸⁰.

Далее она объяснила нам, что кумир или идол — это некий бог, всегда действующий так, как нам кажется правильным. Или, что еще точнее — это некий бог, поддерживающий наши планы, *наше* видение истории и мира. Этот бог — наше собственное создание, бог-фикция.

Такой бог — на самом деле всего лишь проекция нашей мудрости, самих себя. При подобном положении вещей бог — наш «сообщник», тот, с кем мы связаны, только когда он делает то, чего мы

Бог — наш «сообщник», тот, с кем мы связаны, только когда он делает то, чего мы хотим. Если он делает что-то другое, мы хотим «уволить» его.

хотим. Если он делает что-то другое, мы хотим «уволить» его или «вычеркнуть его из списка друзей», как всякого личного секретаря или знакомого, если он не соблюдает субординации или некомпетентен.

Но в самом конце Маргарет осознает, что крушение ее планов разбило ее ложного бога, и она впервые была свободна, и могла поклоняться Истинному Богу. В служении «богу планов» она чрезмерно беспокоилась. Она никогда не была уверена, что Бог не

²⁸⁰ Ibid.

подведет ее и «все исправит». Она всегда пыталась выяснить, как заставить Бога сделать все по ее планам. Но она не обращалась с ним как с Богом — премудрым, всеблагим, всемогущим. Теперь она получила свободу возлагать надежду не на свои планы, но на Самого Бога. Если она добьется *этой* перемены, она впервые в жизни обретет успокоение и чувство безопасности. В общем, страдания привели ее к Славному Богу и научили воспринимать Его как такового. Когда это случилось, она освободилась от отчаянной, обреченной, изнуряющей попытки получить контроль над всеми обстоятельствами жизни и всеми любимыми людьми.

Роман Эллиот был удивительно смелым, и он оскорблял традиционные религиозные и мирские чувства. Несмотря на то что мы требуем от детей доверия к взрослым, даже если они их не понимают, большинство современных людей приходят в ужас, когда их просят доверять Богу, Которого они не понимают. Но этот роман оказался таким же оскорбительным для многих представителей евангелического христианского мира. Многие читатели в возмущении писали Эллиот, возражая, что Бог *никак* не мог допустить такого по отношению к женщине, которая благочестиво посвятила свою жизнь служению Ему. Один из ведущих пасторов-евангелистов сказал ей, не без самодовольства, что он лично сделал так, что ее книга не попала в список лучших христианских книг года.

Однако, как рассказала нам Элизабет, ее собственный жизненный опыт соответствовал этому роману практически на 100% — и был еще хуже. В книге «Этот странный прах», о воспоминаниях о первых годах миссионера-переводчика Библии в Южной Америке, она говорит о человеке по имени Макарий, ко-

торый был «ответом Бога на молитву... ключом ко всей языковой работе; он был (Бог знает) единственным человеком на земле, с легкостью говорившем на испанском и языке колорадо». Но его постигла бессмысленная смерть — его застрелили. Их работа по переводу Библии «внезапно прекратилась»²⁸¹.

Далее — потоп, а затем и кража — и переводчики остались без своей картотеки, которой посвятили годы работы²⁸². И после всего этого Элизабет вышла

замуж за Джима Эллиота, одного из пяти молодых миссионеров, протягивавших руку помощи изолированному и враждебному в то время народу ваорани, обитающему в тропических лесах Амазонки. Однажды вечером они пели гимн «*We Rest on Thee, our Shield and*

МЫ ТРЕБУЕМ ОТ ДЕТЕЙ ДОВЕРИЯ К ВЗРОСЛЫМ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ ИХ НЕ ПОНИМАЮТ. Но БОЛЬШИНСТВО СОВРЕМЕННЫХ ЛЮДЕЙ ПРИХОДЯТ В УЖАС, КОГДА ИХ ПРОСЯТ ДОВЕРЯТЬ БОГУ, Которого они не понимают.

our Defender» («Ты наша Опора, наш Щит и наш Защитник»), а на следующий день они ушли в лес, встретили там группу людей ваорани, которые всадили в них копья. Они умерли и оставили многих женщин вдовами и детей сиротами²⁸³. Все христиане, возмущенно говорившие автору, что Бог не может такого допустить по отношению к верующим, просто не знали, о чем говорят.

В 1996 году в эпилоге книги «Вратами славы», рассказывающей о смерти миссионеров, она бросила вызов и мирскому, и традиционному религиозному

²⁸¹ Elisabeth Elliot, *These Strange Ashes* (Harper, 1975), p. 109.

²⁸² Ibid., p. 130–132.

²⁸³ Elisabeth Elliot, *Through the Gates of Splendor* (2nd ed.; Hendrickson, 2010).

видению Бога и страданий, отмечая, что они все упрощают и полны наивности. Она предупреждала: не стоит искать хорошего в плохом во оправдание произошедшего. Она писала:

История показала: христианская церковь нередко возрастала из крови мучеников. И здесь таится иску́с — а не составить ли простое уравнение? Скажем, умерло пятеро — а христиан-ваорани стало больше... На «х»? В «х» раз? Так это или нет... решать Богу. Бог есть Бог. В душе я свергаю Его с престола, когда требую от Него поведения, соответствующего моему пониманию справедливости. Это тот же дух, который насмеялся: «Если Ты Сын Божий, сойди с креста!» В таком отношении кроется не просто неверие, но даже мятеж: «Бог не властен поступить так с этими пятью людьми, пока те не...»²⁸⁴.

Тема, красной нитью проходящая через всю работу Эллиот, гласит, что доверять Богу, когда мы Его не понимаем, означает обращаться с Ним как с Богом, а не как с другим человеком. Обращаться с Ним как с Богом Славы, Чьи мудрость и благость несоизмеримы с нашими. Но, как говорит Иисус, час истинного прославления Божьего — на кресте (Ин. 12:23, 32). Мы видим, что справедливость Бога настолько велика и бескомпромиссна, что Иисус умер за грехи и что Бог настолько полон любви, что Иисус добровольно и радостно умер. Это совершенная мудрость — Божественная любовь и правосудие, при кажущейся несочетаемости, могли исполниться одновременно. Итак, доверять Божьей мудрости в страдании, даже когда

²⁸⁴ Ibid., p. 268.

мы ее не понимаем, значит памятовать о славе и смысле креста. Эллиот размышляет: «Руки, удерживающие миллион миров от полного разрушения, были вбиты в крест и недвижимы — ради нас... Можно ли Ему доверять?»²⁸⁵

Таким образом, одна из целей страдания — прославление Бога. Для этого мы просто считаем Его бесконечным, верховным, премудрым и в то же время воплотившимся и страдающим Богом. Так и есть. И мы прославляем Бога перед лицом Его — не может быть ничего более подходящего. А если делать то, что Богу и нам по душе, мы обречем, как утверждает Элизабет Эллиот, покой, не зависящий от обстоятельств.

Прославление Бога перед другими

Доверие к Богу в страдании также служит прославлению Его перед другими. Когда верующие правильно реагируют на страдание, они не просто прославляют Бога перед Богом. Они делятся с миром частицей величия Божьего — и, может быть, ничто иное не может так же открыть Его людям. «Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо», — пишет Петр (1 Пет. 2:19). Терпение страданий обнаруживает силу Божью, когда наблюдатель знает о принадлежности *страдающего* к христианству. Павел передает эту мысль еще ярче: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса,

²⁸⁵ Elisabeth Elliot, "The Glory of God's Will," *Declare His Glory among the Nations*, ed. David Howard (Inter-Varsity Press, 1977), p. 133.

чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:10).

В ранней церкви первомучеником был святой Стефан, забитый камнями до смерти за публичное благовествование. Его смерть описана в книге Деяний (6:8–8:1). Когда его судили, как сказано в Библии, он не боялся, но сиял: «[И все <...> видели] лице его, как лице Ангела» (Деян. 6:15). А когда он умирал под грудой камней, он молился вслух: «Господи! Не вмени им греха сего» (Деян. 7:60). Молодой ученый муж из Тарса именем Савл присутствовал при всем происходившем (Деян. 7:58, 8:1). Позже Савл шел заключить христиан в тюрьму и уничтожить церковь в Дамаске, и встретил воскресшего Христа. Иисус говорит: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9:4). Рожон — это острая палка, использовавшаяся для направления животного в нужную сторону. Здесь Иисус говорит о том, что, хотя Савл со злобы отвергал христианство, в глубине души что-то против воли подталкивало его к признанию истинности этого учения. Многие считают, что «рожон» может означать кажущиеся необъяснимыми радость, умиротворение и отсутствие обиды, выказанные Стефаном при смерти. Откуда в Стефане такое спокойствие? Откуда такая уверенность в том, что он прав пред Богом? Способность простить тех, кто убивает его? Очень странно. То, как Стефан переносил страдания, запало Савлу в душу — эти страдания были не просто «угодны Богу».

Наверное, это первый пример того, о чем все время говорили поздние христианские авторы, такие как Амвросий Медиоланский, Киприан Карфагенский, Игнатий Богоносец и Поликарп Смирнский. Христиане умирали достойно, и наблюдавшие их гибель задумывались об источнике их силы. «Хри-

стиане использовали страдания для утверждения превосходства своего вероисповедания... [поскольку] они переносили страдания лучше язычников»²⁸⁶. Павел всегда помнил об этом законе после своего обращения. Поэтому впоследствии он в посланиях велел верующим не унывать при виде его заточения (Еф. 3:13), ведь его страдания — это способ поделиться с людьми Личностью его Спасителя. Филиппийцам он сказал: «Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» (Флп. 1:12–13).

В октябре 2006 года в округе Ланкастер (Пенсильвания) террорист захватил заложников-амишей в одном из классов школы. Он выстрелил в десятиерых жертв в возрасте от семи до тринадцати, пятеро из них умерли. А затем сам застрелился. В течение нескольких часов после самоубийства и убийств члены амишской общины посетили родителей убийцы и выразили сочувствие их потере и поддержку в последующие тяжелые дни. Через пару дней террориста погребли, и его молодая вдова с тремя детьми были просто поражены, что половина присутствующих на похоронах — амиши. Они были там для поддержки семьи убийцы и участия в их горе. Целая христианская община приняла страдания с той же умиротворенностью, что и первомученик Стефан. Прощение и любовь, выказанные общиной амишей по отношению к тому, кто стрелял, и к его семье обсуждали по всей стране. То, как они отреагировали на страдания, было серьезным свидетельством истинности их веры и благодати и славы их Бога.

²⁸⁶ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 47.

Стоит заметить, что свидетельство амишей о Христе было настолько великим, что многие наблюдатели ощущали потребность в его замалчивании. Для телевидения был снят фильм об этом происшествии. Создатели представили вымышленного персонажа, Иду Грабер, женщину из амишей, мать одного из убитых детей. В фильме она так сильно сомневается и злится на Бога и не может простить террориста, что почти теряет веру. Те, кто действительно находился в общине после стрельбы, возражали. Они говорили, что, несмотря на глубокую скорбь и боль, в ней не было ни одного человека, чья вера поколебалась или кто не мог простить²⁸⁷. Фильм показывал — ненамеренно, — что светские режиссеры, живущие внутри «имманентной схемы», не могли понять отношения к Богу, при котором люди принимали таинственное провидение и прощали без обид — и Бога, и убийцу.

Через четыре года после произошедшего группа социологов опубликовала о нем книгу²⁸⁸. Одним из главных выводов было то, что из нашей мирской культуры вряд ли могут выйти люди, способные отреагировать на страдания подобно этим амишам. Многие эксперты по всей стране заявляли, что в поразительной любви амишей проявились «“наши” лучшие стороны», игнорируя глубокие и очевидные христианские корни их поступка. Ученые, написавшие «Амишскую благодать», обнаружили наивность

²⁸⁷ Cindy Stauffer, “Film Depicting Nickel Mines Shootings Questioned Lancaster Online,” http://lancasteronline.com/article/local/249326_Film-depicting-Nickel-Mines-shootings-questioned.html.

²⁸⁸ Donald B. Kraybill, Steven M. Nolt, David L. Weaver-Zercher. *Amish Grace: How Forgiveness Transcended Tragedy* (Jossey-Bass, 2010).

этого утверждения. Они считали, что способность аманитов к прощению основана на двух вещах. Во-первых, она подкрепляется глубокими размышлениями и созерцанием Христа, прощающего Своих учителей и убийц²⁸⁹. В центре их веры — Человек, умирающий за Своих врагов, а если ты являешься членом общины, говорящей и поющей об этом — декламирующей и празднующей это непрерывно, тогда дело прощения, даже убийц своих детей, не кажется невозможным.

Во-вторых, авторы книги отмечают, что по сути прощение — это форма «самоотречения», то есть отказа от права отплатить той же монетой. Будучи социологами, они знали: для христианина смысл жизни заключается в отказе от собственных интересов ради Бога и других, в отказе от собственной свободы во имя жизни по Божьей воле и для пользы ближнего своего. Но это прямая противоположность образу жизни американцев.

Мы живем в индивидуалистическом потребительском обществе, в обществе, которое учит нас не самоотречению, но отстаиванию своих прав — твоя свобода, интересы и нужды всегда должны стоять на первом месте²⁹⁰. Однако в культуре с пропагандой самоутверждения реакцией на страдание обычно является месть. В то же время в контркультуре типа амишей, пропагандирующей самоотречение, реакцией скорее будет прощение. «[Таким образом,] большинство из нас сформировано культурой, питающей месть и высмеивающей благодать», — вот вывод авторов, и они правы²⁹¹.

²⁸⁹ Ibid., p. 183.

²⁹⁰ Ibid., p. 176–177.

²⁹¹ Ibid., p. 181.

Именно поэтому мир и любовь перед лицом зла и страданий — выказаны ли они аманитами в Ланкастере, или Стефаном в Иерусалиме, или Самим Иисусом на кресте — являются величайшими из возможных свидетельств миру о реальности Бога, Его славе и Его благодати.

Прославление Бога без свидетелей

Мученичество Джима Эллиота оказало значительное влияние на целое поколение молодых христианских лидеров. Но может ли страдание, которого буквально никто не видит, прославить Бога? Да.

Джони Эриксон Тада большую часть своей жизни провела в инвалидном кресле. В 17 лет с ней произошел несчастный случай, когда она занималась дайвингом, и вследствие травмы была парализована ниже плеч. За два года после травмы Джони пережила депрессию, обиду, ее мучили мысли о самоубийстве и сомнения в христианской вере. Находясь на реабилитации в районе Балтимора, она делила комнату с тремя или четырьмя молодыми женщинами, тоже страдавшими от тяжелого недуга. Одну из девушек в ее комнате звали Дениз Уолтерс²⁹².

Раньше Дениз была счастливой, популярной 17-летней ученицей средней школы в Балтиморе,

²⁹² Эта история (как и многое, что узнала Джони в первые годы после несчастного случая) рассказана в замечательной книге о страданиях: Joni Eareckson Tada, Steve Estes. *A Step Further* (Zondervan, 1978). Глава о Дениз Уолтерс называется "When Nobody's Watching," pp. 56–62.

штат Мэриленд. Однажды, когда она бежала вверх по ступеням школы, она споткнулась, потому что ее колени ослабли. К концу дня она еле шла. Дениз добралась до дома и легла спать. Когда она проснулась к ужину, то обнаружила, что парализована ниже пояса. Вскоре после этого паралич достиг шеи, а затем Дениз ослабла. Просто так. Это была редкая форма прогрессирующего рассеянного склероза.

Она лежала неподвижно в своей кровати в реабилитационной клинике Грин-уик. Она не могла двигаться, ничего не видела и почти не говорила. Было сложно хоть как-то общаться с ней. Ее соседки по комнате могли коротко, отрывисто поговорить с ней — и только. Очень скоро ее единственным посетителем стала мать. Но Дениз с матерью были христианками, и каждую ночь ее мама приходила и читала ей Библию и молилась со своей умирающей дочерью. Дениз знала, что умирает, но смерть медлила настолько, что ее сложно было назвать милосердной. Она лежала в одиночестве в своей койке восемь долгих лет.

И умерла.

Джони делится тревогой, которую она испытывала из-за жизни Дениз. Как повествует ее книга, сначала ей пришлось справиться с собственной утратой и страданиями. Она вспоминает все вопросы, мучившие ее каждый день. «Почему это со мной произошло? Я христианка, посвятившая себя Иисусу. Почему я должна сидеть в инвалидном кресле до конца своих дней? Как Бог может обратить такое во благо? Почему я должна доверять Богу, Который допустил такое?» Тем не менее, медленно, но верно, она стала делать успехи. Она обнаружила причины,

Может ли страдание, которого буквально никто не видит, прославить Бога? Да.

и страдание обретало смысл. Многие из них были связаны с ее более глубоким пониманием славы Божьей. Она осознала, что страдания — это способ свидетельствовать о славе Божьей перед другими. Когда другие видят, как ты терпишь страдания, им может открыться реальность Бога.

Но когда Дениз умерла, Джони пришлось непросто. Казалось бы, вот человек, любивший Бога, который никогда не жаловался, но чье страдание казалось абсолютно бессмысленным. Ее никто не видел. «Никто не говорил ей: “Я хочу жить так же. Как мне этого добиться?” Казалось, ее страдание бесполезно»²⁹³.

Когда Джони узнала, что Дениз наконец скончалась, она поделилась своей борьбой с некоторыми из своих подруг. Одна из них открыла Библию и сначала прочитала строки из Евангелия от Луки (15:10), рассказывающие об Ангелах, радующихся на небесах об одном кающемся грешнике. Затем она обратилась к Посланию к Ефесеянам (3:10), в котором говорится, что Ангелы видят, что происходит в Церкви. Они также могли бы взглянуть на книгу Иова, если бы это пришло им в голову. В ней страдания Иова наблюдают целое собрание Ангелов и дьявол. И тут Джони поняла.

Мирская точка зрения говорит о том, что существует только *этот* мир. Материальная вселенная «здесь и сейчас» — единственная действительность. Физическое реально, сверхъестественного нет. Имманентное реально, трансцендентного нет — нет Ангелов и демонов, нет духов и душ, нет Бога и дьявола. Если жить внутри мирской «имманентной схемы», по определению Чарльза Тейлора, будешь навсегда

²⁹³ Ibid., p. 59.

отсечен от надежды, явившейся тогда Джони. «Я поняла! Мои глаза засияли... Значит, ее жизнь была не напрасна, решила я... Кто-то действительно наблюдал за ней в той полной одиночества палате — очень много кто»²⁹⁴.

Чтобы понять озарение Джони, проведите мысленный эксперимент. Что если я скажу вам завтра: в течение одного дня специальная камера будет снимать все, что вы говорите, все, что вы делаете, все, что вы *думаете*, и показывать по телевизору? По всему миру все это покажут, и, может быть, миллиард людей станет свидетелями. Это изменит вашу жизнь завтра? Думаю, да. Этот факт придаст огромное значение и смысл даже малейшей мысли и действию. Конечно, будет несколько страшновато, ведь вам придется быть паинькой. Но у вас захватит дух. Вы скажете: «Есть вещи, которыми я всегда мечтал поделиться с миром. И теперь я могу». Все будет совсем по-другому. День станет невероятно осмысленным.

Но если христианство истинно — все это уже происходит. Вы не понимаете, что вас уже снимают? Существует не вымышленный, но самый настоящий реальный духовный мир. Вы уже идете по воздуху. Все, что вы делаете, делается перед лицом миллиардов существ. И Бог тоже все видит. Как написала Джони о своей подруге Дениз: «Ангелы и демоны были поражены, наблюдая, как благоухание ее безропотного и терпеливого духа доносилось до Бога»²⁹⁵.

Любое страдание имеет смысл.

²⁹⁴ Ibid., p. 61.

²⁹⁵ Ibid., p. 62.

Павел говорил своим читателям в Эфесе, унывающим из-за его заключения: «Скорби мои суть ваша слава» (Еф. 3:13). Почему? Потому что это так. Страдания и слава тесно связаны. Страдания служат к прославлению Божьему во вселенной и, в конце концов, даже к нашей славе. А вы знаете, почему страдания и слава завязаны друг на друге? Благодаря Иисусу. Во 2-й главе Послания к Филиппийцам сказано, что Иисус отказался от Своей славы. Почему? Знаменитая рождественская песнь Чарльза Уэсли все объяснит.

Родился, оставил славу,
Смерти упразднил державу;
Родился, чтоб нас поднять,
Нам рожденье свыше дать.

Вести ангельской внемли...

Иисус утратил всю Свою славу, чтобы мы облеклись в нее. Он не имел к ней доступа, чтобы мы получили ее. Он был связан,

Иисус забрал единственный вид страдания, способный реально уничтожить человека: отчужденность от Бога.

пригвожден, чтобы мы освободились. Его изгнали, дабы мы приблизились.

Иисус забрал единственный вид страдания, способ-

ный реально уничтожить человека: отчужденность от Бога. Он забрал его, чтобы теперь любое страдание в нашей жизни могло только возвеличить нас. Уголек, попавший под давление, становится алмазом. А страдание человека во Христе может только превратить тебя в нечто прекрасное.

Иисус Христос страдал не для того, чтобы мы больше не страдали, но чтобы мы становились подобными Ему в страданиях своих. Его страдания привели к славе. Примером тому Павел. Павел счастлив быть в оковах, потому что, как он говорит: «Скорби мои суть ваша слава». Теперь он подобен Иисусу. Ведь именно так вел Себя Иисус. А когда вы знаете, что эта слава грядет, вы тоже можете справиться со страданием.

История жизни: Канва страдания

Автор: Гиги

Я росла в центре города Окленд, штат Калифорния, где преобладало чернокожее население. Я ощущала себя метисом, хотя сама бразильского и амишского происхождения. Со временем я стала очень страстно относиться к тому, что Евангелие говорит о таких социальных вопросах, как нищета, раса и проблемы социальной экономики; и я посвятила свою жизнь служению в сферах малого дохода именно по этим причинам. И постоянно воспринимала эти проблемы через призму «небелого» человека.

Затем, в 2009 году, я переехала в Южную Африку. Внезапно я стала белой.

Я прекрасно знала, что Южная Африка все еще является одной из самых полярных по расам стран в мире. В 2010 году я вышла замуж за потрясающего южноафриканца, и мы стали одной из немногих межрасовых пар в этой стране. Мы сразу превратились в угрозу самой ткани общества, построенного на расовой иерархии и разделении, даже после

апартеида. Куда бы мы ни шли, мы ощущали на себе пронизывающие взгляды толпы.

Прямо перед нашим знакомством мой муж построил церковь в крупнейшем поселении Южной Африки — Соуэто. Южноафриканские поселения — по определению, исключительно черные сообщества — зародились во время жестокой системы апартеида. В наши дни это — энергичные сообщества, полные жизни, культуры и прекрасных людей, а также нищеты, преступлений и страданий.

В общем, внезапно я стала «белой» женщиной в крупнейшем, полностью черном, жилом районе страны, все еще кровоточащей от своего наследия расового недоверия, ненависти и злобы. Я никак не ожидала того, чем меня встретит эта прекрасная страна и ее прекрасный, сломленный народ. Я так хотела быть средством исцеления посреди этой пустыни, и я постоянно молила Бога уподобить меня Ему, чтобы я могла служить им. Я не могла себе представить такой ответ на эту молитву. Похоже, плоды произрастают только благодаря страданию.

За месяц до нашей свадьбы один пастор, друг моего будущего мужа — и притом самый близкий друг, которому муж доверял безгранично, — был уличен в непристойной связи... нет, во множестве непристойных связей с молодыми прихожанками нашей церкви. Долгое время он вел двойную жизнь и скрывал ее от всех нас. Он был пресвитером, и его сняли с должности и отправили «поправлять здоровье». Хотя, судя по словам, он раскаивался, но вскоре стало ясно, что он задумал отомстить.

В нашу брачную ночь, пока мы спали, в нашей комнате разгорелся пожар — она быстро наполнилась дымом. Я проснулась, чувствуя, что задыхаюсь. Нас отвезли в больницу. Врачи сказали, что мы не

должны были выжить. Они сказали, что мы оба должны были умереть в ту ночь.

Рентген груди показал, что в результате вдыхания дыма я заработала серьезную пневмонию. Две недели нашего медового месяца провела практически без сознания, и я почти ничего не помню. По истечении двух недель мы вернулись домой — к разделенной церкви и злонамеренным слухам. Пресвитер, который вел двойную жизнь, встречался с каждым предводителем церкви, приписывая нам ужасное обращение с ним после обнародования его греха. Многим пасторам, которым люди верили, и многим в церкви он сказал, что я, в частности, отказала ему в прощении и даже не говорила с ним. С учетом серьезного недоверия белым людям в этом обществе, а теперь меня считали белой, люди сразу приняли его рассказ за чистую монету. В результате этой лжи за полгода мы потеряли 75 процентов прихожан нашей церкви. В этой сети обмана мы утратили большую часть близких друзей, многие из которых ушли из нашей жизни, не скрывая своей ненависти.

Мое здоровье продолжало ухудшаться. Выяснилось, что я подхватила неизлечимую тропическую болезнь, повлекшую за собой серьезное истощение и почти непрекращающуюся слабость.

К 2011 году наша полная энергии, постоянно растущая церковь сократилась до 30 человек, многие из которых все еще сомневались в нашей надежности. В результате слухов некоторые люди потеряли к нам доверие, а наша зарплата уменьшилась почти вдвое. Мы с трудом платили за проживание и газ, покупали еду и вообще выживали.

Я чувствовала себя абсолютно потерянной и одинокой. Мне казалось, что меня ненавидят и отталкивают те самые люди, ради которых я бросила

все, чтобы любить их и служить им. Еще я чувствовала, что Бог меня оставил.

К октябрю 2011 года я была так больна, что еле проживала каждый день. Мы жили в бедной африканской деревушке — так называемом «тауншипе» — и дышать там было просто нечем. Мой врач сказал, если я продолжу жить в Соуэто, то, скорее всего, умру через два года.

Это потрясло нас до глубины души. Однако после продолжительной молитвы мы почувствовали, что Господь говорит иное: что мы должны остаться и я поправлюсь.

Ближе к концу 2011 года церковь наконец-то снова начала оживать. Мы были просто вне себя от истощения вследствие бесчисленных испытаний и все еще пытались восстановиться, но процесс воссоздания начался. Мы думали, что худшее позади... Оказалось, мы ошиблись.

В течение этих двух лет, полных отчуждения, ненависти и жестокой клеветы, со мной через все это шел только один человек. Единственный человек, кто не верил слухам, кто не боялся говорить правду лгунам, единственный, кто открыто называл себя моим другом, когда это совсем не приветствовалось, единственная, кого я считала своей сестрой.

30 декабря 2011 года — когда мне исполнилось 35 — этот единственный человек, моя ближайшая подруга в Южной Африке, утонула. Другой наш близкий друг тоже утонул, пытаясь ее спасти. Не могу выразить словами тяжесть этого горя и утраты. Утрата ее одной была равна утрате десяти человек. В то время для меня она была квинтэссенцией истинной общины. Мы провели около трех дней, разъезжая по городу, сообщая эту ужасную новость ее семье и самым близким друзьям.

Через неделю на нас с мужем напали семеро полицейских. Мы были под дулом пистолета, не зная причины. Это были жуткие двадцать минут. Я размышляла: «Что это за дикое место? В нем те, кто угрожает мне, являются теми самыми людьми, которым я должна доверять».

Это всего лишь «список» пережитых мной событий, но оценить внутренний хаос и страдания невозможно — они неисчислимы, неописуемы. В один из самых мрачных моментов Господь приблизился ко мне. После многих месяцев моих молений к Нему и размышлений о том, почему Он кажется таким далеким в самую тяжелую минуту, Он приблизился ко мне так, что я это почувствовала. Я читала книгу пророка Исаии, главу 53: «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презируем... предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был».

В каком-то смысле мой Бог «оставил» райское утешение и славу, чтобы прийти на землю во плоти человеческой со слабостью ее. Это невероятно само по себе. Но это не все. Он пришел на землю, отказавшись от права быть Богом (Флп., гл. 2) ради спасения падшего человечества — самый бескорыстный поступок в земной истории — только для того, чтобы «быть презируемым и умаленным пред людьми»; стать «мужем скорбей и изведавшим болезни»; быть причтенным к злодеям. Мой святой, праведный, вездесущий, всемогущий Бог, одним Своим словом создавший всю тварь, считался злодеем. Несмотря на то, что Он был совершенным и невиновным, Он считался злодеем. Впервые за три года я глубоко прочувствовала Его близость. Я тоже оставила все. Я, девочка-метис, приехала в Южную

Африку, страстно желая любить и служить. Я тоже была в числе тех, кого ненавидят за то, кем они не являются — будто белый притеснитель, совершивший уйму несправедливых дел. Хотя я допускаю слишком много ошибок, чтобы сравнивать себя с нашим славным Спасителем, я увидела историю Его жизни в своей. Каким-то образом я впервые за долгое время приобрела чувство искупительного смысла в самом центре невыразимого страдания.

Я понимала: это главная идея Евангелия. Хотя и существуют периоды епитимьи Господней, я осознала, что страдание проходит неотделимой красной нитью по ткани евангельских текстов. Это — холст, на котором изображено спасение. Почему-то в современных христианских кругах мы склонны считать, что из верности нам Бог спасает нас от страданий. Да, иногда в Своей великой милости Он действительно спасает нас от страданий. Но это не признак Его верности. Из Писания видно, что многие из тех, кого Он любил очень сильно, ужасно страдали.

Это замечательное мгновение близости к Отцу не уничтожило боль и невыразимую скорбь, но наполнило их смыслом и искуплением. К концу 2012 года мое здоровье постепенно улучшилось, и мои отношения с Господом постепенно восстанавливаются. Много месяцев я приближаюсь к Нему, но теперь я снова стою на ногах. Я все еще в процессе исцеления, но определенно я стою. Я вижу плоды страданий. И я вижу Его жизнь в моей.

9

Учимся идти

Мудрость не дается нам, мы должны сами найти ее, пройдя через пустыню. И никто не пройдет за нас этот путь, никто нас от него не избавит²⁹⁶.

Марсель Пруст

А наша слава?

Мы не должны использовать свои несчастья впустую. Согласно Библии, частично цели и назначение страдания связаны со славой Божьей. Страдание как ничто другое обнаруживает, передает и раскрывает славу Божью. Слава Божия, конечно же, совершенна, а значит, она не может возрасти. Но Бога можно «возвеличить» — сколько раз повторяли псалмопевцы. Если с Богом обращаться как с Богом во время страдания, через это может обнаружиться все Его величие.

Но Павел говорит, что страдание — путь к нашей славе. «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4:17). Итак, возникает вопрос: какая польза нам от страдания? Прежде чем мы сможем ответить на этот вопрос, мы должны обратить внимание на

²⁹⁶ Haidt, *Happiness Hypothesis*, p. 152.

учение Библии обо всем том, что сегодня называется самосовершенствованием. В самом сердце христианской жизни лежит принцип, выраженный двумя знаменитыми фразами Иисуса Христа:

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф. 5:6).

Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее (Мф. 10:39).

В первой Иисус говорит: «Счастлив ищущий не счастья, но праведности». Счастье — побочный продукт того, что нам дороже счастья — правильных отношений с Богом и с ближним. Если поиск Бога в вашей жизни не подлежит обсуждению, вы будете счастливы. Однако если в основном вы ищете личное счастье, вы не попадете никуда. Тот же принцип выражен во второй фразе. Если вы готовы отдать жизнь ради Него, если вы готовы отказаться от личной безопасности, комфорта и удовлетворения, чтобы послушать Иисуса и последовать за Ним, тогда в итоге вы обретете себя. Вы познаете себя во Христе и наконец будете в мире. Если же вы пытаетесь приобрести личный комфорт и удовлетворение, когда ваша жизнь не ориентирована на Бога во Христе, вы обнаружите, что вам критически недостает самопознания, но вас наполняет внутренняя пустота.

Это в корне противоречит нашей западной культуре экспрессивного индивидуализма. И имеет прямое отношение к реакции христиан на страдания. Как мы видим, нам нужно доверять Богу, потому что Он Бог, а не наш личный секретарь и инструктор по личностному росту. Нам нужно доверять Ему, потому что это — должное, Он достоин, а не потому, что мы таким образом извлечем выгоду. Любовь и послу-

шание Богу ради Него Самого, а не ради себя, превращает нас в великих, сильных и мудрых. Если искать не себя, но Бога, в конце концов мы обретем и Бога, и себя. «Цельтесь в небо — попадете и в землю; цельтесь в землю — не попадете никуда!»²⁹⁷.

Как работает принцип Иисуса? Восприятие и принятие Бога таким, какой Он есть, делает нас мудрыми, поскольку позволяет нам видеть реальность. Если зажечь свет в темной комнате, получишь способность ходить ни во что не врезаясь. Точно так же, если видеть правосудие, величие, владычество, мудрость и любовь Божью, получишь способность идти по жизни без обиды, гордости, беспокойства и уныния. Так, если искать не собственной выгоды, но славы Божией, этот поиск парадоксально приведет нас к собственной славе, то есть касающихся нашей личности смирения, надежды, любви, радости и умиротворения.

Как мы увидим, страдание может способствовать духовному развитию, воспитанию и преображению, но мы не должны воспринимать его в целом как способ совершенствоваться. Подобный подход может привести нас к мазохизму, получению удовольствия от боли, из-за того, что мы чувствуем себя добродетельными только в горе. Даже без такого отношения люди, как правило, погружаются в себя вследствие страдания. Если воспринимать его как то, что касается в основном тебя и твоего развития, оно просто задушит тебя. Напротив, мы должны воспринимать

Если поиск Бога в вашей жизни не подлежит обсуждению, вы будете счастливы. Однако если в основном вы ищете личное счастье, вы не попадете никуда.

²⁹⁷ К. С. Льюис. Просто христианство. Пер. с англ.: И. Череватая, Н. Трауберг.

страдание как способ познать Бога, как возможность еще не испытанного служения, уподобления и приближения к Нему.

Только если сделать славу Божью основой нашего страдания, она обратится и в нашу славу. Однако печали и трудности именно к этому и ведут. Нас призывают не растрачивать наши скорби, но проходить их и возрастать — во славу и благодать Божию.

Продуктивные страдания

Исходя из западной нерелигиозной идеи, страдание — это помеха свободе жить так, как ты считаешь нужным для собственного счастья. Порождающие страдания обстоятельства и сопровождающие их отрицательные эмоции просто необходимо уничтожить или минимизировать и взять под контроль. Психолог Джеймс Дейвис знает, что встретит сопротивление, когда взамен предлагает идею «продуктивного страдания». Как и Ричард Шведер, он указывает на множество антропологических исследований, показывающих: в незападных культурах верят, что «страдания способствуют нашему постижению новых порций действительности»²⁹⁸. В своей книге «Значение страдания» он критикует то, что считает позицией большинства среди западных терапевтов, а именно: страдание необходимо лечить посредством уничтожения или контролирования негативных ощущений, связанных с несчастьями. Но он пишет: «Клиническая ошибка — диагностировать пациен-

²⁹⁸ Davies, *Importance of Suffering*, p. 133.

та, страдающего от низкой самооценки, или чувства некомпетентности, или чувства бесполезности, и говорить, что он просто страдает от... искаженных мыслительных процессов или ошибок мышления»²⁹⁹.

Так как относиться ко страданию? Дейвис предлагает радикальную мысль.

Что если негативные мысли о себе самом — правда? «Ощущение трусости, — пишет он, — может быть не симптомом неисправного мышления, но скорее точной оценки той части нас, которая *трусит*. Поэтому страдания, сопровождающие нашу самооценку — это не только абсолютно естественная реакция на осознание нашей трусости, но и обязательная предпосылка к ее умалению»³⁰⁰. Итак, страдание ведет нас к осознанию серьезного недостатка смелости в нас самих.

Страдание также может обнаружить нашу склонность к эгоизму. Дейвис упоминает об исследованиях, доказывающих, что «низкая самооценка» — далеко не повсеместная проблема. Он рассказывает о научной работе психологов, демонстрирующих, что многие люди вместо того, чтобы мучиться низкой самооценкой, «настолько заражены себялюбием, что не способны прощать других... [и] не могут заглянуть за линию горизонта собственных потребностей и забот. Таким образом, они не способны отложить свои дела и посочувствовать нуждам и скорбям других — их действительность лучше других, и все должны под нее подстроиться»³⁰¹.

Если искать не себя, но Бога, в конце концов мы обретем и Бога, и себя.

²⁹⁹ Ibid., p. 130.

³⁰⁰ Ibid.

³⁰¹ Ibid., p. 131.

Еще больше углубляясь в контркультуру, Дейвис заявляет, что люди, пережившие депрессию, способны быть мудрее и смотреть на происходящее более реалистично, чем те, кого она не коснулась. Он предоставляет серию исследований, показывающих, что люди, не испытывавшие депрессии, обычно переоценивают степень контроля над собственной жизнью. В то же время люди, страдающие от тяжелой депрессии, ослаблены, но в целом депрессивный опыт помогает им более здраво оценить собственные ограничения и то, как они могут повлиять на обстоятельства. Доктор Пол Кидвелл, один из наших исследователей, пишет:

Преобладающая точка зрения заключается в том, что человек в депрессии обычно искажает действительность в негативную сторону... [Но недавние исследования] перевернули эту общепризнанную мудрость, предоставив доказательства в пользу того, что искажают действительность не те, кто находится в состоянии депрессии, но так называемое здоровое население... Даже если депрессия на самом деле негативно влияет на действительность, <...> факт остается фактом: *она устраняет положительные предубеждения о себе, присущие тем, кто не страдает депрессией...* Вместе с исцелением [от депрессии] и с приподнятым настроением может появиться новая истина³⁰².

Дейвис, Джонатан Хайдт и другие, говорящие о пользе бедствий, спешат заметить, что наши страдания не улучшают человеческую жизнь автоматически. Хайдт выделяет два основных способа справиться с ними — то, что он называет «активным

³⁰² Ibid., pp. 133–134.

приспособлением к стрессу и переоценкой» и «побегом от необходимости бороться и отрицанием»³⁰³. Последняя стратегия может привести к катастрофе, ведь она включает в себя «работу для притупления своей эмоциональной реакции посредством отрицания или побега от событий, или посредством выпивки, наркотиков и других способов отвлечься». Первая стратегия может привести к реальной пользе, поскольку в ней сочетаются усердная внутренняя работа, связанная с познанием и ростом, а также попытки изменить болезненные внешние обстоятельства. Другими словами, Хайдт и Дейвис различают постепенные шаги к преодолению страдания и топтание на месте, когда человек лежит или просто бежит от страдания.

В этом деле ставки высоки. Страдание либо сделает тебя гораздо лучшим, либо гораздо худшим человеком, чем раньше. Хайдт поясняет, что те, кто прилагает больше усилий к контролю над болью, чем к противостоянию и извлечению уроков из страдания, могут по жизни ощущать обиду и безнадежность. Сделав вывод о полной несправедливости мира, о том, что жизнь не поддается никакому контролю, и что обычно все к худшему, «они вплетают этот урок в свою историю жизни, и он оскверняет повествование»³⁰⁴. Итак, неверная стратегия обычно приводит к тому, что человек становится слабее и начинает отставать в развитии, а верный подход к страданию может повлечь за собой поразительный рост. В жизненных испытаниях и неприятностях, которые неизбежны, ты или пан, или пропал. Но в любом случае ты не останешься прежним.

³⁰³ Haidt, *Happiness Hypothesis*, p. 146.

³⁰⁴ Ibid., pp. 146–147.

Библия поясняет и подтверждает заключения психологов, в том числе Хайдта и Дейвиса. В целом ряде отрывков из Нового Завета (Евр. 12:1–17; Рим. 8:18–30; 2 Кор. 1:3–12, 4:7–5:5, 11:24–12:10, а также почти целиком 1 Пет.) Библия учит, что Бог использует страдания для устранения нашей немощи и нашего укрепления.

Во-первых, страдание преобразует наше отношение к самим себе. Оно смиряет и уничтожает нереалистические себялюбие и гордость. Оно показывает, насколько мы хрупкие. Как отмечает Дейвис, среднестатистический человек в западном обществе обладает крайне нереалистичными представлениями о том, насколько он контролирует течение своей жизни. Страдание снимает шоры. Из-за него мы не столько теряем надежду и контроль, сколько пониманием, что мы всегда были уязвимыми и зависим от Бога. Страдание просто способствует осознанию этого факта и жизни в соответствии с ним.

Страдания также ведут нас к изучению самих себя и способности видеть слабости, поскольку в них проявляются наши худшие стороны. Наша слабая вера, острый язык, леность, равнодушие к людям, беспокойство, склонность к обиде и другие слабости становятся очевидными для нас (и других) в тяжелые времена. Некоторые из нас импульсивны и нетерпеливы. Другие любят поспорить, упрямы и не умеют слушать. У многих людей серьезная потребность контролировать любую ситуацию. Некоторые просто слишком хрупкие и любят себя пожалеть, когда находятся в смятении. Страдания бросят свет на эти внутренние недостатки во время стресса —

так, чтобы мы могли преодолеть стадию отрицания и начать работать над ними.

Во-вторых, страдания коренным образом меняют наши отношения с тем хорошим, что есть в жизни. Мы понимаем, что некоторые вещи стали для нас слишком важными. Когда мы удручены крахом карьеры — это утрата, и мы скорбим. Но мы также можем осознать, что сила нашего страдания зависит от допол-

СТРАДАНИЕ ПРЕОБРАЖАЕТ НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К САМИМ СЕБЕ. ОНО СМИРЯЕТ И УНИЧТОЖАЕТ СЕБЯЛЮБИЕ И ГОРДОСТЬ.

нительной значимости, которую мы вкладываем в свою работу и другие достижения, касающиеся нашего самоуважения. Этот крах может стать уникальной возможностью придать больше смысла Богу, семье и другим людям и надеяться на них. Таким образом, мы укрепляемся, и будущие неудачи уже не повергнут нас в такое уныние. Мы также получаем дополнительные источники радости, которые раньше нам были недоступны.

Третье, и самое главное — страдания способны укрепить наши отношения с Богом как ничто другое. Верен знаменитый афоризм К. С. Льюиса о том, что в благоденствии Бог обращается к нам шепотом, а во время несчастий — криком. В самом деле, страдания — это испытание нашей связи с Богом. Они, правда, могут искушать нас и склонять к такой злобе по отношению к Богу и жизни, что мы не хотим молиться. Однако они также являются ресурсом для серьезного углубления нашей божественной дружбы. Все начинается с анализа. Когда все в порядке, как понять, любишь ли ты Бога или просто те вещи, которые Он тебе дарует или делает для тебя? Фактически никак. Когда ты здоров и процветаешь, легко считать, что у тебя с Богом отношения любви. Ты молишься

и занимаешься своими духовными обязанностями, ведь это утешает и, похоже, приносит пользу. Но только в страдании мы можем услышать, как Бог «выкрикивает» ряд вопросов: «Все ли было хорошо между нами, пока Я все делал для тебя? Ты включился в эти отношения, чтобы Я послужил тебе или чтобы ты послужил Мне? Ты раньше любил Меня или те вещи, которые Я тебе давал?» Страдания раскрывают нечистоту или ложность нашей веры в Бога. В каком-то смысле только в страдании можно знать, что вера и доверие к Богу — *в Боге*, и, следовательно, только в страдании наши с Богом отношения любви могут становиться все более и более истинными.

Страдания заставляют нас обращаться к Богу в молитве — так, как мы никогда не молились. Как

В благоденствии Бог обращается к нам шепотом, а во время несчастий — криком.

правило, сначала этот молитвенный опыт холодный и болезненный. Но если это нас не пугает, и мы держимся за Него, мы часто обнару-

живаем большую глубину опыта, а также действительно божественной любви и радости, чем нам представлялось возможным. Как написал пастырь Джон Ньютон скорбящей женщине: «Превыше всего будь близка к престолу благодати [в молитве]. Если нам кажется, что мы не получаем ничего хорошего от попыток быть ближе к Нему, мы можем быть уверены, что не получим ничего хорошего, будучи от Него далеко»³⁰⁵.

Наконец, страдания — это практически условие нашей полезности другим людям, особенно когда они сами испытываются. Несчастья делают нас куда более

³⁰⁵ John Newton, *The Letters of John Newton* (Banner of Truth, 1960), p. 180.

сострадательными, чем их отсутствие. Раньше, когда мы видели скорбь других, мы, возможно, втайне размышляли: из-за чего весь сыр-бор, почему люди не могут просто принять это и двигаться дальше? Когда это касается нас, мы понимаем из-за чего и никогда не забываем об этом. После страданий мы становимся мягкосердечными и способны помочь другим страждущим. Страдание дает людям мудрость, если, столкнувшись с ним, они не становятся бесчувственными. Таким образом, мы приобретаем знания, полезные многим людям, встречающимся нам на пути. Во Втором послании к Коринфянам Павел пишет:

Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! Ибо по мере как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше. Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим. И надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении (2 Кор. 1:3–7).

В чем движущая сила? Страдания Павла ведут его к Богу и Его непостижимому утешению. В этой книге мы изучаем это утешение в его разных проявлениях — углубленное видение славы Божьей; признательность за страсти Христовы, ведущая к перемене сердца; новый опыт в Его любви и радости; самопознание и рост; понимание жизни и человеческой

природы. Что Павел делает с этим пониманием? Он делится им с другими страждущими, которые впоследствии через свои страдания также обретают более глубокое утешение. В результате эти страждущие в свою очередь становятся утешителями для других — и так далее, и так далее. Церковь превращается в сообщество глубокого утешения, место, где ты получаешь огромную поддержку в страдании и где люди обнаруживают, что они растут и через свои беды становятся такими, какими их хочет видеть Бог.

Христианский писатель Джордж Макдональд так выразил эту мысль:

Сын Божий принял смертное страдание не затем, чтобы люди пострадали, но чтобы их страдания могли уподобиться Его страданиям³⁰⁶.

Божий гимнастический зал

Мы упоминали библейскую метафору — страдание как печь мастера — и впоследствии мы снова обратимся к этому образу. Менее известный, но похожий на него образ, это страдание как «гимназия»³⁰⁷. Как и Первое послание Петра, Послание к Евреям было написано для группы христиан, столкнувшихся с многими испытаниями и скорбями. В 12-й главе автор послания говорит, что подобный опыт — это

³⁰⁶ К. С. Льюис. Боль. Пер. с англ.: А. Цветков.

³⁰⁷ D. Martin Lloyd-Jones, *Spiritual Depression: Its Causes and Cure* (Eerdmans, 1965), pp. 247–259 (chap. 18, “In God’s Gymnasium”).

опыт «печали», однако «после [он] наученным через него доставляет мирный плод праведности». В тексте на месте слова «наученный» употребляется греческое *γυμνάσιον*, от которого происходит слово *гимназия*, в том числе в значении «спортзал». Буквально это слово означало «раздетый догола» — «заниматься нагим, тренироваться». Оно означало режим, при котором человек упражняется, чтобы укрепить слабые части тела и улучшить уже крепкие.

Подумайте о том, что происходит в гимнастическом зале. Во-первых, тебе нужно снять с себя повседневную одежду. Зачем? Повседневная одежда мешает нам двигаться более интенсивно. Но есть еще причина. В спортзале обнаруживается недостаток силы и энергии нашего тела, а также его вида. Можно носить любую одежду, скрывая недостатки фигуры. Но в зале их не скрыть. В нем вы с тренером (и, к сожалению, со всеми окружающими) видите, в каких местах ваше тело выпячивается — а не должно. Это стимул для работы.

Таким образом, данная метафора говорит о том, что когда жизнь идет «как надо», то недостатки нашего характера можно замаскировать и спрятать от других и от себя. Но когда нас постигают беды и сложности, внезапно мы попадаем в «Божий гимнастический зал» — мы открыты для посторонних глаз. Наше внутреннее беспокойство, вспыльчивый характер, наше нереалистичное восприятие собственных талантов, наша склонность лгать или приукрашивать правду, наш недостаток самодисциплины — все это всплывает на поверхность. Может быть, сама беда возникла вследствие присутствия этих отрицательных качеств. А может, новая ситуация требует конкретной реакции и обнаруживает отсутствие необходимых положительных качеств. В любом случае,

спортзал показывает, кто ты на самом деле — и это неизбежно.

Так что же делать? Хороший тренер дает тебе упражнения — какие они? Существуют способы увеличить нагрузку или оказать давление на различные части тела. Утяжеленный подъем на бицепс

СТРАДАНИЯ ПРИНОСЯТ БОЛЬ
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, НО ПОЗ-
ЖЕ ДАЮТ ПЛОДЫ.

оказывает давление на би-
цепс. Так же и подъем на
предплечье. Бег позволяет
добиваться многого, напри-
мер, тренировать дыхатель-

ную и сердечно-сосудистую систему. Хороший тре-
нер не оказывает чрезмерного давления на твоё
тело. Чрезмерный подъем или слишком много бега
приведут к перенапряжению организма. С другой
стороны, если упражняться слишком мало — не ока-
зывать давления на организм и просто жить, выпол-
няя обычные жизненные задачи, — организм также
не выдержит и состарится раньше срока. Нужно ока-
зать столько давления, сколько требуется, и испы-
тать необходимое количество неудобства и боли.

Библейский автор прав, когда говорит, что стра-
дания приносят боль «в настоящее время», но позже
дают плоды. Именно так происходит и с упражнени-
ями. Когда качаешь руки, такое ощущение, что мыш-
цы только ослабевают. Но позже они становятся
сильнее благодаря этому испытанию. В спортзале ты
чувствуешь, что становишься слабее, и, когда ты по-
кидаешь его, возможно, ты еле-еле поднимаешься по
ступенькам. И в то же время этот опыт слабости,
в случае если твой тренер талантлив, приводит к
увеличению силы.

Очевидно, что неумелый тренер может сильно на-
вредить нам — но наш тренер идеален, Он — Вели-
кий Тренер. «Вас постигло искушение не иное, как

человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил» (1 Кор. 10:13). Это означает следующее. Что бы ни происходило в нашей жизни, оно имеет и предел, и цель. Предел есть. Когда с нами что-то происходит, мы не должны говорить: «Он пытается раздавить меня!» Вспомните, насколько слабыми, истощенными и бессильными вы должны быть в спортзале. Но есть и цель. «Любящим Бога все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Мы не должны говорить: «Я мог бы гораздо лучше бежать по жизни».

Не следует воспринимать все это как игру, будто Бог на небесах играет с нами. Мы должны рассматривать это учение параллельно со всем, что мы узнали о зле как о нарушении, как о враге Божьем. *Он — Бог, скорбящий тогда, когда мы скорбим.*

Во всякой скорби их Он не оставлял их, и Ангел лица Его спасал их; по любви Своей и благосердию Своему Он искупил их, взял и носил их во все дни древние (Ис. 63:9).

Наш Божественный Тренер ведет нас по жизни, сохраняя баланс, и мы должны отвечать той же умеренностью. Автор Послания к Евреям в 12-й главе говорит, что нам не стоит «пренебрегать» наказанием Господним и «не унывать» перед лицом его (Евр. 12:5). То есть мы не должны быть ни стойками, которые просто скрежещут зубами и отказываются принимать страдания как упражнение от Бога, ни становиться «унылыми», сдаваясь, впадая в отчаяние и оставляя Бога. Мы не должны ни ложиться, ни убегать, но мы должны двигаться дальше посредством этих упражнений. И мы должны помнить о страдании Самого Бога. В самом деле, 12 глава Послания к Евреям начинается

с призыва: «Взирая на <...> Иисуса, Который <...> претерпел крест <...> посрамление <...> помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание, <...> чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими» (Евр. 12:2–3).

Именно воззрение на Иисуса позволяет нам функционировать в «Божественном гимнастическом зале». Оно отнимает у нас жалость к себе, когда мы размышляем над тем, что Он претерпел за нас без жалоб. Поскольку Он перенес бесконечные страдания и потери за нас, мы можем претерпеть конечную скорбь и утраты, зная, что за ненавистным злом Бог действует, чтобы привнести в нашу жизнь благодать. Если мы «взираем» на Иисуса, мы в результате можем выйти из опыта боли с чувством полного умиротворения.

Общие темы, связывающие метафоры пещи и спортзала, просто поражают. Оба — опасные места. Неверная реакция может привести к катастрофе. Но правильная реакция может принести красоту и силу. Их не должно избегать — да это и невозможно — и не нужно впадать в панику, когда мы оказываемся в них. Вместо этого нам следует обратиться к Тому, Кто прошел через истинную пещь и пробежал эстафету, когда взошел на крест, к Тому, Кто сейчас стоит и идет рядом с нами в нашем страдании.

Подготовка разума к страданию

Итак, страдания не ведут к росту и положительному результату автоматически или естественным образом. На них необходимо правильно отвечать и терпеть

их с верой. Но что это означает? Пришло время выстраивать конкретный план нашего преодоления боли и страданий. Наш разум и наше сердце должны быть готовы, прежде чем страдания настигнут нас, чтобы последние не привели нас в замешательство. И когда страдание действительно настигает нас, мы должны тонко чувствовать разные его формы и не применять конкретную стратегию так, будто любой его вид можно исцелить с ее помощью.

Как нам подготовиться?

Эффективная подготовка должна быть осуществлена прежде реального опыта обжигающей боли. Как мы уже видели, большая часть основных истин и тем библейского богословия может явиться очень мощным утешением и источником для страждущих. Но чем глубже ты знаешь и понимаешь эти доктрины прежде скорби, тем большим утешением они будут. Как только ты оказываешься в кризисной ситуации, нет времени сидеть и досконально, со вниманием, изучать разные части Библии. Почти четыре десятилетия я являюсь пастырем, и я часто нахожусь рядом с людьми, испытывающими ужасные трудности и молча жалеющими о том, что не выделили время на изучение своей веры до этой волны бедствий, поглотившей их. Как мы уже видели, основные «разумные чувства сердца», помогающие нам перенести страдания — это фундаментальные доктрины веры: сотворение и грехопадение, искупление и воскресение. Нам необходимо осознать эти глубокие и многогранные истины до нашего страдания, иначе мы будем не готовы к нему. Многим из этих уроков очень трудно научиться «по факту», посреди скорби.

Многие аспекты подготовки к страданию просты, но крайне важны. Вам необходимо приобрести достаточно глубокое понимание Библии и иметь

серьезную и достаточно энергичную молитвенную жизнь, чтобы не быть застигнутым врасплох или пораженным скорбью. Богослов Майкл Хортон пишет:

Понимание того, Кто такой Бог, кто мы и каковы пути Господни в сотворении, промысле и искуплении — хотя бы в мере, открытой нам в Писании, — так относится к жизненным испытаниям, как подготовка к экзамену на юрфак относится к правовой практике. Богословие поистине серьезная вещь. Подготовка к этому экзамену — не просто игры разума... Это вопрос жизни и смерти... Он касается правильного ведения жизни и принятия смерти³⁰⁸.

Под термином *богословие* Хортон подразумевает не просто факты. Библия говорит о Слове Божьем как о живой силе (Рим. 1:16; Евр. 4:12); как о сверхъестественном семени, ведущем к постепенному, но устойчивому внутреннему преображению (1 Пет. 1:23); как о том, что раскрывает и просвещает нас, когда мы верим, усваиваем, исполняем и храним его в наших сердцах (Пс. 118:11, 129); и о том, что должно «вселяться в нас обильно» (Кол. 3:16).

Часто упускается одна из элементарных богословских истин. «Возлюбленные! — пишет св. апостол Петр, — огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь» (1 Пет. 4:12–13). Некоторые люди имеют наивное представление: раз они достаточно смысленные или обладают самодисциплиной, или порядочностью, или являются добры-

³⁰⁸ Michael Horton, *A Place for Weakness* (Zondervan, 2006), p. 19.

ми христианами — по-настоящему *плохие* вещи просто не могут с ними случиться. И это всего лишь плохое богословие. Несчастье и беды многих людей, испытываемые во время страданий, удваиваются и утраиваются вследствие не самой проблемы, но шока, связанного с фактом самого страдания, постигшего их *в принципе*.

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ НАИВНО СЧИТАЮТ: РАЗ ОНИ ПОРЯДОЧНЫ ИЛИ ДОБРЫЕ ХРИСТИАНЕ — ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПЛОХИЕ ВЕЩИ ПРОСТО НЕ МОГУТ С НИМИ СЛУЧИТЬСЯ.

С удивлением можно разобратся, если немного поразмыслить с точки зрения богословия. Может, у нас есть не замеченное нами ощущение, что Бог не может позволить хорошим людям страдать от плохих ситуаций. Но Сам Иисус Христос опровергает это. Если Бог допустил, что Совершенный Человек ужасно пострадал (но во имя высшего блага), почему мы думаем, что ничего подобного не может произойти с нами? Мы никогда не страдаем так сильно, как Иисус, поскольку никто из нас никогда не будет использован для достижения спасения. Но нечто подобное может произойти с нами в гораздо меньших масштабах. И, как мы видели, Послание к Римлянам (8:19–23) и книга Бытия (3:16–18) показывают, что мир полон болезней, смертей и природных катастроф вследствие греха в целом. Это проклятие человеческой расы. Мы все ему подвержены — поскольку все мы люди.

В этом вопросе нам могут помочь и другие богословские истины. Мы предполагаем, что должны понимать Его пути благодаря Его бесконечному величию и мудрости. Было бы нелогичным, чтобы все его действия поддавались логике. Как бесконечное, безначальное Существо может управлять нашей жизнью так, чтобы мы всегда понимали все? Мы даже не

всегда полностью понимаем других людей — как же мы можем понимать все, что делает Бог? Поскольку мы грешны, а Он свят, мы не заслуживаем нашей жизни — даже со всеми ее несчастьями. Если бы мы попросили Бога быть абсолютно справедливым и объективным, если бы Он согласился, мы сразу были бы уничтожены.

В этом — и во многих других аспектах — углубление библейских знаний и зрелость богословских размышлений являются незаменимой подготовкой к натиску тьмы и бед.

Подготовка сердца к страданию

Но страдания — это не просто проблема разума («Почему в жизни столько зла и страданий?»), но проблема личности («Как мне это пережить?»). Второй вопрос — не в одной области с первым. Следовательно, мы должны подготовить к страданию не только разум, но и сердце; а значит, достичь постоянной, горячей, богословски глубокой и в то же время экзистенциально разнообразной молитвенной жизни.

Философ Симона Вейль пишет, что скорбящей душе трудно полюбить вообще. Таким образом, она должна заставить себя не оставлять любви к Богу и другим «или по крайней мере иметь желание полюбить, пусть и бесконечно малое». Если в скорби «душа прекращает любить, она падает, даже в этой жизни, и оказывается в месте, практически равном аду»³⁰⁹. Так, когда возникает страдание, Бог, любовь

³⁰⁹ Simone Weil, *Waiting for God* (Harper, 2009), p. 70.

и надежда кажутся воображаемыми. Но если они с самого начала были абстрактными и воображаемыми, тогда почти не существует способов сделать то, к чему призывает Вейль. Страдание становится сродни реке, уносящей нас в отчаяние. Однако, если наше понимание и опыт Божественной любви были изначально глубокими, они могут явиться якорями, помогающими нам сопротивляться водовороту.

Когда разум хорошо подготовлен, возникновение ненастий не поражает нас всецело. Но когда страдание впервые наступает тебя, пропасть между тем, что знает твой разум, и тем, что ты можешь использовать, обратившись к знаниям своего сердца, удивительно широка. Когда приходит беда, тебе нужна Божья помощь для получения конкретных ответов, утешительных мыслей и мудрости, необходимой для ее успешного преодоления. Некоторые из них, возможно, ты уже познал разумом, но Богу нужно сделать их по-новому реальными и соответствующими данному моменту. С другими ты столкнулся впервые и должен их постичь. Но это и есть выживание. Чтобы все это пережить, тебе необходимо присутствие Бога, Который поможет тебе найти свой путь: тебе нужно понимать, осознавать и лелеять многие идеи и истины, которые становятся для тебя могущественными и утешительными.

Есть одна история о человеке, которого поразила пропасть между его разумом и его сердцем. Алвин Плантинга писал:

Перед лицом страдания — собственного или страдания ближнего — [верующему в Бога] может быть трудно поддерживать то, что он считает должным отношением к Богу. Во время глубокого личного страдания или несчастья он может

впасть в искушение и захотеть восстать против Бога, потрясти кулаком перед лицом Божиим или вовсе отказаться от веры. Но это проблема иного измерения. Подобная проблема требует не философского просвещения, но пастырской заботы³¹⁰.

Джон С. Фейнберг был студентом богословского факультета, когда впервые прочел это высказывание Плантинги, но он его до конца не понял. Фейнберг написал: «Я думал, что страждущий должен быть удовлетворен теми рациональными ответами, которые он имеет на вопрос попущения Богом зла»³¹¹. Иногда он встречал христиан, переживших трагедию и имеющих проблемы в отношениях с Богом. Он признает, что был нетерпелив с ними. Но позже, став преподавателем богословия для выпускников, он выяснил, что его жена больна хореей Гентингтона, прогрессирующим расстройством, оказывающим дегенеративное влияние на нервную систему. Оно не только ведет к потере контроля над движениями тела вообще, но и к потере памяти, депрессии и различным формам безумия, включая галлюцинации и паранойю. Ему также сообщили, что, поскольку болезнь передается генетически, то с вероятностью 50% любой его ребенок может заболеть, хотя симптомы не проявляются минимум до 30 лет³¹².

После периода отрицания он это осознал. «В один страшный миг мы поняли, что над всей моей семьей

³¹⁰ Plantinga, *God, Freedom, and Evil*, pp. 63–64.

³¹¹ John S. Feinberg. “A Journey in Suffering: Personal Reflections on the Religious Problem of Evil,”: *Suffering and Goodness*, eds. Morgan and Peterson, p. 214.

³¹² Ibid., p. 215.

висит облако рока»³¹³. С точки зрения разума он имел здравый богословский ответ на эту ситуацию:

Короче, кто я такой, тварь, чтобы противостоять Создателю? Как говорит Павел (Рим. 9:19–21), изделие не имеет права вызывать Создателя в зал суда, полного человеческих нравственных суждений, и обвинять Его в том, что Тот сделал что-то не так. У Бога — полная власть надо мной. Мне казалось, что Бог каким-то образом ввел меня в заблуждение, даже обманул³¹⁴.

Поразительно, что последнее предложение сразу же вытекает из предыдущего — и нет никакого *тем не менее* или *однако*. Фейнберг знал здравый ответ на эту ситуацию с библейской

и богословской точки зрения — Бог имеет право делать что хочет. Он привел его, но затем признал: даже несмотря на то, что разумом он понимал, что Бог не может творить беззакония,

в душе ему казалось, что Бог мучительно предал его. По иронии судьбы, он записал высказывание своего учителя на книге Иова, и его докторская диссертация в Чикагском университете была посвящена проблеме зла. «У меня были все рациональные ответы, но ни один из них не мог изменить моих ощущений»³¹⁵.

Этот человек с помощью разума нашел основанные на текстах Библии, рациональные ответы на

Он знал библейскую истину о зле и страдании как свои пять пальцев, но теперь, когда он на деле оказался в пещи, они ему не помогли.

³¹³ Ibid., p. 217.

³¹⁴ Ibid., p. 218.

³¹⁵ Ibid., p. 219.

проблему страдания, и сделал это на высоком уровне, как ученый. Но когда страдания в действительности настигли его, он ощутил такую безнадежность, что не мог нормально жить. Он знал библейскую истину о зле и страдании как свои пять пальцев, но теперь, когда он на деле оказался в пещи, они ему не помогли. Он не знал, как постичь эту правду с экзистенциальной точки зрения. Он был полон гнева. А вместе с ним он чувствовал богооставленность и Его отсутствие.

Значит ли это, что библейские темы и размышления — ложь, или просто бесполезны? Нет. Фейнберг рассказывает, как в конце концов у него получилось обрести равновесие — только когда он переосмыслил многие библейские истины, уже знакомые ему в целом, но так и не соотнесенные с опытом познания или с реальными чувствами и деятельностью его сердца. Другими словами, он выяснил, что библейская и богословская логика может быть важной для страждущего — в действительности так и происходит, но только после того, как будет проведена серьезная внутренняя работа сердца. Но он сделал вывод: «Многие из этих [библейских] ответов не помогают решить конкретную проблему, а... другие, которые помогают ее решить, не работают на всех этапах опыта того, кто страдает»³¹⁶. Богослов Дон Карсон разъясняет эту мысль:

Миллионы обычных христиан <...> не считают, что проблема [страдания] вообще существует. У них есть удовлетворяющие их богословские ответы: страдание — результат греха; свободная воля означает, что Бог позволяет людям допускать

³¹⁶ Ibid.

ошибки; рай и ад все рассудят... Потом происходит что-то в их собственной жизни, что потрясает их до глубины души... Однако нельзя говорить, что их убеждения в целом не имеют смысла. Дело в том, что <...> христианин должен научиться ими пользоваться, чтобы утешиться ими³¹⁷.

В Библии очень много сказано о страданиях, но одно дело — хранить эти знания на «складе разума»³¹⁸. Совсем другое — понимать, как применять их по отношению к собственному сердцу, жизни и опыту таким образом, чтобы приобрести мудрость, терпение, радость, самопознание, смелость и смирение. Одно дело — верить в Бога, другое — доверять Ему. Одно дело — иметь разумное объяснение попущению Богом страданий; другое — в действительности найти путь через страдания, чтобы не стать более ожесточенным, циничным, унылым и сломленным, но сделаться более мудрым, скромным, сильным, обрести почву под ногами и даже чувство удовлетворения.

Одно дело — верить в Бога,
другое — доверять Ему.

Итак, мы должны заботиться и о разуме, и о сердце. Одной аргументации разума самой по себе недостаточно, когда мы говорим о необходимых вещах в этой жизни, и жестоко забрасывать скорбящего богословскими аргументами о том, что Бог не в ответе за зло, и объяснять, почему его знаний не хватает для понимания этого вопроса. Как гласит одна из библейских притч: «Что снимающий с себя одежду в холодный день, что уксус на рану, то поющий песни печальному сердцу» (Притч. 25:20).

³¹⁷ Carson, *How Long, O Lord?*, pp. 18, 20.

³¹⁸ *Ibid.*, p. 20.

В то же время теория и практика идут рука об руку. Опыт страдания автоматически ведет к возникновению философских вопросов. «Почему? Какой Бог может допустить такое?» Значит, разум необходим, чтобы понять страдание, но его должно использовать не просто со знанием о Боге, а со знанием *Бога*.

История жизни: Сладость жизни с Богом

Авторы: Марк и Марта

Марта: Мой муж Марк сидит в кресле-каталке, он не в состоянии двигаться — движутся только его глаза, и то с огромным усилием. Вот-вот исполнится 10 лет нашему пути.

Все началось с небольшой мышечной судороги, когда Марку было 48 лет, и через месяц наш врач поставил диагноз: неизлечимая болезнь — боковой амиотрофический склероз, или болезнь Шарко. Мы были в браке 25 лет, и у нас было четверо детей. Наша семья всегда была активной, так что скорое ухудшение физического здоровья Марка нас просто ошеломило.

Когда Марк заболел, я оказалась в черной дыре отчаяния. Я не знала, как смогу пережить предстоящую боль. Я просила всех своих друзей молиться, чтобы страх завтрашнего дня не лишил меня радости сегодня — мне было нелегко бороться с этим. Я думала: «Кто я, если не жена Марка?»

Сейчас я понимаю идолопоклонство, которым пропитан этот вопрос, и знаю, почему отчаяние было таким глубоким. Марк для меня был мужем и самым главным кормильцем. По-моему, он шел впереди Бога. Как я выбралась из отчаяния — загадка. Я не

осознавала, что меня «призвали», и в то же время ощущала воскресение. В самом начале мы с Марком цитировали каждый приходящий нам в голову стих, касающийся Божьей заботы. Мы пытались найти способ вбить в свои сердца любовь и верность Бога. Мы опирались на правду, которая была нам понятна, хотя все в нашей жизни говорило об обратном.

Марк (*пишет на компьютере, схватываящем движение глаз*): Когда я был молод, я увлекался спортивными играми и ненавидел сидеть на скамейке запасных. Однажды, сразу после диагноза, я взывал к Богу: мне казалось, что меня снимают с игры, хотя у меня еще есть что предложить. Он ответил: «Раньше ты был на заднем плане; теперь же ты наконец вступаешь в игру». Я опирался на истину — я не вижу многое из того, что делает Бог; в Его системе оно стоит страданий, к тому же моя вера ежедневно испытывается.

«Тело Христово» очень осязаемо проявилось в нашей жизни. Друзья помогали с обедами, предоставляли подарочные сертификаты, занимались нашей лужайкой и вечеринками в честь дней рождения детей, приходили в гости и просто были рядом. Даже через 10 лет этого пути, многие люди все еще поддерживают нас, дарят нам крепость и любовь.

Марта: Вначале было столько всего, что, как мне казалось, я не способна пережить эмоционально. Например, выбор места могилы Марка. Однажды мы с дочерьми пошли искать его. Мы были так нежны друг с другом и даже смеялись. Я чувствовала, как Бог говорит со мной: «Я здесь. Я буду во всех местах, тяжесть которых тебе кажется невыносимой». Тот день был ознаменован ощущением Его присутствия рядом со мной — не только в тот день, но и во всем, что нас ожидало.

Марк: Оказалось, что мне помогает мысленное пение гимнов и негритянских духовных песен — говорить я не могу уже в течение восьми лет. Многие гимны — о страдании и глубоко затрагивают мою нужду в ощущении Его присутствия рядом со мной посреди моей боли. Эти гимны — сокровища, к которым просто не может приблизиться современная христианская музыка. Они чуть ли не лучше всего напоминают нам о том, что этот мир и его заботы — не наш истинный дом. Недавно мне поставили диагноз — неизлечимая болезнь печени. Иногда я говорю, что страдаю несправедливо, но Единственный, несправедливо пострадавший — Иисус. Никакой опыт в моей жизни не может сравниться с разлукой с Отцом, которую Он испытал на кресте. Я смею жаловаться, когда Он пережил эту колоссальную боль ради меня? Помнится, Тим Келлер рассказывал историю о смертельно больном человеке. Тот сказал ему, что не променял бы на долгие годы сладость жизни с Богом, пережитую им в результате болезни. Моя болезнь научила меня тому же.

Марта: В своей утрате мы нашли смысл, цель, радость, рост и цельность. Сколько бы я упустила, если бы уклонилась от этого времени! Посреди всего этого Бог столько дал мне! Я вижу, как переплетаются глубокая скорбь и ярко выраженная сладость. Глубина и богатство жизни проявились в страдании. Сколькому я научилась и насколько слаще стал для меня Иисус.

Виды страдания

Жизнь и есть боль, Ваше Высочество.
Все, кто говорит иначе, пытаются
что-то продать.

Принцесса-невеста (фильм, 1987)

Страдание — важный элемент развития. Те, кто мало страдал, часто ограничены, не знают ни собственных слабостей, ни сильных сторон, имеют наивные представления о человеческой природе и жизни, и почти всегда безвольны и склонны к унынию. Но страдания не делают наш внутренний мир богаче автоматически. Оба образа — печи и спортзала — говорят об этом. Огонь печи может убить, а спортзал — серьезно покалечить. Есть старая поговорка: «Одно и то же солнце растапливает воск и делает глину твердой». Точно так же травматические переживания способны уничтожить одного и укрепить — и даже сделать счастливым — другого. Как можно подготовить себя к перенесению страдания, чтобы в итоге расти духовно?

Помимо уже изученных нами мер крайне важно осознавать выдающуюся разносторонность библейского учения о боли и бедствиях. Один человек страдает от наркозависимости в тюрьме, поскольку он напал на другого и покалечил его в приступе ярости. Жизнь другого человека радикально меняется, когда он случайно убивает семилетнего мальчика, который внезапно выбегает на дорогу перед его машиной. Молодая мать с тремя маленькими детьми умирает от опухоли мозга. Семья с подростками безутешна, когда отец совершает самоубийство. Наконец, у молодой пары только что родился ребенок с серьезными отклонениями. Все эти люди страдают, но причины и вид их боли и муки сильно разнятся.

В библейских текстах соответственно описаны многие виды страдания с указанием на такое же разнообразие возможных реакций. Универсальный рецепт перенесения страдания обязательно потерпит поражение, поскольку страдание облекается в большое количество форм, но и нрав, и духовные условия самих страдальцев такие разные. Библия запрещает нам использовать единый шаблон для борьбы с болью и скорбью, но современные люди склонны все упрощать. Мы живем в технологическом обществе и ждем элементарного руководства к действию. В то же время для страдальцев нет ничего менее практичного, чем мысль о том, что существует всего один набор практических шагов для улучшения их ситуации.

В начале своего пастырского служения я общался с женщиной, находившейся в бракоразводном про-

цессе. Я дал ей почитать книгу с проповедями одного священника, что существенно продвинуло ее вперед. «Эта книга спасла мне жизнь!» — говорила она мне. Будучи уверен в том, что у меня есть прекрасный инструмент пастырской опеки, через год я дал ту же книгу другой женщине, чей брак распадался. Обстоятельства развода казались мне такими же. Ее реакция

оказалась совсем иной — некоторые части книги привели ее в замешательство, другие — расстроили. Я понял, что нельзя предполагать, будто каждому, кто страдает, необходимо одно и то же лекарство.

Нельзя предполагать, будто каждому, кто страдает, необходимо одно и то же лекарство.

Вскоре после того, как меня оперировали и лечили от рака щитовидной железы, я встретил женщину с раком груди. «Я тоже пережила рак», — сказала она мне и стала рассказывать, как она перенесла болезнь. В течение всего разговора мне было неуютно. Она приняла меня за такого же страдальца, и действительно, мы оба испытали невероятный шок, когда врач произнес: «У вас злокачественная опухоль». Но, в отличие от нее, я не прошел через радикальное хирургическое вмешательство и необратимые перемены в моем организме, и у меня не было такой же вероятности рецидива. Пока она делилась своим опытом, меня поразило не только то, насколько по-разному мы страдали, но и то, насколько разным было восприятие и мысли, утешавшие и укреплявшие каждого из нас. Я осознал, что многое из того, что позволило мне пережить рак, было бы бессмысленно для нее, а многие идеи и опоры, поддерживавшие ее, были бесполезными для меня.

Таким образом, мы не можем эффективно бороться со своим страданием — или помогать другим

с ним бороться — до тех пор, пока мы не узнаем о его видах. Давайте посмотрим на четыре типа страдания, о которых повествует Библия, у каждого из них — свое основание и характерный для него вызов.

Иона, Давид и произвольные страдания

Один тип страдания прямо зависит от наших собственных ошибок. Женщина хочет быть успешной в бизнесе, будучи беспощадной и жестокой в течение всего восхождения по карьерной лестнице. Однако со временем она обнаруживает, что у нее все меньше друзей и соратников. Когда она принимает решение, приводящее к потерям ее фирмы, она узнает, что команда ее не поддерживает. В результате без долгих рассуждений ее увольняют, а ее репутация сильно страдает из-за того, что враги по «сарафанному радио» охотно преувеличивают ее ошибки. Желанной карьере конец, постепенно она понимает, что виной тому — ее собственное жестокое и глупое поведение. Приведем другой пример. Женатый человек имеет случайную связь в командировке и вскоре разоблачен. Его брак быстро распадается, а он оказывается отчужден от своих детей навсегда. Страдания вместе с чувством вины и позора ведут к душевным мукам.

Этот первый тип страдания показан на примере жизни библейских личностей Ионы и Давида. Короткая книга Ионы рассказывает, как пророк пережил два очень разных, но болезненных события. Сначала Бог навел на море суровую, опасную для жизни бурю. Затем, когда Иона наслаждался тенью и красо-

той некоего вьющегося растения, Бог навел «червя» и «восточный ветер», чтобы уничтожить растение, и это глубоко огорчило его. Почему? Иона не ответил на изначальный призыв Бога проповедовать ассирийцам в Ниневии. Потом он был вне себя от ярости, что Бог не уничтожил их. Иона был исполнен ненависти к этим людям, и Бог использовал бедственные обстоятельства, чтобы показать ему зло в его собственном сердце. Поэтому все для него пошло не так. Он чуть не утонул в бурю. Его смертельные враги избежали петли. Знойный восточный ветер просто уничтожил его уютное, тенистое жилище. Но Бог пытался открыть нечто Ионе — Он пытался его разбудить.

Так же, когда жизнь царя Давида разладилась, это произошло вследствие конкретного греха. Посредством страдания Бог передавал ему конкретную мысль. Давид нарушил закон Божий, имея связь с Вирсавией, чужой женой, и будучи виновным в смерти ее мужа. Тогда юный сын Давида и Вирсавии заболел и умер. И Давид понял, что Бог велит ему измениться, иначе он потеряет корону и жизнь.

Бог «наказывал» Давида и Иону за грехи? Не совсем. В Послании к Римлянам (8:1) сказано, что для верующего «нет никакого осуждения». Проще говоря, это значит, что раз Иисус принял наше наказание и оплатил за наши грехи, Бог не может взыскать с нас эту плату повторно. Бог не требует с верующего «воздаяния» благодаря Иисусу, и если бы Он действительно наказывал нас за грехи, мы бы давно умерли³¹⁹. Но Бог часто делает так, чтобы некий

³¹⁹ Я знаю, что Иона и Давид не были новозаветными верующими во Христа, поэтому заявления Павла о верующих «во

аспект нарушения мирового порядка (вызванного грехом в целом: Быт. 3; Рим. 8:18 и далее) проявился в нашей жизни, дабы мы пробудились и обратились к Нему. Насколько это будет сурово, зависит от нужды нашего сердца.

Очень важно отличать страдание, «как у Давида», от страдания, «как у Иова», в этих случаях страдание не является прямым следствием твоих действий. Христианин, у которого лимфома, не должен считать, что его наказывают за грехи, но, с другой стороны, он не должен упускать возможность укорениться в Боге и открыть целый духовный мир внутри себя и мудрость, к которым в противном случае у него не было бы доступа.

Воспользуемся следующим образом. Допустим, один мужчина обручается пять раз подряд, и всякий раз расстается со своей невестой. Каждая невеста имеет некий личный недостаток, и он в каждом случае приписывает вину ее дефектам. Но на самом деле его собственный перфекционизм и чувство морального превосходства и являются главными причинами неудачи в отношениях. Это — его глубокая мертвая зона. Итак, возможно, один особенно жестокий разрыв может потрясти его до глубины души и нако-

Христа» не могут быть прямо отнесены к ним. Сравнение статуса ветхозаветных праведных иудеев и новозаветных христиан — сложная тема. Но для нашей цели мы должны задать себе вопрос: наказывает ли нас Бог страданием за наши грехи? Лучший ответ, не воздающий должное библейскому тексту: строго говоря, мы не получаем справедливого наказания за грехи. Иисус принял его. Но может ли Бог привнести в нашу жизнь плохое в качестве «исправительного наказания», как это делает родитель, наводя болезненные последствия на жизнь ребенка, чтобы научить того послушанию? Библия говорит «да».

нец показать ему, что он и есть источник сих несчастий. Его страдания и мучения — сигнал тревоги: ему нужно изменить нечто конкретное в своей жизни. Страдание может быть единственным способом привести такого человека к смирению и указать ему на собственные недостатки. В 18-м псалме Псалмопевец говорит: «От тайных дел моих очисти меня». Как правило, только беды и трудности могут открыть нам это.

Павел, Иеремия и страдание предательства

Итак, есть страдания, вызванные плохими поступками. Но есть и страдания, вызванные хорошим и смелым поведением. Такое поведение может послужить поводом к предательству или нападкам со стороны других. В Библии именно этим вызвана большая часть страданий св. апостола Павла, а также пророка Иеремии. Павла постоянно били, сажали в тюрьму, на него нападали его же народ и язычники. Однажды в своих посланиях Павел дает неполный список того, через что он прошел, будучи вестником Божиим:

Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях

на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквях. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? (2 Кор. 11:23–29).

Иеремия тоже был закован в колоду и взят под арест только за то, что «власть имущим говорил правду» (Иер. 20:1–6). Сегодня во многих частях мира за публичную критику правительства или преобладающих религиозных и культурных институтов тебя могут избить, посадить за решетку или убить. В нашей культуре очень даже возможно стать объектом политического нападения в своей фирме или районе, если ты не скрываешь своей приверженности к непопулярной идее. Но вероятность возрастает, если такое предательство происходит просто вследствие ухудшения личных отношений. Когда кому-то кажется, что ты его обидел, этот человек может попытаться причинить тебе боль или разрушить твою репутацию. Часто тот, кого, как тебе казалось, ты хорошо знал, может от тебя отвернуться и напасть на тебя, потому что это продвинет его по карьерной лестнице или сыграет ему на руку. Личное предательство особенно ужасно; подобное испытание может склонить тебя к злобе и обиде, которые будут вытягивать из тебя силы.

При первом типе страдания ты должен научиться покаянию, в этом же случае — придется бороться с вопросами, касающимся прощения. Тебя подстере-

гает следующее искушение: впасть в состояние обиды и скрывать постоянно растущую ожесточенность и бессердечие за маской благородной жертвы. Действительно, противостояние и погоня за справедливостью часто необходимы, но ты должен прибегать к ним без желания отомстить — с ним твой опыт превратит тебя в худшего, а не в лучшего человека.

Мария, Марфа и страдание утраты

Есть страдания, наполняющие тебя раздражением и чувством обиды, а есть такие, которые обрушиваются на тебя тяжестью скорби. Некоторые называют такое страдание «универсальным», поскольку в конце концов оно касается каждого, вне зависимости от того, хорошо он себя вел или плохо. Это скорбь и утрата перед лицом смертности, расстройств сил и смерти. В Библии нам дан такой пример: Иисус утешает Марию и Марфу, которые только что лишились брата и скорбят по нему.

Все мы знакомы с подобным страданием, однако даже в рамках этой категории вариации практически бессчетны. Одно дело — увидеть смерть супруга после пятидесяти лет брака, другое — когда маленькие дети остаются одни. Одно дело — умереть, что неизбежно, в восемьдесят, другое — в тридцать лет. Утрата родственника, с которым у тебя были хорошие отношения — это один тип скорби; другой — когда между вами были нерешенные проблемы, и твоя скорбь пропитана чувством вины и обидой. К тому же существуют разные формы расстройства сил и смерти. Есть медленное, но верное старение, а есть —

быстрая смерть в автомобильных катастрофах, при потопе и под обвалами.

Ухудшение здоровья и смерть — утрата дома и родных — вообще неизбежны, поэтому их можно назвать универсальным страданием. С этими утратами могут быть связаны вопросы, требующие изучения самого себя и покаяния, или противостояния и прощения. Но в целом в скорби христиане должны научиться обращать свой разум и сердце к тем разнообразным видам утешения и надежды, которые им предлагает их вера. Павел наставляет

В СКОРБИ ХРИСТИАНЕ ДОЛЖНЫ НАУЧИТЬСЯ ОБРАЩАТЬ СВОИ РАЗУМ И СЕРДЦЕ К ТЕМ РАЗНООБРАЗНЫМ ВИДАМ УТЕШЕНИЯ И НАДЕЖДЫ, КОТОРЫЕ ИМ ПРЕДЛАГАЕТ ИХ ВЕРА.

группу скорбящих верующих и говорит: не «скорбеть, как прочие, не имеющие надежды» (1 Фес. 4:13); и «Мы не унываем... Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную сла-

ву, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое» (2 Кор. 4:16–18).

Иов и страдание-тайна

Наконец, существует тип страдания «ничего из перечисленного», хотя он и может пересекаться с вышесказанным. Это то таинственное, неожиданное и ужасающее страдание, которое люди чаще всего называют «бессмысленным». Можно утверждать, что именно на такое страдание Библия обращает больше всего внимания. В 43-м псалме его авторы, «Сыны Кореевы», взирают на опустошенные земли и вопрошают Бога:

Все это пришло на нас, но мы не забыли Тебя и не нарушили завета Твоего. Не отступило назад сердце наше, и стопы наши не уклонились от пути Твоего, когда Ты сокрушил нас в земле драконов и покрыл нас тенью смертною... Для чего скрываешь лице Твое, забываешь скорбь нашу и угнетение наше? (Пс. 43:18–20, 25).

Этими возгласами наполнена Псалтирь, а также страницы книг таких пророков, как Аввакум и Иеремия. И есть Иов. Библия повествует о Давиде, Павле, Марии и Марфе — всех, кто ужасно страдал. Но Библия обращает куда больше внимания на страдания Иова. Причины других типов скорби легко определить — моральная ошибка, гонения и предательство, неизбежность смерти. И в каждом случае сложно бороться с вытекающими из этого эмоциями вины, злобы и скорби — однако они естественны. Но существует страдание совсем «как у Иова». Страдания Иова были необычайными. Все его дети были убиты в один момент. Все его богатство исчезло в мгновение ока. Это не самые универсальные несчастья человеческой жизни, и они не были вызваны моральными падениями Иова или гонениями и предательством. Когда люди испытывают ужасные, необычные по своей суровости страдания, страдалец скорее наполняется не чувством вины или обиды по отношению к другим, и не скорбью в чистом виде, но гневом на жизнь и Самого Бога.

Когда все в жизни Иова пошло не так, сначала он искал конкретный грех, за который его покарали. Или хотя бы ясный урок от Бога, которому он должен был научиться. В общем, он хотел узнать, что именно в его жизни явилось причиной всему этому. Друзья Иова также искали грехи и то, над чем Иову нужно

было поработать. Но в его жизни не было ничего такого, чего ждал от него Бог. На самом деле, в этом и был смысл страданий Иова. Его вели к тому, чтобы он слушался Бога просто ради Самого Бога, а не чтобы получить что-то или чего-то добиться.

Итак, страдания Иова — это не кара и не урок, направленный на изменение конкретного недостатка его жизни. Но это не значит, что они не были мощным средством как для личного роста Иова, так и для славы Божьей. Иов тщетно искал конкретного «урока», но в реальности уроком оказалось откровение обо всем укладе его жизни и о необходимости основывать его целиком, всем сердцем, на Боге. Однако путь был очень долгим — от начала до конца книги Иова, где тот начал это осознавать. Когда такое таинственное, необъяснимое страдание касается нас, наш путь также долг. Вполне возможно, что нам придется покаяться, простить и обратить взор к нашим надеждам. Страдания «как у Иова» требуют продолжительной искренней молитвы и плача, трудоемкого осознанного доверия к Богу и того, что блаженный Августин называл «переупорядочением наших отношений любви».

Разница в характере

Однако разнородность страдания заключается не только во внешних факторах, но и во внутренних — личность и темперамент тех, кто столкнулся со скорбью, разнятся.

Классический трактат Симоны Вейль «Любовь к Богу и несчастье»³²⁰ является одной из лучших по-

³²⁰ Weil, *Waiting for God*, pp. 67ff.

пыткок рассмотреть различные аспекты опыта страдания. Этот французский философ и активистка называет душевную боль, вызванную страданием, французским словом *malheur*. Точного синонима в английском языке нет. Оно несет в себе и рок, и чувство безнадежности. Возможно, самым точным английским словом было бы *affliction* («несчастье, скорбь»). Вейль пишет, что несчастье «переворачивает жизнь и более или менее равносильно смерти... Вся душа исполнена ужаса»³²¹. Вейль разграничивает понятия страдания, внешних обстоятельств в мире и несчастья, которое является внутренним опытом боли и печали. Далее Вейль пытается очертить то, что считает различными аспектами этого опыта.

Вейль отмечает, что одной из характерных черт несчастья является *изоляция*³²². Между нами и даже самыми близкими друзьями появляется барьер. Одна из причин состоит в том, что ты, страждущий, внезапно ощущаешь пропасть, возникшую между тобой и почти всеми, кто не испытал подобного. Людям, которые, как тебе раньше казалось, разделяли твой опыт, он стал чужд. Эндрю Соломон в своем исследовании родителей, чьи дети глухи, страдают аутизмом и шизофренией, или имеют другие отклонения, доказывает, что их личность меняется³²³. В каком-то смысле это касается всех, кто находится перед лицом глубокого несчастья. Из-за серьезных страданий ты становишься другим человеком, и меняется твой взгляд на некоторых близких тебе людей. Но причиной изоляции также

³²¹ Ibid., p. 68, 70.

³²² Ibid., p. 68.

³²³ Solomon, *Far From the Tree*.

являются друзья, которые просто не вмешиваются. Почему мы так часто избегаем тех, кого постигло несчастье?³²⁴ Может быть, дело всего-навсего в чувстве некомпетентности — мы не знаем, что говорить и делать. Может быть, мы просто боимся втянуться в боль страждущего и утонуть в ней.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ЧАСТО ИЗБЕГАЕМ ТЕХ, КОГО ПОСТИГЛО НЕСЧАСТЬЕ? МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ГОВОРИТЬ И ДЕЛАТЬ. МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ ПРОСТО БОИМСЯ ВТЯНУТЬСЯ В БОЛЬ СТРАЖДУЩЕГО И УТОНУТЬ В НЕЙ.

Некоторые уклоняются от такого человека, потому что нам, как и друзьям Иова, нужно верить, что несчастный каким-то образом сам виноват или был недостаточно мудр, чтобы избежать этого. Так мы убеждаем себя, что с нами подобного не произойдет. Столкнувшийся

с бедствиями бросает нам вызов — мы должны признать, а не отрицать тот факт, что подобные серьезные испытания могут коснуться кого угодно и когда угодно.

Второй аспект несчастья можно назвать *имплозией*. Острая физическая боль неизбежно заставляет человека погрузиться в себя. Ты не можешь думать больше ни о ком и ни о чем — существует только страдание и необходимость его прекратить. Точно так же душевная боль может буквально втянуть нас в самих себя, так что мы практически не будем замечать происходящего с другими. Во «Властелине колец» Кольцо Всевластья делает так, что главным становится эго. И когда Сэмуайз надел кольцо, «все вокруг сделалось смутным, а сам он стоял в этом туманном мире, как плотная черная

³²⁴Weil, *Waiting for God*, p. 69.

скала»³²⁵. Со страданием то же самое; оно может сделать так, что ты и твои потребности станут плотными, реальными, а все остальные заботы — смутными, туманными и несерьезными. Эта увлеченность самим собой может лишить человека способности давать, получать и чувствовать любовь. Есть оцепенение, одержимость происходящим с тобой. Вероятно, ты не сможешь «выкарабкаться из себя» и думать о других, служить им, любить их, и даже чувствовать их любовь. За этим всем стоит, по словам Вейль, полная утрата ощущения Бога. «Вследствие несчастья нам может показаться, что Бог отсутствует, больше, чем мертвец, больше, чем свет в крошечной тьме камеры... В Его отсутствие нечего любить»³²⁶. Разумом мы можем осознавать, что нас любят, и даже верить, что Бог нас любит, но сердце не чувствует этого.

Третьей чертой несчастья является ощущение неизбежного рока, безнадежности и осуждения. Частично причиной тому — стыд, который сложно заметить. Он практически не осознанный. «Несчастье ожесточает и обескураживает нас, поскольку оно, как раскаленное железо, клеймит душу презрением, отвращением, даже ненавистью к себе и чувством вины и осквернения, которые по идее должны происходить из преступления, но по факту не происходят»³²⁷. Другими словами, мы должны чувствовать вину, когда поступаем неправильно — но обычно этого не происходит. Только когда нас постигает глубокое страдание, мы размышляем, не наказание ли это, и начинаем искать и признавать

³²⁵ Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Две крепости. Пер. с англ.: Н. Григорьева, В. Грушецкий.

³²⁶ Ibid., p. 70.

³²⁷ Ibid.

свои прегрешения. А найти их несложно. Хотя то, что было нашей ошибкой, может быть, и не имеет прямой связи с несчастьем, это несчастье обостряет осознание своих недостатков и слабостей. Такое чувство осуждения даже свойственно западной культуре, в которой все усилия направлены на то, чтобы представить страждущих жертвами, которые не несут никакой ответственности за произошедшее.

Обычно четвертым аспектом несчастья является *гнев*. В зависимости от причины и контекста несчастья гнев может быть направлен на разные объекты. Можно гневаться на самого себя, или раздражаться на тех, кто тебя обидел или подвел, или злиться именно на Бога, или в целом на несправедливость и пустоту жизни.

Вейль также указывает на конечное следствие несчастья, которое часто возникает и отравляет душу. Это *искушение* — склонность к соучастию в преступлении. Страдание способно «постепенно превратить душу в своего сообщника, отравляя ее ядом бездеятельности». Мы соучаствуем в несчастье, нам уютно в нашем неуютном положении, мы довольны своим недовольством. «Такое сообщничество препятствует всем возможным попыткам облегчить свою участь; оно настолько завладевает человеком, что он не ищет способа спастись, а иногда даже... теряет желание спастись»³²⁸. Ты можешь почувствовать себя благородным, а жалость к себе сладка и затягивает. Или несчастье может быть отличным предлогом совершать такие поступки, которые ты не смог бы оправдать в противном случае. А может быть, на подсознательном уровне тебе кажется не-

³²⁸ Ibid., p. 71.

обходимым отплатить за грехи, и страдание — верный способ.

Будучи священником и страждущим, я считаю анализ несчастья, проведенный Симоной Вейль, очень глубоким. Он также объясняет, насколько сложным и разносторонним состоянием может быть несчастье. Эти факторы — изоляция, имплозия и оцепенение, гнев, чувство осуждения и стыда, и искушение погрузиться в страдание — будто элементы химического соединения. Можно утверждать, что почти все они в какой-то степени присущи любому несчастью, в зависи-

СТРАДАНИЕ СПОСОБНО ПРЕВРАТИТЬ ДУШУ В СВОЕГО СООБЩНИКА, ОТРАВЛЯЯ ЕЕ ЯДОМ БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ТАКОЕ СООБЩНИЧЕСТВО НАСТОЛЬКО ЗАВЛАДЕВАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ, ЧТО ОН ИНОГДА ДАЖЕ ТЕРЯЕТ ЖЕЛАНИЕ СПАСТИСЬ.

мости не только от каузальных обстоятельств, но и от отдельной личности. Люди с разными характерами, разного пола и из разных культур имеют разную эмоциональную реакцию. У них также разные внутренние ценности и обязательства. Например, отец может очень сильно любить своих детей, но личностно быть привязанным именно к карьере. Его жена может отдаваться работе, но считать, что ее цель — обеспечить благополучие своих детей. Итак, если произойдет крах карьеры, муж будет более «обескуражен» и подавлен; если же ребенок получит серьезные увечья, мать может испытать большую безутешность, чем отец. Одно несчастье — разные реакции, поскольку они идентифицируются с разными вещами.

Таким образом, перечисленные Вейль элементы могут существовать в самых разных пропорциях и в каждом случае находиться в разнообразных, сложных взаимоотношениях друг с другом.

Итак, каждое несчастье уникально. Это значит, что каждый страждущий должен найти свой путь для его преодоления. Когда Джон Фейнберг узнал о тяжелом физическом состоянии своей семьи, он погрузился во тьму. Он вспоминает, как его друзья приходили и пытались подать ему мысли и идеи для преодоления этих непростых времен. Большинство из них являлись лишь размышлениями о богословских истинах. Для передачи своего опыта он представил два списка.

В один список входили слова, которые он мысленно признавал истинными, но в то время они его раздражали или вообще ввергали в уныние. Многое из сказанного друзьями Иова о Боге было верно в целом. Они говорят, что в итоге любое зло будет наказано, и что Бог доволен праведниками, и что Бог справедлив, и что мы не понимаем путей Божьих — они вне понимания нашего слабого ума. Да — все это верно. Однако Иов называет их «жалкими утешителями» (Иов 16:2), и в конце Бог осуждает его друзей за их реакцию на Иова. Почему? Они все сказали верно, но не к месту употребили эти истины. Библейский ученый Дон Карсон пишет о друзьях Иова:

Можно использовать богословие и богословские аргументы так, что они скорее ранят, чем исцелят. Богословие и богословские аргументы ни при чем; виноват «жалкий утешитель», хватающийся за неуместный отрывок истины. Может быть, он говорит правду не вовремя, или ведет себя снисходительно, или не проявляет чувствительности,

или его истинное богословие выражено в культурных клише, которые скорее раздражают, чем утешают³²⁹.

Фейнберг упоминает некоторые из его «жалких утешений». Кое-кто из друзей говорил, что Бог часто использует одну проблему, чтобы уберечь нас от других, с которыми мы не столкнемся. Он знал, что вообще это может быть правдой, но ему стало только хуже. Какая проблема может быть хуже, чем многолетнее наблюдение за женой, которая умирает? Другой человек говорил: «Что ж, все мы умрем от чего-то. А ты просто знаешь заранее, от чего умрет твоя жена». Фейнберг отвечал разумно: хотя это так, большинство людей *не* хочет этого знать. Другие люди открывались и рассказывали об ужасах, произошедших с ними, чтобы сказать: «Я понимаю твои чувства». Фейнберг реагировал так: «Мне помогает не знание того, что вам знакомы мои чувства, а знание, что вам не все равно!»³³⁰

Возможно, самой типичной и бесполезной «поддержкой» был ряд утверждений «мы знаем, что все к лучшему и нам необходимо доверять Богу». Джон Фейнберг был профессором систематического богословия в магистратуре. Он и так в это верил. Он написал уйму трактатов на эту тему. Но чем чаще он это слышал от других, тем больше росло его чувство вины. Ему не позволялось стенать, или выть, или восклицать, как Давид в Псалтири или Иов. Ему не-

³²⁹ D. A. Carson, *For the Love of God: A Daily Companion for Discovering the Treasures of God's Word*, vol. 2 (Crossway, 1999), February 17. — http://s3.amazonaws.com/tgc-documents/carson/1999_for_the_love_of_God.pdf

³³⁰ Feinberg, *Journey in Suffering*, p. 222.

явным образом давали понять, что раз его сердце не несет мира в себе, когда он знает о мудрости и благодати Бога, он духовно незрелый³³¹.

Важно отметить, что список «того, что не помогло» состоял из реальных истин, которые неправильно применили. Их выразили либо неумело, либо не вовремя, не к месту. Он обратился к списку «Того, что помогло», и процесс исцеления начался — это набор истин, примененных в правильном порядке и должным образом. Один друг Фейнберга однажды говорил с ним об идее, которая вызывала у того чувство вины — «радость в страданиях». Этот друг отметил: это не значит, что он получает радость от страданий — это мазохизм. «Тебе нужно научиться жить с этим, необязательно это любить», — говорил он. Смысл в том, что Фейнбергу нужно было научиться больше радоваться Богу и Его любви, но зло есть зло и всегда несет боль³³². Наконец до него «дошло». Его также поддержал и утешил его отец. Он сказал, чтобы тот не ожидал прочувствовать благодать и силу Божью на все испытание прямо сейчас. Он был в ужасе: он думал, что ему придется увидеть смерть как минимум одного ближайшего родственника, и он просто не выдержит. Но, как отметил его отец, он еще не столкнулся с ней и поэтому не должен иметь достаточно сил сейчас, чтобы преодолеть еще не свершившееся. «Бог не обещал даровать завтрашнюю благодать на сегодняшний день. Он обещал сегодняшнюю благодать на сегодня, а большего тебе не нужно» (Мф. 6:34). Еще одно откровение.

После того как эти небольшие, но важные лучи света прорвались в его жизнь, Фейнберг начал снова

³³¹ Ibid., p. 223–224.

³³² Ibid., p. 224.

ощущать Божественную любовь и Его присутствие, которые все усиливались. И он начал возвращаться к тому, что уже знал — о происхождении зла и страданий, о мудрости и владычестве Бога, о жертвенном страдании Иисуса на кресте ради него. Мало-помалу он переоценивал все истины, рассматривая их с новой точки зрения, по отношению к своему сердцу и миру — с той стороны, с которой они внезапно ему открылись. Так, все явилось ему в новом свете.

Случившееся с Фейнбергом полезно для любого человека. Но меня, священника, просто поразили эти два списка. Я заметил, что некоторые вещи в «удручающем» списке — это то, что, по моему опыту, очень поддерживало страждущих, а некоторые вещи в «ободряющем» списке — это мысли, которые раздражали и злили их. Таким образом, разнообразие страдания удивительно.

В течение нескольких лет я постепенно осознал, что большинство книг на тему страждущих и для них хотя и обращались к ним с обобщенными идеями (например: «Когда вас постигло страдание, размышляйте так...»), на самом деле выделяли конкретный вид скорби или человека, к которому обращались. Некоторые из страждущих склонны поддаться жалости к себе и гордости, считать себя благородным мучеником. Им необходимо мягко противостоять. Другие склонны поддаться чувству стыда и ненависти к себе. Их необходимо успокоить.

Некоторые книги о страдании придерживаются практического подхода. В них говорится о необходимости «использовать» свою печаль, извлечь из нее урок. В самом деле, некоторым людям надо воспользоваться этим периодом, чтобы внести очевидные, необходимые изменения в свою жизнь. Например, человек, слишком увлекшийся обладанием и тратой

крупных денег, во время болезненного разорения бизнеса должен указать себе на свою жадность и внутреннее равенство собственного капитала и собственного достоинства. Правильно также рассуж-

БОГ НЕ ОБЕЩАЛ ДАРОВАТЬ ЗАВТРАШНЮЮ БЛАГОДАТЬ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ. ОН ОБЕЩАЛ СЕГОДНЯШНЮЮ БЛАГОДАТЬ НА СЕГОДНЯ, А БОЛЬШЕГО ТЕБЕ НЕ НУЖНО (Мф. 6:34).

дать о плане Бога-Владыки на нашу жизнь, о том, как он пользуется болью и трудностями, чтобы привлечь наше внимание, и как он извлекает хорошее из плохих обстоятельств. Но как быть с молодыми родителями, только

что лишившимися пятилетней дочери, которую сбила машина? Неужели им в первую очередь стоит сообщить: «Бог пытается привлечь ваше внимание. Обязательно извлеките из этой ситуации урок! Что вам стоит изменить?» Родители с оправданной резкостью ответят: «Что это за Бог, который жертвует невинной девочкой, чтобы преподать нам “духовный урок”?!»³³³.

Не стоит забывать о том, как важно постигать истину в правильном порядке. Так, важно знать, что все происходящее, даже самые ужасные события, находится под мудрым руководством Бога и соответствует Его замыслу, и что Он обещает преодолеть самые худшие обстоятельства и воплести их в план во имя высшего блага. Может, на это важное учение необходимо сразу указать человеку, пере-

³³³ Джон Фейнберг рассказывает об одном своем студенте и его жене. У них родился ребенок, который вскоре умер. Один человек очень искренне сказал им: «Наверное, хорошо, что ваш сын умер... Вдруг он стал бы наркоманом... Бог заранее знает об этом, и, вероятно, Он оградил вас от этих проблем». Feinberg, *Journey in Suffering*, p. 221.

жившему разорение вследствие собственной алчности. Но его нельзя в первую очередь приводить скорбящим родителям погибшего малыша, даже если, в конечном итоге, чтобы исцелиться, им необходимо написать его на собственном сердце и прибегать к нему.

Мы видим, когда дело касается страдания, оно имеет разнообразную форму, характер и направление. В Библии существует целый набор истин о страдании, и эти разные истины необходимо применять в разном порядке, в зависимости от обстоятельств, стадии и характера страждущего. Но эти истины и идеи также по-разному выражаются. Когда у моей жены Кэти наступают самые темные времена, кроме Библии только пастырские послания бывшего работорговца и автора гимнов XVIII века Джона Ньютона находят подобный отклик в ее сердце. Стиль его прозы возвышенный и несколько архаичный, и многие люди, которым больно, не способны прочесть сотни страниц его посланий, как Кэти, и чувствовать глубокое удовлетворение. Например, может показаться, что принцип «Бог управляет всем» — холодный и несет в себе угрозу. Но когда мы с Кэти встречаем афоризм Джона Ньютона: «Все, что Он посылает, необходимо; все, что Он скрывает, не может быть необходимым», — нам будто бросают вызов, и в то же время мы утешаемся им. Часто в темные времена нам помогает выражение, которое является конкретным стихотворением, или историей, или цитатой, или библейским стихом, или песней, или темой, или гимном. Строка-другая становятся «радиоактивными», и мы размышляем о ней, и в итоге она просвещает нас, утешает, успокаивает и исцеляет, уменьшая опухоль гнева и отчаяния.

«Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 22:4). Оказывается, из этой долины ведет не одна тропа. И Господь, идеальный Проводник, поможет найти лучшую для тебя.

История из жизни: Покорность — не поражение

Автор: Глория

По большей части моя жизнь шла без потрясений. Я росла в христианской семье, и первой молитве меня научила бабушка по матери. По благодати Божией, меня призвали ко Христу в 16 лет, и в тот же год меня крестили. Господь благословил меня: дал мне прекрасное образование, стабильную карьеру, возможность путешествовать по миру и крепкое здоровье.

В августе 2013 года, в шестьдесят семь, я планировала уйти на пенсию. Моей целью было заниматься духовной деятельностью в таком объеме, который мне был недоступен в процессе работы. Однако мои планы на пенсию не включали рак легких, отобразившийся на КТ. Дальнейшие тесты подтвердили присутствие опухолей на обоих легких и метастазы — в мозге и лимфоузлах. Итак, мой диагноз — генетические изменения при раке легких у некурящих. Мне назначили химиотерапию, не надеясь на исцеление или ликвидацию опухолей.

Где был Бог, когда произошло это мрачное событие? Во-первых, Он был со мной, когда рак вообще

был обнаружен, ведь у меня не было симптомов. Во-вторых, он укрепил мою веру в Его замысел, без страха. Рак легких — это захватчик, приходящий бесшумно. Он атакует без предупреждения — наносит физический ущерб, а еще вселяет страх неожиданного сокращения жизни. Но Иисус, Пастырь-Целитель, дарует мне умиротворение через Свою милосердную любовь.

Все это время я держалась за молитву, которой научила меня бабушка: «Благодарю Тебя, Небесный Отче, за еду и питье, за мир и радость. Да будет воля Твоя». Мне не нужно было спрашивать «почему я?» и «почему теперь?» Я молилась не о чуде исцеления, но о сохранении веры в Иисуса, Господа и Владыку. Я подчинилась Его власти: Он не только мог даровать мне чудесное исцеление от болезни, Он есть Сын Божий, способный даровать жизнь — вечную жизнь. Я знала, что Иисус проведет меня через долины, в которые мне предстояло войти.

Поскольку первая химиотерапия сразу привела к полному уменьшению опухолей мозга, мне очень хотелось, чтобы с легкими было так же. Но после девяти месяцев последующего лечения нет признаков уменьшения опухолей в легких. Наша стратегия на сегодняшний день — сдерживать их. Моей новой нормой стало ожидание результатов КТ раз в три месяца.

Однако вместо того, чтобы отнестись к стабильному состоянию опухолей положительно, мне стало казаться, что я проиграла, и я винила себя в том, что не попросила большего вмешательства. Я впала в уныние и не ощущала умиротворения Иисуса в ежедневной тишине. Я испытывала не физическую боль, но душевную горечь, а она исходила только от меня самой. Но Бог в очередной раз обратился ко

мне с побуждением из книги Притчей 3:5: «Надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой». Для веры в Иисусе необходимо большее, полное и абсолютное, постоянное подчинение Его воле. Благодаря неисчерпаемой милости Божией, я стала воспринимать свое послушание в свете более глубокого участия в страдании Христа на кресте и Его абсолютного подчинения Самого Себя Наивысшему. Я не оставляю молитвы ко благому Богу, чтобы Он принял мое послушание и направил меня.

Я обрела свободу в том, что связала свои дни и ночи с духом Иисуса. Жизнь сегодняшним днем без попечения о завтрашнем освобождает меня и облегчает мое страдание. За обновленным доверием к Иисусу следует обновленная любовь, надежда и вера. Я переключаю внимание со своей боли на Его любовь. Я обнаружила новое сокровище — дар боли есть дар Самого Бога. В конце концов Он один — моя истинная радость и утешение. Я поняла смысл псалма 118:71: «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим».

И до самого конца мне будет сопутствовать псалом 26:4: «Одного просил я у Господа, этого буду искать, чтобы обитать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать мне красоту Господню и посещать храм святой Его».

часть III

С Богом через
пещь огненную

11

Путь

Когда через пламя путь будет лежать,
Тебя укрепит вся Моя благодать;
В огне не сгоришь: примесь станет золой,
И золото выйдет — вот замысел Мой.
Джон Риппон. Крепко основанье

Мы изучили подготовку к страданию. Время задать вопрос: «Как на деле, на практике, пережить и пройти через постигшее нас страдание?»

Большая часть книг и источников, предназначенных для страждущих, уже не говорят о перенесении бедствий, но прибегают к лексикону бизнеса и психологии. Люди должны управлять стрессом, напряжением и травмами, уменьшать их и бороться с ними. Страждущим советуют избегать негативных мыслей; увеличивать количество выходных, больше упражняться и учиться поддержке; заниматься решением проблем и «учиться принимать то, что мы не можем изменить». Но весь упор делается на контроль непосредственных эмоциональных реакций и окружения. Однако в течение многих веков христианство рассматривало эти вопросы шире и глубже, чтобы предоставить верующим ресурсы для борьбы с испытаниями.

В знаменитом гимне повествуется о том, как Иисус проходит через те же скорби и печали, что и мы.

Венчай Его, Он Божий Сын, Он прежде всех начал,
Венчай Его, Он Сын Людей, чей путь, где Он ступал;
Ему знакома та печаль, что мучит род людской,
Берет ее Он на Себя, чтоб в Нем нашли покой³³⁴.

Как мы заметили, одной из главных библейских метафор, касающихся борьбы со скорбью, является метафора *пути* — пути через трудности, опасности, которые могут привести к гибели. Иногда она находит отражение в пути через мрак. «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 22:4; ср. Ис. 50:10, 59:9; Плач 3:2). Другой образ — образ пути через глубокие воды. «Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод» (Пс. 69:3; ср. Пс. 69:16; 87:18; 123:4; Иов 22:11; Исх. 15:19). Есть и намек на осторожность, необходимую на скользких и опасных горных дорогах (Пс. 72:2). Все эти метафоры связывает ясное указание, что через страдание необходимо пройти.

Метафора пути говорит о движении вперед. Многие люди древности воспринимали скорбь как нечто, чему необходимо упорно противостоять и терпеть, пока она не пройдет. Современные западные

³³⁴ Хотя автором большей части гимна «Crown Him with Many Crowns» обычно считается Мэттью Бриджес (The Passion of Jesus, 1852), процитированный стих, ст. 3, приписывается Годфри Трингу, Hymns and Sacred Lyrics, 1874. Общедоступно.

люди воспринимают страдание как нечто схожее с неблагоприятной погодой, которую нужно избегать и от которой нужно защититься, пока она не переменится. Христианской вере присуще необычное равновесие, выраженное в метафоре пути — лежащем сквозь тьму, водоворот или пламя. Мы должны сохранять устойчивость и не позволять страданию овладеть нами. Но мы также не должны считать, что можем его избежать или быть к нему невосприимчивыми. Мы должны встретить страдание и идти вперед без потрясений или удивления, без отрицания нашей печали и слабости, без обиды или парализующего страха, и в то же время без согласия с ним или капитуляции, без подчинения и отчаяния.

Мы должны сохранять устойчивость и не позволять страданию овладеть нами. Но мы также не должны считать, что можем его избежать или быть к нему невосприимчивыми.

Рассмотрим, в частности, метафору пути через огонь. Само собой, огонь уничтожает, и смерть от огня может быть мучительной. Огонь был очень распространенным символом несчастья и кары в еврейской, греческой и римской литературе³³⁵. Во многих библейских отрывках скорбь сравнивается с огнем (Пс. 65:10; Притч. 17:3, 27:21; Зах. 13:9; Мал. 3:3). Итак, неудивительно, что несчастье и печаль описываются как прохождение сквозь огонь (Иов 18:14–16; Пс. 65:12). Самый знаменитый из всех библейских отрывков, прибегающих к этому символу, находится в 43-й главе книги пророка Исаии, в которой Сам Бог обращается к Своему народу:

³³⁵ Karen H. Jobes, *1 Peter*, Baker Exegetical Commentary on the New Testament (Baker, 2005), p. 94.

Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя. Ибо Я Господь, Бог твой, Святой Израилев, Спаситель твой... Не бойся, ибо Я с тобою (Ис. 43:2–3, 5).

Потопы и огонь — это «наименование тяжелейших невзгод»³³⁶. И заметьте, как и в знаменитом 22-м псалме, нет обетования верующим об освобождении от бед. Бог не говорит: «Если ты пойдешь сквозь огонь», и потоп, и долину тени, но: *когда* ты пойдешь. Он не обещает нам освобождения от опыта страдания. Нет, Он обещает, что будет с нами, что Сам пройдет с нами этот путь. Исаия развивает эту метафору и говорит, что хотя Божий народ испытает огонь, он их не «сожжет». Похоже, это значит, что они будут в огне, но не будут ему подвержены. То есть он не войдет в них и не отравит их души, не ожесточит их сердца и не приведет в отчаяние.

В Первом послании Петра о страдании (в процентном соотношении) говорится больше, чем в любой книге Библии³³⁷. Апостол Петр размышляет о 43-й главе книги пророка Исаии, когда говорит своим читателям: страдание сродни огню мастера, сродни горнилу. Петр обращается к тем, кто страдает. Он говорит, что сейчас они «скорбят... от раз-

³³⁶ J. Alec Motyer, *The Prophecy of Isaiah: An Introduction and Commentary* (Inter-Varsity Press, 1993), p. 331.

³³⁷ «Двенадцать из сорока одного новозаветного употребления глагола [страдать] встречаются в этом кратком письме, помимо шестнадцати примеров того же существительного... Из этих данных очевидно, что страдания являются важной темой в Первом послании апостола Петра». I. Howard Marshall, *1 Peter*, The IVP New Testament Commentary Series (Inter-Varsity Press, 1991), p. 89n.

личных искушений» (1 Пет. 1:6). Греческое слово на месте слова «искушения» означает «попытку узнать природу и характер чего-то; испытание»³³⁸. «Их... вера подвергалась злословию и клевете. Их социальный статус, отношения в семье, а может, и сами средства к существованию ставились под угрозу»³³⁹. Именно об этом огне говорит Петр, но он развивает метафору и описывает страдание не просто как огонь, но как горнило или печь, способную уничтожить или усовершенствовать, в зависимости от объекта, брошенного в этот огонь, и обращения с ним. Итак, Петр продолжает:

[Искушения... нужны], дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа (1 Пет. 1:7).

Мы вкратце рассмотрели этот образ во Введении — несчастья сродни огню, который вместо того, чтобы уничтожить, очищает, укрепляет и украшает тебя, как горнило — драгоценный металл. Как это происходит? Как это возможно?

Золото — драгоценный металл, если поместить его в огонь, оно станет мягче или расплавится, но не загорится и не обратится в прах³⁴⁰. Однако золото

³³⁸ Frederick W. Danker and Walter Bauer. A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature (3rd ed.; University of Chicago Press, 2000), p. 793.

³³⁹ Marshall, *1 Peter*, p. 42.

³⁴⁰ Утверждение Петра «золото гибнет, хотя и огнем испытывается» не означает его убежденность в том, что огонь может уничтожить золото. Он может его расплавить, а не уничтожить. Большинство толкователей считают, что в этом отрывке Петр противопоставляет золото вере. Он «просто

можно наполнить примесями, которые в самом деле можно уничтожить. Если их поместить в огонь, они сгорят или поднимутся вверх, и ювелир сможет забрать самое лучшее. В каком-то смысле огонь «пытается» уничтожить металл, помещенный в него, но вместо этого делает его более чистым и прекрасным.

Так, Петр сравнивает христиан, имеющих спасительную веру в Иисуса Христа, с золотом, полным примесей. К нашей вере в Бога примешаны всяческие конкурирующие с ней зависимости от удобств,

Бог не обещает нам освобождения от опыта страдания. Нет, Он обещает, что будет рядом, что Сам пройдет с нами этот путь.

власти, гордости, удовольствий и самого себя. Наша вера во многом абстрактная и рациональная, но не прочувствованная. Может, разумом мы понимаем, что мы — грешники, спасаемые

Божьей благодатью, но наше сердце на деле работает, исходя из допущения, что у нас все хорошо, поскольку мы порядочнее, или восприимчивее, или трудолюбивее, или изысканнее, или больше любим. В наших характерах много недостатков. Мы слишком хрупкие, когда нас критикуют, или слишком грубые, когда критикуем других. Мы не умеем слушать, мы не проявляем милосердия к тем, кто кажется нам глупым, мы слишком импульсивные, или слишком робкие и трусливые, или склонны к доминированию, или на нас нельзя положиться. Но вообще мы просто слепы по отношению к вышеупомянутому, хотя все это омрачает нашу жизнь и ранит других людей.

сравнивает веру и золото: первая — перейдет в следующий мир, последнее — нет». Marshall, *1 Peter*, p. 41 и далее.

И возникает страдание. Робость и трусость, эгоизм и жалость к себе, склонность к обиде и неправде — все эти «примеси» души обнаруживают себя вследствие испытаний и страданий, прямо как в печи обнаруживаются примеси в металле. Наконец-то мы видим, кто мы на самом деле. Как и огонь, испытывающий золото, страдание способно уничтожить некоторые грани характера, а также очистить и укрепить другие.

Или нет. Зависит от нашей реакции. Петр прибегает к различным методам, чтобы призвать читателей не удивляться страданию (1 Пет. 4:12), продолжать надеяться. В страдании «страждущие по воле Божьей да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро» (1 Пет. 4:19). Он обещает, что «Бог же всякой благодати <...> Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми» (1 Пет. 5:10). Петр говорит, что огненная печь не совершенствует нас автоматически. Мы должны осознавать присутствие Божье, полагаться на Него, говорить с Ним и верить в Него, пока находимся в огне. В 43-й главе книги пророка Исаии Бог Сам говорит, что Он будет идти рядом с нами сквозь огонь. Личная встреча с Ним — это ключ к тому, чтобы стать сильнее, а не слабее в скорби.

Трое в печи

Это обетование в книге пророка Исаии (43:2–3) буквально осуществилось в рассказе о трех иудейских изгнанниках в Вавилоне в годы правления царя Навуходоносора

(третья глава книги пророка Даниила)³⁴¹. Повествуется, что царь создал золотого истукана и разместил его на поле Деире. Что это была за статуя, не говорится — возможно, намеренно. Можно считать, что она являла собой самого царя, или бога-царя, или саму империю, или все сразу. Вавилония, как и большая часть Ближнего Востока, отличалась плюрализмом религиозных идей. У каждого города и региона был свой бог, и все могли воздавать хвалу другим богам. Но Навуходоносор требовал от своего народа, чтобы они поклонялись этому идолу каждый раз, когда его музыканты играли на инструментах. «А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем» (Дан. 3:6). Намерения царя были очевидны. Люди могли служить различным богам или не служить им, но единственный объект, которому все *обязаны* были воздавать должное — государственная власть.

В истории сказано, что подавляющее большинство добровольно подчинилось, кроме трех иудейских мужей, занимавшихся государственными делами. Их имена — Седрах, Мисах и Авденаго. Они знали, что подчиниться царю означало отречься от своей веры в Бога Израильского, Который показал Себя не как *некий* бог, но как *Единственный* Бог над всем миром. Они отказались кланяться в назначенное время, и весть об этом донеслась до царя. Их призывали к нему. В случае непослушания им грозила быстрая и болезненная смерть.

³⁴¹ Многие толкователи считают историю в 3-й главе книги пророка Даниила «мидрашем» или комментарием к книге пророка Исаии (43:2). См. John E. Goldingay, *Daniel. Word Biblical Commentary*, vol. 30 (Word, 1998), p. 68.

Навуходоносор сказал им: с умыслом ли вы, Седрах, Мисах и Авденаго, богам моим не служите, и золотому истукану, которого я поставил, не поклоняетесь? <...> Если же не поклонитесь, то в тот же час брошены будете в печь, раскаленную огнем, и тогда какой Бог избавит вас от руки моей? (Дан. 3:14–15).

Три мужа оказались в том же затруднительном положении, что и миллионы людей прошлого и настоящего, отказавшихся от того, чтобы приспособить свою религиозную веру и обычаи к требованиям тоталитарного режима. И во многих отношениях эти три отрока представляют собой всех, кто внезапно оказался перед лицом неожиданной болезненной скорби, не по своей вине. В ответ на свое распоряжение Навуходоносор получил знаменитый безусловный отказ. Три отрока сказали царю:

Нет нужды нам отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. *Если же и не будет того*, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся (Дан. 3:16–18).

В этом ответе содержится почти парадоксальное равновесие уверенности и смирения. Их утверждение сочетает элементы, которые нам кажутся анти-тетическими. С одной стороны, они глубоко убеждены, что Бог не только способен спасти их, но *на деле* спасет их (ст. 17). Но в данном контексте нас приводит в замешательство следующее предложение, начинающееся со слов «*Если же и не будет того*». Если

они уверены в Боге, зачем им вообще признавать возможность того, что их не спасут?

Ответ: их уверенность в действительности касалась Бога, а не их ограниченного понимания того, что Он, по их мнению, сделает. Они имели внутреннюю уверенность в Божественном спасении. Однако они не

Вспомните всех величайших слугителей, от Авраама до Иосифа, до Давида, до Самого Иисуса — они часто молились и не получали искомого ответа.

были настолько высокомерны, чтобы предполагать, что они «правильно прочли Бога». Они знали, что Бог не обязан действовать в соответствии с их ограниченной мудростью. Другими словами, они были уверены в Самом

Боге, а не в некоем плане, осуществления которого они ждали от Бога. Они доверяли Творцу, то есть, среди прочего, верили, что Ему лучше знать, что должно произойти. Таким образом, они говорили следующее: «Даже если наш Бог нас не спасет — и это правильно, — мы будем служить Ему, а не тебе. Мы будем служить Ему вне зависимости от того, будут ли Его действия соответствовать нашей мудрости. Мы бросаем тебе вызов не потому, что считаем, что выживем — мы бросаем вызов, потому что наш Бог действительно Бог».

Люди часто говорят: «Если Бог благословит нас, мы горячо должны верить, без сомнений, что Бог действительно благословит нас. Мы должны испрашивать благословения, будучи абсолютно уверенными, что получим его». Но в этом отрывке нет подобной идеи — и подобного отношения в других частях Библии тоже нет. Вспомните всех величайших слугителей, от Авраама до Иосифа, до Давида, до Самого Иисуса — они часто молились и не получали искомого ответа. Если мы говорим: «Боже, я знаю, что ты ответишь на эту молитву. Ты не можешь не отве-

тить на нее» — значит, мы на самом деле уверены не в Божьей мудрости, а в нашей собственной. Будучи священником, я бесчисленное количество раз слышал от людей: «Я доверял Богу и так горячо молился о чем-то, а Он так и не даровал мне это. Он меня подвел!» Но если быть точным, их глубочайшая вера и надежда в действительности касалась того плана на жизнь, который они сами построили, а Бог был всего лишь средством для достижения цели. В лучшем случае они верили в схему «Бог + мой план на мою жизнь». Но эти три мужа верили в Бога — *и всё*.

Может показаться, что подход «Я просто знаю, Он нас спасет» рождается вследствие отсутствия сомнений, но на самом деле в нем отражаются беспокойство и неуверенность. Нам страшно: может, Он *не* ответит на нашу молитву о спасении. Но Седрах, Мисах и Авденаго правда верили в Бога «до глубины души». Поэтому они вообще не беспокоились. С духовной точки зрения они уже были испытаны огнем. Они были готовы к спасению или смерти — в любом случае они знали, что Бог прославится, а они будут с Ним. Они знали, что Бог спасет их *от* смерти или *посредством* смерти.

Они не видели большей радости, чем почитание Бога, а не использование Его для получения желаемого. В результате они не имели страха. Ничто не могло низложить их.

Четверо в печи

Получив этот дерзкий ответ, Навуходоносор разгневался еще больше. Он приказал разжечь огонь для казни в печи в семь раз сильнее. Трех мужей связали и бросили

в печь. Пламя было настолько сильным, что слуги, ввергнувшие их в печь, погибли от жара (Дан. 3:22). Но когда царь посмотрел в огонь, он увидел то, что потрясло его до глубины души.

Навуходоносор царь изумился, и поспешно встал, и сказал вельможам своим: не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными? Они в ответ сказали царю: истинно так, царь! На это он сказал: вот, я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен сыну Божию (Дан. 3:91–92).

Вместо того чтобы услышать крики агонии и увидеть три тела, извивающиеся от боли, царь увидел *четыре* силуэта, спокойно ходящие среди огня, несвязанные и невредимые. Но его внимание привлек именно четвертый муж. «Вид четвертого подобен сыну Божию». Очевидно, даже сквозь дым и пламя было ясно, что эта фигура — существо великой силы. В каком-то смысле он выглядел сверхчеловеком, Божественным созданием. Очевидно, что три мужа шли сквозь огонь и не горели благодаря этому четвертому, идущему рядом с ними. Мы отмечаем, что он не выходит с остальными тремя.

Кто это был? В Ветхом Завете существует загадочная фигура, которую называют просто Ангелом Господним — не одним из многих ангелов, но *тем самым* Ангелом. Позже Навуходоносор даже говорит, что Господь «послал Ангела Своего и избавил рабов Своих» (Дан. 3:95). Кто это был? Он не похож на тех ангелов, которые встречаются нам в других текстах Библии. Когда он является в горящем кусте и обращается к Моисею, отмечается, что его слова — это слова Божьи; его речь — речь Бога (Исх. 3:2–6). Когда этот

Ангел появляется, ему поклоняются (Нав. 5:14) — и другие ангелы отказываются от подобного поклонения (Откр. 19:10). Видеть этого Ангела значило видеть Бога (Суд. 13:16–22). Этот Ангел загадочный, поскольку он похож на Бога в физическом воплощении. В самом деле, в течение многих веков христиане знают, кто он. Специалист по Ветхому Завету Алек Мотьер дает хорошее определение:

Ангел оказывается милосердным «примирением» или «снисхождением» Божьим, посредством которого Господь может присутствовать среди грешников. Если бы Он Сам шел с ними, Его присутствие поглотило бы их... Это божественная форма. Безгрешный Бог может быть вместе с грешниками. В Библии есть только один другой, идентичный Господу и в то же время отличный от Него. Единственный, который, не оставляя полноценного существа и прав божества... способен находиться в среде грешников... Иисус Христос³⁴².

Таким образом, данный текст дает яркое представление о прошлом и будущем. Огненный, божественный друг является живым пояснением к книге пророка Исаии: «Пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя... Не бойся, ибо Я с тобою» (Ис. 43:2, 5). Кто мог подумать, что Бог будет настолько конкретен, говоря: «Я буду с тобой в огне»? Если вспомнить, что Иисус целую вечность жил в невыразимой славе и блаженстве, мы поймем, что вся Его жизнь для Него была подобна прохождению сквозь печь.

³⁴² J. Alec Motyer, *The Message of Exodus: The Bible Speaks Today* (Inter-Varsity Press, 2005), p. 51.

Когда родился Иисус Христос, Он вошел в нашу конечную, слабую человеческую природу. Всю Свою жизнь Он провел в напряжении, на Него часто нападали желавшие Ему смерти (Лк. 4:29), Его постоянно неправильно понимали, Его отвергали. Но в конечном итоге Он по-настоящему погрузился в печь в конце Своей жизни, на кресте. Как Седраха, Мисаха и Авденаго, тоталитарный режим несправедливо осудил Его на мучительную смерть.

Но когда пришло время Иисусу войти в печь страданий, не было никого, кто бы прошел с Ним через огонь. Он был Сам по Себе. Рядом с Ним не было Ангела Господня, он возопил на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» «Когда огонь гнева Божьего глубоко попалил Его и неудержимо полыхал над Ним, Он был совсем один»³⁴³. Почему? Почему Бог был с тремя иудейскими отроками, но не с Единородным Сыном Своим? Ответ: на кресте Иисус страдал не только с нами, но и за нас. Седрах, Мисах и Авденаго были хорошими людьми, но они были людьми, чья природа была нарушена. Давид говорил, если бы наши беззакония, совершенные на деле и мысленно, учитывались, перед Богом никто бы не устоял (Пс. 129:3). Итак, трое не заслуживали спасения от Господа несмотря на свою непорочность. Бог мог идти с ними сквозь огонь, поскольку Он пришел на землю в образе Иисуса Христа и принял наказание, которое они и мы заслуживаем. Поэтому Он может простить и принять тех, кто верит в Его милость. И поэтому Он может быть в огне с нами, поврежденными, недостойными людьми.

³⁴³ Iain M. Duguid, *Daniel*, Reformed Expository Commentary (P&R, 2008), p. 58.

Что мы узнали? Если ты веришь в Иисуса и обретаешь в Нем покой, тогда страдание станет для твоей души тем, чем огонь является для золота. Перечисли четыре своих желания. Ты хочешь знать, кто ты, какие у тебя сильные и слабые стороны? Ты хочешь быть сострадательным человеком, который помогает страждущим? Ты хочешь так глубоко верить в Бога, чтобы иметь крепость перед лицом жизненных неурядиц? Ты просто хочешь понимать принципы жизненного устройства? Все это крайне важно, но ни одной из этих вещей нельзя постичь с легкостью без страданий. Невозможно узнать, кто ты, без испытаний. Невозможно по-настоящему проявлять эмпатию и симпатию к страждущим, если ты сам никогда не страдал. Невозможно по-настоящему узнать, как верить в Бога, если ты не тонешь.

Но из этой истории мы узнаем, что Бог с нами в этом огне. Эта метафора означает, что Он знает, каково это — переживать мучения этого мира — Он понимает. Она означает, что Он рядом, что в наших трудностях мы можем познать Его и положиться на Него. Он идет с нами, но настоящий вопрос вот в чем: пойдём ли мы с *Ним*? Если мы создали ложного Бога-моей-программы — когда жизнь пойдет наперекосяк, мы просто предположим, что Он нас покинул, и перестанем Его искать.

Это важно учитывать, ведь все мы знаем, что страдание не просто совершенствует, оно способно ожесточить и поглотить нас. Достаточно людей было сломлено страданием, сокрушено им. Так что же делать, чтобы расти, а не быть уничтоженным вслед-

ствие страдания? Ответ: ты должен идти с Богом. Что это значит?

Невозможно по-настоящему узнать, как верить в Бога, если ты не тонешь.

Иисус Христос — это Бог, который пришел в мир, чтобы спасти нас.

Это значит, что мы должны относиться к Богу как к Богу, Который всегда рядом. Естественно, это подразумевает говорить с Ним, изливать Ему свое сердце в молитве. Это значит доверять Ему. Но прежде

всего, это означает видеть сердцем, как Иисус погрузился в пламя за тебя, когда взошел на крест. Тебе необходимо знать это, чтобы доверять Ему, держаться Его и таким образом обращаться в очищенное золото в этом жаре. Если ты помнишь о том, что Иисуса бросили в раскаленную печь ради тебя, если ты чувствуешь благодарность и изумление, ты начинаешь ощущать Его присутствие в твоих менее жарких печах.

Это значит память о Евангелии. Его бросили в самый горячий огонь, заслуженный нами. И так мы спасены: если мы верим в Него, тогда этот гнев не может постигнуть нас. А если ты веришь, что Бог спасает только самых благочестивых людей? Если ты веришь в это, когда тебя настигает страдание, ты возненавидишь либо Бога, либо самого себя. Ты либо будешь говорить: «Моя жизнь достаточно благочестива. Я заслуживаю лучшего. Бог несправедлив ко мне». Или: «Ох, я не смог жить как должно. Я неудачник». В любом случае, отчаяние — твой удел. Таким образом, сердце, забывшее о Евангелии, разрывается между злобой и чувством вины.

Если войти в печь без благой вести о Царствии Божием, невозможно обрести там Бога. Ты будешь уверен: либо Он ужасно несправедлив, либо ты виноват во всем, и ты будешь чувствовать себя совсем одиноко. Самое опасное, что может случиться — это войти

в огонь без Евангелия. Ты будешь злиться на Бога, или на себя, или на обоих.

Но если во время скорби (пещи огненной) ты говоришь себе: «Это моя печь. Меня не наказывают за грехи, потому что Иисуса бросили в самый жаркий огонь ради меня. Раз Он был непоколебим и прошел через самый страшный огонь ради меня, я могу пройти, сохраняя стойкость, через эту маленькую печь ради Него. Я также знаю: это значит, если я верю в Него, то огонь печи сделает меня лучше».

Автор гимнов Джон Риппон дал классическое определение:

Когда через воды велю Я идти,
Ты не захлебнешься на этом пути.
Я буду с тобою, скорбь благословив
И в тяжелой болезни тебя освятив.

Когда через пламя путь будет лежать,
Тебя укрепит вся Моя благодать;
В огне не соришь: примесь станет золой,
И золото выйдет — вот замысел Мой.

Душа, что в Иисусе нашла свой покой,
Не будет врагу предоставлена Мной.
Хоть ад сотрясется — Я с этой душой,
И Я не оставлю ее ни за что.

Как идти с Богом

Путь с Богом через страдания означает обращение с Богом как с Богом, при этом всегда находящимся рядом. Процесс ходьбы не включает в себе драматичности, он ритмичен — он состоит из стабильных, повторяющихся

действий, которые можно поддерживать в течение долгого времени. Бог говорил Авраму: «Ходи предо Мною и будь непорочен» (Быт. 17:1). Многие люди считают, что духовный рост сродни прыжкам в воду. Они говорят: «Я отдам свою жизнь Господу! Я изме-

Нет двух одинаковых путей через страдание.

ню все свои ужасные привычки и преобразуюсь по настоящему! Дайте мне еще полгода, и я стану другим

человеком!» Но путь — это другое. Духовный путь подразумевает молитву изо дня в день; чтение Библии и Псалтири изо дня в день; изо дня в день — послушание, общение с друзьями-христианами, общее поклонение, поручение себя и полноценное участие в жизни Церкви. Она ритмична, она не прекращается. Путь с Богом — это метафора, символизирующая медленный и стабильный процесс.

Итак, путь с Богом через страдания означает, что в целом ты не испытываешь некое моментальное освобождение от своих вопросов, скорбей, страхов. Как мы скоро увидим, бывают времена, когда ты ощущаешь поразительное, необъяснимое «умиротворение, превосходящее понимание». Бывают дни, когда новое осознание проникает в твой разум, как луч света — в темную комнату. Обязательно будет движение вперед — это часть метафоры пути, но в целом это движение будет медленным и постепенным, и то только если ты продвигаешься шаг за шагом. «Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня» (Притч. 4:18).

Так что же входит в эту регулярную, ежедневную ходьбу? К каким конкретным средствам нужно прибегать, чтобы поддерживать отношения с Богом и становиться сильнее, а не слабее в трудные време-

на? В Библии отражено множество различных действий и способов борьбы со страданием. Нас призывают идти, скорбеть и плакать, доверять и молиться, размышлять, благодарить, и любить, и надеяться. Далее в этой книге мы изучим каждый из них по отдельности.

Эти виды деятельности — дополнительная стратегия, ни один из них нельзя исключать. Некоторые из них могут быть важнее, в зависимости от того, какой тип страдания рассматривается, а также от характера человека и других уникальных обстоятельств. Итак, те несколько стратегий или способов борьбы со страданием, которые мы сейчас обсудим, не должны рассматриваться как набор шагов, и мы не должны считать их одинаково необходимыми для каждого человека. Как уже было сказано, нет двух одинаковых путей через страдание. В то же время нельзя игнорировать ни одну из тех вещей, к которым призывает страждущих Библия.

История жизни: Золото

Автор: Мэри Джейн

Мне шестьдесят два. Уже четыре года прошло с тех пор, как я приняла христианство.

Две недели назад я слушала признание женщины, члена организации «Анонимных алкоголиков», чье страдание было просто ужасающим. Я испытала потрясение и внезапно заново пережила свои ощущения в возрасте 10 лет, когда меня изнасиловали. Чувство ужаса, тошнотворную опасность, беспомощность. Затем она сказала нечто, что запало

мне в душу, и я поторопилась это записать, поскольку это — моя правда. Это — ответ.

Она сказала: «Наше страдание — это наше золото», и так я поняла, что Иисус делает с моим страданием.

Я почувствовала натиск чего-то сильного, абсолютного. Оно поддерживало меня, пока я пережила давний кошмар. Будто Он хотел, чтобы я никуда не уходила и не отвлекалась. Понимаю, я не Агнец. Для меня Агнец — Он. Хотя это признание может показаться вам «сырым», я скажу: благодаря Ему я в безопасности, я даже чувствую себя сильной. Его собственное страдание смешано с Его Высшей Божественной любовью.

Я подавила опыт изнасилования. Я узнала принципы жизни: не проси о помощи, ее не последует. Веди себя тихо. Ты не заслужила спасения. Будь на чеку — жизнь опасна.

В университете у меня были отношения, в которых ко мне проявляли жестокость. Тот человек наказывал меня за то, что я была «виновата» в великом «предательстве» — не была девственницей. В конце концов я пыталась покончить жизнь самоубийством. Милостью Божьей, меня нашли, и я две недели провела в больнице. Когда меня выписали, меня изнасиловали двое мужчин в один день — тот самый жестокий бывший парень и студент-медик в психиатрическом отделении.

Еще раз урок: не жди помощи. Ее не последует. Ты не заслужила спасения.

В середине жизни — с 25 до 59 лет — могли быть следующие главы: «Веселье», «Веселье и проблемы» и «Просто проблемы».

«Веселье». Я вышла замуж, пожила в четырех европейских столицах, родила милых детишек, мне

выпало много приключений, я гонялась за успешной карьерой, водила компании с разными людьми, учила несколько языков.

«Веселье и проблемы». Кто я такая без карьеры? Мне была нужна идеальная я и идеальная жизнь. Вместо этого у меня были мерзкая депрессия, одиночество, потребность в одобрении. Люди просто не хотели себя вести как надо! Неидеальные друзья, неподходящий отчим, злая мачеха, «сложные» школьные администраторы, которые ничего не понимали.

«Просто проблемы». Я вернулась в Америку. В течение последующих 12 лет наши дети-подростки и молодежь претерпели угрозы со стороны сверстников, зависимость, плохо питались, имели проблемы с законом и, наконец, чуть не умерли. Несмотря на психотерапию, йогу, дзен и «Анонимных алкоголиков». Осознание следующего факта было просто удручающим: я не только не помогла им, но была частью их самых серьезных проблем. Кое-что я узнала в обществе АА, но это казалось унижительным: «Я не могу им помочь; Бог может; и я Ему позволю».

И правда, Бог помог. Мой сын-атеист стал христианином — это было как гром посреди ясного неба. Сын, которого я так любила, казался новым человеком; он спрашивал, как ему молиться за нас, когда его дислоцировали в Афганистан в составе спасательной службы. Но все-таки мы страдали. Мы видели, как его жизнь висела на волоске. В наших сердцах были ссадины, не согласные со словами.

В этой комнате нет ничего больше и громче, чем Божественная миссия спасения. Он взял меня под контроль. Я вижу, как жестокость страдания превращается в нечто, схожее с Божественной яркой

любовью. Будто Он говорит: «Ты теперь моя. Теперь твоя любовь ко Мне может быть такой же глубокой, как твой прежний страх. Теперь ты действительно знаешь, в чем смысл — любить Меня и служить Мне в моей миссии по спасению — с теми силами, которые я даровал тебе». В душе я знаю, что сила Иисуса со мной, куда бы я ни пошла. Все, что мне нужно было сделать — обратиться к Нему, доверять Ему всецело в страдании, а Он позаботится об остальном. Наше страдание становится Его золотом. «Ничто не повредит вам» (Лк. 10:19).

Так Он всегда был рядом со мной.

Бог действует, проявляя Свою мощь, и лишает меня моего эгоцентризма. Это огонь очищающий, о котором писал Исаия. Он жесток. Только бы мне не забывать каждый день обращаться к Нему, верить Ему всю мою жизнь, а Он позаботится об остальном.

Плач

Живу во славу только Того, Кто превратил
В плач радость, и сегодня — в песню скорбь.

Джордж Герберт. Плащ Иосифа

Если понять общие идеи, можно без страха рассмотреть пути, которые Библия предлагает для преодоления страданий в каждом конкретном случае. Ни один из них не является достаточным сам по себе. Мы также не можем рассматривать их как набор отдельных «шагов», которым нужно неукоснительно следовать. Они затрагивают друг друга и частично совпадают. В зависимости от причин и характера, и других факторов, их стоит выполнять по-разному.

Исчезновение плача

Книга Рональда Риттгерса «Преобразование страдания» пользуется авторитетом. В ней рассказывается, как Лютер и немецкие реформаторы пытались вернуться к библейскому подходу к страданию. Они считали, что средневековая церковь, допуская, что терпение в страданиях вело ко спасению, пришла к новому, почти языческому стоицизму. Лютеране настаивали на

том, что Иисус понес все наказание за грехи. Следовательно, нам не нужно добиваться помощи и внимания Христа — мы можем быть спокойны тем, что Он со всей любовью присутствует с нами в нашей скорби.

Но, утверждает Риттгерс, лютеранская церковь тем не менее в одном отношении соответствовала средневековой: она игнорировала значимое библейское свидетельство о том, что «плач» — это нормальная реакция на беды и несчастья. Большое количество псалмов называется «плачем». Это горькие возгласы страданий и скорби. Часто Псалмопевец жалуется на действия других, или даже обеспокоен собственными мыслями и действиями. Но некоторые псалмы выражают разочарованность Самим Богом³⁴⁴. В псалме 43 говорится: «Восстань, что спишь, Господи!» (Пс. 43:24), а в псалме 88: «Где прежние милости Твои, Господи? Ты клялся Давиду истиною Твоею» (Пс. 88:50). Само собой, книга Иова полна плача, как и некоторые пророческие высказывания Иеремии. Пророк Иеремия даже сравнивает Бога с потоком, который кажется постоянным, но пересыхает. «За что так упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание?» — взывает пророк к Господу. «Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою?» (Иер. 15:18).

Риттгерс отмечает: лютеране, заботясь о том, чтобы христиане не сомневались в любви Христовой, свели к минимуму правомерность плача. Он утверждает, что ранние реформаторы создали культуру, в которой выражение сомнений или жалобы осужда-

³⁴⁴ Tremper Longman III, *How to Read the Psalms* (Inter-Varsity Press, 1988), p. 26.

лись. Христиан учили не рыдать, но показывать Богу свою веру через беспрекословное, радостное принятие Его воли. Риттгерс цитирует ранних лютеранских авторов, смущенных самим присутствием книги Иова в Библии, ведь возражение Богу — как у Иова — это тяжкий грех. Один богослов объяснил включение этой книги в Библию так: «Бог хотел показать нам, что Он может простить и помиловать человека с такой же слабой верой, как у Иова»³⁴⁵.

Отчасти это, конечно, верно. Иов не проявлял свою веру как должно, и в последней главе он это признает, говоря Богу: «Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов 42:5–6). Тем не менее утверждение, что эмоции, возгласы и плач Иова были абсолютно неправомерны, не отвечает библейскому тексту.

В первой главе, например, когда Иов узнает ужасные новости о смерти своих детей и утрате своего состояния, нам сообщают, что «Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою», а затем «пал на землю» (Иов 1:20), но автор добавляет: «Во всем этом не согрешил Иов» (Иов 1:22). Вот человек, уже ведущий себя так, как многие благочестивые христиане посчитали бы неподобающим. Они бы решили, что Иов маловерен. Он раздирает одежду, падает на землю, восклицает. В нем нет стоического терпения. Но в библейском тексте сказано: «Во всем этом не согрешил Иов». К середине книги Иов проклинает день, в который родился и почти обвиняет Бога в несправедливости своими полными гнева вопросами. Несмотря на это, окончательный вердикт, который Бог выносит касаясь Иова, поражает своей

³⁴⁵ Rittgers, *Reformation of Suffering*, p. 258.

позитивностью. В конце книги Бог обращается к Елифазу, первому другу Иова, и говорит:

Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов. Итак возьмите себе семь тельцов и семь овов и пойдите к рабу Моему Иову и принесите за себя жертву; и раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов. И пошли Елифаз Феманитянин и Вилдад Савхейнин и Софар Наамитянин, и сделали так, как Господь повелел им, — и Господь принял лице Иова (Иов 42:7–9).

Иов выражал свою скорбь очень эмоционально. Его слова были полны пафоса. Он не старался быть дружелюбным, вежливо молясь Богу. Его чувства были откровенны. И хотя Бог — как мы увидим — настойчиво призывал Иова признать Его непостижимую мудрость и величие, в конечном итоге Он оправдал Иова.

Трости надломленной не переломит

Итак, неправильным было бы просто сказать скорбящему и опечаленному человеку, что ему нужно собраться. Нам стоит быть мягче и терпеливее с ним. А значит, и с самим собой. Мы не должны считать, что, доверяя Богу, мы не плачем, и не злимся, и не теряем надежду.

В 42-й главе книги пророка Исаии рассказывается о загадочном Страждущем Слуге; а в 53-й главе разъ-

ясняется, что Он примет на Себя вину за наши преступления, чтобы через Его страдания исчезло наше осуждение. В книге Исаии говорится о Слуге, Который «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине» (Ис. 42:3). Древнееврейское слово, изначально стоящее на месте слова «надломленный», не подразумевает небольшое повреждение. Оно обозначает серьезную контузию, разрушающую жизненно важный внутренний орган — другими словами, смертельный удар. В применении к человеку оно означает травму, не проявляющуюся внешне, но смертельную. Слова «трость надломленная» означают злокачественный стебель, переломленный под углом, а не надвое. Но поскольку это преломление произошло, он уже не будет давать урожай. И все же упомянутый Слуга делает то, чего никто не может. Он исцеляет этот стебель, и тот снова дает зерно.

Кто этот Слуга? С самого начала христианская церковь считает, что это Сам Иисус Христос (Деян. 8:32–33). В Евангелии от Матфея сказано, что Иисус «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12:20). То есть внимание Иисуса Христа, Слуги, привлекают безнадежные. Он заботится о тех, кто хрупок. Он любит людей, которых избивают и колотят, которым наносят увечья. Может, внешне они этого не показывают, но внутри они умирают. Иисус видит наши сердца насквозь, и знает, что делать. Господь исцеляет сокрушенных сердцем и врачует нас (Пс. 146:3; Ис. 61:1).

Приведу пример. В Третьей книге Царств, гл. 18–19, мы читаем о служении Илии. Илия — великий пророк, посланник Бога, но его служение для него становится невыносимым. Люди выступают против него и его идей. Они не слушают, хотя он и говорит

именем Господа. Илия — великий пророк, но есть предел разочарованию, сопротивлению и трудностям, которые способен перенести человек. Он подавлен до такой степени, что может покончить жизнь самоубийством. Он уходит в пустыню и говорит Богу: «Возьми душу мою. Я не хочу жить» (3 Цар. 19:4). Затем он ложится под кустом и засыпает беспокойным сном.

Вот отчаявшийся, надломленный человек. Пламя его свечи мерцает, оно вот-вот погаснет. И он, в общем-то, плохо справляется со своим страданием и напряжением. Он не говорит: «Я радуюсь о Господе!». Нет, он хочет умереть. И Бог посылает ему Ангела. Знаете, что прежде всего делает Ангел? Он готовит ему еду.

И вот, Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь. И взглянул Илия, и вот, у изголовья его печеная лепешка и кувшин воды. Он поел и напился, и опять заснул. И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь; ибо дальняя дорога пред тобою. И встал он, поел и напился, и, подкрепившись тою пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы Божией Хорива (3 Цар. 19:5–8).

Бог посылает Ангела к этому страждущему, и разве Ангел говорит ему: «Покайся! Как ты посмел перестать уповать на Меня!»? Нет. С другой стороны, разве этот Ангел говорит: «Возрадуйся! Я принес благую весть!»? Нет. Разве Ангел задает ему испытующие вопросы? Нет. Ангел дотрагивается до него. Он не трясет его; он касается его так, как мы бы коснулись человека при встрече или в минуту нежности. Затем он готовит для него и подбадривает его: «Тебе нуж-

ны силы для путешествия». А после того как Илия поспал еще, он снова готовит.

Если следовать за повествованием, можно понять, что Илии нужно не только это. В конце концов Бог является ему и испытывает его так, чтобы вывести из отчаяния. Бог задает ему вопросы, помогает ему разговориться и бросает вызов его пониманию вещей, показывая, что все не настолько безнадежно, как кажется. И Бог открывает ему, что Израиль еще не закончил свой путь (3 Цар. 19:9–17).

Но аргументы и объяснения — не первое, с чем Бог обращается к Илии. Он знает, что этот пророк имеет тело — он изможден, обессилен. Ему нужны отдых и пища. Ему необходимы прикосновение и нежность. Потом Он с ним говорит. Соотношение просто поражает. Сейчас некоторые считают депрессию *полностью* физической проблемой, единственно вопросом химии мозга, то есть людям необходимы только лекарства и отдых. Другие, часто христиане, вместо этого могут встретить человека в унынии и сказать ему: «Выше нос!», нужно покаяться и примириться с Богом, бороться с силами и поступить правильно. Но здесь Бог показывает нам, что мы сложные существа — у нас есть тело и душа. Упростить лечение — значит сломать надломленную трость, потушить тлеющий фитиль. Бог действует не так. В свое время подавленный человек может нуждаться в противостоянии, в вызове. Но он также может нуждаться в прогулке по берегу моря и хорошем обеде.

В 42-й главе книги Исаии говорится о том, что Иисус проявляет мягкость к сокрушенным и никогда

Подавленный человек может нуждаться в противостоянии, в вызове. Но он также может нуждаться в прогулке по берегу моря и хорошем обеде.

не обращается с ними жестоко. Ричард Сиббс, великий британский пуританский священник XVII века, написал классическую работу под названием «Трости надломленной и льна курящегося», в которой говорил:

Но чтобы увидеть милосердие Христа к тростям надломленным, задумайтесь о заимствованных именах — от мягчайших существ, таких как агнец или птица (Лк. 13:34). Задумайтесь о том, что Иисус исцелит сокрушенных сердцем (Ис. 61:1), что в момент Его крещения Дух Святой почивал на нем в виде голубя, чтобы показать, что Он станет Посредником, кротким как голубь. Услышьте, как Он зовет нас: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). Он врач, способный исцелить любую болезнь. Он умер, чтобы вылечить наши души этим лекарством — Своей Собственной Кровью. Не бойтесь идти к Богу, ведь в Нем мы обрели такого Посредника, Который не только наш друг, но и брат, и муж. Пусть это знание хранит нас, когда мы чувствуем себя израненными. Думайте так: «Если Христос настолько милосерд, что не переламинает меня, я сам не буду ломать себя отчаянием...»³⁴⁶.

Смысл вот в чем: страждущим людям нужно предоставить возможность плакать и изливать душу, а не сразу препятствовать им своими наставлениями. И самих себя мы не должны поучать в скорби. Человек, лишившийся троих сыновей в разные пе-

³⁴⁶ Richard Sibbes, *The Bruised Reed and Smoking Flax*, по изданию: Works, vol. 1 (Banner of Truth, 2001).

Я сидел там, скорбь разрывала меня на части. Ко мне пришел человек. Он говорил о путях Бога, о причинах произошедшего, о надежде за гробом. Он не останавливался. То, что он говорил, было правдой в моих глазах.

Меня это не тронуло — я просто хотел, чтобы он ушел. Он наконец ушел.

Пришел другой человек и сел рядом. Он не говорил. Он не задавал наводящих вопросов. Он просто сидел рядом — час или больше, слушал меня, когда я говорил, коротко отвечал, молился просто и ушел.

Меня тронуло до глубины души. Я был утешен. Меня очень расстроило, что он ушел³⁴⁷.

У меня был младший брат Билли. Он был геем и болел СПИДом. Мои родители были христианами, придерживавшимися исторического учения церкви о том, что гомосексуализм — это грех. Когда Билли стало хуже и его перевели в хоспис, мои родители, которым было за семьдесят, переехали почти за тысячу миль, по ночам спали на раскладном диване в гостевой родственника и семь месяцев находились рядом с Билли и заботились о нем по четырнадцать часов в день. Они не спорили с ним и даже не говорили о расхождении во взглядах. Они поили его соком по глотку и кормили йогуртом с ложечки. Они удовлетворяли его самые базовые потребности. В конце концов он сам заговорил о проблемах, разделивших семью на многие годы. У него это получилось,

³⁴⁷ Joseph Bayly, *The View from a Hearse* (Cook, 1969), pp. 40–41.

потому что мои родители создали атмосферу заботы, в которой подобная откровенная дискуссия казалась безопасной. Мы говорили искренно и со слезами, и многие вопросы отношений и духовные проблемы разрешились.

Плач во тьме

В церкви редко есть отдельное место для плача, и вплоть до сегодняшнего дня многие не дают страждущим свободы рыдать и восклицать: «Где Ты, Господи? Почему Ты не помогаешь мне?». Джон Фейнберг ощутил на своей шкуре, каково это — услышать, прямо и косвенно, что ему не стоит скорбеть *слишком* сильно, что ему нужно быстро перейти к «хвалению в испытаниях». Но Фейнберг ощущал внутреннюю смерть; он хотел этого достичь, но не мог. Чтение псалмов плача и использование их для молитвы к Богу — хороший совет, но никто ему этого не сказал.

87-й псалом — это псалом плача, но он выделяется даже среди «печальных песней» Псалтири. Большинство подобных псалмов заканчиваются хвалой или хотя бы ожиданием лучшего. Но этот псалом и еще один, 38-й, знамениты тем, что в конце нет вообще никакой надежды. О 87-м псалме Дерек Киднер, специалист по Ветхому Завету, говорит: «Во Псалтири нет молитвы печальнее»³⁴⁸. Согласно заглавию, псалом был составлен Еманом Езрахитом. Последнее слово на древнееврейском означает «тьму», то есть

³⁴⁸ Derek Kidner, Psalms 73–150: A Commentary on Books III–V of the Psalms (Inter-Varsity Press, 1973), p. 316.

говорится, что тьма — это мой самый близкий друг. Так можно с убеждением и прямо сказать Богу — в отличие от Тебя! Однако если его читать в свете всей Библии, этот текст — прекрасный источник сил и даже поддержки. Еман пишет:

Господи, Бог спасения моего, днем и ночью взываю к Тебе. Пусть достигнет Тебя молитва моя, услышь мою мольбу.

Насытилась душа моя страданий, и жизнь моя приблизилась к миру мертвых. Я стал как те, кто спускается в пропасть, как потерявший силу человек. Я брошен между мертвыми; я подобен убитым, лежащим в могиле, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от Твоей руки отторгнуты. Разве для мертвых Ты творишь чудеса? Разве встанут духи умерших, чтобы прославлять Тебя? Ужели в могиле будет возведена милость Твоя и верность Твоя — в Погибели? Разве в мире тьмы познают чудеса Твои и праведность Твою — в земле забвения?

Но Господь, я к Тебе взываю, ранним утром молитва моя будет пред Тобой. Зачем Ты, Господи, отвергаешь мою душу? Зачем скрываешь от меня лицо Свое?

С юности я страдаю и близок к смерти; до отчаяния доведен я ужасами Твоими. Твоя ярость прошла над мною, Твои устрашения сокрушили меня.

Как вода, окружают они меня целый день, поглощают меня целиком. Любимых и друзей отдалил Ты от меня, и тьма — мой близкий друг (Пс. 87:2–6; 11–19; пер. «Слово Жизни»).

Читая это, мы начинаем понимать, что, во-первых, верующие могут находиться во тьме очень долго. Трижды в этом псалме встречается слово *тьма* (ст. 8,

13, 19). Этим нам пытаются сказать, что можно молиться сколько угодно и терпеть, но улучшения не последует. Псалом заканчивается без надежды, этим научая нас, что верующий может жить как надо и все равно пребывать во тьме. Тьма может символизировать внешние трудности или внутреннее духовное состояние боли. Эта очень реалистичная, суровая идея является центральной в псалме. Необязательно, чтобы все быстро встало на свои места. Не всегда ясны причины произошедшего. Один толкователь написал: «Если в Писании ты увидел философию, согласно которой все будет хорошо, для начала тебе нужно вырвать эту страницу из книги»³⁴⁹.

Во-вторых, мы узнаем, что темные времена, не пресекаясь, могут открыть новые глубины благодати Божьей. Еман разгневан. По сути, он подвергает Бога перекрестному допросу, говоря: «Я хочу восхвалять Тебя. Я хочу заявить о Твоей любви и верности другим». Нет никакого «Боже, я уверен, Ты все это обратишь во благо». И, наконец, в конце Еман практически говорит: «Ты ведь никогда не был рядом». Он не сдерживает себя и не обращается к Богу с благоговением. Однако Дерек Киднер отмечает: «Само наличие таких молитв в Писании — свидетельство Его понимания. Он знает, как говорят люди в отчаянии»³⁵⁰. Мысль Киднера заключается в следующем: если мы верим, что Бог Святым Духом вдохновил авторов Писания и собрал его воедино для нас, мы видим, что

³⁴⁹ Martin Marty, *A Cry of Absence: Reflections for the Winter of the Heart* (Harper, 1983), p. 68.

³⁵⁰ Derek Kidner, *Psalms 1–72: A Commentary on Books I–II of the Psalms* (Inter-Varsity Press, 1973), p. 157. Это замечание находится в конце его комментария касаясь 38-го псалма, еще одного псалма Псалтири, оканчивающегося выражением надежды.

Бог не «вырезал» подобные молитвы. Бог не говорит: «Настоящие верующие так не говорят! Я не допущу ничего *такого* в Библии». Как и в случае с Иовом, это не значит, что Емана не в чем винить. Тем не менее, ни в конце книги Иова, ни здесь мы не видим, чтобы Бог говорил, что любые крики боли неправомерны. Бог понимает. Может, нам показывают, что Создатель остается Богом этого человека не потому, что человек старается выглядеть довольным и

Если в Писании ты увидел философию, согласно которой все будет хорошо, для начала тебе нужно вырвать эту страницу из книги.

контролирует свои эмоции, но по благодати. Бог терпелив и милосерден к нам — Он с нами, несмотря на наши смешанные мотивы. Спасение — по благодати.

Еман не воздает Богу хвалу — он слаб и просто расклеился, но вот в Псалтири его молитва. Это ободряет нас — мы можем честно говорить о нашем внутреннем беспорядке, мы можем изливать душу.

В-третьих, мы выясняем, что пока мы находимся в неотступной тьме, у нас самая лучшая возможность победить силы зла. Во тьме у нас есть выбор, которого нет в лучшие времена. Мы можем выбрать служение Богу просто потому, что Он Бог. В самые мрачные времена нам кажется, что мы абсолютно ничего не получаем от Бога или от наших отношений с Ним. Но что если *тогда* — когда кажется, что нет никакой от того пользы — продолжать повиноваться, молиться и искать Бога, а также не прекращать выполнять свои обязанности любви к ближним? Если так поступать — мы наконец научимся любить Бога ради Него Самого, а не из-за преимуществ, которые Он нам дает.

А когда тьма рассеивается или уменьшается, мы обнаруживаем, что наша зависимость от чего-то, что

приносит нам счастье, кроме Бога, умалилась, и что у нас появились новые силы, и мы удовлетворяемся Им Самим. Мы обретаем новую стойкость, невозмутимость, уравновешенность и умиротворение перед лицом трудностей. Уголь становится алмазом. Толкин описывает одного из персонажей во «Властелине колец», Сэма Гэмджи, прошедшего через подобное испытание веры и выдержавшего его.

Казалось, надежда уже умерла в его душе, ан нет, она вдруг возгорелась с новой, неожиданной силой, а по телу пробежала дрожь, словно он превращался сейчас в какое-то существо из стали и камня, неподвластное ни отчаянию, ни усталости, ни бесконечным дорогам³⁵¹.

Это может произойти с нами. Как мы уже отмечали, мы мало знаем о Емане, но мы можем догадываться о произошедшем в его жизни. Киднер говорит:

Если в самом псалме нет и искры надежды, то название псалма дает нам ее, ведь этот, предположительно, оставленный Богом автор, похоже, был одним из первых в хорах, которым положил начало Давид. Им мы обязаны псалмами сынов Кореевых, одному из богатейших разделов Псалтири. Пусть он был обременен и подавлен, его [жизнь] никак нельзя назвать бессмысленной. Даже если он умер при жизни, в руках Божьих, эта жизнь принесла много плода³⁵².

³⁵¹ Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец. Две крепости. Пер. с англ.: Н. Григорьева, В. Грушецкий.

³⁵² Kidner, *Psalms* 73–150, p. 317.

Последнее, на что обращается внимание в этом псалме, это то, что наша тьма становится относительной благодаря тьме Иисуса. Тьма Емана была использована Богом — очевидно, что его тьма сделала его великим мастером. Получается, что отторжение Емана Богом не было абсолютным, как ему тогда казалось. И так всегда. Нам может казаться, будто Он оставил нас, но если мы верим Христу, «никакого осуждения» нет (Рим. 8:1) — значит, мы ошибаемся. Нам может казаться, что у него нет замысла, но сказано, что «все», что Он делает, «содействует ко благу» (Рим. 8:28) — значит, мы ошибаемся.

Благодаря Иисусу — надежда есть всегда, даже в самые мрачные моменты твоей жизни.

«Но, — спросите вы, — откуда мне знать, что это относится ко мне? Откуда мне знать, что Он здесь и желает мне только добра, даже когда я ощущаю сплошную тьму?» Вот откуда.

Еще один «безнадежный псалом» — 38-й — заканчивается словами Псалмопевца: «Отступи от меня» (Пс. 38:14). Но Единственный, Кто искал Бога; от Которого Бог действительно отступил; Который *настоящему* испытал крошечную тьму — Иисус. Его по факту оставил Бог. К моменту Его смерти все Его предали; все от Него отреклось; все Его отвергли или оставили Его — даже Собственный Отец. Крошечная тьма действительно была единственным другом Иисуса.

От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус

громким голосом: *Или, Или! лама савахфани?* то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф. 27:45–46).

Именно Иисус в действительности испытал настоящую тьму — ту бесконечную богооставленность, которую заслужили мы, чтобы мы знали, что Господь никогда не оставит и не бросит нас (Евр. 13:5). Поскольку Его по-настоящему оставил Бог, нам может только *казаться* или мы можем *чувствовать*, что Он оставил нас. Но это не так, несмотря на наши ошибки. Эми Кармайл, ирландский миссионер в Индии начала XX века и автор ряда книг, написала стихотворение «Этот странный прах» — диалог души и Бога.

«Но этот странный прах, Господь, да в этой пустоте,
Утрат неясный вкус?»

Сын Мой, ослабла Моя боль в жестокой наготе,
Когда Ты на кресте?³⁵³

Страдая в Гефсиманском саду, Иисус мог бросить Свою миссию. Он мог сказать: «С чего Мне буквально идти в ад ради Моих учеников, которые Меня не понимают, не поддерживают и не могут даже бодрствовать со Мною, когда Мне это необходимо больше всего?» Нет, Он на это не пошел. Он пошел на страдания ради нас. Он не оставил нас, несмотря на Свое собственное страдание. Ты правда считаешь, что Он оставит тебя теперь, в разгар твоего страдания? Толкователь Библии Майкл Уилкок считает, что Иисус посредством псалма разговаривает с нами:

Верно, что Сам Христос вот так спустился [во тьму] и снова был изъят из нее. Но здесь Он стре-

³⁵³ Elisabeth Elliot, *Keep a Quiet Heart* (Servant, 1995), p. 73.

мится к тому, чтобы Своим словом и Своими слугами, знающими Его слово, протянуть руку душе, погруженной в пучину тьмы. «Такое может случиться с верующим человеком, — говорит Он. — Это не значит, что ты пропал. Такое может случиться с тем, кто этого не заслуживает [ведь со Мной это случилось!]. Это не значит, что ты сбил с пути. Такое может случиться в любой момент, куда существует этот мир; только в грядущем оно будет уничтожено. Такое может произойти, когда ты не знаешь причин. Ответы есть, цель есть, и однажды ты их узнаешь»³⁵⁴.

Благодаря Иисусу — надежда есть всегда, даже в самые мрачные моменты твоей жизни.

Скорбь и радость

Нам стоит закончить следующим: что это значит — «возрадоваться скорбям»? Мы не в последний раз обращаемся к этой теме, но сейчас нам нужно осознать, что нельзя рассматривать это библейское наставление с чисто субъективной, эмоциональной точки зрения. Радость не может подразумевать только эмоции счастья. Она также не может подразумевать, что христиане должны просто иметь самообладание и с вызовом говорить: «Я никогда не признаю поражение!» Это реакция эгоцентричного и самодостаточного человека, делающего вид, что у него есть необходимые

³⁵⁴ Michael Wilcock, *The Message of Psalms 73–150: Songs for the People of God* (Inter-Varsity Press, 2001), p. 65.

силы, тогда как их можно обрести только в Боге. Это нереалистично и даже опасно. Страдание порождает внутреннюю печаль, оно действительно делает слабым. Отрицать свою боль — говорить себе, что ты в полном порядке — значит скорее всего поплатиться за это впоследствии. Может внезапно оказаться, что ты сорвался, потерял контроль над собой или совсем расклеился. Тогда ты понимаешь, что сам себя обманываешь. Тебе больнее, чем раньше казалось.

В своем Первом послании (1 Пет. 1:6–7) Петр говорит, чтобы мы видели Божье спасение во Христе и «о сем радуйтесь», но затем добавляет: «...поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений». Поразительно, но оба утверждения произносятся в настоящем времени. Его слушатели радуются *сейчас* о своем спасении, даже когда они — и снова в настоящем времени — страдают от глубокой скорби, боли и печали. Греческое слово, стоящее на месте слова «скорбеть» — это форма слова *λυπέω*, означающего «серьезное психическое или эмоциональное расстройство». Что примечательно, это слово использовалось для описания состояния Иисуса в Гефсиманском саду: Он «начал скорбеть (*λυπέω*) и тосковать. Тогда говорит им Иисус: «душа Моя скорбит смертельно» (Мф. 25:37–38). Итак, Петр говорит, что многие глубоко обеспокоены и полны скорби, но в то же время они радуются. Дважды настоящее время.

Заметьте, что Петр не говорит: «Раньше вы радовались о Христе, а теперь вам больно, вы страдаете. Не переживайте, вы еще возрадуетесь». Он не говорит: «Как приятно видеть, что в этих испытаниях и бедствиях вы не грустите и не скорбите, но радуетесь во Христе». Петр не противопоставляет одно другому. Он не говорит, что мы можем либо радоваться о Христе, либо стенать и кричать от боли, но

не можем делать и то, и другое. Нет, мы не только можем делать и то, и другое, мы *должны*, если хотим перерасти наше страдание, а не быть уничтоженными им³⁵⁵.

Для западного человека понять это очень сложно, поскольку мы считаем свои чувства практически священными, верховными. Мы либо счастливы, либо нет, и мы уверены, что не можем придавать своим чувствам ту или иную окраску. Это верно; мы не должны отрицать наших чувств или выдумывать их. Но мы должны помнить, что в Библии «сердце» не равно эмоциям. Сердце — это место, в котором хранятся твои самые глубокие чувства приверженности и доверия чему-то и надежды. Приверженность порождает наши эмоции, мысли и действия. «Радоваться о Боге означает размышлять и напоминать себе о том, Кто такой Бог, кто мы и что Он сделал ради нас. Иногда наши эмоции откликаются и следуют за нами в этом процессе, а иногда — нет. Но, значит, мы не должны определять *радость* как нечто, устраняющее чувства скорби или сомнений, слабость и боль. Радость в страдании приходит *наравне со скорбью*.

Отрицать свою боль — говорить себе, что ты в полном порядке — значит скорее всего поплатиться за это впоследствии.

³⁵⁵ Толкователи отмечают некую двусмысленность в глаголах Петра — их можно воспринимать одновременно как изъявительное наклонение, так и повелительное наклонение настоящего времени. По этой причине переводчикам непросто передать времена глаголов: «Поскорбев теперь немного». Многие считают эту двусмысленность намеренной и мастерской. То есть те, кто уже испытывают одновременную радость и скорбь, читают послание Петра как похвалу, а те, кто еще не пришел к этому состоянию, читают послание как указание и побуждение. Marshall, *1 Peter*, p. 93.

Вот как это работает. Скорбь и печаль дают импульс и подталкивают к Богу. При понижении температуры в помещении термостат дает импульс котлу, и тот нагревается. Точно так же печаль и скорбь побуждают искать пути к Богу и указывают на ресурсы, которых у нас не было. Да, *ощутите* скорбь. Мы склонны говорить: «Я боюсь скорби, я боюсь боли. Я не хочу их ощущать. Я хочу радоваться о Господе». Но посмотрите на Иисуса. Он же был совершенным? И все равно Он все время плачет. Он постоянно рыдает, Муж скорбей. Знаете почему? Потому что Он *совершенный*. Потому что когда ты не полностью погружен в себя, ты чувствуешь печаль мира. Следовательно, на самом деле радость Господа происходит посреди печали. Она не следует за печалью. Она не следует за бесконтрольным плачем. Плач подталкивает к радости, он углубляет чувство радости, а затем радость позволяет тебе прочувствовать свою скорбь, но она тебя не потопляет. Другими словами, ты наконец-то обретаешь эмоциональное здоровье.

Д. М. Ллойд-Джонс в своей проповеди об этих стихах в Первом послании Петра говорит о том же. Он отмечает, что мы не должны ждать, что Бог освободит христиан от страданий и внутренней тьмы, или что Он просто извлечет нас из этой тьмы, как только мы помолимся. Вместо того чтобы ждать Божьей помощи в освобождении от печали и замены ее счастьем, нам следует искать «славы» — представления о Божьем присутствии, убежденности в нем и усиливающегося ощущения Его присутствия, позволяющего нам подняться над этой тьмой. Он говорит:

На самом деле христианин — это не человек, который невосприимчив к происходящему вокруг. Нам необходимо подчеркнуть эту истину, по-

сколько существуют люди, чье представление о христианской жизни вообще делают христианина противоестественным. Христианин подвержен скорби и печали <...>, а отсутствие ощущения скорби <...> неестественно, выходит за рамки Нового Завета, оно скорее имеет привкус стоического или психологического состояния, вызванного культом, а не христианством... [Христианин] обладает тем, что позволяет ему возвыситься над всем этим, но слава христианской жизни состоит в том, что ты возвышаешься, хотя и чувствуешь эту скорбь. Чувство не отсутствует. Это важная граница³⁵⁶.

³⁵⁶ Lloyd-Jones, *Spiritual Depression*, pp. 220–221.

Доверие

Если бы Бог был достаточно мал для понимания,
Он не был бы достаточно велик для поклонения³⁵⁷.

Эвелин Андерхилл

Мы изучили, насколько для страдания важны искренняя скорбь и настоящий «плач», важно также рассмотреть призыв доверять Богу, несмотря на страдание. Некоторые христианские писатели отмечают жалобы Иова, критические замечания Иеремии и псалмы плача как показательный пример для верующих в оценке своей боли. Некоторые более консервативные и склонные к традиционному подходу писатели утверждают, обращаясь к другим библейским отрывкам, что мы всегда должны доверять непостижимой мудрости и владычеству Бога. Факт остается фактом: оба типа текстов помещены в Библию, и оба они важны. Нам не следует истолковывать одну группу таким образом, чтобы она противоречила другой или уменьшала значимость ее утверждений и предположений.

Доверие к Господу во всем — непростая задача. Слава богу, Библия помогает нам осуществлять ее не только посредством команд и указаний. Она также рассказывает нам истории. Нет лучше истории, раскрывающей данную тему, чем повествование об Иосифе и его братьях в последних главах книги Бытия.

³⁵⁷ *These Strange Ashes* (Revell, 1982), p. 7.

Иосиф был одиннадцатым из двенадцати сыновей Иакова. Но, будучи старшим сыном любимой жены Иакова, покойной Рахили, он был любимцем отца. Иаков сделал Иосифу «разноцветную одежду» (Быт. 37:3), и когда братья увидели, «что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно» (Быт. 37:4). Когда начинается библейское повествование, Иосиф уже почти взрослый, и проявляются негативные последствия фаворитизма Иакова.

Иосиф видел два ярких сна, которые, очевидно, означали, что все его братья в конце концов поклонятся и будут служить ему. А сны часто делают реальным и ярким желание, которое мы питали тайно или подсознательно. Горячий рассказ Иосифа о своих снах показывает, что еще до них он чувствовал, как его превосходство растет. Он быстро превращался в очень самолюбивого молодого человека, нарцисса, не имеющего реалистичного самоосознания. В итоге он утратит всякую способность эмпатии и любви к другим. Его ждали неудачные браки и разрушенные отношения, и просто несчастная жизнь, свойственная подобным людям.

Вдобавок, Иосиф вообще не видел негативных воздействий в семье. Из-за его снов братья только больше на него разозлились (Быт. 37:11), и их сердца были отравлены обидой. Они жаждали любви отца, но не получали ее. Они ненавидели Иосифа и состоялись друг с другом. Глава-вставка номер 38, история Иуды и Фамари, отражает то, как все это повлияло на характер сыновей Иакова. Они становились

бессердечными, эгоистичными и способными на настоящую жестокость. Для всех будущее было смутным. Их всех ждала жизнь, полная страха, ревности, разочарований, насилия и краха семьи.

Но внезапно с Иосифом произошло ужасное. Его братья пасли скот отца своего в отдаленных местах, и Иаков послал Иосифа посмотреть, все ли у них в порядке и вернуться с новостями. Когда Иосиф дошел до этих мест, он обнаружил, что братья ушли; но некий человек рассказал ему, где они. Это новое, еще более изолированное место Дофан давало обиженным братьям возможность разобраться с Иосифом без свидетелей. Когда он пришел к ним, они схватили его и бросили в пустой ров, где он сидел как пленник, пока они решали, что с ним делать. Одни хотели убить его, другие советовали продать за сребреники работоторговцам. Так они и поступили. Отцу же сказали, что животное напало на Иосифа и съело его.

Беззащитный Иосиф в оковах был отведен в далекий Египет, где стал домашним рабом. Он работал усердно, надеясь угодить хозяину и улучшить свое положение, но его несправедливо обвинила недовольная, отвергнутая им жена хозяина. В результате его бросили в тюрьму, и надежды когда-либо выйти из нее не было.

Повествование этих глав мало говорит о духовной жизни Иосифа. Мы знаем, что он умолял братьев пощадить его, когда сидел во рву (Быт. 42:21), и, конечно же, он должен был взывать к Богу отцов своих Авраама, Исаака и Иакова. Он должен был просить Бога спасти его — но ответа не было. Затем, в Египте, он, может быть, молился об избавлении от рабства или хотя бы о том, чтобы ему позволили самому найти выход. Этого не просто не произошло — он вообще потерял всякую надежду, став узником фара-

она. Итак, возможно, Иосиф многие годы молился о помощи Божьей и ни разу не получил ответа.

Но все переменялось. В тюрьме Иосиф встретил человека, царедворца: его отдали под стражу, поскольку он потерял расположение царя. Этому человеку, виночерпию царя, приснился сон, который верно истолковал Иосиф с помощью Духа Божьего. Виночерпия вернули на его службу, но он забыл об Иосифе до тех пор, пока сам фараон не увидел два сна, сбивших его с толку. Тогда виночерпий сообщил об Иосифе, которого привели к фараону, и Бог снова помог ему. Иосиф объяснил фараону значение его снов. Это было предупреждение от Бога о предстоящих семи годах голода, тяжелого как никогда. Кроме того, Иосиф очертил государственную политику, которая не просто подготовит и спасет Египет от голодной смерти, но и увеличит власть и влияние Египта во всей окружающей местности.

Фараон сразу же увидел гениальность Иосифа и Духа Божьего, пребывающего с ним. Он дал Иосифу высочайший пост в государстве, наделил его властью — и тем позволил воплотить его идею в жизнь. Благодаря новой власти Иосиф принял самые действенные меры по предотвращению голода в стране — и в «тощие годы» смерть миновала Египет. Вскоре сюда потянулись люди со всех окраин. И вот однажды десять усталых и грязных евреев появились у порога Иосифа: они очень хотели купить зерно, чтобы прокормить свои семьи.

Конечно, это были его братья, но они не узнали его — он стал взрослым, и на нем были царские египетские одежды. Однако сам Иосиф узнал их, и это поразило его до глубины души. Тем не менее он скрыл свои чувства и также решил скрыть свою личность от братьев своих. После этого он встречался

с ними несколько раз и испытывал их — сначала он поил их вином и кормил, затем угрожал и пугал их. Дерек Киднер в своем толковании на книгу Бытия пишет: «Насколько обдуманной была линия поведения [Иосифа], можно увидеть по появлению абсолютно нового отношения братьев. Перемежающиеся солнце и мороз раскрыли их для Бога»³⁵⁸.

Этот комментарий Киднера подытоживает стратегию Иосифа. С одной стороны, был «мороз», «привкус воздаяния». Он обвиняет их в соглядатайстве, что они отрицают, но одного из них, Симеона, отдает под стражу как гарантию их искренности. Все это — яркое напоминание братьям об их прошлых грехах. Иосиф постоянно делает так, чтобы они были вынуждены заново проживать события прошлого.

Затем Иосиф делает последний ход. Он настаивает на том, чтобы братья привели в Египет младшего брата, Вениамина, иначе еды они не получат. Теперь Вениамин — любимый сын отца, последний ребенок его жены Рахили. Они не хотят просить отца, и Иакова почти убивает то, что он должен отпустить Вениамина, но они чувствуют, что у них нет выбора — в противном случае им придется умереть с голоду. Они возвращаются в Египет с Вениамином, но Иосиф делает так, что утраченная ценная чаша нашлась у Вениамина. И он ставит перед братьями ультиматум. Он говорит им, что они могут идти домой с миром, если они просто позволят ему оставить у себя Вениамина в качестве наказания.

В общем, он все подстраивает так, чтобы у братьев все время была возможность сделать с Вениамином то же, что с Иосифом. Он снова дает им возможность

³⁵⁸ Kidner, *Genesis*, p. 199.

избавиться от любимчика отца и пожертвовать им во имя собственной жизни и свободы (Быт. 44:17). Киднер пишет:

Блестящий ход... в стратегии Иосифа. Как на суде Соломона, внезапная угроза Вениамину явилась ударом в сердце: внезапно братья были разоблачены... им предоставили все условия для еще одного предательства... Их реакция, в своем единодушии (Быт. 44:13), откровенности (Быт. 44:16) и постоянстве (ведь предложено было дважды, Быт 44:17), показала, насколько эффективно было все предшествующее наказание³⁵⁹.

Затем шаг вперед делает один из братьев, Иуда. Это он в первую очередь настаивал на продаже Иосифа в Египет. Но теперь он не просто молит о пощаде, но и предлагает себя, чтобы пострадать вместо брата своего (Быт. 44:33–34). Он просит египетского господина принять его вместо Вениамина. Иуда предлагает свою жизнь в качестве расплаты за воровство, чтобы освободить младшего из братьев. Он говорит человеку, который, по его мнению, ему незнаком:

Итак пусть я, раб твой, вместо отрока останусь рабом у господина моего, а отрок пусть идет с братьями своими: ибо как пойду я к отцу моему, когда отрока не будет со мною? я увидел бы бедствие, которое постигло бы отца моего (Быт. 44:33).

Услышав это, Иосиф больше не может держать себя в руках. Он рыдает и говорит своим оцепеневшим от изумления братьям: «Я — Иосиф <...> Я — Иосиф,

³⁵⁹ Ibid., p. 205.

брат ваш, которого вы продали в Египет; но теперь не печальтесь и не жалейте о том, что вы продали меня сюда, потому что Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни» (Быт. 45:3–5). Вскоре Иосиф воссоединяется со всей своей семьей, включая отца, и они живут вместе в мире и благоденствии в землях Египта до смерти Иакова и Иосифа, старых и исполненных лет.

Сокрытый Бог

Разве это связано с тем, как мы реагируем на разочарование, боль и страдания? Еще как. С нашей позиции мы можем оглянуться и задаться вопросом: действительно ли Бог «пропал без вести» на все те годы, в которые, казалось, Его не было в жизни Иосифа? Когда Иосиф молился о сохранении жизни во рву, действительно ли Бог не слышал его? Во все те дни, когда абсолютно все, казалось, шло не так у Иосифа, Бога не было с ним? Конечно, был и не бездействовал. Он был сокрыт, и в то же время полностью все контролировал.

Некоторые подсчитали все «случайности» и «совпадения», и все то, что должно было произойти, чтобы Иосиф стал рабом в Египте. Иакову нужно было послать Иосифа, чтобы тот проверил, как идут дела у братьев, пасущих овец (Быт. 37:13). Иаков должен был знать, что его сыновья пасли в Сихеме (Быт. 37:12). Если бы он знал, что они в Дофане (Быт. 37:17), который дальше и гораздо менее населен, вполне возможно, что он не послал бы туда Иосифа. Когда Иосиф приходит в Сихем, он «случайно» сталкивается с не-

знакомцем, которому известно, куда ушли его братья; этот незнакомец дружелюбен, и сам начинает разговор (Быт. 37:15). Он говорит, что знает о местонахождении братьев только потому, что он «слышал» их разговор (Быт. 37:17). Если бы Иосиф не встретил этого человека или если бы этот человек «случайно» не подслушал разговор братьев его, Иосиф никогда бы не попал в Египет. Только потому, что они были в таком отдаленном месте, «избавление» от Иосифа могло сойти им с рук, а рассказ о падении зверя в таком краю звучал правдоподобно (Быт. 37:19–20). Старший брат, Рувим, был против такого обращения с Иосифом, и просто так случилось, что его не было с ними (Быт. 37:29), когда проходили купцы, это обстоятельство позволило Иуде и остальным братьям продать Иосифа в рабство (Быт. 37:26–28).

Бог — Владыка и контролирует все. В то же время люди обладают свободой воли и несут ответственность за свой выбор.

Далее следует еще одна цепь совпадений, вследствие которых Иосиф оказался при дворе фараона. Иосифа должны были отправить в дом женатого человека. Его жена должна была влюбиться в Иосифа. Если бы Иосифа не обвинили несправедливо, его бы не взяли под стражу. Если бы фараон не разозлился на своего виночерпия, он вряд ли бы был посажен в темницу и не встретил бы Иосифа (Быт. 40:1–3).

Сколько же этих «совпадений»? Мы сбились со счета. Но вот что нам известно: Иосифа отправили в Египет только благодаря тому, что каждое из этих небольших событий произошло именно так, а многие из них были неприятными, ужасными. Но задумайтесь: что было бы, если бы он никогда не попал в Египет. Огромное количество людей погибло бы. Его

собственная семья умерла бы с голоду. А с духовной точки зрения, его семью постигла бы катастрофа. Иосифа развратила бы его гордость, его братьев — гнев, а Иакова — зависимость, его идолопоклонническая любовь к младшим сыновьям.

Мы уже рассматривали богословскую сторону этого вопроса. Согласно Библии, Бог — Владыка и контролирует все. В то же время люди обладают свободой воли и несут ответственность за свой выбор. Так выглядит богословское суждение, но насколько больше силы и яркости оно обретает в свете реальной истории. Если бы братья не предали Иосифа и не продали его в рабство, их семья [и Иосиф] не спаслись бы от катастрофы и смерти. Очевидно, что это Промысл Божий. Бог был рядом всегда — даже в малейших деталях повседневной жизни; Он действовал через планы и выбор каждого отдельного человека. Итак, это подтверждение того, что «все» совершается «по изволению воли» Его (Еф. 1:10–11; Рим. 8:28).

Итак, в том, что они сделали, нет ничего страшного? Несомненно, есть. Они поступили неправильно — их никто не заставлял. Чувство стыда и вины сокрушило их. Им было необходимо пройти через болезненный процесс, который позволил им заново пережить содеянное ими зло, и иметь возможность отказаться от него, и получить свободу и прощение.

Как все это произошло? Через страдание. Страдания братьев и Иакова, и ужасное страдание Иосифа. Кошмарные годы тяжелого рабского труда для Иосифа, кошмарные годы истощающего чувства вины для братьев и кошмарные годы скорби и уныния для Иакова — все это Промысл Божий. А как еще можно было их спасти физически и духовно? Он «на-

казывает нас... для пользы». За болью следует «мирный плод праведности» (Евр. 12:10–11).

Британские пастухи часто берут овец и баранов, одного за другим, и бросают их в глубокое корыто, огромную ванну, наполненную антисептиком. Пастух должен полностью погрузить в него каждое животное — уши, глаза и нос должны находиться в этой жидкости. Конечно, овцам ужасно страшно. А если овца пробует вылезти из корыта слишком быстро, пастушьи собаки лают и лязгают зубами, заставляя ее снова нырять. Но как бы страшно ни было овцам, без периодического лечения они становятся жертвами паразитов и болезней. Это для их же пользы. Одна христианская писательница, наблюдавшая за этим процессом, не могла не вспомнить, что Иисуса называют нашим Пастырем Добрым, а нас — Его овцами. Она пишет:

В моей жизни бывали ситуации, из-за которых я очень сочувствовала этим несчастным барашкам — я не могла найти никаких причин тому, как со мной обращался Пастырь, Которому я доверяла. А Он никак не объяснял происходящее. Наблюдая за мучившимися овцами, я думала: «Если бы только объяснить! Но дивно ведение Твое для них — слишком высоко, не могут постигнуть его» (Пс. 138:6)³⁶⁰.

У нас тоже есть Пастырь Добрый, заботам Которого вверены овцы, хотя Он часто делает с нами нечто пугающее — то, чего мы в настоящий момент не можем понять.

³⁶⁰ Elliot, *Glory of God's Will*, p. 130.

Наверное, больше всего поражает осознание того, что если бы Бог даровал Иосифу то, о чем он, скорее всего, просил в молитвах, последствия были бы ужасными. И мы должны понимать, что Бог, по сути, отказывал Иосифу, раз за разом, непреклонно, почти во всех его конкретных просьбах в течение примерно двадцати лет. Большинство знакомых мне людей сдались бы и сказали: «Раз Бог хлопает дверью перед моим носом *всякий раз*, когда я молюсь, год за годом, я сдаюсь». Но если бы сдался Иосиф, все бы пропало. В темнице Иосиф обращается к Богу за помощью в толковании сна. Несмотря на все годы безответной молитвы, он все еще доверяет Богу.

Смысл вот в чем. Бог *правда* слышал и отвечал на молитвы Иосифа об освобождении, помощи и спасении, но не таким образом и не в то время, о котором просил Иосиф. Все время, в которое Бог казался сокрытым, Иосиф все равно Ему доверял. Как мы видели, в темнице Иосиф незамедлительно обратился к Богу за помощью в толковании сна. Он не отвернулся от Господа.

Мы должны поступать так же. Мы должны помнить, что можем быть похожи больше на Иова, чем на Иосифа. В конце концов Иосиф увидел, в чем состоял замысел Божий. Все сошлось, и он смог оглянуться и увидеть действия Бога на всем протяжении пути. Однако многие из нас так и не смогут разглядеть замысел Творца на нашу жизнь в подробностях. Часто мы похожи на Иова, которому даже в конце испытания не рассказывают то, что известно читателю: искушения Иова видел Небесный совет, и они

стали темой одного из величайших литературных произведений в истории. Большинство из нас не такие, как Иосиф — который видел многие причины своего страдания, — и не такие, как Иов — который почти не видел их. Вероятно, мы увидим часть из них. Возможно, больше с годами. Но вне зависимости от того, сколько из них мы сможем разглядеть, мы должны доверять Богу, как Иосиф.

Любопытно привести контрастный пример — другое событие, случившееся в Дофане много лет спустя, когда Дофан уже не был отдаленной местностью, но городом. Пророк Елисей со своим слугой оказались в заточении в городе, осаждаемом сирийскими войсками. Слуга Елисея очень боялся, но пророк молился Богу, чтобы у того открылись глаза, и тогда он увидел «колесницы огненные» — Ангельские силы — окружавшие город, защищая их всех. Впоследствии город был спасен, когда вся сирийская армия была поражена слепотой по действию Божию (4 Цар. 6:8–23).

Итак, подумаем об этих двух божественных деяниях в Дофане. В первом случае Иосиф вопиет к Богу об освобождении и спасении. Но, кажется, Бог вообще не реагирует. Во втором случае Бог незамедлительно отвечает на молитву Елисея об освобождении огромным чудом. На первый взгляд, такое ощущение, что Бог игнорирует Иосифа и отвечает Елисею. Но это не так. «Окажется, что, будучи скрытым, Бог внимательно наблюдал — как и в любом чуде. Две крайних степени Его путей проявляются в Дофане, ведь именно здесь Иосиф тщетно вопиет (Быт. 42:21), а Елисей видит себя в окружении колесниц Божиих»³⁶¹.

Присутствие и активность Божья не меньше в медлительной реакции на просьбы Иосифа, чем

³⁶¹ Kidner, *Genesis*, p. 181.

в быстром ответе Елисею. Его вовлеченность в тишине рва была такой же любящей, как и в шумном, зрелищном ответе на молитву Елисея. В самом деле, можно поспорить, что спасение Иосифа, хотя и менее драматичное, было величественнее по своей глубине, широте и последствиям. История Иосифа показывает, что очень часто Бог не дает нам именно то, о чем мы просим. Вместо этого Он дает нам то, о чем мы попросили бы, если бы знали замысел Его.

Мы никак не должны предполагать, что знаем достаточно, чтобы не доверять путям Божиим или обижаться на попущенное Им. Мы также не должны считать, что по-настоящему разрушили свою жизнь или разрушили благой замысел Божий касемо нас. Конечно же, братья когда-то должны были почувствовать, что они навсегда испортили свои отношения с Богом, и жизнь отца, и свою семью. Но Бог все разрешил. Это не побуждение ко греху. Боль и несчастье, явившиеся следствием их поступков, были велики. Однако Бог обратил их в искупление. Невозможно разрушить Его благой замысел. Он слишком велик, и вплетает даже великие грехи в такую ткань, которая делает нас полезными и ценными.

В конечном итоге мы должны верить в Божью любовь. После смерти Иакова братья переживают, что обида еще теплится в груди Иосифа и он будет мстить. Однако Иосиф собирает их вместе и говорит:

Не бойтесь, ибо я боюсь Бога; вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей; итак не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их (Быт. 50:19–21).

Эта небольшая речь несет в себе огромные ресурсы для тех, кто столкнулся с темными временами и предательством близких. Во-первых, Иосиф предполагает, что за всем произошедшим стоит Бог — благой и любящий. Даже несмотря на то, что поступок братьев был злым и неправильным, Бог намеревался использовать его во благо. Это ветхозаветный аналог идеи из По-

Очень часто Бог не дает нам именно то, о чем мы просим. Вместо этого Он дает нам то, о чем мы попросили бы, если бы знали замысел Его.

слания к Римлянам: «Любящим Бога все содействует ко благу» (Рим. 8:28). После этих слов Павел представляет ряд ярких вопросов и утверждений, и дополнительных предложений, заключая, что «никакая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:31–38).

Павел и Иосиф говорят следующее. Неважно, как все плохо, верующие могут быть уверены — Бог любит нас. Апостол Павел отмечает, что абсолютно убежден в этом (Рим. 8:38–39). Он расширяет пределы языка, чтобы заявить, что ни смерть, ни жизнь, ни рай, ни ад, ничто не может отделить от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем. Ничто. Все силы зла внутри нас и все силы зла снаружи не могут отлучить от любви Божией. Когда ты отдаешься Богу через Христа, Он — твой, а ты — Его. Ничто не изменит этого.

Все сходится

История Иосифа показывает, что все происходящее — часть замысла Божия, даже мелочи и негативные ситуации. Приведу всего один личный пример.

Иногда я спрашиваю людей в моей Пресвитерианской церкви Спасителя в Нью-Йорке, рады ли они ее существованию. Они рады (слава богу!). Тогда я указываю на любопытную цепочку «совпадений», как в истории Иосифа, приведшую к ее основанию. Наша церковь существует во многом благодаря тому, что мы с женой Кэти были посланы в Нью-Йорк для учреждения этой новой церкви. Почему мы были посланы? Потому что мы присоединились к пресвитерианской деноминации, поощряющей распространение церквей, и она нас отправила сюда. Но почему мы присоединились к пресвитерианской деноминации? Потому что в самый последний семестр последнего года обучения в семинарии я занимался на двух курсах у некоего профессора, убедившего меня принять доктрины и убеждения пресвитерианства. Но почему этот профессор был в семинарии в то время? Он был там только потому, что после долгих дней ожидания, он наконец смог получить визу на преподавание в США, будучи гражданином Великобритании.

Этого профессора наняли в моей американской семинарии, но ему было очень сложно получить визу. По разным причинам в то время этот процесс был затруднен, и накопилось огромное количество заявлений. Что именно позволило ему преодолеть всю эту бюрократию, и получить визу, и приехать вовремя, чтобы учить меня в течение последнего семестра? Оказалось, весь процесс ускорили, ибо один наш семинарист помог школьной администрации решить на самом высшем уровне некий весьма щекотливый вопрос. Этот учащийся был сыном действующего президента США. Почему его отец был президентом? Потому что предыдущему президенту, Ричарду Никсону, пришлось уйти в отставку в

результате Уотергейтского скандала. Но почему Уотергейтский скандал вообще произошел? Я так понимаю, потому что ночной охранник заметил открытую дверь.

А если бы охранник не заметил ту дверь? А если бы он просто посмотрел в другую сторону? В этом случае не произошло бы ничего из длинной цепочки «совпадений». И в городе не было бы Пресвитерианской церкви Спасителя. Вы думаете, это все случайность? Не согласен. Если все это не произошло случайно, ничто не происходит случайно. Я бы хотел сказать людям в церкви Спасителя: «Если вы рады существованию этой церкви, значит, даже Уотергейт произошел ради вас».

Все, о чем ты молишься и чего Бог не дает, на самом деле тебе не нужно.

Крайне редко мы отмечаем даже миллионную часть тех Божьих путей, благодаря которым все содействует ко благу любящим Бога. Но Он действует — и можете быть уверены, что Он не бросит вас. Следующее классическое письмо Джона Ньютона, англиканского священника и автора, написанное им к скорбящей сестре, обретает глубочайший смысл на фоне истории Иосифа:

Я очень много думаю о твоей сестре. Ее болезнь глубоко печалит меня: будь она в моих руках, я бы как можно скорее избавил ее: это может Господь, и я надеюсь, так и будет — когда болезнь послужит той цели, ради которой Он ее послал... Я очень хочу, чтобы ты могла предать ее, и саму себя, и все ваши заботы в Его руки. Он обладает суверенным правом делать с нами все, что Ему угодно; а если мы изучим самих себя, мы непременно признаем, что нам не на что жаловаться: а Его владычество

проявляется в благодати для ищущих Его. Все содействует ко благу; все, что Он посылает, необходимо; все, что Он скрывает, не может быть необходимым...

Тебе нужно терпение, и, если просить, Господь дарует его. Но мир не устоит, если в какой-то мере не подавлять нашу волю. Спрячься под тенью Его крыльев; положишься на Его заботу и силу; воспринимай Его как Врача, милостиво взявшего на Себя исцеление твоей души от самой худшей болезни — греха. Прими Его лекарство и борись со всякой мыслью, делающей твой собственный выбор желанным.

Когда ты не видишь пути, довольствуйся тем, что Он ведет тебя. Когда твой дух ошеломлен, Он знает, куда тебе идти: Он не даст тебе потонуть. Он назначил время укрепления, и ты узнаешь, что Он не забывает о тебе. Прежде всего, не отходи от престола благодати. Если из попыток приблизиться к Нему мы не извлекаем пользы, можно быть уверенным, что мы не извлечем никакой пользы, оставив Его³⁶².

Утверждение Ньютона — «все, что Он посылает, необходимо; все, что Он скрывает, не может быть необходимым» — позволяет уместить целый океан библейского богословия в наперстке. Если история Иосифа и всей Библии истинна, тогда все происходящее в жизни, какую бы боль оно ни приносило, совершенно необходимо. А все, о чем ты молишься и чего Бог не дает, на самом деле тебе не нужно.

³⁶² Newton, *Letters*, pp. 179–180.

По сути Иосиф говорит братьям: «Вы пытались уничтожить меня, но Бог использовал данную мне чашу зла и страданий во спасение многих жизней, включая ваши. Поскольку я вижу искупительную любовь Божию за всем произошедшим, Бог вознес меня и теперь я нахожусь справа от престола; я прощаю вас и властью своей восстанавливаю и защищаю вас». Способность Иосифа видеть руку Божию даже в негативных событиях своей жизни научила его прощать. Но Иосиф, как бы велик он ни был, всего лишь предвестник. Киднер пишет:

Этот библейский реализм, ясное видение двух аспектов каждого события — с одной стороны, неправильные действия людей (и слепые — природы), с другой стороны, совершенная Божья воля... — должен был в высшей степени проявиться в Гефсиманском саду, в котором Иисус принял предательство, эту «чашу, которую дал Мне Отец»³⁶³.

Прошло много веков со времен Иосифа, и пришел Другой, Которого не приняли свои (Ин. 1:11), и Его продали за сребреники (Мф. 26:14–16). От Него отреклись и Его предали Собственные братья; Его несправедливо арестовали и приговорили к смерти. Он тоже горячо молился, спрашивая Отца, не мог бы Он пронести мимо чашу страданий и смерти, которые Ему предстояло испытать. Но если мы внимательно прочтем молитву Иисуса, то заметим, что Он называет ее

³⁶³ Kidner, Genesis, p. 207.

«чашей Отца», как и Иосиф (Ин. 18:11). Эти страдания — часть замысла Божия. Как Он говорит Пилату: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ин. 19:11). Иисус же «уповал на Бога» (Мф. 27:43). Он умирает за врагов Своих, таким образом даруя им прощение, потому что знает, что за всем этим — искупительная любовь Отца, у которой есть цель. Его враги хотели совершить зло, но Бог взял верх и использовал это зло во спасение людей. Теперь Он одесную Отца, Он управляет историей ради нас, наблюдает за нами и защищает нас.

Представьте себе, что вы ярый приверженец Иисуса. Вы видели, что Он обладает силой исцеления и может творить чудеса. Вы слышали Его речи, полные непревзойденной мудрости, как и все Его существо.

СДЕЛАЙТЕ ТО ЖЕ, ЧТО И
ИИСУС — ДОВЕРЬТЕСЬ БОГУ.

Вы в восторге от перспективы того, что Он будет Царем. Все больше людей собираются, чтобы слушать Его. Он Един-

ственный в своем роде. Вы думаете, с Ним в Израиле настанет золотой век, если все будут слушать Его и повиноваться Ему.

Но вот вы стоите перед крестом с несколькими его учениками, нашедшими в себе силы наблюдать за всем этим. А люди говорят: «Как Бог мог оставить лучшего человека, которому нет равных? *Я не вижу, как Бог сможет обратить все это во благо*». А что бы сказали вы? Скорее всего, вы бы согласились. Однако вот вы стоите и смотрите на величайшее, гениальнейшее действие Бога ради человечества. На кресте воплощаются и справедливость, и любовь — зло, грех и смерть повержены. Вы смотрите на абсолютную красоту, но поскольку она не вмещается в рамки вашего ограниченного понимания, вы рискуете отвернуться от Бога.

Не надо. Сделайте то же, что и Иисус — доверьтесь Богу. Сделайте то же, что и Иосиф — даже в темнице верьте Богу. Нам нужна вся Библия, чтобы понять, почему смерть Иисуса на кресте не была просто провалом и трагедией, но совершенной мудростью. На разъяснение замысла Творца касаясь несчастий Иосифа уходит большая часть книги Бытия. Иногда нам хочется, чтобы Бог даровал нам *нашу* книгу — полное толкование! Но хоть мы и не можем знать все конкретные причины наших крестов, мы можем смотреть на *тот самый* крест и убеждаться, что Бог все управит — и вместе со всеми воспеть:

О вы, святые, бросьте страх;
 Не бойтесь этих туч:
 Благословения полны,
 Что изольется в вас.

В Библии раз за разом Бог дает нам понять, что Он добьется спасения через слабость, а не силу, ведь Иисус восторжествует через поражение; победит проиграв; спустится вниз, чтобы вознестись. Точно так же мы в своей жизни приобретаем Божью спасительную силу только через слабость покаяния и доверия. И очень часто благодать Божья растет больше в наших трудностях, а не в наших победах.

Молитва

Он мой Проводник, пусть тьма на пути,
Я должен идти за Ним, Он — привести...
В молитве бороться; Он — сила во мне.
Я в бурю спокоен с Христом на корме.

Джон Ньютон.

«Неверие, прочь». Гимны Олни

Уникальность Иова

Никто не способен понять, что Библия говорит о страдании, не разобравшись в ветхозаветной книге Иова. В ней ярко выражен знаменитый афоризм раввина Авраама Гешеля: «Бог — не добрый дядюшка, а землетрясение»³⁶⁴. Философ Питер Крифт говорит: «“Иов” — тайна. Что-то в нас удовлетворяется тайной, что-то, но не разум. Рационалиста отталкивает эта книга, как ее герой отталкивал своих красноречивых друзей. Однако нечто в нас — нечто более глубокое — спокойно принимает книгу Иова и обретает в ней все необходимое. <...> Книга Иова — это железо, входящее в вашу кровь»³⁶⁵.

Ни в одной другой книге Библии (а в моем понимании — в любой книге античности) к вопросам зла

³⁶⁴ Питер Крифт. Три толкования жизни. Пер. с англ.: Н. Трауберг.

³⁶⁵ Ibid.

и страдания не обращаются с точки зрения подобного эмоционального и драматического реализма и в то же время — с таким интеллектуальным и философским мастерством³⁶⁶. Очевидно, что главной ее темой является страдание невинных: почему столько очень хороших людей постигает такое не соответствующее их жизни количество несчастий и трагедий, тогда как многие нечестные, эгоистичные и жадные люди живут припеваючи? В своей подаче этой темы книга Иова удивительно гармонична. Она подходит к ней не абстрактно и в то же время не только изнутри. Проблема зла раскрывается посредством мучений одного человека, описанных крайне ярко. Его возгласы — резкие и провокационные. Тем не менее, долгие речи Иова полны глубоких размышлений. Это идеальный способ передать, что проблема ужасного страдания является одновременно огромной философской и личностной проблемой. Недостаточно рассматривать ее как принадлежащую только одной сфере.

Книга Иова уникальна еще в одном аспекте: в своей скрытой критике почти всех стандартных ответов на проблему зла. Когда нас постигает страдание, мы задумываемся: почему оно нас постигло? Традиционный религиозный ответ на этот вопрос: «Наверняка

³⁶⁶ «Книга Иова значительно вразумительнее и последовательнее своих конкурентов описывает тему человеческого горя в масштабах многостороннего исследования данной проблемы... в силе лирического начала, в драматическом эффекте и в интеллектуальной целостности, присущим этой книге при столкновении с «непонятной ношей» человеческого существа. Во всем этом книга Иова не имеет себе равных. Ни одно произведение... не достигло подобных высот. Сравнение только усиливает исключительное величие этой книги». *Francis I. Anderson. Job: An Introduction and Commentary* (Inter-Varsity Press, 1976), p. 32.

ты в чем-то поступил неправильно или плохо». Мирской ответ на этот вопрос: «Достаточной причины нет. Благой Бог не допустил бы подобного — значит, Его нет или Он жесток». Одна из главных идей книги Иова состоит в том, что и религиозный, и не религиозный, и моралистический, и нигилистический ответы неверны. В конце концов оба — ответы-заготовки, выраженные в паре предложений. Но ни автор книги Иова, ни сам Иов не принимают таких простых решений. Оба классических ответа раскритикованы в этой книге в прах, и именно этот факт в большей степени создает драматическое напряжение и делает ее такой захватывающей. Религиозный ответ, выраженный через друзей Иова, оказывается не просто неверным, но еще и клеветой: трудности постигают Иова не вопреки его праведности, а благодаря ей. Но нигилистический подход, к которому временами склоняется Иов, также является серьезной ошибкой.

Мой раб Иов

Первые две главы книги Иова написаны прозой, а не стихами, и подготавливают нас к противостоянию Иова, его друзей и Самого Бога.

Иов был хорошим и набожным человеком, «непорочным и справедливым» (Иов 1:1), то есть его не за что было укорять. Никто не мог выдвинуть против него обвинение ни в какой сфере его жизни. Он был любящим отцом и мужем, посвятившим себя Богу, благочестивым и сострадательным во всем, и к тому же успешным и богатым. Говорят, что он был «знаменитее всех сынов Востока» (Иов 1:3). У всех его детей был

свой дом, что крайне необычно, и они постоянно пи-
ровали. Это было признаком процветания их семьи.

Но внезапно этого прекрасного человека постигли необъяснимые бедствия, и он потерял свое богатство, семью, здоровье. Почему? Читателям дано видеть то, чего не дано ни Иову, ни его друзьям. В первой главе (Иов 1:6–8) описывается большой Небесный совет Бога и Ангелов и сатаны. Первая реакция современного читателя на такое — замешательство. Что вообще может сатана делать на Небесном совете? Разве его не изгнали из рая? Но, как известно, библейские авторы всегда тщательно выбирают, что нам рассказать. Похожий диалог представлен в 16 главе Евангелия от Луки, содержащей притчу Иисуса о богаче и Лазаре. В этом рассказе человек в аду говорит с Авраамом, который в раю. Почему люди в раю общаются с людьми в аду?

Лучший ответ на этот вопрос — принять условия рассказчика. Цель автора — дать нам достаточно подробностей для понимания происходящего в рассказе. В Библии приводится очень мало деталей о рае, Ангелах и сверхъестественном мире, поэтому давайте не требовать подробностей. Однако интересно, что в истории Иова сатана вообще не выказывает никакого почтения к Богу — не называет Его Господом, и не кланяется, и не выказывает уважения. Все это соответствует тому, чего мы ожидаем исходя из других отрывков Писания. Тем не менее, если бы целью автора было разъяснить нам сказанное в других местах Библии, повествование было бы более детальным. Вместо того чтобы рассуждать о том, что не является непосредственной темой повествования, нам просто стоит читать и отмечать, как необычно этот диалог научает нас «асимметричным» отношениям Бога и страданий и зла.

Бог указывает на Иова как на лучшего Своего раба. «Нет такого, как он, на земле: человек <...> богобоязненный и удаляющийся от зла» (Иов 1:8). Сатана, а имя его означает «клеветник», сразу же обвиняет Иова в лицемерии. Такое ощущение, что он ошетинился, когда Бог назвал Иова Своим рабом. «Разве даром богобоязнен Иов? — зашипел он. — Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но прости руку Твою и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя?» (Иов 1:9–11). В общем-то, сатана утверждает, что Иов состоит в отношениях с Богом только ради выгоды. «Он служит не Тебе и любит не Тебя, — говорит сатана. — Он любит только себя, служит только себе и пользуется Тобой. Ты всего лишь инструмент, средство для достижения цели. Я это докажу — Тебе и этому Совету. Сделай так, чтобы он не мог извлечь выгоду, отыми Свое благословение — вот увидишь. Он бросит Тебя, как раскаленное железо».

Сатана внушает, что для Иова послушание Богу — это всего лишь занятие для самолюбия и самоспасения. Если убрать земные блага служения Богу, все увидят, кто есть Иов на самом деле. Но в конечном итоге это нападение на Бога. Видите ли, Иов — лучший раб. Если он действительно обманщик, значит, Богу не удалось сделать ни одного мужчину и ни одну женщину Своими любящими рабами. Сатана ненавидит добро, и он ненавидит Бога. Итак, его побуждения насквозь пропитаны злом. Он обожает причинять боль, и он хочет видеть, как люди страдают. А еще он знает, какой любовью к человечеству наполнено сердце Бога-Отца, поэтому он хочет уничтожить замысел Божий превратить людей в Своих великих и добрых поклонников, познавших радость. Он хочет препятствовать великому желанию Божьего сердца.

Бог позволяет сатане испытать Иова. Почему? Я считаю, потому что Бог знал о любви Иова к нему. Но все равно было необходимо усовершенствовать эту любовь так, чтобы она послужила примером сквозь века и имела положительное влияние. Страдания были допущены Богом, дабы Иов стал великим.

Получается, сатана в чем-то был прав. Есть разница между внешней религиозностью и внутренней сердечной любовью к Богу и набожностью. Эта пропасть в какой-то степени есть в каждом из нас, и в том числе поэтому мы не имеем необходимой близости к Богу, равно как умиротворения и радости о Нем. Кто истинный раб Божий? Подумайте о любых отношениях любви. Допустим, вы влюбились в человека, который тоже вроде любил вас, но потом вы потерпели финансовый крах, и он порвал с вами отношения? Вам будет казаться, что вас использовали? Вам будет казаться, что этот человек любил то, что вы могли ему дать, а не вас самих? С Богом то же самое. Мы должны любить Самого Бога, а не приобретенную через Него выгоду.

Как научиться такой любви? Допустим, вы изначально влюбились в человека, и, если честно, отчасти это произошло из-за некоторых его «активов» — его внешности или связей, например. Но отношения развиваются, и вы начинаете любить самого человека, и когда некоторые активы исчезают, вы не против. Это называется развитием любви и характера. Так если бы ваша любовь к Богу получила такое развитие? Если бы вы могли так полюбить Его, что для

вас Он бы становился все более достаточным Сам по Себе? В этом случае обстоятельства не смущают вас так же, ведь у вас есть Бог и Его любовь, обогащаю-

щие и питающие вне зависимости от жизненных обстоятельств.

Есть разница между внешней религиозностью и внутренней сердечной любовью к Богу и набожностью.

ИСТОЧНИК: www.orthodox.ru

Как этого добиться, как перейти от любви к Богу в корыстном смысле к любви

абсолютной — к Самому Богу? К сожалению, основной способ — столкнуться с неприятностями в жизни. В первую очередь, страдание позволяет оценить самого себя и выявить корыстную природу своей любви к Богу. Когда отнимают самое дорогое, есть соблазн оттолкнуть Его в гнев. Но страдание также дает возможности. Вместо того чтобы отказаться от Бога и отвернуться от Него, можно перестроиться и сосредоточиться на нем как никогда раньше. В своем сатирическом произведении «Письма Баламута» К. С. Льюис описывает взрослого беса, дающего советы молодому бесу, который еще занимается искушениями. Он рассказывает, что Иисус, так называемый Враг, пользуется трудностями и неприятностями, чтобы превратить верующих из корыстных работников в тех, кто служит Ему по любви:

Враг попускает это разочарование на пороге каждого человеческого дела. Оно появляется, когда мальчик, зачарованный историей Одиссея, начинает учить греческий. Оно же появляется, когда влюбленные поженились и учатся жить вместе. Во всяком человеческом деле есть переход от мечтаний к действительности. Враг идет на риск, связанный с этим разочарованием, так как лелеет надежду, что эти отвратительные маленькие создания станут

его свободными приверженцами и служителями. Он вечно называет их «сыны», с упорным пристрастием унижая весь духовный мир неестественной любовью к двуногим. Не желая лишать их свободы, Он отказывается силой вести их к целям, которые поставил перед ними. Он хочет, чтобы они «шли сами». Здесь-то и кроются наши возможности. Но помни, что здесь же скрыта и опасность для нас. Уже если они пройдут благополучно через период сухости, они будут меньше зависеть от своих эмоций и искушать их станет труднее.

Бог знал, что сатана в результате ошибался по поводу Иова. Он также знал, что сатана был прав на промежуточном этапе. Иов был не совсем тем рабом, каким ему надлежало быть, и Бог был готов дать ему возможность достичь подобного величия единственным верным способом — через бедствия и боль. Иов поистине станет тем, кто служит Богу просто так и любит Самого Бога. Таким образом, Всевышний желал показать воинствам небесным, а также сотням миллионов читателей книги Иова, что Он *может* превратить людей в любящих рабов.

Бог и зло

Итак, Бог разрешает сатане привнести боль и страдание в жизнь Иова. В первой главе Он говорит, что сатана может забрать имущество Иова, но не трогать его тело: «вот все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей» (Иов 1:12), а во второй Он позволяет сатане послать Иову мучительные болезни,

но не убить его: «вот он, в руке твоей, только душу его сбереги» (Иов 2:6). Современные читатели съезжаются, когда Бог дарует сатане все это, но опять же мы должны помнить о главной цели этого повествования. Оно ярко передает асимметричные отношения добра (Бога) и зла. В этом проявляется глубокая философия. В книге Иова не дано дуалистическое представление о мире, в котором есть две равные, противопоставленные друг другу силы добра и зла. При таком подходе жизнь поистине является полем битвы и «игрой в кости», ведь ею управляет не одна-единственная сила. История — всего лишь битва между равными силами добра и зла. Нет достаточно сильного существа, чтобы воплотить связный замысел. В Библии мир не такой. Бог управляет всем. Его контроль над сатаной — абсолютный. Сатане позволено дойти до определенной точки, но не дальше. Очевидно, что Бог — Владыка.

Но, с другой стороны, в книге Иова не говорится, что Сам Бог наводит все это на «лучшего раба» своего. Это гениальный способ дать понять, что хотя все происходит согласно замыслу Божию, Бог не проявляет волю по отношению ко злу так же, как к добру. Бог управляет историей, но Ему не нравится наблюдать за страданиями людей. Зло и страдание в мире не являются изначальным замыслом Божиим, а следовательно, они всего лишь временное состояние перед обновлением мира.

Первые бедствия Иова — утрата богатства и лишение детей. В ответ Иов глубоко скорбит, но при этом поклоняется Богу и произносит знаменитые слова: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1:21). С эмоциональной точки зрения, реакция Иова неподдельна. Иов встал и разодрал свою одежду, пал на землю — он не

стоик. Он выражает должную благодарность («Господь дал») и почтение («Господь и взял»). Таким образом, можно сказать, что первый раунд выиграл Иов. Сатана проиграл.

Но когда Иов лишается и здоровья, он не может сохранять самообладание. Он теряет контроль над собой. Он обвиняет Бога в своих бедах (Иов 3:23), хотя и не «хулит Бога» и не умирает, согласно совету своей жены (Иов 2:9). Он не отворачивается от Бога и не задумывается о самоубийстве, но он ужасно мучается от кажущейся глубочайшей несправедливости. Праведная жизнь может сделать несчастье еще более невыносимым, ведь в ее свете все это кажется абсолютно нелепым и несправедливым.

Контроль Бога над сатаной — абсолютный. Сатане позволено дойти до определенной точки, но не дальше.

Речи Иова и его друзей

Главы в середине книги Иова состоят из трех длинных циклов речей друзей Иова — Елифаза, Вилдада и Софара, пришедших «утешить» его. Но их советы глубоко ранят его. Речь Елифаза является образцом их подхода. «Вспомни же, — говорит он, — погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы? Как я видал, то оравшие нечестие и сеявшие зло пожинают его» (Иов 4:7–8). Смысл того, что хотят сказать друзья Иова, ясен. Иов страдает так потому, что он не смог должным образом молиться, доверять и слушаться Бога. Отец Небесный не был бы так несправедлив

и не попустил бы всего этого, если бы Иов этого не заслужил. Итак, если Иову хочется вернуть все на круги своя, ему всего лишь нужно исповедать все известные грехи и привести жизнь в порядок.

Речь Елифаза тревожно близка традиционному евангельскому благочестию. Он говорит многое, что в целом является настоящими библейскими утверждениями. Во вселенной действительно есть моральный порядок. Плохое поведение правда может привести к болезненным последствиям, рано или поздно. Мы должны доверять Богу и не предполагать все время, что мы правы. А если нас постигли трудные времена, нам, конечно же, стоит смириться перед Богом и заглянуть в свою душу. Как уже было отмечено, мы можем быть на месте Давида или Ионы. Может быть, Бог пытается нас разбудить. Елифаз обращается к Иову: «Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителя не отвергай» (Иов 5:17). И это правда. Так говорит толкователь Ветхого Завета Франсис И. Андерсон об этих речах друзей Иова: «Истина, облеченная в слова, может явиться бесполезным лекарством для отчаявшегося человека»³⁶⁷.

Хотя друзья Иова могут свести воедино обрывки формально верных утверждений, их пастырские ошибки — следствие неправильного понимания благодати Божьей. Их богословие — моралистическое. Елифаз говорит: «Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда» (Иов 5:6). Он имеет в виду, что страдание — не естественный процесс, оно постигает тебя, только если ты ведешь несправедливую жизнь. Ты сам виноват. Но здесь проявляется его незнание книги Бытия, в которой Бог говорит: вследствие греха

³⁶⁷ Anderson, *Job*, p. 123.

терния и волчцы *произрастут* из земли — отныне для всех (Быт. 3:18). Другими словами, мир поврежден грехом, и плохое будет происходить с людьми вне зависимости от степени их праведности. Таким образом, друзья Иова воспринимают Бога как домашнее животное. Никакой загадки нет — если все идет хорошо, это потому, что ты правильно живешь. Если все идет плохо, ты виноват.

Но Андерсон показывает, что в этом случае Бог как бы сидит на поводке. «Когда Бог зависит от [человеческой] морали... Его владычество ставится под угрозу»³⁶⁸. Говоря простым языком, такой моралист, как Елифаз, считает, что Богом можно управлять посредством морального порядка. Он советует Иову следующее: жми на нужные кнопки, исповедай все грехи, исправься — и все снова станет хорошо. Гарантия фирмы.

Иов не принимает безучастную жестокость своих друзей безропотно. Его ответ настолько реалистичен с эмоциональной точки зрения, что мурашки бегут по коже. Он знает, что упрощенное видение Бога друзьями — ложное, но при этом он не собирается просто хулить Бога и отречься от Него, несправедливого. Самыми простыми путями были бы традиционный религиозный и не религиозный путь, но он не идет ни по одному из них. В результате он ужасно страдает.

О, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно

ЗЛО И СТРАДАНИЕ В МИРЕ НЕ являются изначальным замыслом Божиим, а следовательно, они всего лишь ВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРЕД ОБНОВЛЕНИЕМ МИРА.

³⁶⁸ Ibid., p. 124.

верно перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы. Ибо стрелы Вседержителя во мне; яд их пьет дух мой; ужасы Божии ополчились против меня (Иов 6:2–4).

Он так боится произнести низкие слова о Боге, что ему кажется правильным прежде умереть.

О, когда бы сбылось желание мое и чаяние мое исполнил Бог! О, если бы благоволил Бог сокрушить меня, простер руку Свою и сразил меня! Это было бы еще отрадою мне, и я крепился бы в моей беспощадной болезни, ибо я не отвергся изречений Святаго (Иов 6:8–10).

Но он также открыто говорит своим друзьям, что он думает об их советах.

К страждущему должно быть сожаление от друга его, если только он не оставил страха к Вседержителю. Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи...

Научите меня, и я замолчу; укажите, в чем я погрешил. Как сильны слова правды! Но что доказывают обличения ваши? Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши.

Но прошу вас, взгляните на меня; буду ли я говорить ложь пред лицом вашим? Пересмотрите, есть ли неправда? пересмотрите, — правда моя (Иов 6:14–15, 24–26, 28–29).

Саркастические ответы Иова своим друзьям стали классикой: «Жалкие утешители все вы!» (Иов 16:2), — говорит он, и еще: «Подлинно, *только* вы люди, и с вами умрет мудрость!» (Иов 12:2).

Итак, на протяжении многих глав, Иов со своими тремя друзьями горячо обсуждают смысл ниспосланных ему страданий. В своих речах Иов не просто спорит с друзьями, но и вопиет к Богу, задавая вечные вопросы каждого страждущего: «Почему так?» и «Почему я?». Наконец, появляется еще одна личность, молодой человек Елиуй. Он критикует и Иова, и его друзей (Иов 32–38). Драматический интерес возрастает, когда становится ясно, что ни Иов, ни его друзья не «выигрывают» и не видят ясно пути Божии. Многие слова друзей крайне красноречивы, но и слова Иова тоже. Кто прав? Кто выиграет? И что думает Бог?

ИСТИНА, ОБЛЕЧЕННАЯ В СЛОВА, МОЖЕТ ЯВИТЬСЯ БЕСПОЛЕЗНЫМ ЛЕКАРСТВОМ ДЛЯ ОТЧАЯВШЕГОСЯ ЧЕЛОВЕКА.

И пролог, и середина книги Иова открывают читателю, что страдания Иова — не кара. Это не расплата за грехи. Но они также не служат во исправление. Они не для того, чтобы Иов понял, что идет не по тому пути; и не для того, чтобы он вернулся к вере. Франсис Андерсон отмечает: медленно, страница за страницей, становится ясно, что цель страданий Иова — «достижение полноты жизни в Боге». Это единственная причина, так как Иов исключил все остальные варианты своей праведной жизнью. Андерсон пишет:

Если есть крупица истины в учении Елифаза о «[наказании] Вседержителеве» (Иов 5:17), она должна пониматься не в негативном смысле — не как необходимость упражняться, чтобы человек удерживался от возможного греха. Иов давным-давно этому научился... Читатели знают то, чего не знает Иов, а именно: *величайшая мудрость Иова в том, что он любит Самого Бога*. Таким образом,

слова Елифаза далеки от утешения — они ловушка. Та резкость, с которой Иов их отрицает, показывает, что он знает об этой опасности³⁶⁹.

Андерсон говорит: если бы Иов согласился с друзьями и принял страдания как наказание или исправление конкретного греха, он бы не распознал истинной цели и пользы от пережитого. Его призывали к жизни на другом уровне. Иов показывает, что он догадывается об этом. Во всех своих речах и молитвах он постоянно заявляет о желании встретиться с Богом и услышать ответ от Него лично. В конце книги его желание исполняется, но не так, как он ожидал. Когда Бог действительно предстает перед Иовом в последних главах, его ждут четыре потрясения.

Господь приходит — и Иов жив

Во-первых, удивительно, что Бог действительно является в ужасной форме — и при этом не сокрушает Иова. Сначала из-за Его суровых слов нам кажется, что Он будет строго судить Иова. Бог грозно говорит:

Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеуголь-

³⁶⁹ Ibid., p. 125.

ный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? (Иов 38:2–7).

Несмотря на эти сильные, вызывающие слова, Бог пришел не осудить и не сокрушить Иова, но протянуть Ему руку благодати. Первым признаком последнего является неожиданное употребление еврейского личного имени Яхве (сущий; переведено как «Господь»), которое до сих пор практически ни разу не упоминалось в книге Иова. Яхве — это имя, которое Бог открывает Моисею в горящем кусте, когда призывает его. Это личное, сакральное откровение Его имени, Которое Бог дает тем, кто находится с Ним в отношениях свободной любви. С Иовом говорит Яхве.

Также сказано, что Яхве *отвечал* Иову из бури³⁷⁰. Какой бы общей ни казалась эта фраза, она существенна. Многие читатели, такие как Джордж Бернارد Шоу, воспринимают слова Бога к Иову как «насмешку» и «глумление»³⁷¹. Но на древнееврейском языке «говорить» кому-то означает обращение власть имущего к подчиненному, а «отвечать» — значит участвовать в диалоге. Поразительно, что Бог является и вступает в диалог — Он пришел не просто обвинять, Он приглашает Иова к беседе — и даже позволяет Иову сказать последнее слово! (Иов 42:1–6). Один толкователь пишет:

Это доказательство снисхождения и примирения Божьего придает взаимодействию Бога и Иова не

³⁷⁰ Gerald H. Wilson, *Job*, New International Biblical Commentary (Hendrickson, 2007), p. 422.

³⁷¹ Anderson, *Job*, p. 270, n2. По изданию: George Bernard Shaw, *The Adventures of the Black Girl in Her Search for God*, 1932, pp. 12, 19.

такой характер, как привыкли считать. Бог — это не язвительное, агрессивное божество, которое стремится обвинить и высмеять Иова... Напротив, Бог является во всей Своей полноте и дарует Иову ошеломляющий опыт реального Бога... Так, Иова (и читателя) ставят на место — не упреками, не предостережением от сомнений в Боге, но милостивым пришествием Бога, позволяющим увидеть Его настолько, насколько это возможно человеку. В результате [явление Бога] — каким бы невыносимым оно ни было — можно воспринимать только как действие благодати³⁷².

Тем не менее, несмотря на всю сокровенность имени Яхве и способ общения, Бог является Иову в буре — буквально «штормовой ветер». Для людей древности не было ничего более ужасающего и разрушительного, чем ураганный ветер. Именно ветер уничтожил детей Иова (Иов 1:19). Иов боялся, что если бы Бог правда явился ему, он поразил бы его «в вихре» (Иов 9:17). Действительно, когда Бог является, Он является в жесточайшем, самом невыносимом и величественном виде — как Царь бури. Иов и читатели Ветхого Завета могли думать, что в этом виде Бог моментально уничтожит его. Но нет. Когда Бог является на горе Синай, никто не может подойти к горе и даже прикоснуться к ней — иначе умрет. Но здесь Иову является само лице Божие, и он жив.

Итак, невозможно не заметить парадокс. Бог приходит как милосердный, личный Бог и как бесконечная, невыносимая сила — одновременно. Он и то, и другое. Как это? Только в Иисусе Христе мы видим, как неприручаемый, бесконечный Бог может быть

³⁷² Wilson, *Job*, p. 423.

младенцем и любящим Спасителем. На кресте видно, как в одно и то же время воплощаются любовь и святость Божия. Бог настолько свят и справедлив, что Иисус должен был умереть за грехи, иначе не было бы нам прощения. Но Он так полон любви к нам, что по Своей воле отдал жизнь. Получается, что Евангелие объясняет, как Бог может одновременно быть Богом любви и гнева — Богом, Которого Иов встретил в тот мрачный штормовой день.

Господь не дает ответа — и дает

Во-вторых, удивительно, что длинные речи Господа, на первый взгляд, вовсе не касаются забот Иова и его друзей, хотя в тексте сказано, что Бог «отвечает» Иову. В случае явления Бога Иов ждал *разъяснений*. В случае явления Бога друзья Иова ждали *осуждения* Иова. Они не получили ни того, ни другого. Вместо этого Бог предоставляет нам долгий поэтический дискурс на тему чудес этого света.

Прежде чем обратиться к самим речам, мы должны остановиться и оценить значимость того факта, что Бог не объясняет Иову произошедшего с ним. Он ничего не рассказывает о сатане и Небесном совете. Он не объясняет, почему разрешил сатане навести на Иова страдание. Богу было бы нетрудно это сделать. Он мог бы сказать нечто вроде: «Иов, Я знаю, тебе очень больно. Но ты должен понять: благодаря всему этому ты станешь великим и будешь вдохновлять сотни миллионов страждущих до конца времен. Только Мой Сын будет знаменит Своим терпением в бедствиях больше тебя». Если бы Он так сказал, Иов

мог бы ответить: «А, тогда другое дело. Пожалуй, раз таков результат, все представляется в ином свете». Но нет. Бог ничего не говорит. Почему же? Франсис Андерсон снова очень проникательна.

То, что Иов удовлетворяется, так и не узнав всех фактов, является одной из причин, почему эта книга превосходна... Испытание могло сработать, только если бы Иов *не* знал, к чему оно. Бог погружает Иова в опыт оставленности, чтобы тот смог войти в жизнь нагой веры, научиться любить Самого Бога. Не похоже, чтобы Бог даровал эту привилегию многим людям, ведь они расплачиваются за свои открытия ужасными страданиями. Но частично открытие состоит в осознании того, что само по себе страдание — это один из самых драгоценных даров Божьих. То, что Бог скрывает от Иова все факты, позволяет ему идти верою, а не с открытыми глазами. В конце он не говорит: «Теперь я все вижу». Не было так, чтобы он все видел. Он видит Бога (Иов 42:5). Может, было бы лучше, если Бог не делился с нами нашей жизненной историей³⁷³.

Сатана обвинил Иова в том, что он не любил и не служил Богу на самом деле — он любил и служил себе через согласие с Божьей волей. Мы говорили, что это отчасти верно по отношению даже к самым лучшим рабам Божьим. Но именно потому, что мы не любим Бога всецело просто ради Него Самого, мы подвержены таким скачкам настроения в зависимости от того, как у нас идут дела. Наши сердца не удовлетворяются Богом целиком, если что-то идет не так,

³⁷³ Anderson, *Job*, p. 270, n1.

а значит, наши корни не глубоко в земле, и ветра непостоянных обстоятельств обдувают и бросают нас из стороны в сторону. Но чтобы стать истинным «свободным приверженцем» Бога, обладающим глубокой радостью, незнакомой корыстному, традиционному религиозному наблюдателю — обычно мы должны пройти через лишения. Мы должны ощущать, что послушание Богу не принесет нам никакой выгоды.

Именно в *этот* момент поиск Бога, молитва и послушание Ему меняют нас.

Итак, глубина жизни в Боге, которую в конце концов обретает Иов, приходит к нему только благодаря тому, что Бог не объясняет его страданий. Бог удовлетво-

Именно потому, что мы не любим Бога всецело просто ради Него Самого, мы подвержены таким скачкам настроения в зависимости от того, как у нас идут дела.

рил бы желание Иова самооправдаться, если бы разъяснил причины. Вместо этого страдальческий опыт приводит Иова к тому, что он любит и доверяет Ему просто потому, что Он — Бог. Иов становится личностью, обладающей огромной силой и радостью, которая не нуждается в благоприятных обстоятельствах, чтобы твердо стоять на ногах в духовном плане. От этого страдание — а точнее, его результаты — действительно становятся великим даром; и вряд ли такого уровня доверия благодати Божией можно достичь иначе. Как отмечает Андерсон, Иов не видит всей ситуации, он видит Одного Бога. Но именно Он нам нужен — на века.

Есть еще одна ключевая причина, по которой Бог не объясняет Иову его страданий. Сатана обвинил Иова в обмане; сказал, что он жил праведно и слушался Бога только для личной выгоды. Сатана хотел не только причинить Иову боль, но и обесчестить его,

разоблачить его праведность. Но Бог отводит сатане столько места, сколько необходимо, чтобы добиться прямо противоположного его желаниям. Современные читатели могут расстроиться, когда увидят, что Бог дает сатане разрешение напасть на Иова, но важно помнить, что в итоге нападки сатаны сделали имя Иова вечным, он стал одним из самых знаменитых людей в истории. Если бы вы знали, что спустя 3000 лет миллионы людей будут читать ваши слова и обсуждать ваши деяния, вы бы считали себя успешным. А давая сатане страдать, Бог просто создал один из величайших источников в мировой истории, вдохновляющих бесчисленное количество страждущих на терпеливое противостояние своим бедам.

Бог позволяет злу ровно столько, сколько необходимо для его самоуничтожения. История Иова — это маленькая версия того, что Бог делает в вашей жизни и в мировой истории. Всевышний составил план истории, включающей в себя зло. Это приводит в замешательство и раздражает нас, но такие произведения, как книга Иова, всего на мгновение приоткрывают завесу и показывают, что Бог допускает зло в той степени, которая необходима для достижения абсолютно противоположного намерения зла.

Господь — Бог, а ты — нет

Своими заключительными словами Господь призывает Иова подумать о сотворении мира (Иов 38:4–7). Он указывает на то, что люди обладают бесконечно малыми знаниями обо всем, что Бог вложил в тварь. «Скажи, если знаешь!» — говорит Бог с иронией (Иов 38:5). Он описы-

вает громадные мировые океаны как беспомощных младенцев, которых Бог окутал облаками, как акушерка пеленает новорожденных! (Иов 38:8–9) После этого Бог переходит на край мира — к рассвету и закату (38:12–15); к глубинам земли, к самым каменным основаниям и ко дну морскому (38:16–18); и до высочайшей точки над землей, к хранилищу снега, града, дождя и молний (38:19–30), и даже до созвездий и звезд (38:31–38). Бог их создал и всё знает о них. А Иов?

После физического мира Бог призывает Иова рассмотреть львицу (38:39–40), ворона (38:41), диких коз на скалах и рождающих ланей (39:1–4), дикого осла (39:5–8) и единорога (39:9–12), страуса (39:13–18), коня (39:19–25), а также ястреба и орла (39:26–30). Бог не дает моральные уроки на примере животных, в отличие от многих религиозных авторов в истории. Он не говорит: «Будь как олень, который...». Животные — это произведения искусства, созданные Богом для того, чтобы их любили и ими восхищались как таковыми, и за то, как они раскрывают мудрость, радость, власть и красоту Самого Творца.

Каталог обыкновенных чудес просто поражает. Смысл прост: мы не Бог. Его знания и власть бесконечно больше наших. Эта первая речь заканчивается вопросом Господа: «Будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему» (Иов 39:32). Семилетний ребенок не может ставить под сомнение расчеты физика мирового класса. А мы ставим под сомнение пути Божьи. В этом есть смысл?

Во второй Своей речи (Иов 40:1–41:26) Бог прямо выдвигает этот аргумент. В израильском обществе судья не только выносил вердикт, но и приводил его в исполнение. Когда царь был судьей и считал истца

невиновным, он возвращал этому человеку его положение в обществе, приводя все в порядок. Бог говорит Иову (40:3), что тот сел на место Мирового Судии, дабы оправдаться, а затем настойчиво утверждает:

Такая ли у тебя мышца, как у Бога? И можешь ли возгреметь голосом, как Он? ...излей ярость гнева твоего, посмотри на все гордое и смири его; ...сокруши нечестивых на местах их; зарой всех их в землю и лица их покрой тьмою. Тогда и Я признаю, что десница твоя может спасти тебя (Иов 40:4–5, 7–9).

Теперь мы видим, что подразумевал Господь, когда рассуждал о чудесах создания. Поскольку у Иова

СЕМИЛЕТНИЙ РЕБЕНОК НЕ МОЖЕТ СТАВИТЬ ПОД СОМНЕНИЕ РАСЧЕТЫ ФИЗИКА МИРОВОГО КЛАССА. А МЫ СТАВИМ ПОД СОМНЕНИЕ ПУТИ БОЖЬИ. В ЭТОМ ЕСТЬ СМЫСЛ?

нет власти судьи, у него нет права на суд. Иов утверждает, что он может управлять вселенной лучше Бога, но это просто фикция. Иову велит отказаться от своей претензии, будто он действительно способен на такое.

Андерсон отмечает, что Иова призывают «передать все это дело Богу полностью, с большим доверием, с меньшим раздражением. И не настаивая на том, что сначала Бог должен ответить на все его вопросы»³⁷⁴.

Это мудрый путь — по своей воле, а не нехотя, признать, что только Бог является Богом. В противном случае ты сам становишься злым. Андерсон подчеркивает:

³⁷⁴ Ibid., p. 287.

В этом кроется самая настоящая глубина, если мы верно определили суть богословия всей книги. Она укоряет всякого человека, который, жалуясь на конкретные события в своей жизни, подразумевает, что способен предложить Богу лучшие способы управления вселенной, чем те, которые Всевышний уже использует. Люди стремятся прибегать к силе для борьбы со злом и в своем нетерпении желают, чтобы Бог чаще делал то же самое. Но вследствие подобных пагубных действий люди совершают зло и сами им становятся. [Если бы Иов совершил описанное в 40:3–9, он] бы не только узурпировал роль Бога, он стал бы вторым сатаной. Только Бог может использовать творческую силу в разрушении. Только Бог может обратить зло в добро³⁷⁵.

Мало кто выразил эту идею лучше Элизабет Эллиот, которая, оглядываясь на свою жизнь, на смерть двоих мужей и бесчисленные необъяснимые трагедии и бедствия, размышляла над окончанием книги Иова и написала следующее:

³⁷⁵ Ibid., p. 287–288. См. также обзор Томаса Нагеля на книгу: John Gray. *The Silence of Animals* в журнале *New York Times* (Book Review). Грей обвиняет западное мирское общество в том, что оно верит в свою способностью избавить мир от зла путем самосовершенствования человека, без Бога, тогда как многие подобные грандиозные планы привели к большому злу. Нагель признает: «Верно, перед нами встала мирская версия проблемы зла: как можно ждать, что существа, способные на такое ужасное поведение, смогут создать и поддерживать систему, которая позволит им стать хорошими? Грей прав. Некоторые попытки решить эту проблему привели к катастрофе...». Thomas Nagel, “Pecking Order,” *The New York Times Book Review*, 7 июля 2013 г., p. 10.

Бог есть Бог. Будучи Богом, Он достоин моего поклонения и моего служения. Я могу обрести покой только в Его воле, а Его воля бесконечно, неизмеримо, невыразимо превышает мои глубочайшие представления о Его намерениях³⁷⁶.

Иов прав — а ты нет

Мы добрались до четвертого потрясения. Мы говорили, что Иов ждал от Бога объяснений, а его друзья — осуждения Иова как грешника. Теперь же, когда Бог закончил Свои речи, Он поворачивается к Елифазу, Вилдаду и Софару, говоря им, что они с их правовым богословием самооправдания и возмездия ошибаются, а «раб Мой Иов» (!) прав, настаивая на том, что пострадал безвинно (Иов 42:7–9). Затем Бог говорит Иову, что тот должен молиться за них, дабы они избежали Божественного наказания.

Многие современные читатели не скрывают удивления, ознакомившись с этой частью истории. «Но почему же Бог так одобряет Иова? Иов проклял день, в который родился, бросил вызов мудрости Божьей, горько стenal и жаловался, выражал глубокое сомнение. Не похоже, чтобы Иов являл собой совершенную непоколебимую веру на протяжении всего повествования. Почему Бог оправдал его?»

Во-первых, Бог милостивый и всепрощающий. Но крайне важно отметить следующее: все это время Иов непрестанно молился. Да, он жаловался, но жа-

³⁷⁶ Elisabeth Elliot, “Epilogue II,”: *Through the Gates of Splendor* (40th Anniversary ed.; Tyndale, 1996), p. 267.

ловался он Богу. Он сомневался, но сомневался перед Богом. Он кричал и вопил, но в присутствии Божьем. Неважно, какие мучения он претерпевал, он не прекращал обращаться к Создателю. Он постоянно искал Его. И в конце концов Бог говорит, что Иов восторжествовал. Как чудесно, наш Бог видит скорбь, и гнев, и сомнения, и все равно готов сказать «ты победил» не потому что все шло как надо, не потому что сердце и побуждения Иова были всегда оправданы, но потому что терпеливые поиски Иовом лица и присутствия Божия означали, что *его страдание не отдалили его от Бога, но приблизили к Нему*. И это сыграло решающую роль. Как сказал Джон Ньютон, если мы почти ничего не получаем, молясь Богу, мы можем быть уверены, что не получим ничего, вообще не обращаясь к Нему.

Может быть, это единственный конкретный практический урок, который страждущие могут извлечь из книги Иова. В Библии говорится, что Бог «близок к сокрушенным сердцем» (Пс. 33:19). Он «поддерживает всех падающих и восставляет всех низверженных» (Пс. 144:14). Это универсалии — Бог близко, и Он заботится о всех страждущих.

А еще Он обещает помощь вздыхающим христианам Духом Своим (Рим. 8:26). И Он говорит верующим во Христе: «Не оставлю тебя и не покину тебя» (Евр. 13:5). Иисус называет нас Своими овцами и говорит, что «никто не похитит их из руки Моей» (Ин. 10:28).

Все это значит, что даже если мы не чувствуем Бога в самые темные и худые времена, Он рядом. Получается, нет более фундаментальной борьбы со

Если мы почти ничего не получаем, молясь Богу, мы можем быть уверены, что не получим ничего, вообще не обращаясь к Нему.

страданием, чем эта: как Иов, ты должен искать Его, идти к Нему. Молись, даже находясь в духовной пустыне. Читай Писание, даже испытывая мучения. В конечном итоге ты снова ощутишь Его — тьма не вечна. Сила, необходимая в страдании, появляется благодаря исполнению обязанностей, назначенных Богом. Не уклоняйся ни от одного из Божьих указаний. Читай, молись, учись, приобщайся, служи, свидетельствуй, повинуйся. Исполни все обязанности, на которые ты физически способен, и Бог мира пребудет с тобой.

Есть и другие примеры в Библии. Один из самых известных — 41-й псалом, в котором Псалмопевец обращается к себе самому.

Вспоминая об этом, изливаю душу мою, потому что я ходил в многочисленности, вступал с ними в дом Божий со гласом радости и славословия празднующего сонма. Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего. Унывает во мне душа моя; посему я воспоминаю о Тебе (Пс. 41:5–7).

41-й псалом — напряженная, непрерывная и красноречивая молитва. Псалмопевец «изливает душу» Богу. Что это значит? Во-первых, «излить душу» — значит обратиться к собственному сердцу. Это древний и более полезный вариант того, что теперь иногда называют контактом со своими чувствами. Это значит честно исследовать свои сомнения, желания, страхи и надежды. Но заметьте, это не абстрактное самоизучение, а скорее нечто, совершаемое перед Богом. Этот человек не сидит в углу, разглядывая себя — он раскрывает свое внутреннее существо перед

Богом. Это плач, жажда, размышления, воспоминания — все перед Богом. «Изливать душу» также означает просто взывать к Богу. Когда мы читаем псалом, то видим много откровенных, прямых признаний в замешательстве и разочаровании. Но он все равно молится — настойчиво и сосредоточенно.

Еще нужно отметить, что Псалмопевец не просто слушает свое сердце — он говорит с ним. Словами «ты, душа моя» он обращается к себе. Об этом должны помнить все страждущие и искушаемые. Да, мы должны слушать свое сердце. Мы должны учиться всему возможному о себе, честно исследуя свои чувства. Но мы должны не просто слушать свое сердце, но и говорить с ним. Мы должны не только прислушиваться к предпосылкам своего сердца, но и бросать им вызов, если они ложные, что не редкость.

Наше сердце может восклицать: «Безнадежно!» — а мы должны оспорить это ощущение. Мы должны ответить: «Ну, зависит от того, *на что* ты надеялось. Стоило ли оно таких надежд?» Заметьте, как Псалмопевец анализирует свои надежды: «*Что* унываешь ты, душа моя?» Он увещевает сам себя. «Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его». Псалмопевец обращается к своему сердцу, велит ему идти к Богу, полагаться на Него. Д. М. Ллойд-Джонс в проповеди к этому тексту говорит, что Псалмопевец удручен, но прибегает к важной стратегии, которой вы должны следовать в унынии.

Сначала мы должны научиться тому, чему научился Псалмопевец — умению взять себя в руки... Он говорит сам с собой, обращается к себе... [Важно понимать, что это не то же самое, что и] болезненность и рефлексия... Мы сами должны говорить с собой, а не позволять «себе» говорить

с нами. В духовном унынии мы позволяем своему «я» говорить с нами, а не сами говорим со своим «я». Я намеренно использую парадоксы? Ни в каком случае. В этом суть мудрости. Вы осознаете, сколько несчастия в вашей жизни происходит от того, что вы слушаете себя, а не говорите с собой? <...> Этот человек встал и говорит: «Эй ты, послушай меня...». Затем ты должен напомнить себе о том, Кто есть Бог, и что есть Бог, и что Бог совершил, и на что Бог пошел... Закончи на этой великолепной ноте: брось себе вызов, брось вызов другим людям, брось вызов дьяволу и всему миру, и вместе с этим человеком провозгласи: «Я буду еще славить Его... ведь Он мой Бог»³⁷⁷.

Ллойд-Джонс осмотрительно отмечает, что таким образом ты не вызываешь искусственные чувства. Напротив, он говорит о том, что необходимо регулярно молиться и читать Библию, даже когда чувствуешь сухость. Джон Уайт, христианский психиатр, написал книгу под названием «Маски уныния». Он замечает:

Много лет назад, когда у меня была серьезная депрессия, от безумия меня спасло то, что я в полной сухости пытался понять пророчество Осии. Неделями, каждое утро я дотошно делал заметки, проверял исторические аллюзии в тексте и наконец начал обретать почву под ногами. Я не сомневался, что мои усердные попытки осознать смысл этого отрывка вели к исцелению. Если у страждущего есть хоть какая-нибудь способность к концентрации, ему стоит исследовать Библию посто-

³⁷⁷ Lloyd-Jones, *Spiritual Depression*, pp. 20–21.

янно, индуктивно. Это лучше ревностного чтения, поскольку большинство людей, страдающих депрессией, либо вообще прекращают читать, либо превращают эти чтения в нечто нездоровое и не-
полезное³⁷⁸.

Уайт знал, что в состоянии подавленности попытки читать Библию «со рвением», — с желанием обрести вдохновение и воодушевиться, не решают проблемы. Напротив, он советует изучать содержание Библии. Извлечь истину из текста. Напомнить себе о том, Кто есть Бог, и кто ты во Христе, и что Он совершил ради тебя. Симона Вейль отмечает, как важно хотя бы *хотеть* полюбить Бога. Так делай все возможное, чтобы молиться Ему и размышлять над истиной. И жди. Жди, как Иов ждал.

Как важно хотя бы хотеть полюбить Бога. Так делай все возможное, чтобы молиться Ему и размышлять над истиной. И жди.

Многие из проделавших эту работу — «сухое размышление и молитву» — особенно эффективно использовали Псалтирь. Естественно, псалмы полны учения о Боге, но они также по большей части являются молитвой. И эти молитвы затрагивают почти любой человеческий опыт. Они показывают, как люди работают над своей болезнью перед Богом — они не просто думают о своей ситуации, они проживают ее в молитве. Мы видим, как псалмопевцы проживают молитву в слезах, сомнениях, страхах, скорбях, безнадежности — а также в радости и благословении. Нет лучшего места ожидания Бога, чем Псалтирь.

³⁷⁸ John White, *The Masks of Melancholy: A Christian Physician Looks at Depression & Suicide* (1982). Приводится по аудиозаписи.

Иов дает окончательный ответ Богу в 42-й главе (Иов 42:2–6). Из грамматики и слов следует, что это акт поклонения, а не неохотное подчинение, ведь Иов называет дела Бога «чудными» (42:3). Первые строки стиха в действительности являются восклицанием, чуть ли не взрывом эмоций: «Ты все можешь! Намерение Твое не может быть остановлено!» Иов признает, что его требования не учитывали то чудо, каковым является Бог (42:2–3). Он также признает, что замысел Божий стоит за всем происходящим, даже если он не прослеживается.

Чему мы обязаны этим изменением настроения, этим новым ощущением открытия? Иов говорит, что когда-то он слышал о Боге «слухом уха, теперь же мои глаза видят Тебя». То есть абстрактные понятия о власти, великолепии и силе Божьей не до конца были прочувствованы им. Явление и речи Бога наглядно показали это ему и лишили его желания самооправдаться, требовать объяснений и прилюдного признания и его веры в то, что он лучше Бога знает, что должно произойти. Итак, изменения Иова в равной степени являются вопросом духовного опыта и глубокого богословия. Они касаются обеих сторон, а не какой-то одной.

Наконец Иов говорит: «Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (42:6). Это утверждение не то, чем кажется на первый взгляд. Слово *отрекаюсь* в таком виде не представлено в древнееврейском тексте — это толкование переводчиков, и многие специалисты не считают его лучшим вариантом. Слово *раскаиваюсь* может также означать «брать назад, от-

казываться», а раз это было смыслом всех слов Божьих, лучше всего читать этот стих именно так. Иов здесь не выражает общее раскаяние за всю свою греховность. Главная идея книги была бы уничтожена, ведь именно этого пытались добиться друзья Иова. Он же делает то, чего не хотел делать (39:33–35). Он отказывается от своего самооправдания. Он берет назад заявление о том, что Бог, благодаря праведности Иова, обязан даровать ему объяснения и прилюдное оправдание. Он прекращает всяческие попытки управлять Богом (то есть он отвергает свое недоверие к Богу). Он преклоняется перед Богом и дает Ему быть Самим С собой. Он служит Богу как таковому.

Другой безвинно пострадавший

Нужно обратить внимание на детали, которые легко упустить. Хотя длинные речи Бога полны суровых слов, напоминающих Иову о его ограниченности как человека — в них нет никакого упоминания грехов Иова. Бог ни разу не говорит о грехах, являющихся причиной страдания Иова. Итак, хотя Иов и не узнает, почему произошла эта трагедия, он узнает нечто крайне важное для своего душевного спокойствия. «Тот факт, что Бог не выдает Иову (в отличие от друзей) список его грехов, сам по себе является доказательством, что их не нужно перечислять», — пишет Андерсон³⁷⁹. Явление Бога Иову в страшную бурю, но как *Сущего*, без обвинений, означает, что

³⁷⁹ Anderson, *Job*, p. 267.

Бог любит и принимает его, что его необычные страдания — не наказание за необычайные грехи. Таким образом, само отсутствие осуждения означает, что Иов праведен пред Богом. Господь как бы говорит: «Этого должно быть достаточно для тебя, Иов». Так и есть.

Великое молчание Божие о грехе Иова — потрясающее подтверждение Его любви. Как нам добиться этого подтверждения среди страданий? Как мы можем быть уверены, что, вопреки видимости, нас любит и принимает Единственный, чье отношение важно? Как мы можем доверять благодати Божьей, а не своей праведности, и воздержаться от роли Мирового Судии, даже когда все вокруг приводит в замешательство?

Нам не нужно слышать голос посреди бури. Нам скорее нужно знать, что Иисус Христос преклонил голову в величайшую бурю — в бурю Божественной справедливости — ради нас, чтобы мы услышали голос любви, голос Святого Бога. Иисус принял на Себя заслуженное нами осуждение, чтобы Бог мог принять нас. Ведь Иисус — это Иов в абсолютном проявлении, единственный поистине пострадавший безвинно. Иисус «был готов прожить жизнь Иова до ее самой последней точки. Он по Своей воле был готов умереть, когда и друзья, и враги считали Его глупцом, богохульником, даже преступником — неспособным спасти Себя»³⁸⁰. Иов был «нагим», без гроша и физически мучился (Иов 1:21). Так же и Иисус не имел дома, был обнажен и пытаем на кресте. Иов был относительно невинен, Иисус же был абсолютно, совершенно невинен; Иов чувствовал, что Бог покидает его, Иисус же в действительности испытал

³⁸⁰ Wilson, *Job*, p. 455.

реальное отсутствие Божие, а также предательство своих безрассудных друзей и утрату семьи. В Гефсиманском саду Иисус понимал, что при полном послушании Бог полностью оставил бы Его — и Он бы был уничтожен в аду. Никто другой никогда не был в подобной ситуации. Только Иисус по-настоящему служил Богу просто так.

Иисус претерпевал нападки сатаны куда больше Иова. Но случилась величайшая перестановка в истории: сатана только осуществил исполнение спасения и благодати Божией. Франсис Андерсон подводит итог: «Это окончательный ответ Иову и всем иовам человечества. Страдая безвинно, Иов является другом Божиим»³⁸¹. Другими словами, страдая без утешения, находясь в полном одиночестве, ты знаешь: Он со мной благодаря тому, что Он понес мои грехи. Ты знаешь, что идешь по пути Иисуса, то есть ты *не* один — и твой путь ведет тебя к Нему.

³⁸¹ Anderson, *Job*, p. 73.

Мысль, благодарение, любовь

Сын Божий принял смертное страдание не затем, чтобы люди пострадали, но чтобы их страдания могли уподобиться Его страданиям³⁸².

Джордж Макдональд.

Невысказанные проповеди

Если мы составим список самых выдающихся страдальцев Библии, апостол Павел должен входить в их число. Когда Павла призывали к служению, Бог сказал о нем: «Он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами <...> Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян. 9:15–16). Вскоре после этого Павел стал проповедовать, что только «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22). Шесть раз в своих посланиях Павел предоставляет нам перечень собственных несчастий (Рим. 8:35; 1 Кор. 4:9–13; 2 Кор. 4:8–9; 6:4–5; 11:23–39; 12:10). Во всех затронуты темы физических, эмоциональных и духовных бедствий, включая голод, заточение и предательство. Пять раз на него налагали жесточайшее наказание — «по сорока ударов без одного» (2 Кор. 11:24). Он продолжает список:

³⁸² К. С. Льюис. Боль. Пер. с англ.: А. Цветков.

Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквях. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? (2 Кор. 11:25–29).

Мир превыше ума

Как Павел справлялся со всем этим? В первой главе Второго послания к Коринфянам Павел повествует об одном суровом испытании. Он говорил, что они «отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых». Но произошло это «для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых» (2 Кор. 1:8–9). В той же главе он отмечает, что Бог «утешает во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!» (2 Кор. 1:4). То есть если мы хотим познать, как сам Павел справлялся со всеми своими несчастьями, нам всего лишь нужно посмотреть на то, как он своими посланиями утешал других в испытаниях и бедах.

Четвертая глава Послания к Филиппийцам является одним из примеров того, как Павел передает другим утешение, полученное им от Бога.

Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами.

Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке (Флп. 4:4–12).

Что значит «мир Божий»? Павел говорит о нем так. Во-первых, это внутреннее спокойствие и равновесие. В Послании к Филиппийцам мы читаем: «Я научился быть довольным тем, что у меня есть; научился всему и во всем» (4:11–12), то есть он не меняется от ситуации к ситуации. Только вдумайтесь, какое серьезное заявление. Вспомните обстоятельства, в которых жил Павел. Все мы хотим внутреннего мира, но мы с вами пытаемся его добиться, чтобы справ-

ляться с чем? С нашими счетами, капризным боссом, серьезной датой или ее отсутствием. А Павел стоял перед пытками и смертью. В тот самый момент, когда он пишет, он находится в темнице. Но при этом апостол говорит: «Я научился быть довольным тем, что у меня есть» (Флп. 4:11).

Вдумайтесь. Разве Павел утверждает: «Я могу улыбаться перед лицом пыток и смерти, такой уж я человек»? Нет. Этот внутренний мир благодаря природному крепкому темпераменту; благодаря таланту, а талант либо дан при рождении, либо нет. Как талант художника или спортсмена — либо он есть, либо нет. Но Павел не об этом. Он говорит: «Я научился». Значит, для него это не естественно. А тот внутренний мир, о котором он говорит, не является естественным ни для кого из нас. Он словно говорит: «Я этому научился, поэтому уравновешен в любой ситуации».

Павел также сообщает, что этот мир не отсутствие, а присутствие. Он не просто отсутствие страха. Он — ощущение покровительства. В английском переводе эта мысль звучит не так четко. В 7-м стихе сказано: «Мир Божий... *соблюдет* сердца ваши и помышления ваши» (Флп. 4:7). Греческое слово, переведенное как «соблюдать», означает «полностью окружить и укрепить здание или город для его защиты от вторжения». Если тебя окружает армия, дающая тебе совершенную защиту, ты очень крепко спишь — вот в чем смысл. За этим скрывается очень важная идея. Сегодня книги или сайты о преодолении беспокойства и борьбе со страхами обычно говорят об *избавлении* от мыслей. Они говорят: не думайте об этом;

БОГ УТЕШАЕТ ВО ВСЯКОЙ СКОРБИ НАШЕЙ, ЧТОБЫ И МЫ МОГЛИ УТЕШАТЬ НАХОДЯЩИХСЯ ВО ВСЯКОЙ СКОРБИ ТЕМ УТЕШЕНИЕМ, КОТОРЫМ БОГ УТЕШАЕТ НАС САМИХ.

не думайте негативно. Контролируйте свои мысли, выбросите негативные из головы. Но здесь показано, что мир Божий не является *отсутствием* негативных мыслей, но *присутствием* Самого Бога. «Бог мира будет с вами» (Флп. 4:9).

Вытеснение негативных мыслей не является началом обретения внутреннего мира с точки зрения христианства. Если это делать, можно просто отказываться от признания, что все плохо. Есть такой способ самоуспокоения — отказ от признания фактов. Но такой мир долго не продержится! Христианский мир начинается с другого. Дело не в том, что ты перестаешь смотреть фактам в лицо, а в том, что некая Живительная Сила приходит в твою жизнь и дает возможность бороться с реальностью, поднимает тебя над этими фактами и помогает их преодолеть.

Многие верующие испытали этот мир Божий. Это не просто позитивное мышление или сила воли. Это ощущение того, что, независимо от происходящего, в конце концов все будет хорошо, даже если в настоящий момент все совсем плохо. По моему опыту, люди обычно прорываются к подобному миру только через трагические ситуации, часто долиной смертной тени. Можно привести метафору. Если вы когда-либо стояли на берегу во время бури и наблюдали, как волны прибывают и ударяются о камни, иногда такие большие, что накрывают один из камней, и вы думаете: волна вот-вот поглотит его. Но когда волны отступают, камень остается на месте. Он ни на йоту не сдвинулся. Именно таков человек, ощущающий «мир превыше ума». Неважно, что в тебя бросают — ты знаешь, что устоишь. Конечно, Павел — классический тому пример. Его избивают; его побивают камнями; его секут; он терпит кораблекрушение; его предают; его враги пытаются его убить. Волна за

волной... и вот — он все еще стоит. «Я нашел способ стоять твердо на ногах при любых обстоятельствах», — сказал он. Все жизненные волны, вместе взятые, не смогли его сломить. И он говорит, что это не присущий ему талант — мы с вами можем этому научиться.

Вот суть христианского мира. Это внутреннее спокойствие и равновесие, но не только. Это ощущение присутствия Божия и ощущение Его защиты, которое практически превышает разум.

Если этот мир не естественен для каждого, если ему можно только научиться, тогда как ему научиться, как его

обрести? Павел дает очень много советов в этом отрывке касаясь обретения этого мира. Это не значит, что он дает нам «четыре шага, гарантирующих внутренний мир». Миром Божиим невозможно манипулировать посредством технического мастерства. Тем не менее, Павел упоминает три вида дисциплин, к которым нужно прибегнуть. Те, кто ими занимается чаще, в процессе обретают мир Божий. Я бы назвал эти три дисциплины так: дисциплины мысли, благодарения и любви.

Мир Божий не является отсутствием негативных мыслей, но присутствием Самого Бога.

Дисциплина мысли

В Послании к Филиппийцам (4:8–9) Павел говорит: «Братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто... о том *помышляйте*... и Бог мира будет с вами». Когда слышишь такие определения, как

«честный» и «справедливый», можно подумать, что Павел просто советует вообще мыслить в высоком и вдохновляющем ключе. Но специалисты по литературному наследию Павла утверждают, что это не так. Он имеет в виду не возвышение ума в целом, а скорее конкретное библейское учение о Боге, грехе, Христе, спасении, мире, человеческой природе и замысле Божьем о мире — замысле спасения. Для разъяснения того, как мы должны мыслить обо всем перечисленном, Павел употребляет слово *λογίζομαι*. Это слово связано с исчислением и иногда переводится как «считать» или «рассчитывать»³⁸³. Павел утверждает: если хочешь достичь мира, долго и усердно размышляй над основными библейскими доктринами.

Это в корне отличается от того, что можно найти в любом книжном магазине, на полках с книгами о том, как справиться с беспокойством, тревогой и стрессом. Вы никогда не прочтете ни в одной из подобных книг примерно следующее: «Вы полны напряжения и беспокойства, Вы несчастны? Чтобы справиться с этой проблемой, начнем с главных вопросов: в чем смысл жизни? Зачем Вы здесь? Зачем вообще жить? Откуда Вы и куда идете? Что должны

³⁸³ «Но сказанное здесь Павлом, по сравнению с английскими переводами, на самом деле совсем не ясно. Создается впечатление, что он призывает их в последний раз “помышлять” о более высоком. В каком-то смысле это правда, но язык и грамматика говорят о чем-то другом. Обычно данный глагол означает “считать” в смысле “принимать во внимание”, а не просто “думать о чем-то”. Поэтому, возможно, Павел велит им не столько “размышлять о высоком”, сколько “принимать во внимание” то хорошее, что знакомо им давным-давно, только если оно согласуется с учением Христа». G. D. Fee, *Paul's Letter to the Philippians. The New International Commentary on the New Testament* (Eerdmans, 1995), pp. 415–416.

делать люди со своим временем?» Никогда! Современные книги сразу переключаются на методы расслабления и поиск баланса между работой и отдыхом. Например, в них говорится, что вам нужно почаще сидеть на пляже, наблюдать за прибоем и просто вытеснять беспокойство из своего сознания и вообще не думать. Или вам предоставят способы управлять мышлением, чтобы разобраться с негативными мыслями и эмоциями, чувством вины и так далее.

Почему современные книги о стрессе и тревоге не советуют реагировать на них путем глубокого размышления о жизни? Потому что наша западная мирская культура, возможно, является первым обществом, существующим без ответов на главные вопросы. Если Бога нет, то мы здесь случайно, и когда мы умрем, память о нас будет недолгой. В конце концов, с этой точки зрения, солнце потухнет, и все сделанное человеком обратится в прах. Если такова природа вещей, неудивительно, что мирские книги для людей в условиях стресса никогда не учат подумать о вопросах типа «Зачем Вы здесь?»³⁸⁴.

³⁸⁴ Существует неисчислимо количество примеров мрачности мирского взгляда. Чарльз Дарвин пишет: «Человек, который не имеет постоянного и уверенного убеждения в существовании Бога-Личности или в будущих воздаянии и награде, по-моему, может руководствоваться по жизни только самыми сильными импульсами и инстинктами или теми, которые ему кажутся лучшими» (Charles Darwin. *Evolutionary Writings*, ed. James A. Secord, p. 396. — books.google.com). Оливер Венделл Холмс-мл., судья Верховного суда США и серьезный интеллектуал начала XX века, в личной переписке однажды написал другу: «Нет причин делать человека значительнее павиана или песчинки... Мир создал не только меня, но и змею; однако если мне представится возможность, я ее убью... и единственная тому причина — это действие

Напротив, они советуют ни о чем особо не думать, но расслабиться и заниматься тем, что доставляет удовольствие.

Павел говорит, что христианский мир практически полностью противопоставлен этому видению. Христианский мир достигается не меньшими размышлениями — наоборот, нужно больше и усерднее думать о главных жизненных проблемах. Павел приводит конкретный пример в Послании к Римлянам (Рим. 8:18), где употребляет то же слово *λογίζομαι* и обращается непосредственно к страждущим. Он говорит: «Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас». «Думать» в данном случае означает со всем вниманием просчитывать, а не демонстрировать спокойствие. Это не попытка добиться мира, за-

соответствует тому миру, который я хочу видеть, миру, который каждый создает исходя из собственной власти» (перепарафразировано: Oliver Wendell Holmes Jr., *The Essential Holmes*, ed. Richard A. Posner, pp. 108, 114. — books.google.com). Знаменитое высказывание историка Карла Л. Бекера: со строго научной точки зрения, людей необходимо воспринимать как «всего лишь случайную залежь на поверхности Земли, небрежно брошенную между двумя ледниковыми периодами теми же силами, что оставили здесь железо и созревшую кукурузу» (цит. по Steven D. Smith, *Disenchantment*, p. 179.) Британский философ Джон Н. Грей язвительно отзывается о современном мирском мифе, что жизнь человека имеет уникальную ценность или смысл, и что вообще есть надежда, что мы совершенствуемся, а история идет к некоему логическому завершению. Люди не ценнее животных или растений. «Человеческая уникальность — миф, унаследованный от религии, которую гуманисты переработали в науку, — пишет он. — У эволюции нет конечной точки или направления, поэтому если развитие общества является эволюционным процессом, то этот процесс идет в пустоту» (Gray, *The Silence of Animals*, p. 78).

нимаясь бегом или шопингом. Это означает: «Поразмысли! Подумай о славе, возрастающей до тех пор, пока радость не захватит тебя».

Читающий эти строки может заметить: «Ты говоришь о доктринах, а мне нужно утешение». Подумайте! Иисус действительно Сын Божий? Он правда пришел на землю, умер ради вас, воскрес и вознесся на небеса, и сидит одесную Отца? Правда ли, что Он перенес бесконечные страдания ради вас, чтобы однажды забрать вас к Себе и отереть все слезы с глаз ваших? Если да, то не найти большего утешения. Если нет, если все это неправда, тогда мы можем провести здесь еще 70–80 лет, пока не умрем, и не будет у нас больше счастья, кроме того, которое мы ощутили в этой жизни. А если беды или страдания отняли у вас это счастье, вам его уже не вернуть. Либо Иисус сидит на престоле и управляет всем ради вас, либо вам больше не на что надеяться.

Вы видите, что делает Павел? Он утверждает: если сегодня вы христианин, и в вас мало мира или вообще его нет, возможно, это потому, что вы не размышляете. Мир — это следствие неослабевающего мыслительного процесса, исходя из подтекста вашей веры. Наше мировосприятие — следствие намеренного нахождения в выигрышной позиции. Нет ничего более захватывающего того момента, когда ты забрался на высокую точку горы, развернулся и обозрел всю местность, которую только что пересек. Внезапно ты видишь отношения — ты видишь пройденный тобой ручей, предгорья, город, из которого ты шел. Высокое место обзора — это перспектива, ясность и ощущение красоты. Так и апостол Павел призывает нас именно к этому. Думайте о больших, серьезных вещах, наблюдайте с высоты. Осознайте, Кто есть Бог, что Он сделал, кто вы во Христе, к чему

идет мир. Оцените свои проблемы в контексте, вспомнив беды, пережитые Христом ради вас, и все Его обещания вам и все то, чего Он добивается.

Я попробую объяснить иначе. Есть «глупый мир», а есть «мудрый мир». Глупый мир — результат отказа от размышлений о ситуации в целом. Если следо-

Либо Иисус сидит на престоле и управляет всем ради вас, либо вам больше не на что надеяться.

вать этому пути, можете хлопнуть пробкой, сесть под деревом или на пляже и стараться не думать о смысле вещей. Но Павел говорит:

если ты христианин, ты мо-

жешь размышлять о картине в целом и в процессе ты обретешь мир. А если ты христианин и в тебе вообще нет мира, может быть, ты не размышляешь.

Богослов начала американской истории Джонатан Эдвардс был проповедником-конгрегационалистом. Самая ранняя сохранившаяся до наших дней его проповедь — это рукопись, созданная им в восемнадцать лет, под названием «Христианское счастье». Несмотря на молодость автора, ее общее содержание поразительно. Смысл очень прост: христианин должен быть счастлив, «какими бы ни были внешние обстоятельства»³⁸⁵. Затем он дает обоснование в трех утверждениях. Я их перефразирую. Для христиан:

«Плохое» содействует ко благу: «любящим Бога все содействует ко благу» (Рим. 8:28).

«Хорошее» — принятие в семью Божию, оправдание в Его глазах, единение с Ним — нельзя у них отнять. «Итак нет ныне никакого осуждения тем,

³⁸⁵ Jonathan Edwards, “Christian Happiness,” — Works of Jonathan Edwards: Sermons and Discourses 1720–1723, vol. 10, ed. Wilson H. Kimnach (Yale University Press, 1992), p. 297.

которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу» (Рим. 8:1).

Лучшее — жизнь в раю, новые небеса и новая земля, воскресение — еще впереди (Откр. 22:1 и далее).

Эта проповедь — просто пример того, как молодой человек совершает указанное Павлом. Он «рассчитывает», складывает все вместе и дает славе евангельского спасения проникнуть в сердце. Все плохое будет содействовать ко благу, все хорошее у нас не отнимут, а лучшее — еще впереди. «О том помышляйте» (Флп. 4:8).

Дисциплина благодарения

Сначала нужно научиться дисциплине мысли, а затем дисциплине благодарения. В Послании к Филиппийцам Павел говорит: «*Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом*» (Флп. 4:6). Благодарение выше забот. Но присмотритесь — немного парадоксально, правда? Странно, что Павел не говорит: сначала просим Бога, а затем, если получим просимое, благодарим Его. Но Павел говорит не так. Он говорит: *благодари Его, когда просишь, прежде ответа на просьбы.*

Вообще, почему я благодарю Бога заранее? Поначалу это кажется нелогичным. Но если подумать, становится очевидно: апостол призывает нас верить в верховную власть Бога над историей и нашими жизнями. Он предупреждает: мы не будем удовлетворены, если в своем искреннем прошении не признаем,

что наша жизнь в Его руках, и Он мудрее нас. Именно это происходит, когда ты благодаришь Его за все, что Он сделает в ответ на твою просьбу. Это, естественно, смысл двух ключевых стихов — из Ветхого Завета и из Нового. «Вы умышляли... зло; но Бог обратил это в добро» (Быт. 50:20) и «любящим Бога...

Благодари Его, когда просишь, прежде ответа на просьбы.

все содействует ко благу» (Рим. 8:28). Восьмую главу Послания к Римлянам не стоит воспринимать как нечто приторное. В ней не го-

ворится, что в плохом всегда есть хорошее или что все ужасное, что происходит, каким-то образом оказывается положительным, если посмотреть с нужной стороны. Нет, в Послании к Римлянам (8:28) Павел утверждает, что все — даже плохое — в конечном итоге будет управлено Богом так, что намеренное зло добьется прямо противоположного своему замыслу — высшего блага и славы. Сейчас у Одного Бога есть эта перспектива вечности. Он один стоит на вершине горы, с которой видит, как все содействует к нашему благу и Его славе — в конце и мы будем стоять там и увидим это.

Мы уже рассмотрели фундаментальное библейское учение в предыдущих главах. Бог — Владыка, поэтому мы должны доверять Ему. Но Павел идет еще дальше. Бог — Владыка, поэтому мы должны благодарить Его. Мы должны жить с благодарностью. И делать это, когда просим Его о чем-то. Мы должны благодарить Его, что бы Он ни даровал нам, даже если мы этого не понимаем.

Для меня ярким примером явилась ситуация, когда мне было 20 с небольшим, и целый год я молился о девушке, с которой встречался и на которой хотел жениться, а она хотела прекратить наши отноше-

ния. Весь год я молился: «Господи, не дай ей порвать со мной». Конечно, оглядываясь назад, я понимаю, что это была не та девушка. Вообще я сделал все, что мог, чтобы помочь Богу исполнить мою молитву: это произошло летом, наши отношения подходили к логическому завершению, в это время я переехал. В этом месте с ней было легче встречаться. Я говорил: «Господи, я максимально облегчаю Тебе задачу. Я просил Тебя об этом, и я даже разобрался с расстоянием». Но я оглядываюсь назад и понимаю, что Бог говорил: «Сын Мой, когда Мое чадо просит Меня, Я всегда дарую то, о чем это чадо попросило бы, если бы знало все, что знаю Я».

Вы в это верите? Ваш мир будет равнозначен степени вашей веры в этот факт. А если вы в него не верите, вы не обретете того мира, который могли бы иметь. Благодарением открывайте ваши прошения.

Дисциплина переупорядочения нашей любви

Есть мысль, есть благодарение и, в-третьих, есть любовь. В Послании к Филиппийцам Павел советует думать о том, «что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто» (Флп. 4:8). Все это — наиболее традиционные добродетели разума и воли, выделенные богословием. Но он не заканчивает на них и просит помышлять о том, «что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала». По определению, все «любезное» не просто истинно, но и привлекательно³⁸⁶. Я считаю,

³⁸⁶ Это слово в основном относится ко всему, что люди считают «симпатичным», т. е. когда они испытывают к данному

что Павел побуждает своих читателей не только приводить в порядок свои мысли, то есть разум, но и чувства, то есть сердце. Апостол объясняет, как най-

БЛАГОДАРЕНИЕМ ОТКРЫВАЙ-
ТЕ ВАШИ ПРОШЕНИЯ.

ти духовный балласт, чтобы держаться на плаву в бурном море, как сохранять равновесие во время бедствий и

трудностей. Он говорит, что в такие времена недостаточно просто думать. Важно еще любить то, что необходимо.

Сейчас мы должны обратиться к блаженному Августину, великому христианскому мыслителю, жившему в IV–V веках. Он глубоко осознавал главную проблему греческой философии. В самом деле, Павел говорит о ней. Главная проблема: как жить счастливо? Греческое слово, обозначавшее это состояние — *αὐτάρκεια*, и именно это слово употребляет Павел в 11-м стихе. Он говорит: «Я научился быть довольным тем, что у меня есть». Это значило не зависеть от обстоятельств, всегда находиться в гармонии, иметь силу и не расстраиваться, не отчаиваться, не убиваться, что бы ни произошло.

Над этой проблемой размышляли философы-стоики. Мы уже поняли это по предыдущим главам. Стоики учили, что большинство людей не могут жить в довольстве и гармонии, потому что чрезмерно привязаны к материальному. Не стоит слишком любить успех, ведь даже если ты его добьешься, то будешь беспокоиться о нем. Ты никогда не обретишь мира, потому что будешь бояться его потерять. Помимо этого не стоит слишком заботиться о семье,

предмету дружеские чувства. Новая Иерусалимская Библия отлично передает смысл своим переводом «...все, что мы любим». Fee. *Paul's Letter to the Philippians*, p. 418.

ведь даже если ты обрешь хорошую семью, ты будешь переживать о ней. Ты всегда будешь в тревоге от мысли, что с ними что-то случится. А если что-то случится, ты будешь безутешен.

Философы говорили, что эта проблема — следствие любви к тем вещам, которые нельзя контролировать. Если любить что-то и потерять это, появляется ощущение пустоты. Таким образом, говорили они, не люби ничего всецело, кроме собственной добродетели. Почему? Потому что ты можешь управлять своей волей. Ты не можешь иметь постоянный успех. Ты не можешь сделать так, чтобы твоя семья жила вечно. Ты не можешь контролировать

Ты не можешь контролировать ничего вне твоего сердца. Поэтому заботься только о собственной добродетели.

ничего вне твоего сердца. Поэтому заботься только о собственной добродетели — можно решиться быть смелым, цельным и честным. Единственное, что может и делает тебя счастливым — это осознание того, что ты тот человек, которым ты хочешь быть. Ты сам выбрал этот путь. Только это ты можешь контролировать — больше ничего. Итак, если твой выбор и твой характер для тебя счастье, только тогда ты обрешь покой.

Но стоики ошибались в частности в своей основной предпосылке. Нельзя уверять, что можно управлять добродетелями. Да, если заботиться об успешной карьере, можно прийти к горькому разочарованию, но если вместо этого заботиться о том, чтобы быть благородным человеком, владеющим собой, не отступающим от своих принципов — это так же неоднозначно. Ты не можешь это контролировать. Ты — человек. Ты слаб. Ты сложносоставный — замысловатое сочетание разума, воли, сердца, души

и тела. Твоя добродетель может подвести тебя, как и все остальное. А если ты падешь — опять же, у тебя ничего не будет. Ты будешь безутешен.

Августин отрицал стоический подход как несостоятельный. Вместо этого он утверждал: «Только любовь неизменного может вести к успокоению»³⁸⁷. Твоя добродетель может и будет изменяться, как и твоя карьера, твоя семья, твой достаток. У нас нет мира потому, что мы любим то, что *изменяется*; то, что может быть отнято обстоятельствами.

Но есть неизменное. Один Бог неизменен, Его присутствие и Его любовь. Единственная любовь, которая не разочарует — та, которая не может измениться, не может быть утрачена, не основывается на взлетах и падениях и не зависит от того, правильно ли ты живешь. Даже смерть не может отнять ее. Только Божественная любовь такова. Твоя неправильная жизнь не только не препятствует ей, но и худшие обстоятельства этой жизни — внезапная смерть — могут даровать тебе еще больше этой любви! Что надежно и твердо настолько, что даже смерть вовсе не способна повлиять на нее, но только сделать ее больше? Любовь и присутствие Божие. Красота Божия. Лице Божие.

Поэтому Августин мог заявить следующее. В своей «Исповеди» он говорит: «[Только Бог дает] безмятежный покой там, где Любовь не покинет тебя, если сам ты Ее не покинешь»³⁸⁸.

³⁸⁷ То, как Августин развенчал «эвдемонизм» — мысль о том, что величайший источник счастья есть собственная добродетель — рассказано в 7-й и 8-й главах книги Wolterstorff, *Justice*. Фраза: «Только любовь неизменного может вести к успокоению» — это обобщение учения Августина, данное в качестве заглавия к 8-й главе, стр. 180.

³⁸⁸ Августин Блаженный. Исповедь. Пер. с лат. М. Е. Сергеев.

Естественно, что на все это хочется отреагировать вопросом. Вот таким: «Минутку. Ты говоришь, я должен любить Бога. Но я много чего люблю: я люблю материальные блага; я люблю людей; я люблю романы. То есть я должен любить Бога, а не все это?» Нет, ты должен *переупорядочить* свои чувства любви. Твоя проблема не в том, что ты слишком сильно любишь карьеру или семью, а в том, что в сравнении с ними ты слишком мало любишь Бога. Клайв Льюис, вторя Августину, пишет:

Наверное, невозможно любить человека просто «слишком сильно». Можно любить его слишком сильно в сравнении с нашей любовью к Богу; но эта чрезмерность происходит не от огромной нашей любви ко многим, но от малой нашей любви к Богу³⁸⁹.

Вот он, путь обрести спокойствие, безмятежность, умиротворение. Любить *Его* превыше всех.

Перераспределение славы

В 3-м псалме царь Давид описывает жуткую ситуацию: он оказался окружен врагами. Вроде бы все настолько плохо, что даже его собственный народ шепчет, что Бог оставил его. Как Давид реагирует на то, что его репутация испорчена, а враги угрожают ему? Давид пишет:

³⁸⁹ C. S. Lewis. *The Four Loves* (Harcourt, 1988), p. 122.

Господи! как умножились враги мои! Многие встают на меня, многие говорят душе моей: «нет ему спасения в Боге». Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою. Гласом моим взываю к Господу, и Он слышит меня со святой горы Своей. Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня. Не убоюсь тем народа, которые со всех сторон ополчились на меня (Пс. 3:2–7).

Как Давид добился такого мира? Он спит безмятежно, когда враги сосредоточились на границах его. Объяснение в 4-м стихе. Фраза «возносить главу», «идти с высоко поднятой головой» даже сегодня является метафорой чувства собственного достоинства, ясного ума и уверенности. Несмотря на ропот народа, он не угнетен. Давид говорит, что Бог «возносит главу его», но как? В стихе сказано: «Но Ты, Господи... *слава моя*». Дерек Киднер пишет: «Над выражением “слава моя” стоит подумать: оно указывает... на сравнительную незначительность земной оценки»³⁹⁰. Давид осознает, что он позволяет одобрению и похвале своего народа влиять на его самоуважение. Он шел с «высоко поднятой головой», потому что его приветствовали и он был популярен. Теперь же он объявляет богословскую истину, что *Бог* — его слава, и только Он.

Для того чтобы научиться бороться со страданием, нам крайне важно его постичь. Когда у нас что-то отнимают, наше страдание — реально и обоснованно. Но часто мы ощущаем несоразмерное уныние, потому что страдание вырывает из наших рук то, чему мы позволили стать не просто хорошей вещью. Оно при-

³⁹⁰ Kidner, *Psalms* 1–72, p. 55.

обрело слишком большое духовное и эмоциональное значение. Мы считали это нашей честью и славой — причиной, по которой мы шли с высоко поднятой головой. Может, мы говорили людям: «Иисус — мой Спаситель. Кроме Его одобрения, и Его отношения ко мне, и Его служения, ничего не имеет значения». Однако по факту наше чувство собственного достоинства росло вследствие других вещей. В страдании вера в не-существенное колеблется. Что касается Давида, большая часть его страданий оправданна. Утрата любви своего сына и своего народа, ложное обвинение — все равно что жгучая боль. Но еще он осознал, что он позволил общественному мнению и «земной оценке» возыметь слишком большую силу в его глазах. Он снова вернулся к обретению Одного Бога как своей славы — этого можно добиться только молитвой, покаянием и благоговением. Он вновь приходит к тому, что дружба и присутствие Божии — единственное, что имеет значение. И в этом процессе он становится жизнерадостным и смелым.

Покаяние, основанное на благоговении — так можно воспринимать 4-й стих. Давид говорит: «*Но Ты — мой щит, Господи — и ничто иное! Ты — слава моя и Возносящий главу мою — а не все они! Не моя репутация, не политическая власть, и даже не любовь моего сына, и не признание народа — Ты Один!*» Это восхваление, но оно основывается на покаянии — и это покаяние, основанное на восхвалении.

Как же Бог становится нашей славой? Единственный ответ: через повторное открытие Евангелия свободной благодати. Когда мы слышим обвинение нашего сердца «*Тебя Бог не спасет: ты недостойн!*»,

Для того чтобы научиться бороться со страданием, нам крайне важно его постичь.

единственный ответ: Божье спасение — не для достойных, но для смиренных, признающих, что они недостойны. В 9-м стихе об этом сказано прямо: «От Господа спасение». Последнее сродни знаменитому утверждению Ионы: *«У Господа спасение»* (Иона 2:10). Мы не спасаем сами себя — это незаслуженно.

Давид интуитивно понимал, что его спасла благодать, но у нас есть куда более серьезное подтверждение этого факта. Если читать 4-й стих в свете креста, мы все поймем. Во Христе Господь буквально стал «нашим щитом». Щит защищает нас, принимая на себя удары, которые пали бы на нас и уничтожили. Он защищает нас путем замены. Ведь Иисус встал на наше место и принял заслуженное нами наказание. Мы знаем, что Бог не оставит нас, потому что Он оставил Иисуса за наши грехи. Мы знаем, что во Христе мы «святые и непорочные и неповинные пред Ним» (Кол. 1:22), несмотря на нашу запятнанную репутацию. Итак, христиане знают, что Христос буквально является нашей славой и честью перед Богом Отцом (1 Ин. 2:1–2). Благодаря этому никакое обвинение не может нас ниспровергнуть.

Так вот что нам нужно делать в страдании. Нам стоит оценить свою жизнь: не было ли наше страдание излишне преувеличено потому, что мы слишком заботились о чем-то и надеялись на что-то. Мы должны перераспределить свою славу и приоритеты своей любви. Страдание почти всегда указывает на то, что вещи, без которых, казалось бы, невозможно жить, становятся не такими необходимыми, если положиться на Бога. Так рождается свобода. Это не значит, что мы не страдаем, когда любим Бога совершенно. Нет — потому что любящие Бога любят и много всего другого хорошего в этой жизни. Иисус любил Бога совершенно, но Он был Муж скорбей, так

как сильно любил нас. Не стоит следовать совету стоиков и сердцем отстраняться от вещей. Мы должны любить многое, а когда хорошее отнимают у нас, то причиняют боль. В то же время если культивировать в себе идею глубокого умиротворения в Боге, экзистенциальное понимание Его любви к нам, тогда мы обнаружим, что страдание жалит и причиняет боль, но не способно искоренить нас, уничтожить нас. Ведь страдание не может коснуться Главного — Бога, Его любви и Его спасения.

Несколько лет назад в нашу церковь Искупителя пришли двое мужчин, актеры. Они оба пробовались на одну роль, которая была самой важной в их карьере. Оба называли себя христианами, но один из них, мне кажется, духовно и эмоционально целиком надеялся на успешную актерскую карьеру. Он верил в Иисуса, но было ясно, что он мог наслаждаться жизнью и хорошо относиться к себе, только когда его карьера была в порядке. Другой тоже называл себя христианином, но после ряда разочарований он осознал, что главная цель его жизни — радовать и воздавать честь Богу, спасшему его. Он считал, что может достигнуть этого, будучи актером.

СТРАДАНИЕ ПОЧТИ ВСЕГДА
УКАЗЫВАЕТ НА ТО, ЧТО ВЕЩИ,
БЕЗ КОТОРЫХ, КАЗАЛОСЬ БЫ,
НЕВОЗМОЖНО ЖИТЬ, СТАНО-
ВЯТСЯ НЕ ТАКИМИ НЕОБХОДИ-
МЫМИ, ЕСЛИ ПОЛОЖИТЬСЯ НА
БОГА.

Обоим отказали — ни один из них не получил роль. Первый был подавлен, он пережил затяжную депрессию и употреблял наркотики. Другой сначала чувствовал себя отвратительно и рыдал. Но вскоре он пришел в себя и говорил: «Наверное, я был неправ. Похоже, я могу радовать и воздавать честь Богу на другой работе». Разница есть? Второй сделал свою актерскую карьеру способом для достижения цели;

первый сделал актерство самоцелью. Жизненные обстоятельства не могли повлиять на главное сокровище второго человека, но могли уничтожить сокровище первого, что было для него ужасно. Истинное сокровище — быть любимым Богом, быть знакомым Богу. А если ты сделаешь его своим истинным сокровищем, тогда ни один вор не «подкопает и не украдет» его (Мф. 6:19).

Ужасный прекрасный процесс

Мы говорили, что страдание похоже на печь — оно как причиняющий боль жгучий жар, рождающий чистоту и красоту. Теперь мы видим один из способов их создания. Страдание хватается то хорошее, что стало слишком важным для нас. Мы должны реагировать на страдание не просто игнорированием этих любимых нами вещей, но обращением к Богу, и большей любовью к Нему, и большим укоренением в Нем. Нельзя по-настоящему понять свое сердце, когда все хорошо. Только когда все не так, можно его рассмотреть. Это происходит потому, что только когда тебя постигает страдание, ты понимаешь, Кто есть истинный Бог и какие в твоей жизни ложные боги. Только истинный Бог может пройти с тобой через печь и вывести тебя из нее. Остальные оставят тебя в пламени.

Есть гимн, ярко описывающий этот процесс. Это один из «Гимнов Олни» Джона Ньютона под названием «Внутренние испытания». В нем Ньютон упоминает «тыквы», указание на тыкву или то растение, которое доставило столько удовольствия Ионе. Это

растение Бог уничтожил, чтобы Иона осознал, что его приоритеты расставлены неправильно. В этом гимне тыквы символизируют то, что доставляет нам радость и удовольствие — оно исчезает, когда нас постигают скорбные испытания. Гимн не нуждается в комментарии — он говорит сам за себя.

Просил я Господа возрасти
В любви и вере, в милости,
Познать Его спасение,
Искать Его усерднее.

Просил в благословенный час
Исполнить все, чего я ждал,
Чтоб силою Своей любви
Мой грех смирил, мне отдых дал.

Однако Он дал мне познать
Все зло, сокрытое во мне;
И гневу ада дал попруть
Всю душу, все, что было в ней.

Еще Своей рукою Он
Как будто углублял печаль;
Меня все больше унижал,
Мои все тыквы поражал,
Мои все планы разрушал.

Господь, за что, взмолился я,
Ведешь раба как будто в смерть?
Он отвечал: «Ты сам просил
Любовь и благодать иметь.

Все эти испытания —
К твоей свободе от себя;
От гордых планов, благ земных,
И чтоб стал Я всем для тебя».

Вернемся к 4-й главе Послания к Филиппийцам. Как нам добиться большей любви к Богу? «Бог» может быть абстрактным, даже если верить в него. Как нам углубить чувство любви к Всевышнему? Не пытайтесь прямо воздействовать на свои эмоции. Не поможет. Наоборот, позвольте эмоциям быть естественными — искренне реагируйте на происходящее. Заметьте, Павел говорит: мир Божий соблюдет сердца ваши и помышления ваши не только в Боге, но *во Христе Иисусе* (Флп. 4:7). Вот именно. Нельзя просто сидеть дома и любить абстрактного Бога. Необходимо смотреть на Иисуса — Кто Он и что Он сделал для тебя. Не просто созерцание Бога в целом, но личности и трудов Иисуса в частности позволят тебе возлюбить неизменное и обрести безмятежность. Посмотрите на то, что Иисус сделал ради вас — так Бог обретет неотразимую красоту.

В 57-й главе книги пророка Исаии сказано: «А нечестивые — как море взволнованное, которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь. Нет мира нечестивым, говорит Бог мой» (Ис. 57:20–21). На первый взгляд это одно из многих утверждений Ветхого Завета: Бог накажет грешников. Но вдумайтесь; речь идет о естественных последствиях. Стойки были правы. Если жить ради и любить нечто больше Бога, тогда жизнь всегда будет сродни взволнованному морю. Тебе не будет покоя, не будет мира. Если любить что-то больше Бога, всегда будешь беспокоиться об этой вещи. Бог говорит: «Естественное последствие отказа от Меня — естественное последствие того, что ты не со-

средотачиваешь всей своей жизни во Мне — глубокое беспокойство».

Мы это заслужили. Но во Втором послании к Коринфянам сказано: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (2 Кор. 5:21). Не может быть, чтобы Бог сделал Иисуса грешным. Это значит, что на кресте к Нему относились как к грешнику. Он получил заслуженное нами наказание — среди прочего Он испытал эту ужасную утрату чувства умиротворения. Понимаете? Разве Иисус Христос идет к Своему распятию и говорит: «Я полностью сосредоточен на Боге. Я счастлив в любых обстоятельствах»? Нет! Иисус не говорил ничего подобного, потому что это *неправда!*

Иисус утратил весь Свой мир. Он вопиет на кресте. В Библии вообще сказано, что Он умер, возопив. Уильям Лейн, толкователь Евангелия от Марка, отмечает:

Крик оставленности, этот вопль — распятые преступники обычно были в полном истощении и долго находились на кресте без сознания перед смертью. Повествование Марка совершенно в своем реализме. В этом Евангелии описана внезапная, жестокая смерть. Этот крик оставленности — выражение неизмеримой боли³⁹¹.

На кресте Иисус принял на Себя заслуженное нами, включая эту колоссальную, глубочайшую боль и беспокойность. Во Втором послании к Коринфянам (5:21) сказано, что Он принял заслуженное нами,

³⁹¹ См. William L. Lane, *The Gospel of Mark*, The New International Commentary on the New Testament (Eerdmans, 1974), pp. 573–574.

чтобы мы могли принять заслуженное Им. Иисус лишился Своего мира, чтобы мы с вами могли обрести вечный покой. Размышление о том, что Он совершил и как, ради тебя, поможет тебе все преодолеть. Так Бог станет любезным тебе.

Попробую разъяснить. Горацио Спаффорд был американским юристом, потерявшим все во время пожара в Чикаго в 1871 году. Только через два года он отправил свою жену Анну и четырех дочерей на корабле через Атлантический океан в Англию. Корабль столкнулся с другим кораблем и начал тонуть. Он тонул, а Анна собрала своих маленьких дочерей для молитвы. Корабль ушел под воду, их всех разбросало волнами, и все четыре девочки утонули. Спасательный корабль нашел Анну на волнах без сознания. Ее отвезли в Англию, и она телеграфировала Горацио Спаффорду всего два слова: «Saved alone» — «Спасена одна».

Когда Спаффорд плыл в Англию, чтобы забрать жену домой, он начал писать гимн «В Твоих я покоюсь руках... Течет ли жизнь мирно, подобно реке...». Именно эти слова он написал. Подумайте вот над чем: почему скорбящий человек, ищущий мира Божьего — мира, подобного реке — весь гимн посвятил Иисусу и Его спасительным действиям? И почему он в такой момент рассуждает о собственном грехе? Он написал:

Что в мире сравнится с усладой такой?
Мой грех весь как есть целиком,
К кресту пригвожден,
И я кровью святой
Искуплен всеильным Христом³⁹².

³⁹² Horatio Spafford, "It Is Well with My Soul," гимн 1873 г.

При чем здесь его четыре погибшие девочки? Ответ прост: когда все идет не так, ты лишаешься мира в том числе потому, что уверен — тебя наказывают. Но вспомни о кресте! Все наказание взял на Себя Иисус. Еще ты можешь думать, что Богу все равно. Но вспомни о кресте! В Библии Бог, Который говорит: «Я тоже лишился ребенка; но по Своей воле, на кресте, ради тебя. Чтобы ты стал частью Моей семьи».

В этом гимне мы видим, как человек размышляет, благодарит и любит — и достигает мира Божьего. Ему в тех обстоятельствах это помогло. Павлу в его обстоятельствах это помогло. Поможет и тебе.

Надежда

Тогда все те силы, что к скорби ведут,
 Ты искупишь,
 И день за днем
 Они обратятся в Твою хвалу, в мой легкий путь;
 С заботой во мне отвагу возрастят,
 Пока не достигну небес и Тебя.
Джордж Герберт. Бедствие IV

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.

Откр. 21:1–5

Надеяться — самое практическое руководство для страждущего. Именно утрата надежды делает страдание невыносимым. Здесь, в конце Библии, высшая надежда — материальный мир, в котором больше нет страданий: «всякая слеза отерта с наших очей». Эта надежда — живая, преображающая жизнь.

К кому обращался Иоанн в Откровении? Он писал людям, переживающим ужасные страдания. В 4-м стихе дан список. Он писал тем, кто знал смерть, и плач, и вопль, и болезнь. Эта книга была написана ближе к концу I века. Нам известно, что тогда римский император Домициан массово преследовал христиан. У некоторых отняли дома и разорили их, других отправляли на арену, где их прилюдно разрывали на части дикие звери. Кого-то сажали на кол — еще живыми их обливали смолой и поджигали.

И что им предложил Иоанн для перенесения подобных мучений? Он дал им высшую надежду — грядущие новые небеса и новую землю. Он дал их для перенесения всего этого. Просто исторический факт: эта надежда помогла. Нам известно, что первые христиане не теряли самообладания и покоя в страдании; они пели гимны, когда звери разрывали их на части; они прощали убивающих их людей. Чем больше их погибало, тем больше разрасталось христианское движение. Почему? Потому что люди видели, как христиане умирали, и говорили: «У этих людей что-то есть». Знаете, что у них было? Она. Живая надежда.

Люди формируются надеждой. То, как ты теперь живешь, полностью зависит от того, во что ты веришь в будущем. Несколько лет назад я читал историю о двух людях, которых схватили и посадили в темницу. Прямо перед тем, как они попали в тюрьму, один из них узнал, что его жена и ребенок погибли, а другой — что его жена и ребенок были живы и ждали его. За первые несколько лет заточения первый просто зачах, сдался и умер. Но второй смог все перенести и остался сильным, и через десять лет вышел свободным человеком. Заметьте: эти двое были в одних и тех же обстоятельствах, но отреагировали

по-разному, потому что их настоящее было одинаково, а будущее в их помышлении — разное. Это будущее определяло их поведение в настоящем.

Значит, Иоанн был прав: страждущим нужно было дать надежду. Вы верите, что после смерти сгнете? Что нет больше счастья, кроме полученного в

То, как ты теперь живешь, полностью зависит от того, во что ты веришь в будущем.

этом мире? Вы верите, что однажды солнце потухнет и вся человеческая цивилизация исчезнет, и никто не вспомнит ничего из того, что было сделано людьми?

Можно представить будущее таким. Но можно и по-другому. Вы верите в «новое небо и новую землю»? Вы верите в Страшный Суд, когда все злодеяния и всякая несправедливость устроятся? Вы верите, что ваше будущее — это будущее бесконечной радости? Это два совершенно разных видения будущего — и от того, какое из них вы разделяете, будет зависеть то, какой вы выберете путь к преодолению вашей собственной «темной стороны» и ваших собственных страданий; эти пути тоже кардинально различны.

Мы упомянули одно историческое доказательство этого принципа — то, как первые христиане принимали ужасные испытания и страдания. Но есть еще одно. В 1947 году афроамериканский ученый Говард Турман прочел лекцию в Гарвардском университете о смысле негритянских песнопений. Он отвечал на одно из критических замечаний по поводу этих гимнов. Критики считали их слишком «потусторонними». Действительно, они полны упоминаний рая и Страшного Суда, и венцов, и престолов, и одежд, которые мы будем носить. Обвинение состояло в том, что рабы-афроамериканцы не нуж

дались ни в чем подобном. Правда, разговоры о рае сделали бы их слишком покорными и не сопротивляющимися происходящему с ними. Но Говард Турман ответил:

Из фактов очевидно, что [эта облеченная в песню вера] действительно усиливала способность переносить и принимать страдание... Она учила народ быть успешным по жизни, смотреть прямо в лицо тем фактам, которые значительно оспаривают любую надежду, и использовать эти факты как материал для формирования такой надежды, которую окружающая среда со всей ее жестокостью не способна уничтожить... Это позволило им отвергнуть истребление и утвердиться в своем полном праве на жизнь³⁹³.

Турман считал, что рабы имели христианскую веру и таким образом знали о новом небе, и новой земле, и о Страшном Суде. Они знали, что в конце концов все их желания исполнятся, и что ни один совершающий преступления против справедливости не выйдет сухим из воды — все беззакония прекратятся. И такую надежду не могло погасить никакое иго. Почему? Потому что их надежда была не в настоящем, а в будущем. Некоторые утверждали, что для рабов было бы лучше надеяться на какое-нибудь конкретное политическое действие, но надежда на собственные достижения может разбиться, и чувство безнадежности поглотит нас. Но надежда на Новый Иерусалим не может погибнуть, ведь это точно

³⁹³ Howard Thurman, *A Strange Freedom: The Best of Howard Thurman on Religious Experience and Public Life*, eds. Walter Earl Fluker and Catherine Tumber (Beacon Press, 1998), p. 71.

случится — он основан на действиях Божьих, не на наших.

Естественно, среди слушателей Турмана было множество образованных, светских людей, уверенных, что описанные в песнопениях чудесные символы нельзя воспринимать буквально. Но Турман уверял: раз их нельзя воспринимать буквально, значит, они не могут быть истинной надеждой. Он сказал:

В конце концов отказаться от совершенной истины — значит отказать жизни в ее достоинстве, а человеку — в его праве на полноту и неограниченность жизни, которая ему необходима. В подобном [мирском] видении, кроме настоящего момента, нет ничего — человек... становится узником в сжатом мире, полном преходящих событий — ни больше ни меньше... Подобная точка зрения совсем не удовлетворяла этих поющих рабов. Соответственно, она была всецело решительно отвергнута. Это — их чудесное достижение, позволившее им занять место рядом с великими творческими религиозными мыслителями человечества. Они сделали так, что ради их ничего не стоящей жизни, жизни рабской нищеты... *стоило жить!* Они с непоколебимым энтузиазмом приняли мировоззрение, которое включало все пережитые ими события, которые не истощали их. Для них это качество жизни было неизменным фактом, потому что благодаря глубокому внутреннему чувству они обрели Бога и познали Его замысел на далекое будущее... Знать Его значило жить достойно высшего смысла жизни...³⁹⁴

³⁹⁴ Ibid., p. 79.

Турман абсолютно прав, когда отрицает «исключительно символическое» прочтение библейских обетований. Представьте себе, что вы можете попасть в прошлое, и общаться с этими рабами, и сказать им: «Знаете, я рад, что вы многое получаете благодаря своим песням. Но вам представится шанс попасть в хорошую школу, вы поймете, что, кроме этой жизни, ничего нет. На самом деле не существует никакого рая, который сможет оправдать все нынешнее страдание. И нет никакого Страшного Суда для того, чтобы все исправить и упразднить всякую несправедливость. Но я все равно хочу, чтобы вы жили в надежде и без страха». Некоторые могут сказать: «Постойте, то есть вы говорите, что другой жизни нет, и, если здесь и сейчас мы не обречем счастья, мы никогда его не обречем? Зная это, я все равно должен жить с высоко поднятой головой, что бы ни случилось? Верните мне прежнюю надежду! Она не зависела от политической ситуации».

Вряд ли кого-то из нас бросят на растерзание львам под одобрителный гул толпы. Возможно, никто из нас не будет всю жизнь находиться в неволе и рабстве. Есть вещи, которые нас угнетают, но это совсем не львы и не хлысты. Так если эта великая надежда помогла тем людям справиться со своими проблемами, разве она не поможет нам с вами пережить то, что нас тяготит сегодня?

Но откуда нам знать, что это будущее для нас? Ответ: можно знать, если верить в Иисуса, принявшего на Себя грехи наши, дабы мы могли обрести рай и славу, заслуженные Им. Дональд Грей Барнхаус, который был священником в Десятой пресвитерианской церкви в Филадельфии в течение многих лет, лишился жены, когда его дочь была еще совсем маленькой. Д-р Барнхаус пытался помочь своей девочке

и самому себе пройти через боль утраты жены и матери. Однажды они ехали в машине, и большой фургон проехал мимо. Когда он ехал, его огромная тень поглотила их машину. Священнику пришла в голову мысль. Он сказал нечто вроде: «Ты бы хотела, чтобы тебя переехал грузовик или его тень?» Дочь ответила: «Конечно, тень. Она не может нам причинить боли». Д-р Барнхаус ответил: «Точно. Если тебя переехал не грузовик, а всего лишь его тень, ты невредима. Вот и твою маму накрыло только тенью смерти. Ведь она жива — живет нас с тобой. Потому что две тысячи лет назад настоящий грузовик смерти переехал Иисуса. Потому что смерть раздавила Иисуса, а мы верим в Него, теперь только тень смерти может постигнуть нас, а тень смерти — это вход во славу мою»³⁹⁵.

Мы поем гимн «Наш Господь Христос воскрес». Последняя строка последней строфы гласит: «Мы как Он, мы с Ним летим; крест, могила, небо — нам». Что это значит? Звучит как издевка. Как будто мы говорим: «Ну же, кресты, чем больше вы меня унижите, тем больше я возвышусь! Ну же, могила, убей меня, и ты добьешься только одного: я стану лучше, чем был!» Если Иисус Христос принял смерть за нас и взял на Себя нашу безнадежность, чтобы мы могли надеяться — если воскресение Иисуса Христа произошло — тогда самое худшее обратится в лучшее, а величайшее еще впереди.

Я редко ощущал «мир превыше ума». Но было то, за что я очень благодарен, и этот случай — следствие этой великой христианской надежды. Это было прямо перед моей операцией по удалению опухоли. Мне должны были удалять щитовидку, а после

³⁹⁵ Существует множество различных версий этой истории. — <http://www.family-times.net/illustration/Troubled/200318>.

этого — лечить радиоактивным йодом, чтобы уничтожить любые остаточные раковые щитовидные ткани в моем теле. Конечно, вся моя семья и я сам были просто потрясены и очень обеспокоены. В утро перед операцией я попрощался с женой и сыновьями, и меня отвезли в комнату для подготовки. Прямо перед тем как мне дали наркоз, я молился. К моему удивлению я увидел новую ясную перспективу. Мне казалось, что вселенная — это огромное царство радости, веселья и высшей красоты. Конечно, так и было — разве Троиный Бог не создал ее, чтобы она была полна Его Собственной бесконечной радости, мудрости, любви и удовольствия? А внутри этого большого шара славы находилось всего одно пятнышко тьмы — наш мир — с его временными болью и страданием. Но это всего лишь пятнышко, и скоро это пятнышко исчезнет, и все станет светом. И я подумал: «Неважно, как пройдет операция. Все будет хорошо. Я — моя жена, мои дети, моя церковь — мы все будем в порядке». Я уснул с ощущением светлого мира на сердце.

К. С. Льюис писал:

Если мы примем всерьез обетования [Писания], если мы поверим, что Бог даст нам звезду [утреннюю], мы вправе считать стихи и мифы не ложью, а довольно верным пророчеством. Сейчас мы видим мир извне, из-за двери. Но Бог в Своем Новом Завете обещает, что так будет не всегда. Когда душа человеческая станет так же совершенна в добровольном послушании, как неодушевленная природа — в послушании слепом, она облечется в такую же, нет — в большую славу, в ту славу, слабый отблеск которой пал на природу. Я никак не проповедую языческого единения с природой,

впитывания в нее. Природа смертна; мы ее переживем. Когда погаснут все солнца, каждый из нас будет жить. Природа — лишь образ, лишь символ; но Писание разрешает и велит нам пользоваться им. Мы должны не войти в природу, а пройти сквозь нее в тот край, который неполно, несовершенно отразился в ней³⁹⁶.

³⁹⁶ К. С. Льюис. Бремя славы. Пер. с англ.: Н. Л. Трауберг.

Подведем итог тому, что мы узнали. Понимание библейского богословия страдания и направленность нашего разума и сердца на него позволяет нам не удивляться, когда нас постигают скорбь, боль и утраты, и мы можем по-разному реагировать на них — в Писании дано множество вариантов. Ниже я привожу десять необходимых действий.

Первое: мы должны иметь представление о разнообразии форм страдания. Некоторые испытания во многом — результат плохого поведения. Некоторые по большей части следствие предательства и нападок других людей. Еще существуют более универсальные виды утрат, касающиеся всех, вне зависимости от образа жизни, например — смерть любимого человека, болезни, финансовый крах или собственная неизбежная смерть. Последний тип страдания можно назвать ужасным — я говорю о массовом расстреле в начальных школах. Конечно, многие реальные случаи страдания сочетают в себе несколько из этих четырех типов. Все виды страдания вызывают довольно разные чувства: первый — чувство вины и стыда; второй — гнева и обиды; третий — скорби и страха; четвертый — замешательства, а иногда и злобы на Бога. Хотя все эти формы страдания имеют нечто общее — и борьба с ними одного рода — на каждую из них нужно реагировать по-своему.

Второе. Необходимо понимать, что у тебя и других страждущих разный характер. Нельзя опрометчиво

полагать, что раз Бог провел одного страждущего сквозь огонь именно так, то же самое будет с тобой. Симона Вейль характеризует скорбный опыт как состоящий из изоляции, погруженности в самого себя, осуждения, гнева и «соучастия» в боли. Один взгляд на этот список дает понять, что эти факторы усиливаются или слабеют в зависимости от эмоционального темперамента и духовной зрелости конкретного человека, а также от причин его несчастья. Учитывайте это.

Третье — *плач*. Критически важно быть честным перед собой и перед Богом, когда дело касается твоей боли и печали. Не отрицай своих чувств и не пытайся во что бы то ни стало контролировать их, чтобы показать, какой ты верный. Читай псалмы плача или книгу Иова. Бог очень терпелив, когда мы в отчаянии. Излей Ему свою душу.

Четвертое — *доверие*. Несмотря на побуждение излить свое сердце Богу и соблюсти эмоциональную реальность, нас также призывают верить в Божью мудрость (Он же Владыка), а также в Его любовь (Он пережил то же, что и ты). Несмотря на скорбь, ты в конце концов должен сказать, как и Иисус (после первоначальной мольбы «Пронеси эту чашу мимо Меня»): «Да будет воля Твоя». Борись, пока не скажешь это.

Пятое. Мы должны *молиться*. Хотя Иов много жаловался и проклинал день, в который родился — все это происходило в молитве. Именно Богу он жаловался; именно перед Богом он боролся. В страдании необходимо читать Библию, молиться, посещать богослужения, даже когда ощущаешь только сухость и боль. Симона Вейль говорила: «Если не можешь любить Бога, ты должен *хотеть* любить Бога, или хотя бы просить Его помочь полюбить».

Шестое. Мы должны добиться контроля *мысли*. Необходимо размышлять об истине и добиваться перспективы, рождающейся из воспоминаний обо всем, что Бог сделал ради тебя, и о том, что Он сделает. Тебе также нужно «самоисповедание». То есть ты слушаешь свое сердце и одновременно с этим обращаешься к нему и говоришь с ним. Иными словами, ты говоришь: «Что унываешь *ты, душа моя?* Не забывай всех благодеяний Его» (Пс. 41:6; Пс. 102:2). Ты не принуждаешь себя к определенным чувствам, а скорее направляешь свои мысли, пока рано или поздно не затронешь свое сердце. Размышление и самоисповедание, к которым мы обязаны стремиться, во многом связаны с христианской надеждой. Особенно важно созерцать рай и воскресение, и совершенный будущий мир, когда тебя коснулась смерть — твоя или чужая. Но в любом страдании это просто необходимо.

Седьмое. Нам нужно быть готовыми к *исследованию самих себя*. На это указывает библейское видение страдания как «спортзала». Мы должны быть внимательными. Это не значит, что мы всегда должны искать причины нашего страдания в себе. Этим занимались друзья Иова, хотя его страдания не были следствием того, что Бог хотел направить его на путь истинный. Тем не менее Иов приобрел добродетели и зрелость. Каждый случай соприкосновения с бедствиями — это возможность взглянуть на себя и задаться вопросом: в чем *мне* нужно развиваться? Какие слабости раскрывают эти тяжкие времена?

Восьмое. Мы должны следить за *переупорядочением своей любви*. Страдания показывают, что мы слишком сильно любим некоторые вещи, или что мы любим Бога слишком мало в сравнении с ними. Наше страдание часто углубляется или усиливается, потому что мы превратили хорошее в высшее

благо. Страдание делает нас лучше (а не хуже), если, страдая, мы научимся любить Бога больше. Достичь этого можно принятием Божьего страдания за нас в Иисусе Христе, и нужно молиться, размышлять и доверять этой любви в нашей душе.

Девятое. Не избегать общения. Симона Вейль отмечает, как страдание способно изолировать нас. Однако раннехристианские общины известны тем, что были прекрасным местом для страждущего. Христиане «умирали достойно», как утверждали раннехристианские авторы, не потому что были сильными личностями, а потому что церковь была местом беспрецедентного сострадания и поддержки. Евангельская доктрина должна сделать невозможным появление многих «жалких утешителей», таких как друзья Иова, — моралистов. А Евангелие объясняет и придает опыту страдания такое значение, на которое не способно светское общество. Найдите христианскую церковь, в которой любят и поддерживают страждущих.

Десятое. Некоторые формы страдания — особенно первые две из четырех перечисленных выше — требуют навыка к принятию благодати и прощения Божьего, а также к дарованию благодати и прощения другим. Когда несчастья обнаруживают моральные недостатки или греховные черты характера, это значит, что мы должны научиться покаянию и искать примирения с Богом и другими. Когда наше страдание — результат предательства и несправедливости, просто необходимо научиться прощать. Мы от всего сердца должны простить обидчиков, не прибегая к мести, если мы вообще хотим добиться справедливости³⁹⁷.

³⁹⁷ В данной книге мы сосредоточились на стратегиях — доверие, внутренний совет, переупорядочение любви и т. д., —

Все это, как пишет Джордж Герберт, сначала обратит «в плач радость», но после — «в песню скорбь».

необходимых при каждом виде страдания. Однако мы не обращались к двум духовным навыкам, крайне важным в некоторых случаях. Первый навык — получение Божьего прощения через покаяние и примирение с Ним. Страдания часто раскрывают наши личные недостатки, и нам становится стыдно. Нам необходимо уменьшать чувство вины и стыда, получая благодать Божью. С другой стороны, нам часто нужен навык прощения других. Несчастье часто является следствием предательства. В таком случае мы попадаем в опасность быть поглощенными не чувством вины, но яростью. Крайне важно уменьшать ярость путем дарения благодати, путем прощения. В данной книге мы не рассматривали ни одну из этих практик. Вам могут помочь следующие книги. J. R. W. Stott, *Confess Your Sins: The Way of Reconciliation* (Westminster, 1965); Dan Hamilton, *Forgiveness* (Inter-Varsity Press, 1980); Judith Gundry-Volf and Miroslav Volf, *A Spacious Heart: Essays on Identity and Belonging* (Trinity Press, 1997); Timothy Keller, Kathy Keller, *The Meaning of Marriage: Facing the Complexities of Commitment with the Wisdom of God* (Dutton, 2011), pp. 159–169.

Как всегда, я хотел бы поблагодарить своих друзей, которые каждый год многими способами помогают нам с Кэти уехать на три недели в году и писать. Линн Лэнд, Тим и Мэри-Кортни Брукс, Дженис Ворт делают все возможное год за годом, чтобы у нас было это время без каких-либо помех. Я также хочу поблагодарить команду людей, окружающих меня при работе в пресвитерианской церкви Спасителя — Брюс Террелл, Крейг Эллис и Энди Бриндли. Благодаря им я куда более эффективно работаю, чем мог бы работать в одиночку. Они — одна из основных причин того, что у меня все еще есть возможность писать, хотя я и управляю огромной церковью. Я также многим обязан конгрегации в городе Хоупуэлл, штат Вирджиния, где я служил священником с середины 70-х до середины 80-х. Они очень терпеливо отнеслись к новому неопытному пастырю и поддерживали его; именно там мы с Кэти впервые научились идти рядом с людьми, столкнувшимися со скорбью, утратами, смертью и тьмой.

Тимоти Келлер родился и вырос в Пенсильвании и учился в Бакнеллском университете, богословской семинарии Гордон-Конвелл и Вестминстерской богословской семинарии. Сначала он служил священником в городе Хоупуэлл, штат Вирджиния. В 1989 году он основал пресвитерианскую церковь Спасителя в Нью-Йорке, вместе со своей женой Кэти и тремя сыновьями. Сегодня в этой церкви более пяти тысяч постоянных воскресных прихожан. Церковь Спасителя помогла более чем 250 новым церквям по всему миру. Тимоти Келлер также является автором книг «Благие намерения», «Смысл брака», «Великодушная справедливость», «Ложные боги», «Блудный Бог», «Царь Иисус» и «Разум за Бога». Тимоти Келлер с семьей живет в Нью-Йорке.

Ветхий Завет

Бытие

БЫТ. 3	328
БЫТ. 3:16–17	241
БЫТ. 3:16–18	313
БЫТ. 3:17	212
БЫТ. 3:18	425
БЫТ. 3:23–24	212
БЫТ. 6:5–6	240
БЫТ. 14:8	229
БЫТ. 17:1	368
БЫТ. 37:3	395
БЫТ. 37:4	395
БЫТ. 37:11	395
БЫТ. 37:12	400
БЫТ. 37:13	400
БЫТ. 37:15	401
БЫТ. 37:17	400, 401
БЫТ. 37:19–20	401
БЫТ. 37:26–28	401
БЫТ. 37:29	401
БЫТ. 40:1–3	401
БЫТ. 42:21	396, 405
БЫТ. 44:13	399
БЫТ. 44:16	399
БЫТ. 44:17	399
БЫТ. 44:33	399
БЫТ. 44:33–34	399
БЫТ. 45:3–5	400
БЫТ. 50:19–21	406
БЫТ. 50:20	460

Исход

Исх. 3:2–6	362
Исх. 7:3	231
Исх. 8:15	232
Исх. 8:32	232

Исх. 9:12	231
Исх. 9:34	232
Исх. 10:1	231
Исх. 10:3	232
Исх. 11:10	231
Исх. 13:15	232
Исх. 14:4	232
Исх. 14:8	232
Исх. 15:19	352
Книга Чисел	
Чис. 23:19	157
Книга Иисуса Навина	
Нав. 5:14	363
Книга Судей	
Суд. 13:16–22	363
Третья книга Царств	
3 Цар. 18, 19	377
3 Цар. 19:4	378
3 Цар. 19:5–8	378
3 Цар. 19:9–17	379
Четвертая книга Царств	
4 Цар. 5:7	135
4 Цар. 6:8–23	405
Книга Иова	
Иов 1:1	416
Иов 1:3	416
Иов 1:6–8	417
Иов 1:8	418
Иов 1:9–11	418
Иов 1:12	421
Иов 1:19	430
Иов 1:20	375
Иов 1:21	422
Иов 1:22	375
Иов 2:6	422
Иов 2:9	423
Иов 3:23	423
Иов 4:7–8	423
Иов 5:6	424

Иов 5:17	424, 427
Иов 6:2-4	426
Иов 6:8-10	426
Иов 6:14-15	426
Иов 6:24-26	426
Иов 6:28-29	426
Иов 9:17	430
Иов 12:2	426
Иов 16:2	340, 426
Иов 18:14-16	352
Иов 22:11	352
Иов 32-38	427
Иов 38:2-7	429
Иов 38:4-7	434
Иов 38:5	434
Иов 38:8-9	435
Иов 38:12-15	435
Иов 38:16-18	435
Иов 38:19-30	435
Иов 38:31-38	435
Иов 38:39-40	435
Иов 38:41	435
Иов 39:1-4	435
Иов 39:5-8	435
Иов 39:9-12	435
Иов 39:13-18	435
Иов 39:19-25	435
Иов 39:26-30	435
Иов 39:32	435
Иов 39:33-35	445
Иов 40:1-41:26	435
Иов 40:3	436
Иов 40:3-9	437
Иов 40:4-5	436
Иов 40:7-9	436
Иов 42:1-6	429
Иов 42:2-3	444
Иов 42:2-6	444
Иов 42:3	444
Иов 42:5	432
Иов 42:5-6	375
Иов 42:6	444
Иов 42:7-9	376, 438

Псалтирь

Пс. 3:2–7	466
Пс. 22:4	346, 652
Пс. 32:1	269
Пс. 33:2–4	11, 15
Пс. 33:18	20
Пс. 33:19	439
Пс. 34:17	249
Пс. 38:14	387
Пс. 41:5–7	440
Пс. 41:6	487
Пс. 43:18–20	333
Пс. 43:24	374
Пс. 43:25	333
Пс. 44:24–25	18, 141
Пс. 56:3	233
Пс. 59:5	230
Пс. 65:10	353
Пс. 65:12	353
Пс. 69:3	352
Пс. 69:16	352
Пс. 72:2	352
Пс. 87:2–6	383
Пс. 87:8	383
Пс. 87:11–19	383
Пс. 87:13	384
Пс. 87:18	352
Пс. 87:19	384
Пс. 88:50	374
Пс. 102:2	487
Пс. 113:11	157
Пс. 118:11	312
Пс. 118:129	312
Пс. 123:4	352
Пс. 129:3	364
Пс. 138:6	403
Пс. 144:14	439
Пс. 146:1	269
Пс. 146:3	377

Книга Притчей Соломоновых

Притч. 4:18	368
Притч. 8:27–31	218

Притч. 11:24–26	215
Притч. 13:20	215
Притч. 16:9	230
Притч. 16:33	230
Притч. 17:3	353
Притч. 19:15	215
Притч. 21:1	229
Притч. 25:20	319
Притч. 27:21	353

Книга Екклезиаста

Еккл. 2:14	216
Еккл. 2:17	217
Еккл. 3:16	217
Еккл. 4:1–3	217

Книга пророка Исаии

Ис. 9:2	201
Ис. 10:5	229
Ис. 10:6–7	229
Ис. 42:3	377
Ис. 43:2	363
Ис. 43:2–3	354
Ис. 43:5	354, 363
Ис. 50:10	352
Ис. 57:20–21	472
Ис. 59:9	352
Ис. 61:1	377, 380
Ис. 63:9	309

Книга пророка Иеремии

Иер. 15:18	374
Иер. 20:1–6	330
Иер. 31:20	239

Плач Иеремии

Плач 3:2	352

Книга пророка Даниила

Дан. 3:6	358
Дан. 3:14–15	359
Дан. 3:16–18	359
Дан. 3:17	359
Дан. 22	362

Дан. 3:91–92	362
Дан. 3:95	362

Книга пророка Осии

Ос. 11:8–9	240

Книга пророка Ионы

Иона 2:10	468

Книга пророка Аввакума

Авв. 1:13	249

Книга пророка Захарии

Зах. 13:9	353

Книга пророка Малахии

Мал. 2:17	249
Мал. 3:3	353

Новый Завет

Евангелие от Матфея

Мф. 2:4	242
Мф. 5:6	296
Мф. 5:45	189
Мф. 6:19	470
Мф. 6:34	342, 344
Мф. 10:29	229
Мф. 10:39	296
Мф. 11:28	380
Мф. 12:20	377
Мф. 13:57	242
Мф. 19:28	256
Мф. 25	229
Мф. 25:31–46	249
Мф. 25:37–38	390
Мф. 26:14–16	411
Мф. 27:42	90
Мф. 27:43	412
Мф. 27:45–46	388
Мф. 27:46	90, 242

Евангелие от Марка

Мк. 3:5	242
Мк. 3:21	242

Мк. 14:34	53
Мк. 14:36	53

Евангелие от Луки

Лк. 4:29	364
Лк. 10:19	372
Лк. 13:4–5	224
Лк. 13:34	380
Лк. 15:10	286
Лк. 22:22	231
Лк. 22:44	53, 242

Евангелие от Иоанна

Ин. 1:1	77
Ин. 1:11	411
Ин. 1:14	77
Ин. 4:6	242
Ин. 5:27–29	249
Ин. 7:3–5	242
Ин. 9:1–12	224
Ин. 10:28	439
Ин. 11:35	242
Ин. 12:23	278
Ин. 12:27	242
Ин. 12:32	278
Ин. 13:27	251
Ин. 15:13	253
Ин. 18:11	412
Ин. 19:11	412
Ин. 19:30	245
Ин. 38	222
Ин. 42:33	137
Ин. 42:38	137
Ин. 42–44	222

Деяния апостолов

Деян. 2:23	158, 231
Деян. 3:21	256
Деян. 4:27–28	230
Деян. 6:8–8:1	280
Деян. 6:15	280
Деян. 7:58	280
Деян. 7:60	280
Деян. 8:1	280

Деян. 8:32–33	377
Деян. 9:4	93, 244, 280
Деян. 9:15–16	448
Деян. 14:22	448

Послание Иакова

Иак. 1:13	157
Иак. 1:17	234

Первое послание Петра

1 Пет. 1:6	355
1 Пет. 1:6–7	21, 267, 390
1 Пет. 1:7	355
1 Пет. 1:12	194
1 Пет. 1:16	157
1 Пет. 1:23	312
1 Пет. 2:19	279
1 Пет. 4:12	21, 357
1 Пет. 4:12–13	312
1 Пет. 4:13	244, 267
1 Пет. 4:19	357
1 Пет. 5:10	357

Второе послание Петра

2 Пет. 3:13	256

Первое послание Иоанна

1 Ин. 2:1–2	468
1 Ин. 3:1–3	194

Послание к Римлянам

Рим. 1:16	312
Рим. 2:1–16	192, 229
Рим. 2:5–11	249
Рим. 5:3–4	264
Рим. 8:1	251, 326, 387, 459
Рим. 8:17–18	267
Рим. 8:18	213, 328, 456
Рим. 8:18–30	302
Рим. 8:19–20	256
Рим. 8:19–23	313
Рим. 8:20–21	213
Рим. 8:21	158
Рим. 8:26	439
Рим. 8:28	193, 231, 309, 387, 402, 407, 458, 460

Рим. 8:31–38	407
Рим. 8:35	448
Рим. 8:38–39	407
Рим. 9:19–21	317
Рим. 9:20	229
Рим. 12:17–21	192

Первое послание к Коринфянам

1 Кор. 4:9–13	448
1 Кор. 10:13	309

Второе послание к Коринфянам

2 Кор. 1:3–7	305
2 Кор. 1:3–12	302
2 Кор. 1:4	449
2 Кор. 1:8–9	449
2 Кор. 4:7–5:5	302
2 Кор. 4:8–9	448
2 Кор. 4:10	280
2 Кор. 4:16–17	245
2 Кор. 4:16–18	332
2 Кор. 4:17	267, 295
2 Кор. 5:21	473
2 Кор. 6:4–5	448
2 Кор. 11:23–29	330, 448
2 Кор. 11:24	448
2 Кор. 11:24–12:10	302
2 Кор. 11:25–29	449
2 Кор. 12:10	448

Послание к Галатам

Гал. 3:10–14	251

Послание к Ефесеям

Еф. 1:10–11	402
Еф. 1:11	229
Еф. 3:10	286
Еф. 3:13	267, 281, 288

Послание к Филиппийцам

Флп. 1:12–13	281
Флп. 2	288, 293
Флп. 2:6–8	239
Флп. 3:10	245
Флп. 3:10–11	194

Флп. 4:4–12	296, 450
Флп. 4:6	459
Флп. 4:7	451, 472
Флп. 4:8	459, 461
Флп. 4:8–9	453
Флп. 4:9	452
Флп. 4:11	451
Флп. 4:11–12	450

Послание к Колоссянам

Кол. 1:22	468
Кол. 1:24	93, 244
Кол. 2:9	198
Кол. 2:15	251
Кол. 3:16	312

Первое послание к Фессалоникийцам

1 Фес. 4:13	78, 322
1 Фес. 5:18	106

Второе послание к Тимофею

2 Тим. 2:13	157

Послание к Титу

Тит. 1:2	157

Послание к Евреям

Евр. 2:18	245
Евр. 4:12	312
Евр. 4:14–15	245
Евр. 4:15	91, 198
Евр. 5:7	198, 242
Евр. 5:8	242, 245
Евр. 12:1–17	302
Евр. 12:2–3	310
Евр. 12:5	309
Евр. 12:10–11	403
Евр. 13:5	388, 439

Откровение Иоанна Богослова

Откр. 5:6	250
Откр. 5:9–10	250
Откр. 6:9	249
Откр. 6:10	249
Откр. 7:16–17	256

Откр. 19:10	363
Откр. 20:11–13	229
Откр. 20:11–15	249
Откр. 21:1	256
Откр. 21:1–5	476
Откр. 21:4	256
Откр. 22:1	459
Откр. 22:3	256

Аввакум, библ.	18, 333
Августин Блаженный	75, 179, 152–154, 334, 452, 464, 465
Авденаго, библ.	358, 359, 361, 364
Авраам, библ.	360, 396, 417
Адам, библ.	155–159, 189, 212–214
Алстон, Вильям	149
Амвросий, еп. Медиоланский	75, 76, 78, 280
Амьель, Анри-Фредерик	109
Андерсон, Франсис	424, 425, 427, 428, 432, 433, 436, 445, 447
Андерхилл, Эвелин	394
Барнхаус, Дональд Грей	481, 482
Бейль, Мари-Анри, См. Стендаль	
Бекер, Кристиан	174
Беккер, Эрнест	11–14, 128
Бергер, Питер	29, 35, 36, 42, 111, 196, 197, 199, 239, 247, 261
Берк, Эдмунд	131
Беркхоф, Луи	249, 250
Блохер, Анри	71, 252–255
Бранд, Пол	32, 42
Брэдбери, Рэй	170, 171
Будда	35, 53, 71
Варфилд, Бенджамин Брекинридж	222
Вебер, Макс	28–30, 35, 37
Вейль, Симона	20, 314, 315, 334, 335, 337–339, 443, 486, 488
Вениамин, библ.	398, 399
Визель, Эли	173, 174
Викстра, Стивен Джон	167
Вилдад, библ.	376, 423, 438
Воскамп, Анн	200
Гаутама, См. Будда	
Герберт, Джордж	261, 373, 476, 489
Гешель, Авраам Иехошуа	414
Гиффорд, Адам	155
Голдсуорси, Грэм	219

Грей, Джон	127, 203, 437, 456
Григорий I Великий (Двоеслов)	83–85
Давид, библ.	20, 123, 326–328, 333, 341, 360, 364, 374, 386, 424, 465–468
Даниил, библ.	24, 358
Дауд, Морин	30
Дейвис, Джеймс	45–48, 266, 298–302
Дельбанко, Эндрю	100, 128, 129–132
Джекоби, Сьюзен	103, 104, 109, 113–116, 118, 126
Джефферсон, Томас	99
Диксон, Джон	198, 199
Дилли, Андреа Палпант	179–181
Докинз, Ричард	40–42, 57, 109
Домициан, Тит Флавий	477
Достоевский, Федор Михайлович	221, 254, 255
Дюркгейм, Эмиль	131
Ева, библ.	155–159, 189, 212–214
Екклесиаст, библ.	18, 216, 217, 219
Елисей, библ.	134, 405, 406
Елифаз, библ.	376, 423–425, 427, 428, 438
Елиуй, библ.	427
Еман, библ.	382–387
Иаков, библ.	232, 395, 396, 398, 400, 402, 406
Игнатий, еп. Антиохийский	74, 230
Иеремия, библ.	18, 239, 329, 330, 333, 374, 394
Илия, библ.	377–379
Инваген, Питер ван	154–156, 160, 162, 164, 172, 179, 192, 195, 213, 214, 227
Ингерсолл, Роберт Грин	114–116, 118
Иоанн, ап. от 12-ти	77, 219, 222–224, 249, 250, 255, 256, 476–478
Иов, библ.	18, 53, 54, 83, 84, 86, 89, 90, 92, 97, 106, 162, 189, 196, 197, 199, 216, 217, 219, 225, 286, 317, 328, 332–334, 336, 340, 341, 374–376, 385, 394, 404, 405, 414–419, 421–440, 443–447, 486–488
Иона, библ.	84, 326, 327, 468, 470, 471
Иосиф, библ.	84, 230, 231, 360, 373, 394–402, 404–413
Иринеи, еп. Лионский	151
Ирод I Великий	230
Исаак, библ.	396
Исаия, библ.	201, 229, 293, 353, 354, 357, 358, 363, 372, 376, 377, 379, 472

Иуда, брат Иосифа, библ.	395, 399, 401
Кайпер, Абрахам	194
Кальвин, Жан	222, 223, 253
Кармайлк, Эми	388
Карсон, Дон	233, 242, 245, 318, 340
Келлер, Тимоти	108, 322, 491
Кидвелл, Пол	300
Киднер, Дерек	240, 241, 382, 384, 386, 398, 399, 411, 466
Кинг, Мартин Лютер	181
Киприан, еп. Карфагенский	74, 75, 78, 280
Конт-Спонвиль, Андре	73
Лазарь Четверодневный, библ.	78, 107, 222
Лазарь, нищий, библ.	417
Лейбниц, Готфрид	29, 150
Лейн, Уильям	473
Лернер, Мэл	220
Ллойд-Джонс, Дэвид Мартин	392, 441, 442
Льюис, Клайв Стейплз	17, 32, 49, 125, 154, 160, 176–179, 195, 268, 272, 297, 303, 306, 420, 448, 465, 483, 484
Лютер, Мартин	85–93, 102, 202, 245, 373
Макдональд, Джордж	211, 306, 448
Маккартни, Дэн	246
Макки, Джон	148
Макфаркухар, Ларисса	50
Макшейн, Роберт Мюррей	243
Мария, сестра Лазаря, библ.	223, 331, 333
Марк Аврелий	68
Маркс, Карл	131
Марфа, библ.	331, 333
Мисах, библ.	358, 359, 361, 364
Моисей, библ.	231, 362, 429
Мотьер, Алек	240
Навуходоносор, библ.	357–359, 361, 362
Ницше, Фридрих	30, 165, 181
Нуссбаум, Марта	124
Ньютон, Джон	304, 345, 409, 410, 439, 470
Обама, Барак	110, 119
Осия, библ.	239, 241, 442
Павел, ап.	78, 157, 194, 212, 214, 244, 256, 267, 279–289, 295, 305, 306, 317, 327, 329, 332, 333, 407, 448–454, 456–462, 475

Пакер, Джеймс	232, 233
Паскаль, Блез	175, 187
Патчетт, Энн	13, 14
Перкинс, Джудит	75
Петр, ап. от 12-ти	18, 231, 244, 256, 267, 279, 306, 312, 354–357, 390–392
Плантинга, Алвин Карл	148–150, 160, 162, 167, 178, 179, 194, 315, 316
Плутарх	73
По, Эдгар Аллан	81
Поликарп, еп. Смирнский	74, 280
Понтий Пилат	230
Пруст, Марсель	295
Йоганн, Пфальц фон	85
Рад, Герхард фон	218, 225
Райт, Кристофер	251
Рахиль, библ.	395, 398
Риппон, Джон	24, 351, 367
Риттгерс, Рональд	74, 80, 85, 86, 224, 226, 238, 239, 246, 373–375
Роу, Уильям	149, 167, 169
Рувим, библ.	401
Савл, См. Павел, ап.	
Сартр, Жан-Поль	153
Седрах, библ.	358, 361, 364
Сенека, Луций Анней	69, 70
Сиббс, Ричард	380
Симеон, брат Иосифа, библ.	398
Смит, Кристиан	101, 190
Солженицын, Александр	55
Солк, Джонас	114
Соломон, библ.	399
Соломон, Эндрю	122, 123, 125, 335
Софар, библ.	376, 423, 438
Спаффорд, Горацио	474
Спитцер, Роберт	46
Стендаль	16
Стефан, прмч.	280, 281, 284
Суинберн, Ричард	160
Сэйерс, Дороти Ли	238
Сэндел, Майкл	117
Тада, Джони Эрикссон	284

Тейлор, Чарльз	50, 93–98, 103, 104, 115, 145, 168, 287
Токвиль, Алексис де	129, 131
Толкин, Джон Рональд Руэл	135, 136, 195, 202, 252, 270, 271, 337, 386
Томас, Дилан	173, 184
Турман, Говард	478–481
Уайт, Джон	442, 443
Уилкок, Майкл	388
Уиллимон, Уильям	132, 133
Уилсон, Эндрю Норман	179
Уолтерс, Дениз	284
Уэсли, Чарльз	288
Фамарь, библи.	395
Фейнберг, Джон	316–318, 340–343, 344, 382
Ферри, Люк	63–66, 68, 75–79, 81, 82, 103, 118
Фома Аквинский	153, 154
Франкл, Виктор	120, 121, 131, 132, 174
Фридман, Самуэль	110–113
Хайдт, Джонатан	262–266, 300–302
Харт, Дэвид Бентли	221
Хаусман, Альфред Эдвард	41
Хик, Джон	151
Хортон, Майкл	312
Цицерон, Марк Туллий	63, 69, 70
Шведер, Ричард	28, 34, 39, 41, 43, 44, 46, 50, 109–111, 119, 125, 132, 246, 298
Шекспир, Уильям	12, 38
Шелер, Макс	28, 52–56
Шиллито, Эдвард	187
Эдвардс, Джонатан	194, 271, 458
Эдип	228
Эллот, Джим	277, 284
Эллот, Элизабет	272, 275–279
Эммонс, Роберт	265
Эпиктет	67, 68
Эпикур	64, 118, 144, 145
Эпштейн, Грег	111
Юм, Дэвид	117, 144

Атеизм	71, 81, 103–122, 150, 164–179, 203, 371
Благодарность	57, 106, 122, 141, 142, 199–210, 236, 258, 273, 347, 423, 448–462, 475, 482
Болезнь	14, 19–27, 47, 61, 103, 113, 123, 126, 140–156, 213, 220, 235–262, 291, 293, 313–322, 344–380, 403, 409, 421, 443, 476–485
Боль	12–18, 20–36, 42–55, 59, 65–86, 90, 100–113, 128, 134–166, 183–199, 209–214, 225–243, 248–266, 282, 294–301, 308–324, 335–348, 362, 384–394, 400–410, 418, 421, 433, 467–486
Вера	10–55, 64–147, 155–197, 214–249, 262–407, 420–438, 444–486
Горе	12, 19–32, 46, 69, 75–109, 127–140, 160, 163, 190–209, 223–263, 281–297, 347, 374, 415–463
Грех	16, 31–54, 84–104, 116–162, 183–280, 286, 291, 313–339, 356–398, 406–447, 468–488
Добро	16, 37, 39–55, 70–102, 126–154, 220–253, 312, 313, 357, 387, 403, 406, 418–437, 460
Добродетель	17, 43, 54, 86, 87, 102, 118, 151, 297, 450, 461, 463, 464, 487
Душа	11–69, 81–94, 119–136, 150–153, 173–191, 223–280, 286–297, 310–339, 347–397, 410, 422–463, 471–488
Жестокость	20–68, 84–119, 139, 157–229, 230–268, 290–328, 370–396, 416, 425, 473, 479
Зло	12–49, 55–70, 72–101, 103–180, 188–267, 280–319, 327–385, 395–425, 434–437, 460–485
Искупление	35, 54–56, 90–107, 134, 157, 158, 194–203, 214, 223–262, 294, 309–312, 406–412, 474–508
Кара	84, 212, 214–216, 243, 333, 334, 353, 427, 472
Карма	30, 33, 34, 38, 53, 54, 56, 84, 85, 102, 115, 220
Любовь	12–39, 51–213, 219–243, 247, 253–315, 321–377, 383–421, 427–446, 453–488

Милосердие	88–105, 178, 192–208, 236–258, 285–305, 347–385, 410, 430, 438, 471
Молитва	18, 59, 100–122, 242–277, 290–334, 346–385, 399–443, 450–488
Мучение	12, 16, 53, 55, 197, 203, 235–281, 324–365, 415, 439, 440, 477
Надежда	23, 37, 67–82, 111, 127–140, 174–214, 237, 256–315, 332–396, 420–487
Наказание	40–84, 152–162, 191–229, 243–254, 309, 327–337, 364–374, 398–448, 468–475
Ненависть	30, 60–70, 217–226, 290–310, 321–343, 366, 395, 418
Несчастье	16–69, 81–127, 152–188, 201–210, 231–266, 284–355, 374–423, 442–489
Покаяние	34, 100, 197, 240, 330, 332, 379, 413, 445–489
Покой	39, 268–367, 438, 463, 464, 472, 474, 477
Послушание	73, 214, 239–248, 269–328, 348, 368, 418, 433–483
Праведность	33, 36, 87–101, 157, 189, 216–253, 293–328, 340–434, 445–473
Правосудие	49, 90, 97, 178, 203, 212–216, 229, 249, 254, 278, 297
Прощение	55, 86–96, 204, 209, 243–332, 402, 412, 431–489
Радость	14–22, 55–104, 136–138, 193–268, 278–322, 342–392, 418, 433–457, 467–489
Религия	22–36, 50–129, 144–199, 238–298, 330–359, 415–480
Свобода	33–171, 208–233, 256–298, 318, 348, 382–433, 467–477
Смерть	12–38, 53–143, 156–239, 243–293, 306–413, 437, 448, 451–490
Смирение	20, 79, 93, 108, 134–152, 190–210, 239–260, 297–329, 359, 424–505
Сомнение	16, 60–114, 141–151, 179–213, 258–291, 360–391, 430–443
Сострадание	24, 27, 91, 191–246, 305, 365, 416, 488

Спасение	66–104, 136, 159, 223–313, 360–413, 447–474
Спокойствие	13, 33–53, 206, 235, 280, 445–465
Справедливость	16, 18, 36–79, 90–118, 133–230, 243–279, 301, 314–340, 364–375, 396–491
Страдание	11–273, 275–357, 364–383, 388–434, 438–448, 456–489
Страх	13, 14, 63–87, 137–159, 258, 260, 320, 347–373, 396, 413, 426, 440–485
Судьба	36–40, 52–84, 101–114, 126, 130, 171, 228, 317
Счастье	33–57, 73, 95, 120–138, 151, 191–204, 234–247, 264–270, 296–298, 336–392, 457–481
Терпение	39–55, 85–93, 136, 208, 264–279, 319, 373–437
Утешение	31–83, 101–125, 140, 182–197, 221–265, 293–348, 381, 428, 447–464

Издание для досуга
РЕЛИГИОЗНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Келлер Тимоти
ПРОГУЛКИ С БОГОМ
ОТ ГОРЯ К РАДОСТИ

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Ответственный редактор *А. Богословский*
Младший редактор *Е. Розанова*
Художественный редактор *П. Петров*

Оригинал-макет ИП Измайлов
Редакторы *В. Измайлов, И. Булгакова*
Компьютерная верстка *И. Басова*
Корректор *К. Бресль*

Литературный редактор *Ю. Титова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Bernardo Ramonfaur / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1 Тел. 8 (495) 411-68-86
Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru
Өндүрүш «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Маскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй
Тел. 8 (495) 411-68-86
Home page www.eksmo.ru E-mail info@eksmo.ru

Тауар белгісі «Эксмо»
Интернет-магазин www.book24.ru

Интернет-магазин www.book24.kz

Интернет-дукен www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС
Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1
Тел. 8 (727) 251-59-90/91/92, E-mail RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Сертификация туралы ақпарат сайтта.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification

Өндүрген мемлекет Ресей Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 25.02.2019. Формат 84х108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 2000 экз. Заказ 1588/19.

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область
Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-73668-3

9 785699 736683 >

16+

«Книга, которая превращает
разрушительный жар человеческого
горя в созидательную силу нового
творения. Это способ пережить все
тяготы и невзгоды. Будь то потеря работы,
развод, разорение, утрата близкого».

ЕВГЕНИЙ БАХМУТСКИЙ,
писатель, доктор богословия,
священнослужитель Русской
Библейской церкви

ДАЖЕ В САМОЙ
ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ
СИТУАЦИИ ТЫ НЕ ОДИН.
БОГ ИДЕТ РЯДОМ С ТОБОЙ.
ОН ВЕДЕТ ТЕБЯ ЗА РУКУ.
ЗАМЕТЬ ЭТО – И МИР
ВОКРУГ ПРЕОБРАЗИТСЯ,
ТЬМА ПРЕВРАТИТСЯ
В СВЕТ.

